

100

ВЕЛИКИХ БОГОВ

Annotation

Книга рассказывает о самых знаменитых из богов, которым поклонялись в прошлом, а отчасти поклоняются и теперь разные племена и народы. Знакомство с этими богами помогает нам лучше понять духовный мир не только людей давно ушедших веков, но и самих себя.

Помимо ста великих, в книге упомянуто немало других богов, а также приведены разнообразные дополнительные сведения из истории культуры, что позволяет сопоставлять былые идеи с современными. Пристально вглядываясь в прошлое, мы начинаем лучше понимать настоящее.

- [Рудольф Баландин](#)
 -
 - [Сквозь магический кристалл...](#)
 - [Первые боги](#)
 -
 - [Великий бог охоты](#)
 - [Первая богиня](#)
 - [Древний Египет](#)
 -
 - [Нун](#)
 - [Нут](#)
 - [Гор \(Хор\)](#)
 - [Ра \(Рэ\)](#)
 - [Атон](#)
 - [Осирис \(Усир\)](#)
 - [Хапи](#)
 - [Исида](#)
 - [Сет](#)
 - [Хатор \(Хатхор\)](#)
 - [Тот](#)
 - [Маат](#)
 - [Птах \(Пта\)](#)
 - [Двуречье \(Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилон\)](#)
 -
 - [Птах \(Пта\)](#)
 - [Энлиль \(Эллиль\)](#)

- [Энки \(Эйя\)](#)
- [Нинмах](#)
- [Инанна \(Иштар в Аккаде\)](#)
- [Гильгамеш](#)
- [Мардук](#)
- [Индия](#)
 -
 - [Адити](#)
 - [Праджапати](#)
 - [Пुरुша](#)
 - [Индра](#)
 - [Сома](#)
 - [Агни](#)
 - [Варуна](#)
 - [Рудра](#)
 - [Шива](#)
 - [Махадеви-Шакти-Парвати-Кали-Ума-Дурга](#)
 - [Яма](#)
 - [Вишну-Рама-Кришна](#)
 - [Сарасвати](#)
 - [Брахма](#)
- [Иран](#)
 -
 - [Ахура Мазда \(Ахурамазда, Ормазд\)](#)
 - [Анхра-Манью \(Ангро-Майнью, Ахриман\)](#)
 - [Йима \(Йама\)](#)
 - [Хаома](#)
 - [Зерван \(Зурван\)](#)
 - [Митра](#)
- [Китай](#)
 -
 - [Шан-ди, Тянь-ди](#)
 - [Паньгу](#)
 - [Нюйва](#)
 - [Лун](#)
 - [Гуань-ди](#)
 - [Цай-шэнь](#)
 - [И](#)
 - [Юй](#)

- [Япония](#)
 -
 - [Идзанаки, Идзанами](#)
 - [Аматэрасу](#)
 - [Сусаноо](#)
- [Америка \(Майя, Инки, Ацтеки\)](#)
 -
 - [Пачакамак](#)
 - [Кецалькоатль](#)
 - [Ометеотль](#)
 - [Тескатлипока](#)
 - [Ицамна](#)
 - [Тлалок](#)
 - [Тласольтеотль](#)
- [Центральная и Южная Африка](#)
 -
 - [Всевышний бог-творец](#)
 - [Бог действующий](#)
 - [Великий плут](#)
- [Угарит, Финикия](#)
 -
 - [Илу \(Ил, Элим\)](#)
 - [Балу \(Баал, Ваал\)](#)
 - [Анат \(Анату\)](#)
- [Греция, Рим](#)
 -
 - [Зевс \(Юпитер\)](#)
 - [Гея](#)
 - [Посейдон \(Нептун\)](#)
 - [Гера \(Юнона\)](#)
 - [Гефест \(Вулкан\)](#)
 - [Афина \(Минерва\)](#)
 - [Гермес \(Меркурий\)](#)
 - [Афродита \(Венера\)](#)
 - [Арес \(Марс\)](#)
 - [Аполлон](#)
 - [Артемида \(Диана\)](#)
 - [Дионис \(Бахус, Вакх\)](#)
 - [Пан \(Фавн, Сильван\)](#)

- [Деметра \(Церера\)](#)
 - [Эрот \(Купидон, Амур\)](#)
 - [Янус](#)
 - [Прометей](#)
 - [Древняя Германия, Скандинавия, Исландия](#)
 -
 - [Один \(Водан, Вотан\)](#)
 - [Тор \(Донар\)](#)
 - [Фрейр](#)
 - [Фрейя и Фригг](#)
 - [Бальдр](#)
 - [Браги](#)
 - [Локи](#)
 - [Русь](#)
 -
 - [Род](#)
 - [Перун](#)
 - [Велес \(Волос\)](#)
 - [Мокошь \(Макошь\)](#)
 - [Дажьбог](#)
 - [Сварог](#)
 - [Семаргл \(Симаргл\)](#)
 - [Бог. Единобожие](#)
 - [Краткий мифологический словарь](#)
-

Рудольф Баландин

100 великих богов

«Сто великих» ® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство Вече».

Согласно действующему законодательству, без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Баландин Р. К., 2007

© Издательский дом «Вече», 2007

Сквозь магический кристалл...

Представления о мире и о себе люди с незапамятных времен воплощали в образы богов и героев. Жизнь, характеры и деяния богов отражают реальность, но не зеркально, а как бы увиденную сквозь многогранный магический кристалл воображения, поэтических фантазий, философских размышлений.

Задача этой книги проста: познакомить читателя с наиболее знаменитыми из богов, которым в прошлом поклонялись, а отчасти поклоняются ныне разные племена и народы. Но решить такую простую задачу не так-то легко, как может показаться на первый взгляд.

Если собрать все мифы и легенды, которые сложены о богах, то получатся десятки увесистых томов, а число упоминаемых божеств перевалит за тысячу. И это лишь то, что уцелело, избежав забвения. Очень многое останется лишь упомянутым, названным, но не раскрытым и потребует домысливания. Веками исследователи собирают, обдумывают и сопоставляют сведения о богах прошлого и настоящего, но при этом редко удается вырабатывать убедительные и общепринятые мнения.

Вот почему и отбор великих богов, и их характеристики носят отчасти субъективный характер. Тем более что мы всматриваемся в прошлое тоже сквозь магический кристалл собственной личности, и не следует выдавать то, что видится, понимается и домысливается за объективную реальность.

Образы богов нередко причудливо меняются со временем или в зависимости от авторского произвола конкретных, хотя и обычно безымянных, сказителей, поэтов, философов древности. Эти образы ныне представляются подобием окаменелости, а некогда они были одухотворены сознанием и чувствами верующих. Тогда эти чуждые нам боги были живыми, принимая самое активное участие в личной и общественной жизни людей.

Вряд ли можно воссоздать в первоначальном одухотворенном виде богов прошлого. Как понять тех, давно канувших в небытие людей? Как проникнуть в их духовный мир и восстановить его хотя бы частично? Ведь мы – представители совершенно иной цивилизации, вокруг нас совершенно другая среда, а наши знания благодаря наукам разительно отличаются от того, что было известно им...

Тут приходит на память прозорливое высказывание Карла Маркса о том, что традиции всех былых поколений тяготеют как кошмар над умами

живых. Справедливость такого суждения подтверждает наша действительность: достижения науки воплощаются в технику и весьма косвенно, преимущественно в искаженном примитивном виде входят в массовое сознание, тогда как всяческие нелепейшие предрассудки и суеверия (не путать с высокой истинной верой!) распускаются махровым цветом.

Однако роднят нас с прошлым не только, конечно, низменные мысли и чувства. Бессмертна не только глупость, но и мудрость. Порой встречаются удивительные переключки идей – через многие века, поколения, страны. Вспомним, что писал о Боге в минуты высокого вдохновения Гавриил Державин:

Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог...

А за 33 столетия до того неведомый египтянин (возможно, сам фараон Эхнатон), слагая гимн солнечному богу Атону, имел в виду нечто более всеохватное:

Никто из богов не знает его настоящего вида;
Его образ не передан на письме...
Он сокровенен, чтобы была постигнута его сила.
Он велик, чтобы быть проповеданным,
Он могуч, чтобы быть познанным.

Можно было бы привести сходные идеи древнеиндийской «Ригведы». Люди, размышляя о мире и о себе, невольно приходили к одним и тем же чувствам, образам, представлениям. Такое духовное единство заставляет предполагать нечто надчеловеческое, малым отражением чего мы являемся, а потому с гордостью можем повторить вслед за Державиным:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества,

Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я Бог!

Ничто божественное нам не чуждо. Поэтому знакомство с богами прошлых эпох помогает нам проникнуть в глубины духовной жизни не только людей древности, но и современников, самих себя. Ведь в умственном отношении, если не считать достижений науки и техники (которых мы так и не успеваем толком осознать), мы недалеко ушли от своих предков, а если и ушли, то неизвестно в какую сторону.

Первые боги

Как возникла у людей идея Бога, когда это произошло, какими были первые боги – все это остается тайной. Вряд ли ее когда-либо удастся раскрыть. Мнений на этот счет высказано немало, но ни одно из них мы не можем считать бесспорным, надежно обоснованным.

Факты, добытые археологами, историками, исследователями древнейшего искусства и этнографами, позволяют сделать некоторые обобщения, касающиеся образа жизни, занятий, быта, а отчасти знаний и верований людей, которых мы считаем первобытными. Это были охотники, рыболовы, собиратели – представители так называемого *Homo sapiens*, кроманьонского человека (к этому виду или подвиду относимся и мы).

Они распространились на земном шаре около 40 тысячелетий назад, со временем освоили все обитаемые материки. Судя по сохранившимся с тех пор орудиям труда, произведениям искусства, интеллектуально и психически эти люди существенно не отличались от нас, а в чем-то, пожалуй, превосходили.

Прежде кроманьонцев на Земле господствовал другой вид (подвид) человека разумного – неандертальцы. Однако их духовный мир для нас во многом остается неясным: слишком скудны факты, допускающие разные толкования. Неандертальцы жили разрозненными группами. Есть сведения, что они хоронили умерших, а значит, чтити умерших, осыпали могилы цветами. У них имелись какие-то примитивные формы натуралистического, предметного искусства (подобие современным разновидностям поп-арта, изготовления муляжей). Нет веских оснований считать, что они выработали представления о высших существах.

Первые свидетельства такого рода появляются в эпоху кроманьонцев: наскальные рисунки, гравюры на кости, фигурки из камня, кости, дерева. Это – изображения фантастических существ или стилизованные женские фигурки. Большинство исследователей склоняется к мнению, что эти произведения архаичного искусства отражают представления людей об окружающем мире и своем месте в нем.

Если бы все ограничивалось только подобными «немыми» артефактами, то смысл их оставался бы неясен. Однако по материалам изучения племен первобытной культуры известно, что у них существовали представления о великих богах, а чаще – обожествленных предках, животных (реже – растениях, камнях), о неких человеко-богах или бого-

зверо-людях.

Характерная черта искусства кроманьонских охотников: великолепные реалистические изображения крупных млекопитающих, которые служили объектом охоты. А вот люди почти всегда показаны схематично или искаженно. Почему? Вряд ли дело только в узкой специализации художников. Что мешало им рисовать портреты, хотя бы в профиль, верно отражающие оригинал?

Наиболее правдоподобный ответ: мешала вера в магическую силу изображения тех или иных объектов. Подобное суеверие характерно для многих племен архаичной культуры, с которыми сталкивались европейцы.

Курьезный случай, подтверждающий это, произошел с Н. Н. Миклухо-Маклаем. Его слуга, туземец, веривший в магическую силу фотоаппарата, позволяющего получать копии людей, категорически запретил себя фотографировать. Миклухо-Маклай обещал учесть это желание. Однажды, когда слуга спал, ученый решил сделать его фотопортрет, но в последний момент отказался от своего намерения.

Он поступил честно. А делая снимок, рисковал жизнью человека. Ведь туземец мог проснуться во время съемки, ужаснуться и решить, что белый человек обрел власть над его душой. Образ человека, как считали представители архаичной культуры, обладает мистической сопричастностью с живым человеком (или животным). Такое суеверие могло бы довести туземца до тяжелой болезни, депрессии, а то и могилы (подобные случаи бывали). Действенность магии определяется степенью веры в нее.

Но если конкретных реальных людей древние охотники избегали изображать, то этот запрет распространялся на животных, а также, по-видимому, и на фантастические существа или условно-символические образы мужчин и женщин. Из них определенно выделяются два: человеко-звери и женщины с пышными формами.

Великий бог охоты

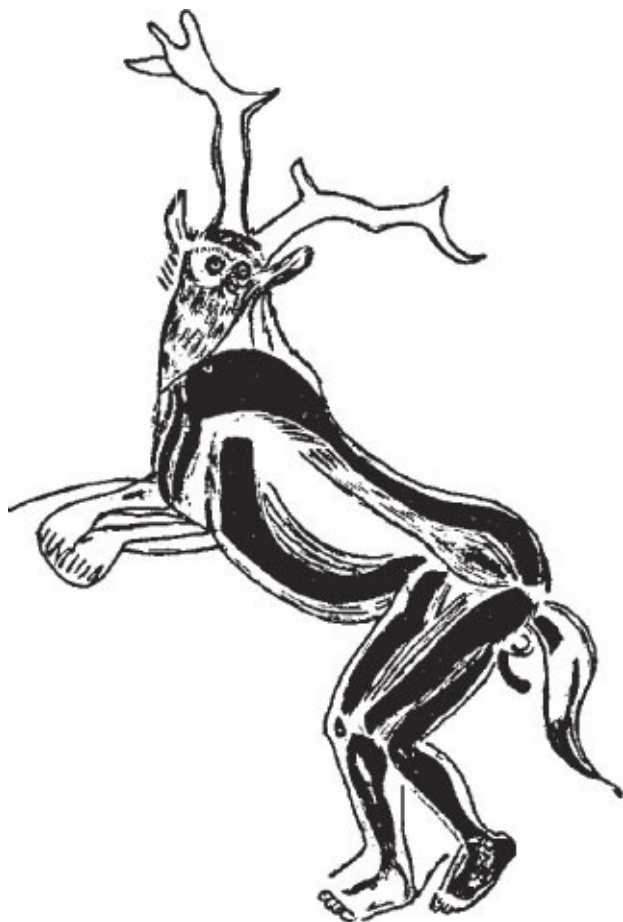
Имя этого божества нам неизвестно. Точнее сказать – у него сотни, тысячи имен. Такие боги, обожествленные предки или животные, с незапамятных времен были у различных охотничьих племен в разных частях земного шара.

Конечно, ни о каком едином великом боге не может быть речи. Каждое племя или род вырабатывали представление о своем более или менее индивидуальном божестве или духе. Вера в них характерна для коренных народов во всех частях света. Но во всех случаях было нечто общее, позволяющее говорить о великом боге охоты как выразителе чувств, мыслей, верований, обычаев охотников разных времен и народов.

За основу мы возьмем древнейшее изображение фантастического существа, определенно имеющего отношение если не к охотничьей магии, то во всяком случае к духовному миру первобытных охотников.

Во Франции есть знаменитая пещера Ле-Труа-Фрер (Три Брата – названная в честь открывших ее трех сыновей графа Бешуана). В ней сохранились загадочные изображения «звероловлюдей» и химерических животных. Из них выделяется один образ, получивший названия «Колдун», «Шаман», «Владыка зверей».

В нем соединены черты человека и нескольких животных. У него рога и уши оленя, совиные глаза и клюв, медвежьи передние лапы, лошадиный хвост и человеческие ноги, а также орган, отличающий мужчину, хотя и находящийся не совсем на своем месте.

Нет никакого сомнения, что талантливый первобытный художник со знанием дела отразил характерные особенности человека и животных, стремясь выразить определенную идею. Странное соединение черт, не встречающееся в природе, безусловно рождено силой воображения и какими-то мыслями и эмоциями.

Очень показательным уже то, что перед нами образ «комплексный» и не имеющий аналогов в природе. Его создатель выразил нечто свое собственное как свободный (отчасти, конечно) творец, находящийся в некотором роде вне или даже над природой. Он словно пожелал показать, что человеку свойственны черты самых разных обитателей Земли.

«Все это вместе, – по словам американского ученого и писателя Тома Придо, – создает существо, источающее жизненную энергию, волшебный сплав звериных и человеческих сил».

Такого ли воздействия на зрителей добивался художник? Или он просто шутил, подтрунивая над каким-то охотником? Или изобразил монстра, чтобы запугать соплеменников? Или это – детская страшилка из сказки? Или – наркотическое видение, возникшее во время шаманских

камланий?

Такие предположения имеют право на существование, но выглядят надуманными. Они не учитывают главное: данный художественный образ уникален по выразительности, мастерству, смысловой глубине, фантастичности. Он должен воплощать какую-то значительную, великую идею.

Есть в той же пещере еще одно изображение подобного типа – так называемая «сцена с колдуном»: бегущий и, похоже, раненый олень, молодой бизон (впрочем, похожий и на крупного козла), а за ними – бизон с рогами и хвостом, но стоящий на человеческих ногах. Смысл этой композиции неясен. Предположение, что показан колдун в маске или охотник, замаскированный под зверя, вряд ли убедительно: слишком уж велик бизон, чтобы человек смог надеть на себя часть его шкуры с головой, да еще и притвориться бизоном. То, что можно показать на рисунке, не всегда осуществимо в реальности.

Сказки о превращениях людей в животных, и наоборот, очень распространены едва ли не у всех народов Земли. Каждый из нас слышал и читал их в детстве. Животные в сказках наделяются человеческими чертами. В мифах древних народов нередко присутствуют звероподобные люди или человекоподобные звери. Поэтому не исключено, или даже вполне вероятно, что в пещере Трех Братьев запечатлен персонаж древней волшебной сказки.

Надо только иметь в виду, что понятие волшебной сказки появилось и укоренилось сравнительно недавно. В древности люди относились к волшебству с доверием. Они еще не знали четких пределов законов природы, а сновидения толковали как перемещения души в другие миры. Нередко то, что мы склонны считать волшебной сказкой, некогда было мифом – преданием, выражавшим жизненный опыт племени, его отношение к миру.

Итак, есть основания считать фантастические образы пещеры Трех Братьев мифологическими персонажами, которых обожествляли охотники. Эти персонажи показывают замечательные качества и возможности великого охотника, способного справиться с любым зверем.

Как художественное и философское обобщение такой образ был вполне оправдан и правдив. Охотники каменного века действительно справлялись с любыми животными-гигантами: мамонтом, шерстистым носорогом, диким быком, огромным пещерным медведем, львом. Конечно, в большинстве случаев охота была коллективной. В мифах присутствовали образы обобщенные, героические, обожествленные.

В мифах легендарный предок умел превращаться в зверей, птиц и других животных, приобретая их качества. В то же время он оставался человеком. Так считали охотники-туземцы Африки, Сибири, Юго-Восточной Азии, Австралии, Южной Америки. Отличия были не принципиальны. Если в Сибири преобладали легенды о человеке-олене, то в Австралии почитались люди-кенгуру, а в Африке – люди-леопарды.

Английские исследователи Б. Спенсер и Ф. Гиллен отмечали, что тотемические первопредки австралийцев мыслятся одновременно и людьми и животными (реже – растениями). В мифах этих племен, записанных немецким этнографом К. Штреловым, предполагается тождество между животными и человеком, так что можно с одинаковым основанием говорить о кенгуру-человеке и человеке-кенгуру.

Советский этнограф В. Р. Арсеньев изучал быт и нравы африканских охотников на крупных животных. Этих охотников соплеменники считают магами, колдунами («симбон»). Ученый привел слова песни охотничьего племени бамбара (республика Мали):

Человек должен бояться охотника.
Охотник – это ведун,
Он знает деревья, он знает воду,
Он знает зверей, он знает лес...
...Многие носят штаны, но не все они – мужчины.
Много обладателей штанов, но мало мужчин.
Много людей, но мужчины – только охотники.

Охотник олицетворяет единство человека с природой, с животными. Он не только господствует над своей добычей, но и зависит от нее.

«Симбон в глазах его окружения, простых земледельцев, – пишет Арсеньев, – это получеловек-полусверхъестественное существо (аккумулятор, генератор и распорядитель магических сил природы), получеловек-полузверь». Эта характеристика удивительным образом соответствует сути изображения, оставленного древнейшими охотниками в европейской пещере. И то же можно сказать о вере в мистическую суть охоты, представителей различных племен Сибири или Австралии.

Можно согласиться с мнением Арсеньева: «У истоков религиозного сознания превалировало такое представление о мире, когда звери были равны богам, боги – людям, а люди – зверям. Человек в этот период сознавал себя равным с другими компонентами в системе Природы, и на

путях ее познания и преобразования он сам создавал богов. При этом он уподоблял свою собственную природу представлению о природе вне себя».

Конечно, убеждение в своей сопричастности, своем единстве с окружающей природой определяет веру в одухотворенность окружающей природы и позволяет человеку жить в согласии с ней.

Но это лишь первый шаг. Мысль человека идет дальше. Он понимает и свое отличие от других созданий природы, свои необычайные возможности. В его сознании возникает образ великого охотника (обычно он ассоциируется с образом мистического предка). И если у одного племени им мог быть человек-бизон, у другого – человек-мамонт (есть и такое наскальное изображение), у третьего – человек-олень или человек-медведь, то у какого-то гениального мыслителя каменного века возникла мысль о слиянии подобных частных образов в единый обобщенный образ Великого Охотника. Это уже сверхчеловек и сверхзверь, а значит, великое божество охоты.

...До сих пор у целого ряда народов, главным образом африканских, сохраняется вера в местных богов или духов. Упомянуть о таких божествах, считая их великими, нет никаких оснований. Тем более что пришлось бы говорить более о суевериях, чем о вере.

Образ Великого Охотника – нечто совсем другое. Он был порожден не только фантазией, но и выразил отношение человека-охотника к окружающему миру и своему месту в нем. Это – одна из тех общих идей, которая позволяет говорить о духовном единстве человечества.

Итак, едва ли не первым великим божеством у людей, занимавшихся преимущественно охотой, с древнейших времен было существо, воплощающее в себе человеческие и звериные качества. Оно символизировало единство человека с природой, а также – отчасти – господствующее положение охотника в мире животных, обладание им особой мистической силы. Можно сказать, что в этом случае человек, ясно того не сознавая, поклонялся всему человечеству и всей окружающей природе, в которой он существовал и единство с которой ощущал.

Первая богиня

Культ охотника, воплощенного в божество мистического зверо-человека, возможно, был хронологически не первым в истории культуры. Хотя более или менее точных датировок в этих случаях нет, но, безусловно, в искусстве каменного века на протяжении не менее десяти тысячелетий абсолютно преобладали изображения женщин.

Фигурки и изображения женщин каменного века были найдены в разных районах Европы, Азии, Африки. Нередко их называют «первобытными венерами». Правда, большинство из них вряд ли с нашей точки зрения могут считаться эталоном женской красоты. У большинства этих женщин грузные фигуры, утрированные половые признаки, нередко жировые накопления на бедрах, талии, ногах. Другая особенность: почти у

всех у них отсутствуют лица.

Одни фигурки женщин вырезаны из камня или кости (часто – мамонтовой), другие выполнены в виде гравюр или барельефов, третьи нарисованы. По стилю они тоже различны: от натуралистических до стилизованных, символических, полуабстрактных. Порой некоторые фигуры удивительным образом напоминают создания авангардистов XX века.

Что подвигло людей на создание этих фигур? Какими были эти люди, в каких условиях и для чего они занимались таким творчеством?

На подобные вопросы ответить нелегко. Некоторые исследователи полагают, что так проявлялись в далекой древности эстетические и эротические чувства. Подобные взгляды характерны для людей, которые озабочены именно эстетизмом и эротизмом или увлечены фрейдизмом.

Насколько известно, представители архаичной культуры не страдали подобными отклонениями. В нелегких, далеких от комфорта условиях примитивного охотничьего, а также скотоводческого и земледельческого быта основной заботой нормального человека, тем более мужчины, являлось добывание пищи и обеспечение безопасности. Если бы те, кто чрезвычайно озабочен сексуальными проблемами, вынуждены были постоянно охотиться на диких зверей, их мировосприятие изменилось бы коренным образом; в противном случае они бы погибли.

Вообще, представления о том, что «дикари» необычайно сексуальны, обладают какой-то поразительной половой потенцией и готовы беспрестанно совокупляться – не более чем дикий предрассудок. Он не подтверждается никакими наблюдениями (а изучало племена архаичной культуры очень немало исследователей).

Много ли могло быть полных, а то и чрезмерно полных женщин 10–20 тысячелетий назад, в конце ледниковой эпохи у племен, которые вели кочевой или полукочевой образ жизни? Вряд ли. Пожалуй, такое могло быть только в особых случаях: если данная группа людей, семья, род относились к процветающим и в то время, когда отношение к женщине было не только почтительным, но подчас и благоговейным.

Если бы мужчины воспринимали женщин преимущественно как объекты сексуальных вожделений, то их изображения были бы связаны с половым актом и позы были бы соответствующими. Подобные рисунки древних людей известны, но их очень мало. И не удивительно. Удовлетворение полового инстинкта – в разных формах – не являлось для «первобытного» человека чем-то неутолимо желанным и малодоступным. В архаичных обществах были свои представления о половой жизни,

которую обычно не связывали с деторождением, а то и с добрачным воздержанием и сохранением верности в браке.

Сошлемся на мнение авторитетных исследователей австралийских племен Рональда и Кэтрин Берендтов: «Нигде среди аборигенов Австралии, насколько нам известно, добрачные и внебрачные взаимоотношения полов полностью не запрещаются. В ряде случаев они даже поощряются... Половые сношения воспринимаются как нормальный, естественный фактор человеческой жизни». Какого-нибудь особого сексуального интереса к представителям противоположного пола у таких народов нет именно благодаря в значительной мере естественному образу жизни. Чрезмерная озабоченность половыми проблемами характерна для так называемых цивилизованных обществ.

Кстати, те же авторы отметили, что «очень немногие аборигены в традиционных условиях полнеют», и привели примеры распада семей из-за того, что жены были слишком грузными. И хотя этнографы и археологи нередко называют стилизованные фигурки полных женщин каменного века «первобытными венерами», в действительности подобные образы ни тогда, ни теперь не могут служить эталоном женской красоты. Испокон веков для сексуальных утех мужчины предпочитают пользоваться услугами молоденьких стройных девушек.

Убедительные примеры на этот счет приводили многие специалисты-этнографы. Например, французский ученый Клод Леви-Стросс наблюдал в джунглях Бразилии жизнь племени, в котором у вождя была одна старшая супруга, которая вела домашнее хозяйство, и несколько молоденьких жен. «Естественно, — писал Леви-Стросс, — ему импонирует возможность доступа к молодым и красивым девушкам; это дает ему удовлетворение не столько физическое, сколько эмоциональное. Однако главным образом полигамный брак и его специфические атрибуты служат средством помочь вождю выполнять свои обязанности. Если бы он был один, то ему было бы трудно делать больше, чем остальным. Его второстепенные жены, освобожденные от тяжелых обязанностей своего пола, оказывают ему поддержку и утешение. Они одновременно являются вознаграждением за власть и ее инструментом».

Скорее всего, большое количество изображений женщин каменного века объясняется не сексуально-прикладной ориентацией, не является выражением половой страсти художника и его вожделений, а представляет собой памятники первобытной религии.

Вот что писал о них известный исследователь первобытного общества П. П. Ефименко: «Переданы они почти всегда нагими, с подчеркнутыми

признаками пола. Особенно в них бросается в глаза желание первобытного художника передать черты зрелой женщины-матери; об этом говорят такие постоянно присущие им признаки, как объемистые груди, огромный живот и общий характер фигуры – с чрезмерно развитыми жировыми отложениями в области таза и бедер. В некоторых, правда, все же довольно редких, случаях они, несомненно, прямо изображают беременных женщин».

Он обратил внимание на то, что подобные фигурки встречаются по большей части вблизи очага. Порой у них были отбиты головы, и почти всегда отсутствовали лица. Ученый пришел к выводу, что по крайней мере в ряде случаев статуэтки были разбиты сознательно – «хотя бы для того, чтобы уничтожить «покровителей» жившей здесь общины».

Спору нет, встречаются среди памятников первобытного искусства изображения, созданные именно с любовью, желанием передать красоту и привлекательность женщин. В подобных случаях художник старался запечатлеть и черты лица женщины, а фигуру делал подчас преувеличенно вытянутой. Но это – скорее исключение, чем правило.

По мнению Н. Н. Ефименко, большинство изображений женщин каменного века представляет собой проявления матриархата и показывают родоначальниц рода или исполнительниц семейно-родовых обрядов.

Обнаружив изображение такого типа с рогом в руке, ученые предположили, что это символ благополучия, обилия. Хотя такой символ возник несравненно позже, не исключено, что рог стал служить им еще в каменном веке. Впрочем, не менее вероятно, что таким образом люди увековечили образ женщины, приготовившей магический опьяняющий или дурманный напиток, способный переносить человека в «мир иной», мир видений, галлюцинаций.

Согласно версии советского этнографа С. А. Токарева, эти женские статуэтки изображают хозяйку очага или хранительницу огня: «следы подобного мифологического образа, предмета семейно-родового культа, сохранились у многих современных народов, особенно у народов Сибири».

У аборигенов Австралии, а также у некоторых африканских племен существуют предания о том времени, когда женщины господствовали над мужчинами (австралийцы особо чтят женщин-первопредков). Вообще, у многих народов женщина служила олицетворением плодородия и соответствующее божество было преимущественно женского рода. При этом мать-прародительница представлялась не как молодая красивая женщина, а как пожилая опытная многознающая и владеющая магическими приемами.

По словам Т. Г. Штрелова, изучавшего культуру австралийских аборигенов, «женщины-предки, почитаемые в мифах аранда (одного из племен. – Р. Б.), внушают благоговейный трепет, пользуются неограниченной свободой. Они часто более могущественны, чем мужчины».

А вот свидетельство французской исследовательницы африканских племен Д. Пом: «Парадоксальным образом африканская женщина должна перестать рожать, чтобы быть окончательно принятой семьей мужа. Сами африканцы признают, что, переступив определенный возрастной порог, женщина почти не отличается от мужчины. Не важно, является ли она женой вождя либо нет, умная женщина, семья которой преуспела, имеет право на общее уважение. Тем большее, чем многочисленнее ее живущие дети».

Наконец, сошлемся на американского ученого XIX века Л. Г. Моргана. Он привел, в частности, сведения, полученные от миссионера Артура Райта, прошедшего много лет в одном из ирокезских племен: «Обычно управляли домом женщины и притом, конечно, прочно держались вместе. Запасы были общими, но горе тому злополучному мужу или любовнику, который пренебрегал своей обязанностью участвовать в добыче средств существования. Сколько бы ни имел детей или имущества в этом доме, он мог каждую минуту получить приказание свернуть свое одеяло и убираться... И если какая-нибудь тетка или бабушка не вступалась за него, он должен был возвратиться в свой клан... Женщины были большой силой в кланах, как и повсюду. Они не задумывались, когда требовали этого обстоятельства... «сбить рога» с головы вождя и сделать его опять простым воином. Точно так же назначение вождя находилось всегда в их руках».

Не станем умножать примеры. Постараемся сделать общие выводы.

По мере того как уменьшалось количество крупных животных, на которых успешно охотились первобытные люди (особенно явно такое оскудение охотничьих ресурсов проявилось в Новом Свете и Австралии, а также на территории Сахары и в Европе), все более важное значение для выживания племен приобретало собирательство, а затем примитивное земледелие и скотоводство. Появились первые достаточно долговременные поселения, и ведение домашнего хозяйства, наряду с собирательством и обработкой земли, стало, как мы теперь выражаемся, более престижным. Соответственно менялось и общее отношение к женщинам, что находило отражение в мифах и верованиях.

Пожилая, опытная, мудрая женщина, умело ведущая хозяйство, имеющая много детей и внуков, стала служить символом благополучия и

процветания рода. Отсюда – и обожествление женщины-прародительницы.

Такой, по всей вероятности, была первая богиня у многих первобытных (точнее – архаичных) племен и народов. Конечно, у каждого рода и племени, а то и у каждой семьи она имела индивидуальные черты. Но сходства в этих изображениях – в самых разных регионах, при определенном уровне материальной культуры – гораздо больше, чем отличий. Поэтому этот образ с полным основанием можно считать первой Великой богиней.

Древний Египет

Пантеон богов Древнего Египта обширен и непостоянен. Иногда одному и тому же божеству придавались разные черты и функции. И наоборот, разные боги порой образовывали диады и триады, меняли обличья, отождествлялись.

Впрочем, такова характерная черта религиозных воззрений начальных этапов цивилизации, когда духовная культура находится в гармоничном соответствии с общественным устройством и уровнем развития материальной культуры, а также представлениями людей о природе и своем месте в ней.

С переходом к классовому обществу сохранялись поначалу образы богов, имеющих черты людей и животных. Но теперь эти боги отличались разнообразием и были выстроены в соответствии с определенными иерархическими системами. В такие эпохи не было обширных государств с устойчивой постоянной группой богов. Тогда в Египте (и в других регионах с культурой подобного типа) существовало несколько десятков более или менее обособленных областей или городов-государств, номов.

У каждой такой общественной ячейки были свои представления о богах и их взаимоотношениях. От нома к ному, а также из века в век такие воззрения могли меняться радикально. Это существенно затрудняет описание пантеона египетских богов. То же относится и к представлениям о сотворении мира и участии в этом мифическом процессе тех или иных богов. Есть несколько версий таких мифов, порой принципиально отличающихся друг от друга.

Поражает обилие древнеегипетских богов. В «Мифологическом словаре» (1991) их упоминается больше сотни. Выбрать из них самых главных нелегко. Судьбы богов во многом зависели от текущей политической ситуации. Усиление какого-либо нома сразу же выдвигало на первый план его местных богов. И дело даже не только в том, что этих богов «насаждали» из идеологических соображений. Общественная психология такова, что победитель выступает в ореоле величия как представитель неких высших сил. Его покровители – боги – в таких случаях признаются более могущественными, чем боги побежденных вождей.

Около пяти тысячелетий назад произошло знаменательное событие: присоединение Верхнего Египта к Нижнему. Этому предшествовал долгий

период распрей и вооруженных столкновений. Победители-фараоны принадлежали к роду Гора-сокола, а побежденные – к роду Сета, покровителя зверей. В результате Сета стали считать злобным богом пустыни, носителем зла.

Первым из фараонов объединенного Египта принято считать Нармера; по другим сведениям, его имя было Менес, или Мина (не исключено, что под разными именами выступал один и тот же человек – фараоны нередко имели несколько имен).

Несмотря на уникальное долголетие египетской цивилизации, в ее истории бывали переходные «смутные» периоды, когда происходили междоусобицы, беспорядки, внутренние конфликты и вторжения иноземцев. В такие времена отношения к богам существенно менялись, а порой пантеон подвергался «перестройке».

Самые древние мифы обычно сообщают о сотворении мира. Но и тут в Египте господствует разнообразие мнений, концепций. Общее у них то, что изначально существовал Нун, первозданный Хаос. Его чаще всего представляли в виде бескрайней водной глади, окутанной мраком. Из него вышел первый бог (или появились первые боги) и стали наводить порядок. Но имя этого бога в разных номах называли по-разному. В Гелиополе это был Атум, в Мемфисе – Птах, в Нубии – Хнум, а в Гермопольском варианте творили мироздание четыре пары богов, олицетворявших природные стихии.

Показательно, что источником творения считались божественная воля и его слово. (Судя по всему, египетский первоисточник послужил основой библейского предания о сотворении мира.) Почему именно слово? Известно, что имя в далекой древности считалось мистически сопричастным с самим объектом.

Называя небо и землю, Солнце и Луну, древний человек выделял их из хаоса неразделенных, смутно воспринимаемых сознанием объектов. Таково было, можно сказать, информационное сотворение мира из хаоса. По-видимому, оно-то и послужило основанием наделять Бога способностью творить «из ничего».

То, что в Древнем Египте первые из нам известных богов не были олицетворением Солнца, а являли собой полулюдей-полуживотных, свидетельствует о далекой древности таких верований, восходящей ко временам первобытных охотников. И хотя общество к тому периоду перешло к земледелию и скотоводству, охота оставалась привилегией знатных родов и воинов. Вот почему солнечный бог поначалу оставался «на вторых ролях», а ведущие роли сохранялись за более архаичными

олицетворениями животных и природных стихий. Но со временем в мифах на первое место стал выходить солнечный бог (преимущественно такие мифы и дошли до нас).

Наконец, необходимо подчеркнуть важную особенность мифов: символичность и поэтичность. Реалистичные изображения богов, оставленные нам представителями былых цивилизаций, и прежде всего египетской, не должны вводить нас в заблуждение. Некоторые исследователи склонны толковать их как отражение примитивных представлений о природе, фантастических образов, символизирующих материальные объекты и явления. С такими взглядами трудно согласиться.

Представьте себе, что бы мы подумали об интеллектуальном уровне людей XIX века, если бы изучали только поэтические произведения? Символы, поэтические образы, имена богов (преимущественно античных) неопровержимо свидетельствовали бы о том, что разум человеческий блуждает в мистическом тумане.

Вот малая часть примеров из Пушкина: «Тебе, наперсница Венеры, / Тебе, кетовой Купидон / И дети резвые Цереры / Украсили цветами трон...»; «О боги мирные полей, дубров и гор...»; «Храни меня, мой талисман...»; «...И шестикрылый серафим / На перепутье мне явился...»; «Ты, соперник Аполлона, Бельведерский Митрофан»; «Бог веселый винограда...» А вот некоторые строки Тютчева: «Чародейкою Зимою / Околдован лес стоит...»; «Зима недаром злится, / Прошла ее пора...»; «О рьяный конь, о конь морской...»; «Два демона ему служили, / Две силы чудно в нем слились: / В его главе – орлы парили, / В его груди – змии вились...»; «Есть близнецы – для земнородных / Два божества – то Смерть и Сон...»

В далекой древности преобладало поэтическое воззрение на природу. И когда на египетском рисунке или в тексте пирамид присутствует образ небесной коровы, то лишь весьма наивный человек – и тогда, и теперь – может всерьез отождествлять земную корову, дающую молоко, с небесной божественной коровой, оставившей в небе Млечный Путь.

Обилие богов Древнего Египта, их неустойчивость, сложные взаимоотношения и взаимные переходы логичней всего объяснить не только изменчивой социально-политической ситуацией в стране, но и проявлениями сложной поэтической символики. Вдобавок, невозможно в деталях восстановить ту обстановку, в которой создавались те или иные мифы, рисунки, тексты, а также индивидуальные особенности авторов, их взглядов на мироздание и место в нем человека, их отношения к богам.

Не исключено, что за множеством имен разнообразных божеств

скрыто нечто единое, всеобщее и тайное. Так, по крайней мере, думал английский египтолог конца XIX века Уоллис Бадж. По его словам: «Читая древнеегипетские религиозные тексты, читатель может убедиться, что египтяне верили в Единого Бога, самосущего, бессмертного, невидимого, вечного, всезнающего, всемогущего, непостижимого, творца неба, земли и подземного мира... Именно эту часть их воззрений следует признать основополагающей...»

В таком суждении есть определенный резон. Известно, что подлинное имя Бога считалось священным и тайным, а завет не упоминать имя Божие всеу существовал у едва ли не всех племен и народов с доисторических времен. Называя отдельных богов, реалистически изображая их, древние египтяне могли сохранять в глубокой тайне имя верховного Творца и Управителя мироздания, повелевающего богами. Однако обо всем этом можно только догадываться.

Нун

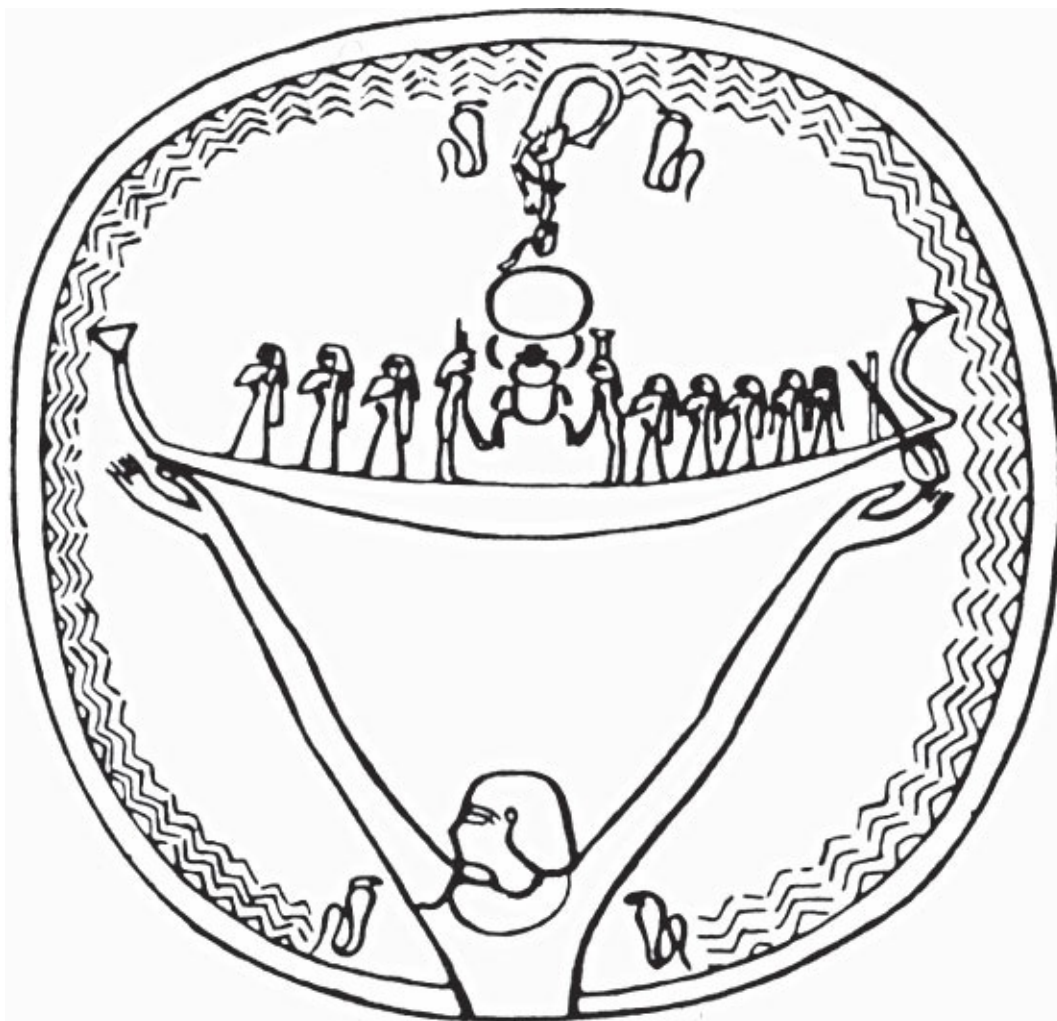
Этот египетский бог – один из древнейших и наиболее загадочных.

Принято считать, что Нун олицетворял первозданный водный хаос, из которого произошло все сущее, а прежде всего – божества.

На древнеегипетском рисунке, изображающем – символически – структуру мироздания, Нун показан первотворцом и первоосновой мира. Он возникает из некой субстанции (порядок из хаоса?) и держит в руках ладью бога-солнца, в которой находятся первые божества (здесь их десять).

В верхней части рисунка показан подземный мир, окруженный телом Осириса (символ вечного круговорота жизни, возрождающейся после смерти). На голове Осириса стоит богиня Нут, принимая руками солнечный диск, который катит по небу скарабей.

В некоторых мифах Нун обретает облик первого бога, сотворившего свою жену Наунет, олицетворяющую небо (их изображали также в образах лягушки и змеи). Этой парой были рождены другие боги. Нередко Нуна называли «отцом богов».

Трудно восстановить первоначальный смысл мифов, в которых упоминается имя этого бога, извлечь «рациональное зерно» из более поздних наслоений, отражающих воздействие идеологических мотивов на представления о жизни природы. Ведь со временем солнечные божества стали связываться с властью фараонов. Владыка над людьми соответствовал владыке над богами. Однако при этом подразумевалось, что существует и некий более древний и великий Бог, образ которого оставался таинственным.

В мифе об истреблении людей есть один странный эпизод. Царь богов Ра состарился и был взволнован вестью, что люди замыслили против него злые дела (по-видимому, решили свергнуть его). Вместо того чтобы самому наказать их, он (из-за своего бессилья?) просит позвать богов, которые пребывали с ним в Нуне, «а также самого бога Нуна».

Когда боги прибыли к Ра, «распростерлись они перед его величеством, чтобы сказал он слова свои перед отцом старейшим, создавшим людей».

Создается впечатление, что если боги подчиняются Ра, то сам он обращается к творцу всего сущего Нуну. Правда, Нун с почтением обращается к Ра: «Сын мой Ра, бог более великий, чем создавший его и чем сотворившие его...» Но в этом усматривается более всего вежливость, благосклонность Всевышнего. Если бы Ра был действительно самым главным, то незачем ему было бы обращаться к Нуну с жалобой на людей.

Обратим внимание на то, что именем Нун в этом мифе называется первозданное состояние мира (его принято отождествлять с хаосом, хотя такое толкование может быть и не вполне точным), а также имя первоначального бога. Как это понимать?

Более всего, пожалуй, это соответствует мировоззрению пантеизма, когда Бог и природа воспринимаются как единое целое; когда природа обожествляется, а Бог предстает как Всемирный Дух и Разум. Так выражаются единство и целостность бытия, всего сущего. Вселенной.

Возможна ли какая-то иная, более правдоподобная версия? Вряд ли. Если уподоблять Нуна хаосу, то это был бы бог деструктивный, олицетворяющий беспорядок, беззаконие, безвластие, а не бог «отец богов». Для такого творения необходимы воля и разум. Сам по себе хаос бесплоден, ибо не обладает упорядоченностью.

В гелиопольском мифе о сотворении мира Владыка Вселенной, появившийся из «неоглядного Нуна», изрыгнул из себя бога воздуха Шу и богиню влаги Тефнут. Повествование ведется от имени этого Владыки (Хепри – Сущего – одного из воплощений солнечного божества Атума). Он не всемогущ; ему требуется помощь божественного отца: «И отец мой Нун произнес: «Да возрастут они!» После того существовали как единый бог в трех лицах – Я, Шу и Тефнут. От Шу и Тефнут водились другие боги и богини.

Такова одна из версий древнего мифа, в которой определенно подчеркиваются величие Нуна, его дар наделять силой, духовной мощью богов. В нем соединяются три ипостаси: творца Вселенной, отца богов, духовной силы. Но в то же время (или в той же вечности) при нем остается некая материальная реальность, не разделенная на стихии; ее, пожалуй, можно сопоставлять с первоматерией, а не с хаосом.

Был ли Нун или какой-то иной бог первоначально единым (триединым), всевышним, безвидным, всемогущим – об этом остается только догадываться. Эта версия заслуживает дальнейшей разработки. А с позиций современной науки идея о первоматерии, которая дала начало привычному нам материальному миру, созвучна концепции вакуума – особого энергоёмкого состояния пространства, из которого в определенных

условиях могут возникать элементарные частицы, обладающие массой покоя и представляющие собой «микрооснову» материи. Конечно, подобные идеи не приходили в головы египетским мыслителям. И все-таки их представления о Нуне в философском смысле предваряют концепцию вакуума, порождающего материальные объекты.

Нут

Нут – Небесная корова, особо почитаемая в Египте как олицетворение неба, точнее сказать – космоса, потому что ее тело изображали усыпанным звездами. Правда, целый ряд рисунков, отражающих космологическую мифологию древних египтян, показывают, что бог ветра и воздуха Шу отделяет женское божество Нут от ее брата и супруга Геба. Однако подобные представления, по мнению исследователей, возникли позже, чем образ Небесной коровы.

При слове «корова» мы воображаем не совсем то животное, которое имели в виду древние египтяне. За истекшие с той поры тысячелетия благодаря искусственному отбору эти животные превратились в представителей «мясомолочного скота» – существа медлительные, грузные, с огромным выменем и сравнительно короткими ногами.

В древнеегипетском исполнении корова близка к диким предкам: стройная, элегантная, красивая. Недаром перед изображением коровы часто ставился иероглиф, означающий «красота».

Надо еще раз подчеркнуть, что образ прекрасной Небесной коровы относится не к тому «нижнему небу», воздушному пространству, по которому плывут облака (его олицетворял Шу), а к более высокой и отдаленной сфере звезд, которую со времен античности принято называть космосом. В этом контексте приобретает смысл название Млечный Путь для звездной полосы, в виде которой предстает перед обитателями Земли наша Галактика.

Образ Космической Коровы (будем называть ее так ввиду неопределенности термина «небо») восходит к далекой древности и отражает верования скотоводов. Уже во времена первых фараонов, около 4,5–5 тысячелетий назад, этот образ воспринимался (во всяком случае учеными людьми) как аллегория, символ. Наряду с ним использовались и другие образы. Так, в Текстах пирамид встречаются фразы: «Звезда плывет по океану под телом Нут» (каким бы ни было тело Нут, но оно явно отождествляется с Космосом, а океан – возможно, с воздухом или даже сферой звезд). Об усопшем Фараоне сказано: «Он – сын великой дикой коровы. Она беременеет им и рождает его, и его помещает под ее крылом». В этом случае использован дополнительный образ крыльев коршуна, которые тоже служили символом неба.

По словам известного английского египтолога Рудольфа Антеса, «в этом контексте множественность концепций о небе принимается в высшей степени серьезно. Это вовсе не поэтическая фантазия или шутка художника». На шутку это, безусловно, не похоже, а вот поэтическая фантазия, пожалуй, в таких воззрениях присутствует.

Обратим внимание на замечательную мысль, высказанную Р. Антесом: «Нет сомнения, что в самом начале их истории, около 3000 г. до н. э., египтяне понимали, что идею неба нельзя постичь непосредственно разумом и чувственным опытом. Они сознательно пользовались символами для того, чтобы объяснить ее в категориях, понятных людям их времени.

Но поскольку никакой символ не может охватить всю суть того, что он выражает, увеличение числа символов скорее способствует лучшему пониманию, чем вводит в заблуждение. Кроме того, разнообразие придавало изображению и описанию небес известную картинность и живость».

Выходит, давным-давно в Египте существовали более продуманные, философски обоснованные (с учетом человеческого незнания) представления о далеком небе, которое мы привычно называем космосом. Ведь при слове «Космос» мы подразумеваем некое безжизненное пространство с группами звездных систем, скоплениями туманностей. Специалисты упомянут еще об электромагнитных и гравитационных полях, разного рода небесных (мертвых) телах. Оккультисты вообразят «тонкие тела», некие космические привидения, а фантазеры – инопланетян...

Для древних египтян звездный небосвод выступал в образах коровы Нут, женщины Нут, океана, крыши и даже крыльев. Суть космоса остается загадочной, хотя и более или менее понятной в некоторых проявлениях. Прежде всего, это нечто божественное и живое. За видимым образом (крыша, купол) скрыто иное, во многом непостижимое. Разнообразие символов подчеркивает их условность. В то же время современное понимание космоса – предельно упрощенное, лишенное поэзии, красоты.

В египетских мифах Космическая Корова Нут по совету Нуна поднимает на себе усталого престарелого Ра в небесную высь. На большой высоте у Нут закружилась голова, а ноги ее задрожали. Тогда Ра пожелал иметь богов, чтобы поддержать ее (интересно, что он лишь высказал пожелание, а исполнил его, судя по всему, всемогущий Нун). Тогда восемь божеств встали у ног Космической Коровы, а Шу стал поддерживать ее брюхо.

В таком виде предстает перед нами Нут в одном из наиболее выразительных рисунков. У него есть свои особенности. Ра изображен не сидящим на спине Нут, а плывущим в ладье под телом Нут (ладья расположена под звездной полосой). На голове Ра – солнечный диск, хотя и он, и боги показаны в образе людей.

Между рогами коровы и перед грудью начертаны иероглифы «хех», что означает «миллионы» или «множество божеств». Можно толковать это как указание на несчетное количество звезд. Перед нами – космогоническая аллегория. Символический характер фигур подчеркивается тем, что боги не прилагают особых усилий для поддержки опор небосвода (четырёх ног Нут), а Шу лишь касанием пальцев поддерживает огромное тело Нут.

На других рисунках богиня космоса изображена женщиной, она изогнута в виде купола, имеет непомерно длинные руки и ноги (опоры) и только кончиками пальцев рук и ног касается земли (изображенной в виде мужчины). Шу, разделяющий эту пару, тоже не выглядит напряженным под тяжестью «небесного тела».

За последнее столетие стало модным подразумевать в различных аллегориях сексуальную подоснову. В легенде о человекоподобных Земле и Космосе сексуальная связь между супругами высказана определенно, однако подтекст не столь примитивен, как может показаться на первый взгляд. Вопреки реальности Земля, олицетворяемая Гебом, несравненно меньше, чем божественная Нут, а какие-либо фаллические символы отсутствуют вовсе.

Обобщая представления древних египтян о богине Нут, надо признать, что первоначальный смысл, который вкладывали в этот образ, был многоплановым, глубоким, отражавшим целый комплекс космогонических представлений. Замечательно уже то, что около пяти тысячелетий назад египтяне разделили три области, три сферы: земли, воздуха, космоса.

Нет никаких оснований полагать, что Земля в ту пору считалась небесным телом, имеющим форму шара. Мир древнего человека отражал картину, которую видит земной наблюдатель: плоскую земную поверхность, купол небес, воздушный океан, по которому плывут облака.

Самое замечательное, что воздушный океан, атмосфера, действительно отделяет нас, обитателей его дна, от космического пространства, которое во многом нам чуждо. Но в то же время наша планета родственна другим небесным телам, и в этом смысле связь Нут с Гебом вполне оправдана.

И все-таки еще более глубокий смысл заключен в образе Нут – Космической Коровы. Все прочие боги представлены в облике людей и тем самым являются причастными к земному миру (люди творят богов по своему образу и подобию). А космос – нечто более величественное, своеобразное, основополагающее. Даже божественное Солнце не является в данном случае центром мироздания или верховным управителем Вселенной: ему определено место между сферой звезд и воздушным пространством. И хотя в некоторых вариантах мифов Ра восседает на спине Нут, художник не счел нужным исказить реальную картину небес, где Солнце видится выше облаков, но является частью каких-то иных пространств, сопряженных с неведомым космосом.

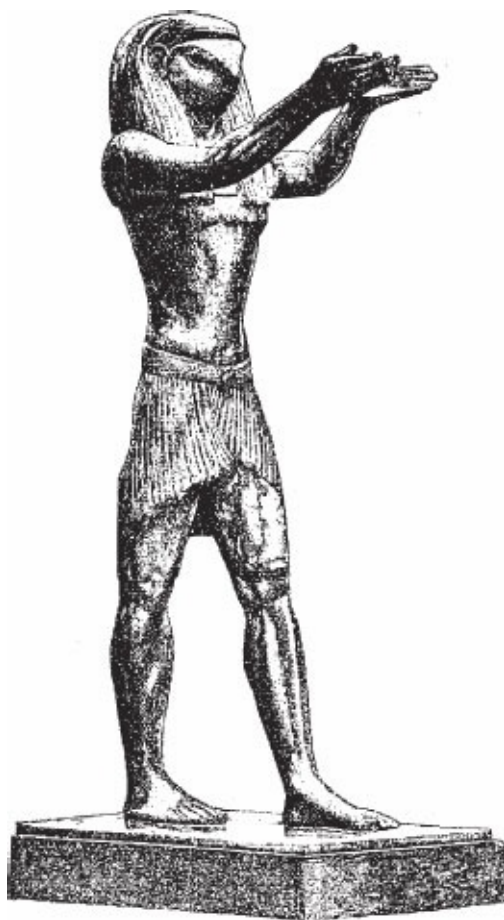
И еще одно важное обстоятельство. Нут – это живое существо. Космическое пространство вместе со звездами представляет собой, по

мысли древнеегипетских мудрецов, живой организм, а не ту бездушную механическую систему, образ которой предлагает нам современная наука.

Гор (Хор)

Гор – один из древнейших египетских богов, хранивший предания о тех временах, когда охота была главенствующим занятием мужчин. Его изображали – в более поздние периоды – в виде человека с головой сокола или солнечного диска с распростертыми соколиными крыльями.

По-видимому, первоначально это был племенной бог воинственных охотников, сумевших установить господство над соседними племенами. Их вождь уподоблялся стремительному остроглазому хищнику, «владыке небес», воздушного океана. Предполагается, что Гор стал местным божеством в Иераконполе (Верхний Египет), а когда местный вождь покорил своих врагов, стал первым египетским фараоном, Гор-сокол явился олицетворением царской власти.

Правда, цари II династии (около 2800 г. до н. э.) называли себя «Хор и

Сет». Но это означало, по всей вероятности, признание равных прав и за Нижним Египтом, который в экономическом отношении опережал Верхний.

Гор выступал в двух ипостасях: как владыка небес, царь богов, бог Солнца, а также как земной царь, фараон. По мнению Р. Антеса, «Хор представляется настоящей троицей, состоящей из небесного царя, земного царя и сокола».

Правда, уже тогда было очевидно отличие небесного царя от земного, смертного владыки. Согласно Текстам пирамид, для преодоления этого противоречия была придумана такая мифологическая цепочка (некто подобное идее круговорота жизни). После своей смерти земной Гор, по этой версии, превращался в воскресающего бога Осириса, чем обеспечивалось его бессмертие.

В одном из космогонических мифов Гор представлен сыном Осириса и Исиды, рожденных Нут и Гебом. Однако жестокий и злобный Сет убил своего брата Осириса и завладел его тронem. Но когда Гор вырос и окреп, он вступил в схватку с Сетом и победил. Его провозгласили царем Египта.

Складывается впечатление, что миф рассказывает о борьбе за власть между царями Нижнего Египта (под покровительством бога Сета) и Верхнего Египта (почитавшего Гора). Поначалу первенство оставалось за вождями Нижнего Египта, которые затем потерпели поражение. Тем более что, по одной версии, Сет был не дядей, а братом Гора.

В более поздних мифах Гор изображен как светonosный бог, который вступает в схватку с силами тьмы и зла, мстит за смерть своего отца Осириса и охраняет власть фараона.

На рельефе храма Гора в городе Эдфу (Бехдет) Гор, стоящий на носу ладьи бога солнца Ра, гарпуном поражает врагов света, олицетворения сил зла – крокодилов и гиппопотамов. Порой образы Гора и Ра сливаются воедино.

Согласно одному из мифов, Исида зачала Гора от погибшего Осириса (злодейство Сета) и воспитывала сына, скрываясь в дельте Нила. Возмужав, Гор явился на совет богов и доказал, что трон Египта должен принадлежать ему.

Сет вступил в схватку с Гором и поначалу одержал верх над ним, вырвав у него глаз – чудесное Око (оно будет в других мифах фигурировать как Око Ра). Но Гор не сдался, и в дальнейшей борьбе оторвал у Сета то, что делало его мужчиной. Отобрав Око, Гор дал его проглотить Осирису, тот ожил и передал египетский трон Гору.

Когда Гор скрывался в дельте Нила, ему покровительствовали боги, а

едва ли не более других – Тот, бог мудрости, письменности, счета, а также магии. Можно предположить, что Гор получил в юности хорошее образование. Став царем объединенного Египта, Гор (в своем земном воплощении) приобрел небывалую власть. Однако управление страной без организации путей сообщения и связи, а также государственного аппарата было затруднено.

«В связи с этим, – писал Р. Антес, – высшие посты в Египте занимали члены царской семьи. Так было во времена Хеопса, около 2650 г. до н. э., при его преемниках и, несомненно, в предшествующий период. Однако с началом V династии, около 2550 г. до н. э., те же посты занимали уже люди нецарского происхождения. Эта перемена показывает, что положение царя изменилось. Одновременно концепция о Хоре (Горе) как о верховном боге была заменена или, скорее, отодвинута на второй план представлением о том, что верховным богом является солнце, Рэ (Ра), и что царь – просто сын Рэ».

По мнению Антеса, такая перемена была вызвана скорее всего недовольством кликой царских родственников, управлявших страной. Помимо этого в стране происходили значительные перемены в системе хозяйства, управления и укрепления центральной власти. Стали утрачивать смысл архаичные представления о многочисленных богах, относящихся к миру животных и людей, а племенная организация общества, а с ней и племенные боги-покровители, осталась в прошлом. Дополнялись мифы; на прежние предания накладывались новые, отражающие меняющееся мировоззрение. Успехи астрономии раскрыли великое значение Солнца для жизни на Земле.

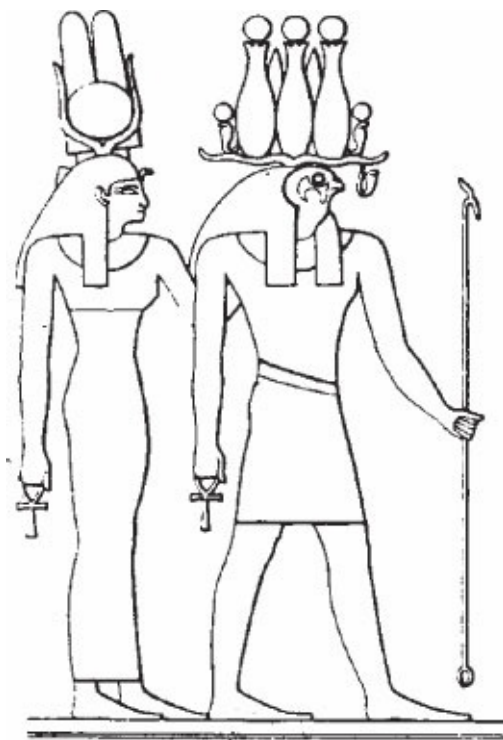
Ра (Рэ)

Египет – солнечная страна. Искусство Древнего Египта проникнуто светом, радостью, красотой. Не удивительно, что в такой стране и у такого народа возник и стал главенствующим культ бога Солнца – Ра.

Далеко не сразу этому богу было определено первенство в небесном пантеоне. С развитием земледелия архаичные доисторические (до появления письменности, государств) культы животных начали меняться. Так, у божественного сокола Гора на голове появился солнечный диск (и не у него одного). Повлияло на мифологию и укрепление единой державы, для которой огромное значение имели не только земледелие, но и передвижение по могучей водной артерии, скрепляющей страну – по Нилу. Не случайно по небесному океану (или небесной реке) Ра перемещался на божественной ладье.

Только для равнодушного взгляда Солнце представляется одним и тем же. Оно постоянно меняется, и это нашло отражение в египетской мифологии. Утреннее Солнце называли Хепри. Это имя – производное от глагола «существовать». По-видимому, появление Солнца воспринималось как залог существования, бытия, жизни. «Зрелое» дневное светило получило имя Ра, а вечернее – Атум. Сам по себе солнечный диск тоже именовался особо: Атон.

Центром культа Ра был город Иуну (по-гречески – Гелиополь, «Солнцеград»). И когда в середине III тысячелетия до н. э. возвысилась V династия Древнего царства, происходившая из Иуну, Ра превратился в общеегипетского Владыку Вселенной.

В Иуну-Солнцеграде была популярна своя версия сотворения мира, согласно которой Хепри восстал из неоглядного Нуна и не увидел поначалу места, куда можно было ступить. И тогда воздвиг он земляной холм Бен-бен. Дабы создать все сущее, Ра оплодотворил самого себя («упало семя в мой собственный рот»). После этого он «изрыгнул» бога воздуха и ветра Шу, а также богиню влаги Тефнут.

Впрочем, такова одна из многих версий сотворения мира, богов и рождения Ра. По одной из них, он появился из яйца, снесенного на первом холме птицей «великий Гоготун». По другой – Ра появился из первозданного цветка лотоса – Нефертума, аромат которого вдохнул жизнь в Ра. Эта идея возникла в середине III тысячелетия до н. э., а позже упростилась, и теперь уже молодое Солнце выходило из цветка лотоса. В наиболее древнем варианте Ра представлен золотым тельцом, рожденным Космической Коровай (Нут).

Чтобы понять географический подтекст этих мифов, надо учесть, что несколько тысячелетий назад в дельте Нила преобладали воды, отдельные острова возвышались среди сплошных зарослей лотоса – розового, как восходящее Солнце.

Очень интересна и оригинальна космогоническая версия, по которой Ра появился из огненного острова, который наделил его светоносной силой, позволившей преодолеть мрак и хаос. Тем самым солнечный свет предстал

символом порядка, справедливости, истины.

Этот миф удивительно созвучен научным гипотезам XX века, согласно которым синтез органических молекул, определивших появление живых организмов на Земле, происходил в процессе вулканических извержений (вулканические острова с полным основанием можно считать огненными). Еще более обоснована связь солнечной энергии со всеми проявлениями жизни на нашей планете, в биосфере.

Конечно, все это не означает, будто египетские жрецы три-четыре тысячелетия назад разрабатывали «преднаучные» концепции происхождения жизни в результате вулканических извержений. Но показателен сам факт упоминания «огненного острова». Был ли в древности действующий вулкан в дельте Нила? Или перед нами свидетельство о том, что египетские мореходы знали о существовании вулканических островов Средиземного моря? Или в далекой древности имелись прочные культурные связи между островной цивилизацией Крита и египетской?

В данном случае для нас главное – подчеркнуть, какие проблемы возникают при анализе мифов и насколько сложно они переплетаются с историей идей.

Следует еще раз напомнить, что приведенная выше генеалогия богов Великой Девятки во многом условна и отражает одно из мнений. Ведь Ра при случае могли отождествлять с разными богами, а чаще всего – с Гором (в упомянутой генеалогии – праправнуком Ра), что и вовсе кажется странным. По-видимому, египтяне относились к выяснению родовых корней тех или иных богов «легкомысленно», не видя в этом какого-то глубокого смысла. По мнению Р. Антеса, для Ра не было «естественной мифологической почвы» (в наиболее древних преданиях) и его образ пришлось приспособлять к мифу о Горе. При этом возникало множество несоответствий, а то и нелепостей, с которыми приходилось мириться. Юный Нефертум, вдохнувший жизнь в Ра, мог отождествляться с царем Египта, а позже – с младенцем Гором, сыном Исиды.

Алогичность подобных мифов вряд ли объясняется пренебрежением египтян к правилам мышления. Скорее всего, образы богов изменялись в зависимости от тех или иных обстоятельств (например, в связи со сменой правящих династий), от тех главных целей, которые ставили перед собой авторы (или ставили перед авторами заказчики текстов, рисунков). Египтяне сознавали, что речь идет о чем-то до конца непостижимом, о догадках и фантазиях, символах и аллегориях. В таких случаях логика отступает на задний план.

Порой рассказ о деяниях Ра приобретал достаточно формальный характер: «И узнал его величество, жизнь, здоровье, сила... И сказал его величество, жизнь, здоровье, сила, тем, кто были в его свите...» (эпитеты, которых удостоен здесь Ра, обычно ставились после имени фараона в виде пожелания счастья, долголетия). А перед этим сказано: «Был же его величество, жизнь, здоровье, сила, стар; кости его стали серебром, члены его – золотом, волосы – ляпис-лазурью». Вот и выясняется, что «жизнь, здоровье, сила» – стар и слаб (он опасается злых дел со стороны людей).

В этом мифе Ра напоминает богам, что люди созданы из его слез. (Мысль не только оригинальная, но и странная; не следует ли понимать ее так, что печальная участь людей предопределена их «слёзным» происхождением?) Как люди могли восстать против верховного бога? Складывается впечатление, что в данном случае бог отождествляется с фараоном, а недовольные им люди – с населением страны.

С другой стороны, высказано мнение, что сюжет о юности и старении Ра повествует о сезонных изменениях в природе. Весной обилие влаги и ласковое Солнце способствуют росту растений. Однако летом оно становится знойным, иссушает посевы и вызывает беспокойство, отчаяние и гнев людей. В мифе в наказание людей их опаляет гневное Око Ра в образе его дочери богини Хатол-Сехмет.

Надо заметить, что Око Ра в разных мифах трактуется по-разному, вплоть до того, что у него бывает и два ока: дневное (Солнце) и ночное (Луна). Но в данном случае Око Ра олицетворяет собой, судя по всему, жгучее Солнце. Хотя при этом переставлены монетами причина и следствие: кар и сушь объясняются плохим поведением людей, проклинающих Солнце, тогда как в действительности такие проклятья должны были быть следствием засухи.

Наиболее распространенный космологический миф гласил о ежедневно повторяющемся небесном плавании солнечного Ра на божественной ладье. (Фараоны совершали подобные ритуальные плавания через Нил, как бы повторяя путь Солнца.)

Отстранившись от земных дел, Ра поведал землю во владение Гебу. Ночью, с уходом Ра в подземное царство, замещать его следовало Тоту – богу мудрости, счета и письма. (Возможно, это было связано с тем, что астрономические знания приобретались преимущественно в процессе ночных наблюдений жрецов за звездами.)

Сохраняя установленный порядок в мироздании, Ра выплывает каждое утро на небо в ладье Манджет, восседая на золотом троне. Ярko сверкает на его короне Око, освещая путь по небесному Нилу и своими острыми

лучами прогоняя демонов. Завершая путешествие, Ра пересаживается в ночную ладью Месектет и отправляется в подземный мир вечного мрака. Сопровождают Ра боги, помогающие ему справляться с демонами мрака.

В подземном царстве Ра встречают души умерших, распевая в его честь гимны. Ра приветствует их и передает привет от живущих на земле, благодаря жертвоприношениям которых души почивших сохраняют силу и благополучие (очевидный намек жрецов на необходимость приносить жертвы в храмы). Здесь же предстает перед Ра бог урожая Непри, тело которого увито пшеницей (действительно, урожай во многом зависит от состояния почвы, а оно, в свою очередь, – от лучистой солнечной энергии).

Наиболее трудное испытание предстоит Ра при встрече с извечным его врагом – великим змеем Апопом. Желая погубить Ра, Апоп выпивает всю воду подземного Нила. Начинается жестокое сражение, в котором побеждают боги, возглавляемые Ра. Пронзенный копьями, Апоп извергает проглоченную воду и остается в подземелье, тогда как ладья Ра восходит над землей.

Иногда Апоп осмеливается напасть на Ра днем. Ему удастся на некоторое время овладеть солнечным диском. Но это длится недолго, и Ра вновь предстает во всем блеске, низвергая Апопа в бездну. Ясно, что тут речь идет о солнечных затмениях. О том, что Солнце порой попадает в пасть небесному дракону и временно пропадает, слагали мифы многие народы планеты. Однако вряд ли просвещенные египтяне принимали всерьез подобные поэтические легенды. Да и ночное путешествие Ра с опасными приключениями напрямую сопоставляли с действительностью разве что только дети и темный люд. Ведь нормальный человек прекрасно знает, что Солнце свершает свой путь с точностью необыкновенной и постоянством, которые не свойственны живым существам. Тем более что египетские жрецы научились предсказывать солнечные затмения.

Культ Ра, сопряженный с культом фараона, имел серьезное идеологическое значение, способствовал укреплению государственной власти. Существовали мифы, «объясняющие» (фантастическим образом) особенности календаря. Астрономические знания были привилегией жреческого сословия и держались в тайне от непосвященных. Конкретные астрономические сведения накапливались постепенно в результате длительных наблюдений и математических расчетов. Позже их стали сопровождать магическими обрядами. Жрецы стали выступать как хранители сокровенных тайн, от которых зависели судьбы людей. Соединение астрономии с магией привело к возникновению астрологии – мнимого искусства определять судьбы людей по звездам.

С богом Ра в истории Египта происходили существенные изменения. Когда держава была единой и мощной, его культ (в лице фараона) достигал апогея; тогда это был действительно повелитель богов, о чем повествовали мифы. Но в периоды распада единого государства образ Ра тоже дробился. Каждый местный владыка претендовал на этот образ и связывал его с каким-либо местным богом-покровителем.

Когда в эпоху Среднего царства Фараоны XII династии (около 1990–1780 гг. до н. э.) обосновались в Фаюме, солнечный бог превратился в Себек-Ра. Метаморфоза достаточно странная, если учесть, что Себек – крокодил, обожествляемый в Фаюме, но обычно выступающий в сонме демонов, врагов Ра. Еще более странно, что в то же время существовал и божественный Амон-Ра, представленный в виде Солнца и являвшийся покровителем южноегипетского города Фивы, откуда происходил царский род.

Как мы знаем, к подобным несурязицам египтяне относились философски, не придавая им большого значения. Но так было в периоды стабильности. В периоды разброда и междоусобиц, когда многие местные царьки становились воплощением Ра, образ этого бога и вовсе дробился и терял всякие связи с традиционной мифологией. Ситуация усугублялась в результате вторжений чуждых народов с их богами, которые в случае победы обретали порой большую популярность.

Так произошло в переходный период 1640–1550 г. до н. э. Воспользовавшись междоусобицами местных владык, Египет захватили гиксосы, обитатели Палестины. Вновь возродился великий Египет после их изгнания. И не случайно вскоре произошла одна из величайших религиозно-философских революций в истории человечества. После того как усилиями Тутмоса III, славной женщины-фараона Хатшепсут, Египет обрел независимость, единство и господство над соседними странами, культ многообразных, многоликих Ра, соединенных вдобавок с Амоном, вносил идеологический разброд в общество и смятение в умы людей. Назрела настоятельная необходимость упорядочить представления о боге Солнца.

Атон

С этим именем, олицетворяющим солнечный диск, связана первая великая религиозная революция, о которой мы упоминали в предыдущей статье о боге Ра.

Около 1375 г. до н. э. фараон Аменхотеп IV провозгласил Атона наивысшим и единственным богом. Все другие божества были запрещены, храмы, посвященные им, разрушены, а жрецы оставлены не у дел. По велению фараона священное имя Амона было стерто отовсюду, даже с глиняных табличек.

Почему был возвышен один-единственный бог вопреки многовековой традиции? Как такая мысль могла прийти в голову фараона? Почему после этого египтяне не восстали от мала до велика, не защитили своих небесных покровителей?

Принято считать, что, вводя единобожие, Аменхотеп IV старался добиться полнейшего единовластия фараона, освободиться от влияния на государственные дела авторитетных жрецов Амона-Ра. Как предположил английский египтолог Д. Раффл, фараон стремился «объединить нацию и стабилизировать обстановку».

Однако и без того фараон считался наместником бога Солнца на земле, а запрещение культа сразу всех богов, включая их «небесного фараона» Амона-Ра, безусловно, осложняло ситуацию внутри страны и расшатывало общественные устои.

Есть ли принципиальная разница между Амоном-Ра и Атоном-Ра? Ведь и тот и другой являются символами Солнца. Отличие между ними в том, что Атон не имеет человеческого облика. Это – реальный солнечный диск, материальное солнечное тело, излучающее свет и тепло – источник жизненной энергии, а не мифический «дух Солнца», к тому же очеловеченный.

О сущности Атона превосходно сказано в гимне, посвященном ему (имеется несколько вариантов перевода; здесь приведен перевод В. Потаповой):

Великолепно твое появление на горизонте,
Воплощенный Атон, житнетворен!
На небосклоне восточном блистая,
Несчетные земли озаряешь своей красотой.
Над всеми краями,
Величавый, прекрасный, сверкаешь высоко.
Лучами обняв рубежи сотворенных тобою земель,
Ты их отдаешь во владенье любимому сыну.
Ты – вдалеке, но лучи твои здесь, на земле.
На лицах людей твой свет, но твое приближение скрыто.
Когда исчезаешь, покинув западный небосклон
Кромешною тьмою, как смертью, объята земля.
Очи не видят очей.
В опочивальнях спят, с головою закутавшись, люди.
Из-под их изголовья добро укради – и того не заметят.
Рыщут голодные львы.
Ядовитые ползают змеи.
Тьмой вместо света повита немая земля,
Ибо создатель ее покоится за горизонтом.
Только с Заходом твоим вновь расцветает она.
Подобно Атону, сияешь на небосклоне,
Мрак разгоняя лучами.
Празднуют Верхний и Нижний Египет
Свое пробуждение.
На ноги поднял ты обе страны.
Тела освежив омовеньем, одежды надев
И воздев молитвенно руки,
Люди восход славословят.

Верхний и Нижний Египет берутся за труд.
Пастбищам рады стада.
Зеленеют деревья и травы.
Птицы из гнезд вылетают,
Взмахом крыла явление твое прославляя.
Скачут, резвятся четвероногие твари земные.
Оживают пернатые с каждым восходом твоим.
Корабельщики правят на север, плывут и на юг.
Любые пути вольно выбирать им в сиянье денницы.
Перед лицом твоим рыба играет в реке.
Пронизал ты лучами пучину морскую.

Продолжим цитировать отрывки в переводе (с английского подстрочника) М. Э. Матъе:

Птенец в яйце говорит еще в скорлупе,
Ты даешь ему воздух внутри ее, чтобы ожить.
...
О бог единый,
Нет другого, подобного ему!
Ты создал землю по своему желанию, ты один, —
Людей, всякий крупный и мелкий скот,
Все, что ходит по земле ногами,
Все, что в вышине летает на своих крыльях...
Ты творишь миллионы образов из одного себя,
Города, селения, поля, дорогу и поток...
Ты в сердце моем,
Нет другого, познавшего тебя...

Автором этого прекрасного гимна считают самого Аменхотепа IV, принявшего имя Эхнатон («Угодный Атому»). Хотя возможно, что гимн сочинили по его указанию, авторство Эхнатона представляется более вероятным. Недаром сказано: «Ты в сердце моем, / Нет другого, познавшего тебя».

Гимн вполне реалистичен, даже с элементами натурализма. Он заставляет вспомнить поэму о природе Лукреция Кара и научно-философские стихотворения М. В. Ломоносова. В отличие от мифов, здесь

отсутствуют мистика, фантастические образы. С научной точки зрения значение Солнца для земной жизни здесь представлено вполне корректно. В природе не признаются никакие особые духовные сущности. Такое мировоззрение приближается к атеистическому.

Произошел религиозно-философский переворот, потрясший основы духовной культуры. Это было ошеломляющее деяние. Недаром многие египтяне сочли Эхнатона безумцем.

И все-таки, как верно отметила М. Э. Матье: «Гимны Атона, которые часто считаются совершенно особым, новым явлением в египетской религиозной литературе, в действительности отнюдь не были таковыми». Некоторые литературные обороты в приведенном выше гимне почти дословно совпадают с выдержками из более раннего гимна Осирису, а также «Большого гимна Амону-Ра».

Еще предшественники Эхнатона начали проводить политику, ослабляющую духовную власть жрецов Амона-Ра. Аменхотеп III по разным поводам упоминал Атона, называя его именем свой дворец, воинские подразделения, царские ладьи. Но в то же время величайшим богом называли и Амона, и Гора, и Осириса, и Хепри, и Ра, не говоря уже о множестве местных богов-покровителей. Подобная разноголосица заставляла усомниться в самом существовании богов.

Каким бы разным не представлялось Солнце земному наблюдателю, оно остается единым и, конечно, ничем не напоминающим человека. Утверждая эту очевидную истину, Эхнатон невольно сближал свой «атонизм» с атеизмом, отрицанием всех богов как мистических сущностей, и материализмом. Однако если даже он в глубине души склонялся к таким воззрениям, выражать их явно было бы настоящим безумием, подрывом единовластия фараона как наместника, или, вернее, земное воплощение Всевышнего. Такой поступок был бы равносителен самоубийству.

Эхнатон – одна из наиболее загадочных фигур мировой истории – явился первым основателем религии нового типа, исповедующей единобожие, признающей одну высшую духовную субстанцию.

Самое удивительное, что общество (не считая чрезмерно разросшейся касты жрецов) без особых потрясений приняло нововведения Эхнатона. Более того, последовал расцвет культуры. Вот что писала об этом видный советский египтолог Матье:

«Успех проводившихся мероприятий, быстрое создание новой столицы, сложение нового религиозно-философского учения и оформление нового культа, наконец, яркий расцвет нового стиля в искусстве нельзя объяснить только личными действиями Эхнатона и раболепным

следованием ему принявших его учение царедворцев. Все это не могло бы произойти в столь короткий срок, если бы для нового идеологического течения не было и соответствующей питавшей эти идеи среды».

Эхнатон приблизил к себе незнатных простых свободных граждан – немху. Например, одним из высокопоставленных царедворцев стал Май, написавший о себе: «Я расскажу всем о благах, которые сотворил мне владыка, и вы скажете – о, как велико сотворенное этому немху! Я – немху по отцу и матери, и создал меня царь... когда я не обладал имуществом... И когда я стал господином поселения, он причислил меня к вельможам... хотя я и был на последнем месте... (раньше) я просил хлеба».

Интересное соответствие идеологическим переменам продемонстрировало искусство, чему свидетельство – реалистические изображения Эхнатона, его супруги Нефертити и двух дочерей; при этом показаны непропорциональные и даже несколько уродливые черты лица фараона (а красота Нефертити, по-видимому, вдохновляла художников и скульпторов). При Эхнатоне были созданы замечательные картины, изображающие реалистические сцены из жизни, пейзажи, проникнутые светлым чувством.

...Головокружительное возвышение Атона длилось сравнительно недолго. Силы, которые противодействовали новшествам, были слишком велики. Вообще, крупный общественный организм обладает огромной инертностью, а духовные традиции, какими бы нелепыми они ни были, никогда не исчезают бесследно. Воздвигнув в кратчайшие сроки новую столицу державы, посвященную Атону – Ахетатон, – фараон остался в этом городе в относительной изоляции. Начались волнения в подвластных Египту азиатских странах. Ослабление власти фараона его враги стали объяснять ложностью бога Атона и гневом истинных прежних богов, возглавляемых Амоном-Ра.

Еще раз подчеркнем: Эхнатон обожествил Ра не в образе человеческого, а в виде реального солнечного диска Атона, отменив всех других богов. Такой монотеизм имел материалистические черты и даже, можно сказать, научную основу (с позиций учения В. И. Вернадского о биосфере). В этом смысле культ Атона можно считать научной религией.

Осирис (Усир)

Осирис – бог жизненных сил природы и плодородия, владыка подземного мира.

О том, каким уважением и поклонением пользовался Осирис (по-египетски – Усир), можно судить по гимну, начертанному на стеле, датируемой приблизительно XV в. до н. э. (так как на ней уничтожено имя Амона – а это делалось по указанию Эхнатона). Вот что сказано об Осирисе:

Цветут растения по воле его,
И родит ему поле пищу...
Сотворил он эту землю дланью своей, и воду ее и воздух ее,
И растения ее, и весь скот ее,
И все, что летает, и все, что порхает,
Пресмыкающихся ее и зверей пустыни...
Различивший образы людей, творец их жизни,
Разделивший по цветам одного от другого.
Владыка знания, в его устах мудрость.
Приходит Нил по его благости,
Владыка сладости, великий любовью,
Он приходит – и живут люди...
Благо людям, когда ты сияешь,
Стихают звери, когда ты блистаешь...
Образ единый, создавший все сущее,
Единый, создавший существующее...
Египет и Народы Моря,
Все, что обходит Атон, – под властью его [Осириса]
...Утверждена истина для ее владыки...

Как видим, египтяне не скупились на славословия в адрес Осириса, наделяя его едва ли не верховной властью. Правда, упоминается и Атон-Ра, но ему предопределено место в небесах. Недаром в одном из мифов сказано, что Ра, состарившись и утомившись, отдалился от земных дел.

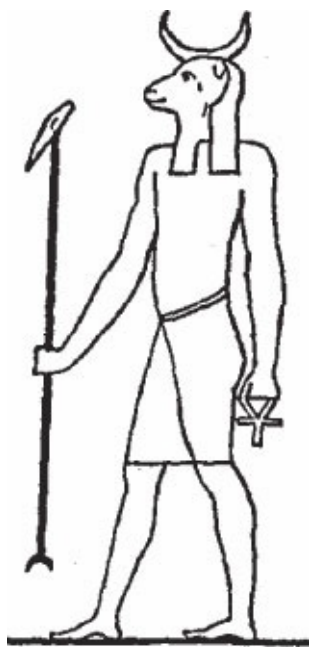
Осирис, первенец бога земли Геба и богини небес Нут, в мифологические времена, как считалось, унаследовал власть на земле от

своего отца (естественно, центром земли и его владений был Египет). Осирис научил людей хорошим нравам и обычаям, отучив от людоедства. От него люди узнали, как выращивать злаки и виноград, выпекать хлеб, изготавливать пиво и вино, строить города, лечить, почитать богов, а также добывать и обрабатывать медную и золотую руды. Возможно, это свидетельствует о том, что первые мифы об Осирисе как культурном герое (вспомним образ Прометея) зародились еще в медном веке.

Надо заметить, что в мифах об Осирисе причудливо переплелись два образа: фараона, порой весьма реалистично описанного, и бога. То же можно сказать и о его сестре и жене Исиде.

История Осириса – одна из наиболее популярных в египетской мифологии, а затем и в европейской литературе. До нас она дошла не полностью. Тексты пирамид содержат лишь отдельные фрагменты. Первым обобщил их греческий писатель и историк Плутарх без малого два тысячелетия назад. В его изложении это уже цельное литературное сочинение, порой существенно отличающееся от первоначальных египетских мифов.

Согласно Текстам пирамид, царя Осириса убил его брат Сет. Сестры Осириса Исида и Нефтис после трудных поисков нашли тело брата и оплакали его. Волшебница Исида воскресила на некоторое время Осириса и зачала от него ребенка. Родив Гора, она тайно вскормила и воспитала его. Еще в детстве Гор победил змею. Возмужав, он совершил путешествие к телу отца. Затем в Гелиополе состоялся суд во главе с Гебом, богом земли, по обвинению Сета в убийстве. Сет отрицал свою вину, не признавая Гора наследником Осириса. Исида свидетельствовала в пользу сына, и Гор был провозглашен царем, а Сет низложен.

Эта сюжетная канва осложнена другой историей, согласно которой царская власть досталась Гору не по суду, а после поединка. Сет похитил Око Гора (символизирующее царскую власть). Вступив в схватку с Сетом, Гор отобрал у него Око и вернул Осирису, чтобы оживить его.

Были и дополнительные детали. Тело Осириса, по одной версии, было расчленено (отзвук древнейшего погребального обычая), по другой – утоплено (связь с плодородными наводнениями Нила). Во время поединка Сет вырывает у Гора Око, а тот противнику – тестикулы. Наконец, есть вариант мифа, где действуют приспешники Сета и сыновья Гора.

Связный рассказ об Осирисе, Исиде, Сете и Горе можно изложить так.

Родился у Геба и Нут первенец на радость им и владыке Вселенной Ра, который возвестил о появлении могучего бога, владыки земли, творящего добро. Следующим ребенком был Сет, сильный и выносливый, а за ним – две сестры: Исида и Нефтида.

Став царем, Осирис вывел людей из дикости, обучив земледелию и ремеслам. Женой его стала Исида, владевшая магией. Люди прославляли своего мудрого и доброго царя. Однако был у него злобный завистник – Сет, мечтавший завладеть троном.

В то время как Осирис выступил походом в Азию, Сет приказал сделать роскошно украшенный ящик (саркофаг?). Когда, одержав победу, Осирис вернулся домой и устроил пир, туда явился Сет со своими сторонниками, принеся этот причудливо украшенный ящик. Сет объявил, что подарок достанется тому, кому он придется впору (а саркофаг был

специально построен по мерке Осириса).

Когда ничего не подозревавший Осирис лег в ящик, Сет со своими приспешниками быстро захлопнули крышку, заколов ее. Ящик бросили в воды Нила. Однако течением его в море не вынесло: куст вереска задержал у берега, обхватив ветвями. Благодаря чародейству, Исида сумела отыскать саркофаг с телом мужа, извлекла посредством магии жизненную силу из тела Осириса и таким образом зачала от него.

Исида спрятала тело Осириса в потаенном месте в дельте Нила. Однако там его обнаружил охотившийся Сет. Он разрубил тело брата на 14 частей и разбросал их по разным частям Египта. (Предполагается, что таким образом жрецы объясняли существование гробниц с телом Осириса в 14 номах страны.) Исида смогла собрать все части воедино и похоронить Осириса в Абидосе. В некоторых мифах погребальная церемония осуществлялась Анубисом.

После того как в поединке Гор отобрал у Сета Око и вернул его Осирису, последний воскрес. Он стал владыкой подземного царства, богом-хранителем умерших и их судьей, взвешивающим на весах количество добра и зла, совершенных человеком при жизни. В результате решалось, попадет ли душа на благодатные райские поля.

В связи со смертью и воскрешением Осириса в Египте происходили торжественные церемонии. Существовал погребальный обряд, в процессе которого символом возрождения умершего в царстве мертвых служили зерна, посаженные во влажную землю, заполняющую глиняную форму. Появление всходов отождествлялось с возрождением под покровительством Осириса. Празднование воскрешения Осириса происходило в последний месяц сезона разлива Нила, когда вода начинала спадать. Правда, по мнению Р. Антеса, «тождество этого Осириса – бога растительности, который умер и воскрес, с Осирисом – мифологическим персонажем было, по-видимому, только случайным». Но скорее всего, сама по себе смерть великого бога, обладающего чертами фараона, должна была вызывать вполне естественное недоумение. Почему бы тогда и другим богам не умереть, хотя бы от старости? С другой стороны, обожествляемый фараон рано или поздно умирал – и это было очевидным фактом.

Весь этот клубок противоречий можно было распутать, предложив идею воскрешения. Бог возрождается так же, как возрождается после нильских наводнений растительность. В нем сохраняется жизненная сила с тем, чтобы воскресать вновь и вновь.

Ну а как быть с земным воплощением бога – фараоном? В реальность его возрождения поверить было невозможно. Но и тут оставалась

«интеллектуальная лазейка»: предположение о том, что помимо тела есть у человека еще одна сущность – душа, нечто эфемерное, покидающее тело и уходящее в мир иной. В таком случае именно там, в ином мире, могла происходить встреча души человеческой с богами, а прежде всего – с Осирисом.

Подземный мир, как известно, является залогом возрождения растений (плодородный почвенный слой, содержащий влагу). Не удивительно, что и для тех людей, тела которых уходили в землю, предполагалась возможность возрождения, хотя и в ином, чем в земном мире, виде. Мысль об умирающем и воскресающем боге была настоящим открытием. Не случайно эту идею подхватили многие другие народы и она пользовалась большой популярностью в античности.

Другая, не менее привлекательная, идея: о загробном воздаянии душе человеческой за дела земные, когда происходит суд Осириса (иди другого бога) над грешной или безгрешной душой, после чего одним уготованы муки, а другим – блаженство в райских чертогах. С наибольшей силой выражена эта мысль в Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе). Некоторые ученые даже высказывали предположение, будто предание о жизни, смерти и воскрешении Иисуса Христа является обновленной версией древнеегипетского мифа.

Наконец, едва ли не первыми в мире египтяне пришли к мысли о существовании бессмертной души. На многих рисунках они изображали ее обычно в виде сравнительно небольшого крылатого двойника умершего человека. И хотя, согласно мифу, душа попадала в подземные чертоги Осириса, ее крылатость, летучесть делали ее причастной к небу. Не удивительно, что позже у других народов существовало поверье, что душам праведников уготованы небесные райские кущи, а погрязшим в грехах – мрачные огненные подземелья.

Правда, в древности египтяне считали, что для загробного существования необходимы определенные обряды (доступные только фараонам и крупным вельможам), а также магические заклинания. Даже высокие идеи находились в зависимости от конкретных социальных (материальных) обстоятельств.

Из всех богов Осирис был наиболее близок и понятен египтянам. Это был человек (и бог одновременно) добродетельный, испытавший страдания и смерть (безвинно), удостоившийся воскрешения и последующей вечной жизни. Он позволял надеяться на то, что нечто подобное возможно и с людьми, которым тоже приходится страдать и умирать (не потому ли существовал миф о порождении людей слезами бога Ра?).

С незапамятных времен образ смерти внушал египтянам ужас и отвращение. Особенно остро они переживали будущее разложение тела (еще одно свидетельство их склонности к материализму). В Книге Мертвых есть «Глава о том, как не дать погибнуть телу». Начинается она так: «Слава тебе, мой божественный отец Осирис! Я пришел к тебе потому, что ты можешь набальзамировать да, набальзамировать мои члены, дабы я не погиб и не пришел к концу...» В этом случае гибель ассоциируется с разрушением тела, и нет никакого упоминания о душе. И только в последующем тексте о ней сказано, да и то вскользь, тогда как посмертное состояние тела беспокоит кандидата в мертвецы: «Ибо, когда душа уходит, человек испытывает разложение, и кости его тела гниют и становятся отвратительными, члены постепенно распадаются на куски, кости крошатся в бесформенную массу, плоть превращается в зловонную слизь, и он становится братом разложению, которое приходит к нему. И он превращается во множество червей, и он становится множеством червей, и конец приходит ему...»

Как видим, полнейший натурализм в описании уродливого лика смерти призван разжалобить Осириса, воззвать к его эстетическому чувству (что характеризует и самих египтян). Человек стремится уподобиться нетленному богу: «Слава тебе, о мой божественный отец Осирис, ты живешь со своими членами (намек на первоначальное расчленение Осириса. – Р. Б.). Ты не разлагаешься, ты не становишься червями, ты не слабеешь, ты не начинаешь разлагаться, ты не гниешь, и ты не превращаешься в червей».

Можно предположить, что некогда на египтян произвело сильное впечатление посмертное разложение человеческого тела, которое воспринималось как превращение человека в скопище червей. Чтобы воспрепятствовать этому, люди попытались избавиться от тела, расчленив и спалив его в огне. Но затем какой-то искусник изобрел метод бальзамирования (не исключено, что этого человека звали Осирисом). И в дальнейшем, производя эту процедуру, специалисты призывали себе на помощь дух Осириса, его умение.

Такая версия подтверждается отрывком из Книги Мертвых («Глава о том, как не допустить отсечения головы человека в подземном мире»): «Я – Великий, сын Великого. Я – Огонь, сын Огня, кому дана была его голова после ее отсечения. Голова Осириса не была отнята от него; да не будет голова умершего отнята от него. Я восстановил себя, я сделал себя цельным и полным, я возродил свою молодость. Я – Осирис, владыка вечности».

Более четырех тысячелетий в Египте сохранялся не только культ Осириса, но и метод мумификации тел в подражание Осирису. Так проявлялась борьба человека со смертью и тлением и надежда на жизнь после жизни.

По мнению У. Баджа, «главной причиной того, что культ Осириса продолжал существовать в Египте вопреки всему, было, вероятно, то, что он обещал своим последователям воскресение и вечную жизнь. Даже после принятия египтянами христианства они продолжали мумифицировать умерших и на протяжении долгого времени совмещали атрибуты своего Бога и «богов» с атрибутами Бога Всемогущего и Христа. По собственной воле они никогда бы не отступили от веры в то, что тело должно быть мумифицировано, хотя умершему и гарантирована вечная жизнь...»

Для христиан забота о тленном теле отступает на второй план и сохраняется лишь как память о сравнительно недолгом пребывании в этом материальном мире. Несравненно важнее – забота о состоянии души, ибо на Страшном Суде спросится именно это. Господство духовного над материальным обеспечило популярность и расцвет христианской цивилизации. То же относится и к исламу. Так что усиленные заботы о сохранении мертвых тел стали выглядеть нелепым архаизмом, предрассудком.

«Причины мумификации постепенно забылись, – писал У. Бадж, – искусство умерло, погребальные обряды сократились, молитвы стали мертвой буквой, и обычай изготовления мумий вышел из употребления. Вместе с искусством мумифицирования умерли культ и вера в Осириса, который из бога мертвых стал мертвым богом. Для христиан Египта его место занял Христос... В Осирисе египетские христиане нашли прототип Христа; в изображениях и статуях Исиды, кормящей своего сына Хора, они распознавали прототип Девы Марии и ее Младенца. Нигде в мире христианство не нашло людей, чье сознание было столь хорошо подготовлено к восприятию его учения, как в Египте».

Хапи

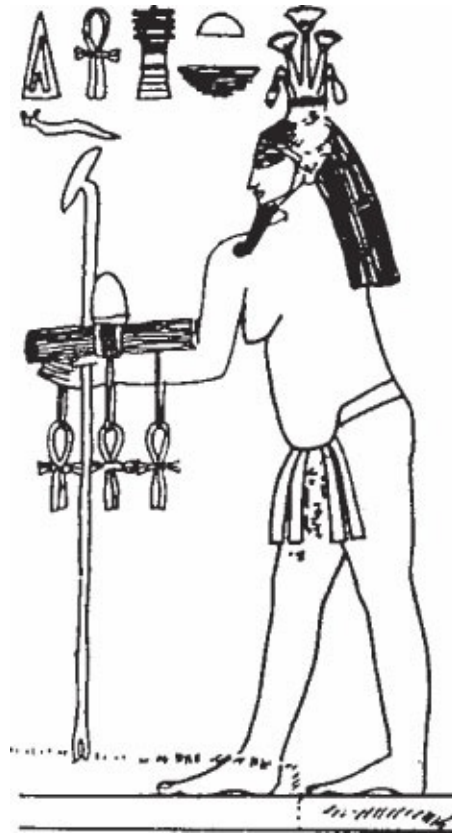
Имя бога Нила – Хапи – обычно не входит в пантеон великих богов Египта. Однако это не означает, будто у древних египтян он не пользовался особым уважением и почетом. Причина такого невнимания к Хапи объясняется, по-видимому, тем, что в распоряжении исследователей находятся почти исключительно тексты и рисунки, связанные с погребальным культом, а Нил отождествлялся с земной жизнью.

Ранее, говоря об Осирисе, мы подчеркивали в его образе слияние черт бога и человека. Кроме того, Осирис являлся владыкой царства мертвых, и в этом качестве ему сопутствовал покровитель умерших Анубис – бог в образе шакала или с головой шакала (собаки). Однако нельзя забывать еще об одной ипостаси Осириса – как умирающего и воскресающего бога. И если Анубис был его спутником среди мертвых, то среди живых с ним сопоставлялся божественный Нил.

Хапи почитался как бог Нила, даритель влаги, покровитель урожая. Он был не только могучим природным телом, но и космически божеством, порождением первозданного Нуна. Центром его культа был район порогов – ущелье Гебель-Сильсиле и остров Элефантина. Здесь он обычно изображался человеком с бараньей головой. Однако поклонялись ему и в Верхнем и Нижнем Египте; их эмблемы – лотос и папирус соответственно – были его атрибутами.

Наиболее часто Хапи выступал в образе крупного жирного мужчины с большим животом и женской грудью, с тиарой из папируса на голове и с сосудами, наполненными водой, в руках.

Отождествлялся он, как это вообще характерно для египетского пантеона, с другими богами: Амоном, Осирисом, но чаще всего – с Себеком, богом воды и разливов Нила. Популярность Себека была особенно велика в нильской дельте, кишевшей крокодилами, поэтому этот бог изображался человеком с крокодильей головой. Правда, порой Себек выступал как божество, враждебное Ра и Осирису, как представитель темных сил зла. Но подобные противоречия не беспокоили египтян, умевших отличать мифологические персонажи от реальных объектов.

В этой связи следует упомянуть еще одного бога – Хнума, считавшегося хранителем истоков Нила и богом плодородия (бараноголовым). Считалось, что он обладает властью над человеческой судьбой, и это не удивительно, если учесть, как много значили для благополучия египтян воды Нила и его ежегодные разливы, удобряющие поля плодородным илом.

О том, что Нил и его ил – залог устойчивости жизни в нильской долине (а также, добавим, необычайной стабильности египетской цивилизации, которая не испытала катастрофического истощения почв), египтяне поняли очень давно. Об этом свидетельствует, в частности, гимн Нилу, фрагменты которого приводятся ниже:

Слава тебе, Нил, выходящий из земли,
Идущий, чтоб Египет оживить.
Орошающий поля, сотворенный Ра,
Чтобы всех животных оживить.
Наполняющий пустыню, чуждую воде.
Роса его спускается с небес...
Если медлит он, дыхание прерывается

И люди все беднеют.
Если гневен он, беда по всей стране,
Великий и малый беднеют.
А восходит он – и ликует земля,
И все живое в радости.
Спина каждого сотрясается от смеха,
Зуб каждый усиленно жует.
Приносящий хлеба, обильный пищей,
Творящий все прекрасное.
Наполняющий амбары, расширяющий закром,
Заботящийся и о бедняках.
Производящий деревья по желанию любому,
И нет недостатка в них.
Не знают места, откуда он,
И не нашли пещер его в писаниях.
Ликут тебе юноши и дети твои
И приветствуют тебя как царя.
Постоянный в обычаях,
Выходящий перед югом и севером.
Свет, выходящий из мрака!
Жир для скота его!
Сила это, творящая все,
И нет живущих в неведении его.

В этом гимне Нил предстает не столько в облиции божества, сколько великим творением природы (кстати, река эта – самая протяженная в мире). За некоторыми поэтическими оборотами скрываются ссылки на природные явления. Так, выражение «если медлит он» означает задержку разлива Нила, а гнев Нила связан не с мощными его разливами, как можно было бы предположить, а напротив, с невысоким подъемом воды, что воспринималось как наказание людям.

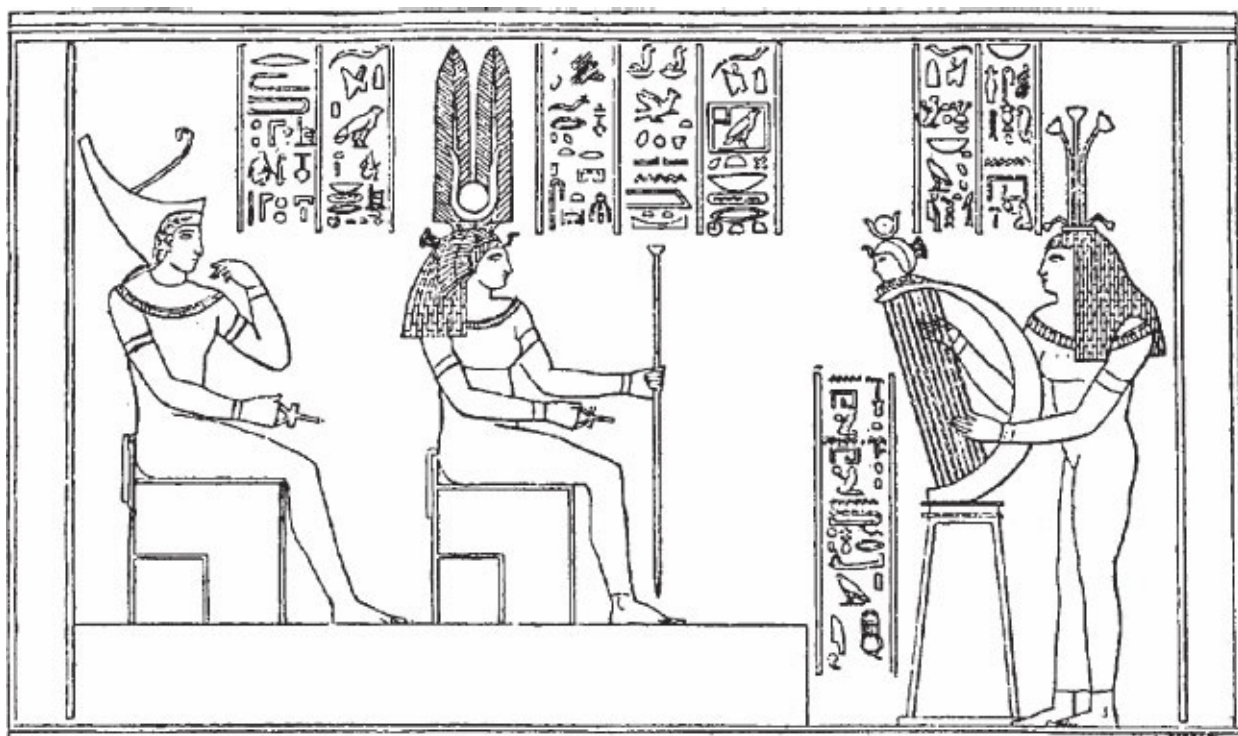
Когда разлив Нила уподобляется восходу Солнца, река обретает сходство с животворным небесным светилом. Совершенно справедливо восхваляется «постоянство в обычаях» Нила (его разливов) и то, что благодаря этому для скота имеется обильное питание.

Особого внимания заслуживает ссылка на обилие деревьев. По всей вероятности, в те времена долина Нила не была скудна рощами, а то и лесными массивами. С развитием судоходства, а затем и монументального

строительства леса в долине Нила стали исчезать, а вместе с тем началось наступление пустынь. И только регулярные разливы Нила спасли египетскую цивилизацию от поглощения Сахарой, как это было с доисторическими культурами того гигантского региона, который ныне является величайшей пустыней мира.

Исида

В античное время эту богиню, популярную не только в Египте, но также в Греции и Риме, называли «та, у которой тысяча имен». Действительно, она считалась богиней материнства, плодородия, семьи, воды и ветра, магии, мореплавания... Культ ее распространился далеко за пределы Египта.

Слово «исида» («исет») в переводе означает «престол», «трон». По-видимому, богиня с таким именем была связана с царским достоинством, властью; причем ее власть простиралась не только на людей, но и на богов. Этим она отличалась от своей младшей сестры Нефтис (Нефтиды, Небетхет), которая была «владычицей дома», покровительницей домашнего очага, домохозяйства; в ряде мифов она выступает как жена Сета, но чаще – как помощница Исиды.

Исида владела магическим искусством, а потому ее знания и чары должны были служить надежной защитой для тех, кому она покровительствует. В почитании Исиды проявлялась растущая вера в необычайные возможности магии; ее активно насаждали жрицы и

колдуньи (тем более что они могли обладать и немалыми медицинскими знаниями, приемами исцеления, которым придавался мистический характер).

В этой связи представляет интерес так называемый «Туринский папирус», которому более трех тысячелетий. В нем приведена магическая формула (заклинание) против отравления ядом змей, а Исида приписывается могущество, дающее власть даже над самим Ра.

Вот как звучит этот миф.

«Глава о боге богов, создавшем самого себя и сотворившем небо, и землю, и ветры [дающие] жизнь и огонь, и богов, и людей, и диких зверей, и скот, и гадов, и птиц в небе, и рыб в морях; о царе людей и богов... для него сто и двадцать лет подобны одному году, имена его многочисленны и неизвестно и даже боги не знают их.

И вот жила Исида, женщина, знающая «слова власти» (магические заклинания. – Р. Б.). Сердце ее отвратилось от миллионов людей, и она предпочла миллионы богов, но больше всего ценила духов.

И стала она размышлять: «А не могу ли я, используя священное имя бога, стать хозяйкой земли и богиней, подобной Ра в небесах и на земле?» Изо дня в день выступал Ра во главе своих гребцов и восседал на престоле обоих горизонтов. И вот состарился божественный [Ра]: губы его дрожат, слюна течет из его рта на землю. Смешала Исида слюну с землей в руке своей и вылепила священного змея, подобного стреле. Она не поставила его перед собой, а положила на землю, там, где великий бог шествовал в свое двойное царство, как желало того его сердце.

И вот поднялся священный бог, и боги, следовавшие за ним, как свита следует за фараоном, шли с ним; и двинулся в путь он, как, обычно, и священный змей ужалил его. Огонь жизни погас в нем, и он, обитающий среди кедров (?), был сражен. Раскрыл священный бог свои уста, и крик его достиг небес. И спросили боги его Девятки: «Что случилось?», и воскликнули его боги: «Что это?» Но Ра не смог ответить, потому что дрожали его челюсти, трепетали все его члены: яд разлился быстро по его телу, как Нил заливает земли во время половодья.

Укрепив свое сердце, великий бог крикнул свите: «Подойдите ко мне, возникшие из моей плоти, вышедшие из меня, сообщите Хеперу (Хепри – одна из ипостасей солнечного бога, олицетворяющая его силу, движение или утреннее светило, изображавшаяся в облике скарабея, жука-навозника. – Р. Б.), что ужасное несчастье случилось со мной. Мое сердце видит то, чего не видят глаза и не может схватить рука, но я не знаю, кто мог сделать это. Никогда я не испытывал такой боли, ничто не причиняло

мне таких страданий. Я – владыка и сын владыки, священная сущность, исходящая от бога. Я великий, сын великого, и мой отец создал имя мое. Я – многоименный и многоликий, и сущность моя пребывает в каждом боге. Обо мне возвестили глашатаи, мой отец и мать произнесли мое имя, но оно сокрыто в теле моем тем, кто дал мне жизнь, ибо он не желал, чтобы какой-нибудь провидец с помощью магических слов получил власть надо мною; я шел через мир, созданный мною, как вдруг меня ужалило что-то неизвестное мне. Огонь ли это? Или вода? Сердце мое в огне, плоть моя трепещет, дрожь сотрясает мои члены. Пусть приведут ко мне моих детей – богов, владеющих «словом власти» и магическими речами, чьи уста зияют, как произносить их, чья сила достигает небес».

И все дети богов пришли к нему, и каждый причитал над ним. Пришла и Исида со своими магическими словами, и в устах ее было дыхание жизни, ибо талисманы ее исцеляют боль и слова оживляют гортань умерших. И заговорила она так: «Что произошло, божественный Отец? Что случилось? Неужели змей ужалил тебя, неужели один из созданных тобой восстал против тебя. Воистину он будет повержен силой моих «слов власти» и исторгнут из числа тех, кто предстоит перед твоим солнечным взором».

Священный бог раскрыл свои уста и сказал: «Я следовал своим путем, обходя обе части своих владений, по желанию сердца, чтобы обозреть сотворенное мною, как вдруг меня ужалил змей, которого я не видел. Огонь ли это? Вода ли это? Я холоднее воды и жарче огня. Тело мое в испарине, и его сотрясает дрожь, мои глаза ослабели, я не вижу неба, и пот заливает мое лицо, как в летний зной».

Тогда Исида сказала Ра: «О божественный Отец, скажи мне свое имя, ибо тот, кто исцелен твоим именем, будет жить». И ответил Ра: «Я создал небо и земли, я поднял горы и сотворил все, что над ними, я создал воду. Я сотворил богиню Мехит (Мнехт-урт) – «северный ветер», богиня-львица. – Р. Б.) и создал «Быка своей матери» (Аписа? – Р. В.), от которого исходит наслаждение любви. Я создал небеса, и натянул оба горизонта, как занавес, и поместил там души богов. Я тот, по чьему велению разливается Нил, но имени моего не знают боги. Я создал часы дня, я сотворил дни, я утвердил годовые празднества, я творю разлив Нила. Я зажигаю огонь жизни, я приношу пищу в дома. Я – Хепри утром, Ра в полдень и Амон вечером». Но яд не выходил из тела его, а проникал все глубже, и великий бог не мог больше ходить.

И сказала Исида Ра: «В том, что ты говорил мне, не было имени твоего. О, скажи его мне, и выйдет яд, ибо живет тот, чье имя

произнесено». Яд же жег, как огонь, и был жарче пламени очага, и его величество великий бог сказал: «Я разрешаю Исиде искать во мне, да перейдет мое имя от меня к ней». И великий бог скрылся от других богов, и его место в ладье Миллионов Лет пустовало. А когда пришло время появиться сердцу Ра, Исида сказала своему сыну Гору: «Бог поклялся отдать свои глаза (Солнце и Луну. – Р. Б.)!»

Так имя великого бога было отобрано у него, и Исида, владычица магических слов, сказала: «Уходи, яд, выйди из Ра. О, Око Гора, выйди из бога и засияй на его устах. Это я творю, это я заставляю упасть на землю побежденный яд, ибо имя великого бога отобрано у него. Да будет жить Ра, да погибнет яд! Да погибнет яд, да будет жить Ра!» Таковы слова Исиды, могущественной владычицы, хозяйки богов, знающей сокровенное имя Ра».

В этом отрывке соединяется сразу несколько тем и проблем. Прежде всего он призван продемонстрировать необычайную силу магии, способной воздействовать даже на великого бога. «Этот текст, – писал У. Бадж, – является заклинанием или магической формулой против укуса змей: считалось, что надпись со словами Исиды может спасти жизнь укушенному змеей, точно так же, как ее слова спасли жизнь Ра».

Кроме того, в мифе утверждается особое положение Исиды среди прочих богов. Она не только владеет магией, но и сумела хитростью выведать заветное имя Ра, а потому может подчинять его своей воле. Не исключено, что миф был сочинен жрицами Исиды для того, чтобы возвеличить свою богиню, а заодно показать мужчинам, на что способна женщина-чаровница. Характерен эпизод со слюной Ра. По древнейшим поверьям разных племен и народов, магическое воздействие на человека усиливается, если обладаешь какой-либо его частицей (обрезки ногтей, волосы, слюна).

Усматриваются в мифе и космогонические мотивы. Торжественный выход Солнца и подъем его на небосвод внезапно прерываются; божественный Ра стал быстро угасать. В этом логично предположить аллегорическое описание солнечного затмения. В других преданиях это явление объясняется тем, что на Ра набрасывается змей Апоп и заглатывает светило, хотя и не может долго удерживать его.

Происки Исиды направлены на то, чтобы узнать настоящее имя Ра. Такова была в древности вера в магию имени, слова. Вместе с египтянами ее разделяли другие народы. Так, в Библии Бог творит мир словом, а в Евангелии от Иоанна Слово обожествляется.

Станным образом бог богов оказывается не всемогущим и поддается

не только магии, но и тривиальному отравлению. А то, что восход Солнца уподобляется торжественному выходу фараона, придает рассказу ироничный оттенок. Вообще, текст насыщен такими реалистичными деталями, что Ра предстает действительно в образе престарелого фараона, который боится умереть от укуса змеи и готов на все, чтобы спасти свою жизнь.

Образ Исида и в этом, и в других мифах тоже частенько напоминает обычную женщину. Так, в одном случае она плачет и горько сетует на то, что она более одинока и несчастна, чем все люди в Египте, сравнивая себя со стариком, который отказывается смотреть на прекрасных женщин и посещать их дома. Сказано это в связи с тем, что хозяйка одного из домов отказалась приютить Исиду, за что сын хозяйки был ужален скорпионом. Исида спасла его, творя заклинания: «Оживи, дитя, умри, яд! Пока Солнце живо, яд мертв».

В другом мифе Исида впадает в отчаяние при виде сына Гора, который находился на пороге смерти (тогда она скрывалась с ним от Сета). У младенца на губах была пена, тело окоченело, сердце остановилось. Исида закричала от ужаса, и к ней сбежались жители тростниковых топей (дело происходило в болотистой дельте Нила). Оказалось, что дитя был ужален скорпионом.

Исида воззвала к небесам, обратив свой голос к ладье Миллионов Лет, на которой плыл по небесам Ра. Солнце остановилось. С него спустился бог мудрости и магии Тот, который оживил Гора. Таким образом, в наиболее ранних версиях Исида еще не обладала ни магическими способностями, ни, тем более, властью над богом богов. Правда, по ее просьбе остановилась небесная ладья. Но это можно считать поэтическим образом (примерно таким, как «свет солнца померк в моих глазах», «казалось, что время остановилось»).

Как мы уже говорили, популярность магии в египетском обществе сопровождалась широким распространением культа Исида. Почти на всех магических предметах – амулетах – ставилось ее имя. Даже на особенно чтимых амулетах, изображающих скарабея и связанных с представлениями о движении Солнца, источника жизни, в нижней части вырезался образ Исида или ставился соответствующий иероглиф.

Амулет «Пряжка» (Исида), который изготавливался из сердолика, красной яшмы или других материалов красного цвета или покрытых позолотой, пристегивался к шее умершего, чтобы обеспечить ему воскрешение и благополучие в мире ином. Произносимое при этом заклинание (приведенное в Книге Мертвых) гласило: «Кровь Исида, сила

Исиды и «слова власти» Исиды своим могуществом защитят это великое и божественное существо и охранят его от того, кто захочет совершить с ним то, что рождено ненавистью».

Подобных амулетов, предназначенных для разных целей, было более двух десятков. Почти все они должны были сопровождать умершего. Например, амулет «Коршун» (золотая птица с раскинутыми крыльями, держащая в когтях символ жизни – крестообразный, с кольцом вверху) призывал силу Исиды на защиту умершему и клался ему на шею в день погребения. Соответствующий текст: «Приближается Исида и парит над городом, и ищет тайное убежище Гора, когда он выходит из тростниковых топей, и она исцеляет его раненое плечо. Его взяли в ладью Вечности, и верховная власть над миром была дана ему. Он достойно воевал, и деяния его останутся в памяти, страх и благоговение будет внушать имя его. Его мать, могущественная госпожа, охраняет его, ему отдала она свою силу». По-видимому, так провожали в последний путь погибшего в битве или умершего от ран. Здесь упоминаются эпизоды воспитания Гора Исидой и ее помощи сыну во время битвы с Сетом.

Возникает вопрос: почему египтяне так щедро одаривали магическими предметами умерших? Не лучше ли было с таким же рвением позаботиться о благосостоянии и безопасности живых? Например, амулет «Папирусный скипетр», изготавливаемый из камней светло-зеленого или голубого цвета, должен был привлечь силы Исиды для возвращения умершему молодости (пожалуй, он предназначался для пожилых). Не разумнее ли было воспользоваться этой магической силой для омоложения живого человека?

Судя по всему, неглупые египтяне и, тем более, хитроумные жрецы и жрицы отдавали себе отчет в том, что магическая сила амулетов слишком часто не оправдывает ожидания живых: никого не удавалось омолодить, предохранить от болезней или несчастий, оградить от смерти. И хотя магические манипуляции совершались не только во имя умерших, но и живых, а талисманы и амулеты были в ходу, для нормального человека оставалась в силе мудрая заповедь: на Бога надейся, да сам не плошай!

Сет

Едва ли не во всех религиях мира светлому и доброму началу противостоит темное и злое. В египетской мифологии такая роль отводится Сету (Сетху, Сутеху). Правда, существуют еще космические мрачные силы, например змей Апоп. Но они могут отождествляться со стихиями, тогда как Сет наделен человеческими отрицательными качествами, в частности, коварством, жестокостью, завистливостью, и предстает чаще всего в человеческом облике.

Хотя и в этом случае не обошлось без серьезных противоречий и логических несуразностей и Сету порой придавались положительные черты, чаще всего он выступал как олицетворение злого начала, убийца Осириса, вредоносный бог пустыни, враждебных «чужих стран».

По своей родословной Сет принадлежал к высшей касте богов: он был третьим ребенком (после Осириса и Исиды) у Геба и Нут. Четвертый ребенок – Нефтида – по некоторым мифам, была его женой. По праву своего рождения Сет мог претендовать на царскую власть, но только после смерти старшего брата. Жажда власти подвигла Сета на преступление –

убийство Осириса. По одной из версий, жена Сета изменила ему с Осирисом и родила Анубиса (бога бальзамирования и покровителя умерших). В таком случае можно предполагать и мотив ревности Сета к Осирису.

Для такого предположения есть основания. В одной из наиболее замечательных легенд Древнего Египта – «О двух братьях» действие разворачивается и на земле, среди людей, и в мире богов. Главные герои имеют имена богов: Анупу (Анубис) и Бата – пастух, в последствии принимающий облик быка (хотя поначалу его уподобляют быку по силе и выносливости). Коварная жена Анупу после неудачной попытки соблазнить Бату клеветает на него, и старший брат в порыве ревности едва не убивает младшего брата...

Эту историю мы привели еще и потому, что на ее примере хорошо видно, как видоизменяются мифы и легенды, какими непростыми связями они могут переплетаться между собой. Тем более что существуют « типовые », так называемые бродячие сюжеты, переходящие из века в век, из страны в страну. Один из них и связан с той борьбой за трон, которая образует центральное ядро истории Сета и Осириса.

Ничего не подозревавшего Осириса Сет поймал в западню (заманил в расписной ящик). Юного сына Исида Гора Сет попытался отравить, обернувшись змеей. Однако ребенок вырос и бросил вызов убийце отца, занимавшего египетский трон не по праву. В яростной схватке Сет сумел вырвать у Гора Око.

Тут опять требуются отступление и пояснение. В данном случае Око написано с заглавной буквы, потому что оно не просто глаз природный, но и волшебный, божественный. Нередко Оком Ра называли Солнце (а вторым Оком – Луну). Однако мистическое значение Ока Гора помогает понять амулет с таким названием. Его носили живые (но клали и мертвецам). Таким образом человек приобретал благосклонность небес и прежде всего божественного Солнца, дарующего силу, бодрость, здоровье, безопасность.

По мнению Р. Антеса, Око было тождественно змею Урею, изображение которого прикреплялось к лицевой части короны царя или на лбу к головному платку. Этот символ царской власти был магическим талисманом, охраняющим фараона и обеспечивающим спокойствие и порядок в подвластных ему землях. В таком случае тот период, во время которого Оком Гора завладел Сет, следует толковать как время хаоса и смуты в стране («смутное время»). С другой стороны, возвышение Сета можно интерпретировать и как аллегорию победоносного вторжения чужеземцев со стороны пустынь, обрамлявших плодородную долину Нила.

Однако в любом случае не приходится полностью полагаться на рациональное, предельно логичное объяснение мифологических событий. Они могли подразумевать не только земные, но и небесные явления. В некоторых случаях Оком Гора называлась Луна, а ее исчезновение с небосклона означало, что это Око похищено Сетом... А впрочем, слишком часто отдельные мифы о тех или иных богах (героях) не связаны между собой единством сюжета и действующих лиц, их помыслов и характеров. Это – не фрагменты некоего грандиозного произведения, а отдельные повествования, в которых проявляется авторская индивидуальность и отражаются – порой в причудливой поэтической или фантастической форме – текущие события тех далеких веков. Нередко исследователь, по правилам научного анализа, вводит порядок, стройность и законченность в разрозненные мифы, которые в совокупности не обладают такими качествами.

Тем не менее в тех случаях, когда речь идет о завершенном произведении, их анализ дает интересные результаты. Сошлемся на Р. Антеса. Он полагал, что многие мифы и легенды относились к разряду развлекательных сочинений. «Наиболее изощренный и пространный образец такого рода литературы, – писал он, – история борьбы Гора и Сета за право царствования в Египте. Она значительно расширяет наши знания мифологических деталей, поскольку обстоятельно излагает эпизоды, на которые в других источниках мы встречаем только намеки. Более того, она проливает свет на вопрос о том, как возникли мифологические повествования. Все действующие лица этой истории – божественные существа, как этого и следует ожидать в египетском тексте, но все они совершенно подобны людям, включая волшебницу Исиду.

Центром повествования является судебный процесс между неуклюжим, мужиковатым парнем Сетом, выступающим в качестве брата Исиды, и умным ребенком Гором, которому помогает его изобретательная мать. Судебный процесс ведется, разумеется, из-за наследия Осириса – царской власти, которую Гор и Исида требуют по закону, а Сет – по праву сильного... Рассказ начинается с решения суда, и оно же в конце концов счастливо завершает историю спора коронацией Гора в качестве царя Египта. Характерная черта концовки – появление Сета, примирившегося со своей судьбой... Поскольку решение окончательное, он охотно ему подчиняется, и его назначают к Ра... чтобы Сет пребывал при нем, подобно сыну, грозным бойцом в солнечной ладье».

Показательно, что судебный процесс описывается как долгая тяжба, в которую вовлекаются многие боги. Поэтому Антес назвал этот рассказ

пародией на медлительные судебные процессы и волокиту. Один из мелких божков (из числа судей) оскорбляет Ра, и тот ложится в своем шатре и дуется, капризничает, пока приход дочери Хатхор (Хатор), представшей перед ним нагой, не заставил его рассмеяться. Подобные события затягивают судебный процесс. Исида оскорбляет Сета, и он отказывается присутствовать на суде, пока там находится Исида. Разбирательство переносится на остров, куда запрещено перевозить женщин, но Исида хитростью преодолевает запрет. Решено было завершить спор поединком, для чего Сет и Гор превращаются в гиппопотамов. Исида поражает копьем Сета, но тотчас раскаивается, жалея брата, и вылечивает его. За это Гор обезглавливает мать. Сет его одолевает и вырывает Око. Исида на этот раз помогает сыну (словно он и не отрубал ей голову). Следующее соревнование – на ладьях – с помощью Исиды выигрывает Гор. Но окончательное решение зависит, как выясняется, не от всех этих испытаний, а от мнения Осириса, который свидетельствует в пользу своего сына Гора.

По мнению этнографа С. А. Токарева: «В этом мифе отражается не только известное явление природы – борьба злых сил пустыни с плодородием долины, – но и социальные мотивы: сын Осириса оспаривает его наследие у брата (семейное начало против родового)». Как видим, эти версии не столько отрицают, сколько дополняют то объяснение, которое было предложено Антесом. Ведь даже если данный миф – преимущественно литературное, а отчасти сатирическое произведение, в нем могли проявляться самые разные темы. Одна из них, наиболее древняя, связана с разделением Египта на Верхнее и Нижнее царства.

Фараоны второй династии именовались «Гор и Сет» или «Два сокола». Согласно этой версии Сет был повелителем Верхнего Египта (где преобладают пустыни), а Гор – Нижнего. В период Древнего царства Сет вовсе не был воплощением зла и коварства. Его наделяли доблестью и силой, ибо ему приписывалось спасение Ра от чудовищного змея Апопа: находясь на солнечной ладье, Сет поражал гарпуном этого врага.

Главными священными животными Сета считались осел и свинья («отвращение для богов»), а также антилопа, жираф.

При нашествии гиксосов Сет приобрел черты отрицательного персонажа, чуждого нильской долине. Его имя было связано с титулами фараонов XIX династии и означало «могучий». Постепенно Сет приобретал все более отчетливые черты злого и коварного бога. Дошло до того, что теперь его порой отождествляли с Апопом!

Подобные «перевертыши» достаточно характерны для духовной

культуры. Считается, что и те животные, которые первоначально почитались как священные (отголоски тотемических верований) и мясо которых по этой причине запрещалось к употреблению, впоследствии превращались в «грязных», «нечистых», не угодных богам (возможно, в борьбе с архаичными религиозными пережитками).

Как видим, первоначально боги представлялись подобными людям, им были присущи противоречивые черты, что естественно для живых персонажей, а не символов. Со временем, однако, происходило отдаление образов богов от людей (а также, добавим, и природных стихий). Теперь боги стали жить своей особенной жизнью, а противоречивые предания о них потребовали определенной упорядоченности. В результате образ Сета, в частности, превратился в олицетворение зла, приближаясь к образу библейского Сатаны.

В этом смысле сознание людей могло отражать процесс постоянно растущего опустынивания территорий, прилегающих к долине Нила. Это продолжалось около десяти тысячелетий в связи с деятельностью человека (прежде всего – выжиганием и вырубанием растительности). Творя пустыни, человек одновременно творил и образ злого и жестокого божества, которое воплощало не столько природные, сколько человеческие черты.

Хатор (Хатхор)

Эта богиня, подобно большинству богов Египта, многолика. В далекой древности она была преимущественно богиней неба, изображая женщину с головой коровы, между рогов которой помещался солнечный диск. Таков был вариант мифа о небесной корове, рождающей Солнце. Но ее называли также дочерью Ра. А как свидетельствует ее имя, она была женой Хора (Гора). В то же время она почиталась порой как Око Гора, или Око Ра. В качестве Ока Ра она отождествлялась с Тефнут, богиней влаги (утреннее Око Ра, приносящее росу?), с Сехмет – богиней войны и палящего Солнца (жаркое полуденное Око Ра?). В таком случае можно предположить, что Хатор была вечерним Оком Ра (подобное триединство божеств достаточно распространено в египетской мифологии).

Чаще всего Хатор (подобно двум другим ее образам) почиталась в

виде женщины с львиной головой. Пожалуй, именно в таком виде она истребляла людей... Впрочем, об этом имеет смысл рассказать подробно.

В одном из древних мифов о состарившемся одряхлевшем Ра, против которого люди замыслили недоброе (на этот миф мы уже ссылались, говоря о Нуне и Ра), боги посоветовали своему владыке: «Да пойдет Око твое и да поразит оно для тебя замышляющих злое... и да сойдет оно в образе Хатор».

И пошла богиня, и поразила она людей в пустыне.

Сказало величество бога этого: «Иди в мире, Хатор, ибо ты сделала то [для чего я послал тебя]».

Сказала богиня эта: «Жив ты, победила я людей, и сладостно это для сердца моего».

Сказал его величество Ра: «Могуч я». И возникло имя Сехмет». Сделаем отступление. Вера в магическую силу слова в данном случае соединяется с игрой слов: «сехмет» означает «могучий». Так не только материализуется, но уже само звучание, невольный каламбур чудесным образом реализуется. И то, что сказал Ра о себе, становится качеством и именем богини: Хатор-Сехмет.

Слово сказано, и богиня, почувствовав свою необычайную силу, принялась убивать людей. Однако Ра уже удовлетворился местью, и в душе его проснулась жалость к людям. Он приказал принести ему побольше красного камня «диди» (охры?), а также приготовить побольше пива. Растертый красный камень бросили в пиво, и оно стало подобным крови.

Было приготовлено 7000 сосудов с пивом. Посмотрел на них его величество Ра и сказал: «О как прекрасны они. Я спасу ими людей».

Сказал Ра: «Отнесите их в место, где она хочет убить там людей».

Его величество царь Верхнего и Нижнего Египта Ра поднялся рано в красотах ночи, чтоб дать вылить жидкость этих сосудов.

И были полны поля влагой до четырех мер (в высоту)...

Утром пришла эта богиня и нашла все залитым. И было лицо ее радостным там. И пила она, и сладостно было это сердцу ее. И пошла она пьяная и не узнала людей.

И сказал Ра богине этой:

«Иди в мире, о богиня могучая».

Таков миф. Он наводит на размышления. В бытовом плане мы узнаём, что богиня не просто любила пиво, но и упивалась допьяна, да так, что переставала узнавать людей. Ясно, что подобные случаи происходили не только с богинями или богами, но и с людьми.

Более того, пьянство, судя по всему, не считалось чем-то постыдным.

Ведь пьяные египтяне и египтянки, согласно свидетельству данного мифа (его связь с действительностью вряд ли можно отрицать), становились добрее и забывали даже о своих злых замыслах. Во всяком случае, хочется верить, что было именно так.

Есть у мифа и естественнонаучный аспект. В нем говорится – в аллегорической форме – о крупном наводнении в долине Нила. Мифы о потопах вообще очень характерны для самых разных племен и народов, обитающих в Евразии, Америке, Австралии. Наименее распространены они в Африке. В тех регионах, где наводнения были особенно сильны, например в Двуречье, возникали предания о всемирном потопе (одно из них вошло в Библию).

Основная область водного питания Нила лежит в экваториальной зоне, где распространены тропические леса, саванны и озера. Это обеспечивает реке относительную стабильность и сравнительно небольшие, верней некатастрофические, наводнения в период дождей. Как мы знаем, подобные регулярные разливы являются залогом плодородия полей. О каком же тогда потопе, особенно сильном, да еще с красной водой, может идти речь?

Об этом нетрудно догадаться. Дело в том, что южная половина Белого Нила – основного водного потока – расположена в зоне широкого распространения красноземов. Пять-шесть тысячелетий назад на месте нынешних пустынь и полупустынь этого района находились саванны, а на месте нынешних саванн – леса. Охотники, а затем скотоводы-кочевники и первые земледельцы стали активно выжигать и вырубать леса и примитивными способами обрабатывать почву. В результате началась эрозия земель. Во время сильных дождей красные почвы размывались и в огромном количестве поступали главным образом в Белый Нил от его левых притоков, большинство из которых позже превратились в сухие долины.

Это явление и наблюдали древние египтяне, сочинив по такому случаю историю с окраской пива в красный цвет и мощном наводнении. Возможно даже, что легенда возникла не сразу, а в первое время люди передавали сведения о сильных наводнениях с необычной красноватой водой. Постепенно подобные явления случались все реже и, наконец, прекратились вовсе: пустыни и полупустыни взяли свое, притоки Нила стали маловодными. Расширение опустыненных земель в Сахаре привело к тому, что в этом регионе климат стал значительно суше. Теперь уже «красные разливы» Нила остались только в преданиях.

Изменилось к тому времени и отношение к богине Хатор. Если когда-

то катастрофические нильские «потопы» приносили бедствия жителям долины, то нормальные периодические наводнения оставались благом. Хатор превратилась в покровительницу деревьев (она принимала образ финиковой пальмы, сикоморы) и дарующую плодородие богиню любви, музыки и пляски, веселья (как видим, не только на Руси веселье было связано и с питием).

Важную роль играла Хатор и в царстве мертвых, встречая души умерших и одаряя их животворной влагой. Ее атрибутом был музыкальный инструмент, изображения которого из сердолика, красного камня или фаянса носили как амулет, приносящий удачу.

В конце Нового царства Хатор стали отождествлять с Исидой, а древние греки – с Афродитой.

Тот

От большинства богов он отличается тем, что наименее противоречив. Он – бог мудрости, счета и письма, магии и чародейства, а также в некоторых воплощениях – бог Луны, «серебряного Атона».

Тота называли «писцом богов», «властелином письменности», «владыкой папируса», «изобретателем палитры и чернильницы», «властелином божественных слов» или «слов власти». Вера в силу слова, как мы знаем, у египтян была чрезвычайно велика. В одном из текстов повествуется в книге, написанной самим Тотом и содержащей две словесные формулы. «Первая зачарует (заколдует) небеса, землю, подземный мир, море и горы; с ее помощью ты увидишь всех птиц, гадов, рыб, ибо власть ее заставит рыб подняться на поверхность. Вторая даст возможность человеку и в могиле обрести тот облик, который он имел на земле» (воскресит умершего).

Как видим, надежда на всемогущие формулы была характерна еще в очень давние времена, и в нашу эпоху она возродилась как вера во всемогущество научных формул. Правда, древние придавали огромное значение именно божественному Слову, тогда как теперь слово обесценивается с каждым десятилетием.

«Так как он был властелином книг и владыкой речи, – писал У. Бадж, – считалось, что он владеет всеми знаниями – человеческими и божественными. При сотворении мира именно он был тем, кто выразил в словах волю невидимой и неведомой созидающей Силы и произнес эти слова так, что возник мир».

Являясь олицетворением знания, он сумел защитить Осириса и Гора, поведав Исиде «слова власти», магические заклинания, благодаря которым она смогла воскресить Осириса и обеспечить победу Гора над Сетом. Кстати, важно было не только знать «слова власти», но и произносить их без запинки, определенным образом. И всему этому Тот обучил Исиду.

В Книге Мертвых Тот, обращаясь к Осирису, произносит:

«Я – Тот, любимец Ра, властелин силы, доводящий до благополучного завершения то, что он делает, могущественный обладатель «слов власти», пребывающий в ладье Миллионов Лет, властелин законов, покоритель двух земель...» Нередко его называли «владыкой бедуинов», «владыкой чужеземных стран». Почему? Об этом остается только догадываться. Возможно, какие-то важные знания жители долины Нила почерпнули у обитателей окрестных земель еще в те времена, когда на месте Сахары преобладали саванны, то есть более пяти тысячелетий назад.

Священными животными Тота были павиан и ибис. На изображениях Тот нередко держал пальмовую ветвь – символ его власти над временем. Считалось, что он выделил годы, месяцы и дни, ведя им счет. Он научил отмечать дни рождения и смерти, а также вести летописи.

Очень важное место отводилось Тоту в погребальном культе. В Книге Мертвых сказано, что умерший попадает туда, где есть только «глубь неизмеримая, что темнее самой темной ночи, и люди блуждают в ней без

помощи». Умерший обращается к богу Тоту с просьбой: «Пусть положение духа будет дано мне вместо воды, воздуха, удовлетворения страстных любовных желаний и да будет мне спокойствие сердца вместо лепешек и пива». Показательно, что египтяне так высоко ценили именно «спокойствие сердца», а не те материальные блага, на которые стали так падки представители современной технической цивилизации.

Умерший, после череды испытаний и магических слов, предстает перед Тотом и просит заступиться за его новопреставленную душу перед богом. «Каким пребываешь ты здесь?» – спрашивает Тот. «Я очистился от зла, защищен от гибельных дел тех, кто живет в днях своих. Я не принадлежу к ним», – отвечает умерший.

Астрономические наблюдения, чтение и письмо, арифметические вычисления, знание календарных дат – все эти премудрости египетские жрецы держали в тайне от непосвященных. Заклинания были для них порой способом воздействия на сознание (и подсознание) людей. Но не менее часто ритуалы и заклинания служили прикрытием для использования положительных знаний: медицинских, астрономических, естественнонаучных.

Тот почитался как покровитель не только жрецов и магов, но и представителей всех интеллектуальных профессий. В период упадка египетской культуры на первый план вышли оккультные «знания», связанные с магическими заклинаниями, астрологией и алхимией. В античное время функции Тота унаследовал греческий бог Гермес. А в мистическом плане соединение Гермеса с Тотом привело к образу мага и волшебника Трисмегиста («трижды величайшего»), имя которого было особенно популярно у средневековых чернокнижников, алхимиков, астрологов.

Женой Тота была богиня истины и порядка Маат.

Надо подчеркнуть, что культ Тота показывает, какое большое значение придавали египтяне духовной культуре, знаниям, интеллекту. Не в этом ли был залог великих достижений египетской культуры, проникнутой светлым мировоззрением, несмотря на культ мертвых (или – благодаря ему?).

Есть еще один аспект представлений египтян о боге мудрости. Ведь он олицетворял два очень разных вида знания: рациональное, которое можно сопоставить с наукой и техникой, и мистическое, отчасти связанное с тем, что мы называем интуицией, проявлением подсознания. В первом случае речь идет о подлинном знании, а во втором – о стремлении преодолеть незнание, в чем призвана помочь религия.

«Однако не сумма знаний определяет качество интеллекта, –

справедливо отмечал Р. Антес. – Истинным критерием разума человека, очевидно, является вопрос, сознает ли он пределы своего знания. Он должен знать свое место в том, что касается рассудка, и в том, что связано с религиозным верованием. В общем, египетская история заставляет думать, что около 3000 (г.) до н. э. в Египте «магический разум» и «рациональный разум», т. е. религиозный и логический способы мышления, были более уравновешены, чем около 1000 г. до н. э. или даже в современном мире. Древнейшие египтяне пользовались разумом в самой высокой степени там, где это было нужно, и с должным уважением подходили к тому, что превышало их разумение».

Таков общий закон развития общественных систем. В период расцвета интеллектуальной жизни сохраняется гармония между рациональным знанием и мистикой, наукой и религией. Со временем рациональные знания начинают преобладать, а религия превращается в формальность, механическое исполнение ритуалов. А затем, в период кризиса и упадка, люди начинают уповать на мистику, неведомые силы, на чудо. В Египте такая смена эпох происходила несколько раз (в нашей стране – тоже).

Маат

Не случайно женой бога мудрости Тота была богиня истины, порядка и справедливости – Маат. Египтяне чтили мудрость не как хитроумие, изворотливость ума, способность на ловкий обман. Существовало представление о двух сестрах Маати, в чертог которых вступает умерший (порой они олицетворялись как Исида и Нефтис). В этом чертоге царили честность, чистота, справедливость, истина.

Не совсем ясно, что подразумевалось под двойственностью Маати, какая «двойная правда». То ли – субъективная и объективная, которые принято называть правдой (о позиции человека) и истиной (о позиции Бога или абстрактного судьи); то ли – очевидная, видимая и потаенная, требующая расследования и понимания... В любом случае важно подчеркнуть, что в конце концов это была двуединая Маат.

Символом Маат было страусовое перо (оно же и называлось «маат»). Возможно, оно служило наименьшей мерой веса, ибо в загробном мире на одну чашу весов клали сердце умершего, а на другую – перо или статуэтку Маат. Равновесие чаш весов считалось свидетельством честности и непогрешимости. Складывается впечатление, что и для живых тем самым поощрялись честность и справедливость в торговых делах.

В этой связи вспоминается гениальная денежная единица, изобретенная в Древнем Египте около четырех тысячелетий назад. Она называлась «шетит». Ею пользовались при обмене товарами, оценке недвижимости или рабского труда. «И тем не менее, – писал французский историк Пьер Монтэ, – эта единица была чисто теоретической. Официальным властям никогда не приходило в голову наделать из металла кружочки строго определенного веса и выбить на них соответствующее изображение, однако египтяне хорошо знали, какое количество золота, серебра или другого металла соответствовало по весу одному шетиту». Такова была совершенно умозрительная единица цены. Все знали, что такое шетит, и пользовались им, но никто никогда его не видел и не держал в руках. Его держали в уме. Так экономилось огромное количество драгоценного металла, сил и средств. Польза была не только материальная, но и моральная: невозможно было накапливать «шетитные» капиталы. Это одерживало человеческую алчность и исключало жульнические операции... Впрочем, возможность пользоваться мнимыми «деньгами» возникла именно потому, что египтяне высоко чтили честность, истину и

справедливость – в облике богине Маат. И если нечестивец исхитрится избежать мирского суда, то его непременно постигнет суд всевышний, божеский. В Чертоге Маати уже невозможно было прибегнуть к обману и лицемерию.

В одном из папирусов приведены «речи умершего, когда он, правдивый голосом, выходит из Чертога богинь Маати». Вот его слова: «Слава вам, о боги, обитающие в Чертоге богинь Маати, лишенные зла в телах своих, живущие праведно и правдиво, питающиеся правдой и праведностью...

О, дозвоьте мне прийти к вам, ибо я не совершил ошибок, я не грешил и не делал зла, я не лжесвидетельствовал... Я живу по правде и справедливости, и я питаюсь по правде и справедливости. Я соблюдал заповеди людей... Я был в мире с Богом, [исполняя] его волю. Я давал хлеб голодному, воду жаждущему, одежду нагому и лодку – потерпевшему кораблекрушение...» И в дальнейшем умерший не раз ссылается на Истину и Справедливость. Слово «правда» – одно из ключевых в церемонии прохождения умершего через Чертог Маати. Ему приходится отвечать на вопросы самых разных предметов: левой и правой стоек косяка, дверной петли, порога, петли засова.

Первый вопрос задают дверные засовы: «Мы не пропустим тебя, пока не назовешь наши имена». Ответ умершего: «Язык места Истины и Справедливости – ваше имя».

В гимнах Ра у солнечного бога называется надежная опора – богиня Маат. В одном из гимнов даже сказано: «Ра живет в прекрасной Маат». По-видимому, так подчеркивался тот факт, что для землян Солнце действительно является олицетворением порядка и справедливости,

бесконечной щедрости ко всему живому. И не случайно фараоны, желая подчеркнуть свое сходство с богом Солнца, нередко называли себя «владыка Маат». В середине III тысячелетия до н. э. верховный судья Египта носил титул «жрец Маат».

Как богиня порядка Маат являлась олицетворением не только социальной справедливости, но и политической устойчивости в государстве (отступление фараона или вельможи от правды считалось преступлением перед богиней), а также мирового порядка, законов природы и богов. В космогоническом смысле Маат придавалось первостепенное значение: порядок противостоял хаосу.

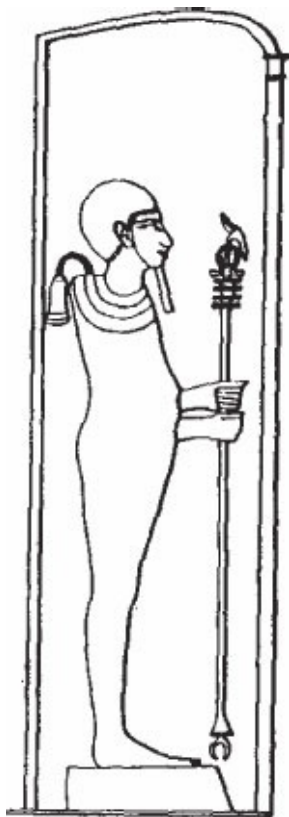
Есть глубокий философский смысл в том, что существует единство порядка в мире природы, мире людей и в душе человеческой. Только в этом случае общество обладает стабильностью, а культура находится в расцвете.

Птах (Пта)

Образ этого бога и смысл, который был сопряжен с ним, во многом остаются загадочными. Он относится к числу наиболее древних богов и был всевышним покровителем города Мемфиса. Культ его был распространен в Нубии, Палестине, но прежде всего – в Египте, где он – около пяти тысячелетий назад – превратился в главного бога Египта, когда Мемфис стал его столицей.

Тогда начался первый период расцвета египетской культуры. Однако восстанавливать древнейшие представления о Птахе приходится по «Мемфисскому теологическому трактату» – надписи на монолите, сделанной около 700 г. до н. э. Но, по мнению специалистов, на монолите воспроизведен текст древнего папируса, написанного около 2500 г. до н. э.

В этом трактате Птах назван великим и огромным, унаследовавшим свою силу от всех богов и их духов. Мысль о творении, зародившаяся у Птаха, сравнивается с появлением Атума, солнечного света.

Девятка первобогов Атума возникла из его семени и пальцев, а

Девятка богов Пта – это зубы и губы в этих устах, которые произносят названия всех вещей... Девятка создала видение глаз, слух ушей, обоняние носа, дабы они передавали все это сердцу, ибо всякое знание происходит от него, язык же повторяет лишь то, что замыслено сердцем.

Создается впечатление, что данный миф объединяет две версии о сотворении мира: гелиопольскую, в которой первенствует Атум, и мемфисскую. И если Атум творит материальный мир, то Птах – духовный (сердце в те времена считалось средоточием души).

Благодаря божественному слову была создана жизненная сила богов и людей. Так дана была жизнь добродетельному и смерть преступному. Так были сотворены всякие работы, всякие искусства, согласное движение рук, ног и всех членов по приказу, задуманному сердцем и выраженному языком.

И было сказано о Птахе: «Он, сотворивший все сущее и воссоздавший богов». Так было установлено и признано, что его могущество превосходит могущества других богов.

Умиротворился Птах, создав все вещи и божественные слова. Он породил богов, создал города, основал номы, водрузил богов в их святилища, учредил их жертвоприношения, основал их храмы. И вошли по его воле боги каждый в свое тело из всех пород деревьев, камня и глины, и приняли в них свой облик.

В этом мифе Птах выступает не только творцом и демиургом, но и культурным героем. Как творец, одухотворявший все сущее, он является одновременно мужским и женским первичным океаном, отцом и матерью Атума, сердцем и языком Эннеады (девятки первобогов) и Нефертемом, который находится у носа Ра.

Здесь мы вновь сталкиваемся с очень распространенным поверьем, что в божественном слове заключена необычайная творческая сила. Создание мира представлено как творение словом. Однако в отличие от более позднего библейского варианта, в данном случае как будто не сказано о сотворении из ничего. Существование материальных объектов не интересует автора (или авторов) мифа, они могли в принципе присутствовать, но без их осмысления, без их восприятия и обозначения словом они как бы остаются в небытии: без субъекта нет объекта.

В «Меифисском теологическом трактате», как видим, рассматриваются серьезные философские проблемы. Образ Птаха олицетворяет не только душу, но и разум (с нею нераздельный?). Именно сила разума – божественного Слова – является творческой силой, благодаря которой привносятся гармония, порядок в мир природы и мир людей.

Интересно, что в гимне богу Нила Хапи Птах упоминается в связи с плодородием земли. В этом своем качестве Птах отождествлялся с другим богом – Хнумом, который тоже выступал в роли демиурга. Но если Хнум изображался бараном или человеком с бараньей головой, то Птах предстал в виде мужчины в плотно облегающем его одеянии, с посохом в руке.

Птаха отождествляли со многими другими богами, женой его называли Сехмет, а то и других богинь. Но почему его изображали в странном виде путника, закрытого одеждой? Этим он отличался от всех других богов.

Ответ на вопрос может дать перевод слова «птах» – открывающий. Считалось, что он «отверзает уста» богов и открывает день при восходе Солнца. Можно предположить, что Птах олицетворял и открытие мира, познание (не потому ли он изображен как путник?). А то, что он плотно прикрыт – за исключением кистей рук и ступней – показывает, насколько плотен покров тайн, скрывающих от наших глаз истинную сущность бытия.

В таком случае Птах должен олицетворять одновременно и незнание (неведомое) и открытие. Ведь для египтян понятие тайны обычно сопутствовало представлениям о боге. Вот некоторые определения, которые они давали богу:

«Бог есть дух, скрытый дух, дух духов, великий дух египтян, божественный дух».

«Бог есть сокровенное Существо, и ни один человек не знает Его образ. Ни один человек не может искать Его облик; Он скрыт от богов и людей, и Он – тайна для своих творений».

«Ни один человек не знает, как познать Его. Имя Его остается сокровенным; имя Его – тайна для детей Его. Имена Его бесчисленны, они различны, и никто не знает число их».

«Бог есть истина; Он живет истиной, и Он питается ею. Он – царь истины. Он опирается на истину. Он создал истину, и Он вершит ее во всем мире».

«Бог есть жизнь, и лишь через Него человек живет. Бог дает жизнь человеку, и Он вдыхает дыхание жизни в ноздри его».

Если исходить из подобных текстов, то создается впечатление о вере египтян не только во множество разнообразных богов, но и в единого Бога, олицетворяющего жизнь и разум и вечно присутствующего в мире. В таком случае и Птах предстает как одно из проявлений этого Бога, одно из имен Иего, лишь частично, лишь в малой части открытого людям.

Двуречье (Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилон)

Этот обширный регион оспаривает пальму первенства у Египта как первоначальный центр цивилизации. И если первые крупные государственные объединения сначала возникли в долине Нила, а не в Двуречье, то первые очаги производящего хозяйства и поселения городского типа оформились в низкогорьях, обрамляющих долину Тигра и Евфрата (а также на полуострове Малая Азия и восточном Присредиземноморье).

Особенности духовной культуры и, в частности, религиозных воззрений во многом определяются своеобразием природной обстановки. Ее принято рассматривать подобием сценической площадки, на которой разворачивается трагикомедия человеческого бытия. Но в действительности именно природа является одним из активных участников этого действия. Она меняется под влиянием деятельности человека, и это влечет за собой изменения хозяйственного уклада, материальной культуры, верований.

Например, на Ближнем Востоке около десяти тысячелетий назад преобладали культы, связанные с мужским началом и охотой на крупных млекопитающих. Наиболее часто культовым символом выступал дикий бык. Однако со временем – если судить по множеству глиняных и каменных фигурок – на первый план вышел образ божественной богини-матери. Тогда же происходил переход от присваивающего (охота, рыболовство, собирательство) к производящему хозяйству (земледелие, скотоводство).

Нет оснований сомневаться в том, что эти изменения в материальной и духовной культуре происходили одновременно, были взаимообусловлены. Прежде ученые склонны были видеть первопричину подобной эволюции в изменениях климата. Мол, заканчивался ледниковый период, началось глобальное потепление и повышение уровня Мирового океана, перестройка климатической зональности... Подобные умозрительные рассуждения не подтверждаются материалами палеоклиматических и палеонтологических исследований. Напротив, выявилась очевидная связь распространения человека в Новом Свете, Австралии, на островах и последующего резкого уменьшения здесь количества и разнообразия крупных млекопитающих,

птиц.

Конечно, для нашей темы эта проблема не принципиальна. Однако она позволяет, как мы позже убедимся, понять некоторые особенности «бытия богов», а также по-новому осмыслить суть знаменитого предания о всемирном потопе.

В отличие от долины Нила, которую ежегодно «удобряет» плодородный ил, наводнения Тигра и Евфрата чаще всего носят катастрофический характер. Это обстоятельство, безусловно, влияло на развитие цивилизации в данном регионе. Долина Нила протягивается единой широкой полосой через сравнительно малолюдные опустыненные районы. В Двуречье, напротив, окультуренные земли располагались отдельными очагами, а на окружающих территориях обитали разнообразные племена и народы, постоянно вторгавшиеся в пределы этих очагов цивилизации, которые нередко враждовали между собой.

Подобная разобщенность и частые конфликты никак не способствовали созданию единого пантеона богов с более или менее определенной Иерархией, хотя некоторые великие боги переходили из века в век и от народа к народу, так же как отдельные предания. Такую устойчивость верований можно объяснить как относительным единством духовного разных народов и рас, так и единством – тоже относительным – природной обстановки.

Цивилизация в Месопотамии (Двуречье) распространялась, как мы уже говорили, от предгорий в долину по мере оскудения природных ресурсов (сведения лесов, истощения почв, эрозии земель). В долине устойчивое оседлое земледелие и скотоводство были возможны на основе орошения, регулирования течения рек. Этим занимались шумеры, которые относятся к древнейшему населению региона (досемитическому). Существовали отдельные общины, поселения городского типа, окруженные сельскохозяйственными угодьями. У каждой общины был свой местный бог-покровитель. Единой системы богов у них не было.

Во взаимоотношениях богов многое зависело от социально-политических обстоятельств. Так, небольшой поселок Гирсу имел своего покровителя – Нингирсу. Когда это поселение вошло в объединение, где самым крупным населенным пунктом был город Лагаш, Нингирсу (по неясным причинам) стал общим богом-покровителем. Когда к объединению примкнул поселок, где чтили богиню Бау, то ее стали считать женой Нингирсу.

Религиозные воззрения, игравшие важную роль в духовном единении, имели общественный характер (прежде преобладали семейные божества), о

чем свидетельствуют развалины храмов, обычно возводившихся на одном и том же месте с самого раннего периода (шесть-восемь тысячелетий назад). Постепенно, благодаря торговым и культурным связям между общинами, стали оформляться единые образы великих богов и культурных героев.

В отличие от Египта, в этом регионе боги имели облик людей или, реже, зверей и рыб с человеческими головами (в Египте подобные боги имели головы животных). Чем объяснить такое различие? Возможно тем, что в Египте первоосновой хозяйства в глубокой древности были охота и скотоводство, тогда как в Двуречье – поливное земледелие.

«Интересно, – пишет шумеролог В. К. Афанасьева, – какими представляли себе всемогущих богов шумеры. Мир чувств этих богов подчеркнуто низменен и груб. Они не только велики, но и ужасны. Как и боги античности, они наделены всяческими человеческими слабостями. Они создают людей в пьяном виде; из-за одного каприза они способны погубить все живое, они грязны и неопрятны; так, бог Энки из-под ногтя, окрашенного в красный цвет, извлекает глину и создает неопрятное, мерзкое существо».

Относительно пьянства мифология Египта тоже далека от идеала. Вспоминается эпизод, когда пришлось устроить поистине «пивной потоп» для того, чтобы богиня-львица Хатор-Сехмет допилась до того, что перестала узнавать людей. То, что боги Двуречья грязны, а точнее сказать, вынуждены возиться в глине, тоже не удивительно. Обилие камня в Египте предоставляло прекрасную возможность строить величественные храмы, пирамиды, дворцы. Обширная Месопотамская низменность вынуждала людей изготавливать строительный материал из глины. Необходимость выкапывать и регулярно расчищать каналы тоже заставляла «возиться в грязи», работая мотыгой.

Кстати, об этом превосходно сказано в замечательной шумерской поэме о споре Мотыги с Плугом. Плуг похвастается своим величием, тем, что царь держит его рукоять и ради плуга впрягает в ярмо быков, тогда как по сторонам толпится знать, а народ веселится и ликует (кстати говоря, употребляя хмельные напитки). Так, по-видимому, праздновали в Шумере начало земледельческих работ. А Мотыга, как брезгливо говорит Плуг, постоянно в грязи копошится и, подобно кирпичной форме, всегда грязна, копая колодцы и роя каналы. Она недостойна царской руки!

В ответ Мотыга перечисляет Плугу многообразные работы, которые она выполняет, а прежде всего – регулируя воду на полях и подготавливая их к пахоте, а также активно участвуя в строительстве. Даже для мореходства она приносит великую пользу, добывая и используя вар, готова

смолу. Наконец ведь сам Энлиль, взявшись за Мотыгу, отделил небо от земли! Тут уже не остается сомнения в том, что Мотыга превосходнее Плуга.

...Когда современный горожанин говорит «грязь», не следует забывать, что для земледельца это может быть великолепным черноземом, а для строителя – прекрасным строительным материалом. Между прочим, глина – хорошее моющее и отбеливающее средство (безусловно, не всякая).

И еще одно замечание. Природные условия и географическое положение Двуречья во многом определяли суровость быта и нравов местного населения (в отличие от жителей долины Нила). Здесь часты были жестокие войны – в отчаянной борьбе за выживание и сохранение земельных угодий, оросительных систем; нередко сюда вторгались кочевники, порой объединявшиеся в достаточно крупные армии.

По сравнению с нильской долиной земли Двуречья подвержены эрозии, засолению, а почвы со временем деградируют. В результате перевыпаса или выхода из строя ирригационных систем, изменений речного русла хозяйство приходит в упадок, а пустыни расширяют свои пределы.

Помимо природы на характере духовной культуры существенно сказываются интеллектуальные, эмоциональные, нравственные особенности людей. Однако в этом отношении основы духовного мира человека оказались удивительно устойчивыми. Порой создается впечатление, что менялись одежды, быт и нравы, а человеческие типы переходили из тысячелетия в тысячелетие почти не меняясь, а изменчивым было лишь количественное соотношение этих типов.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к некоторым высказываниям, запечатленным клинописью на глиняных табличках в Древнем Двуречье и поныне не утратившим актуальности:

- О сказанном в спешке можешь пожалеть позже.
- Взять в долг так же [легко], как заняться любовью, но возвращать его так же тяжело, как вынашивать ребенка.
- Только боги живут вечно под божественным солнцем; но дни человека сочтены, все дела его лишь ветер.
- Поднимись на древние руины и пройди по ним; посмотри-ка на черепа простых и великих. Какие из них принадлежали святым, а какие – грешникам?
- Будь справедлив к своему врагу, делай добро, будь добр во все твои дни.

– Есть и царь над тобой, и правитель, но бойся сборщика налогов.

– Кто роет другому яму, сам в нее попадет.

– Не позволяй наступать тебе на ноги, дабы потом не дерзнули наступить тебе на шею.

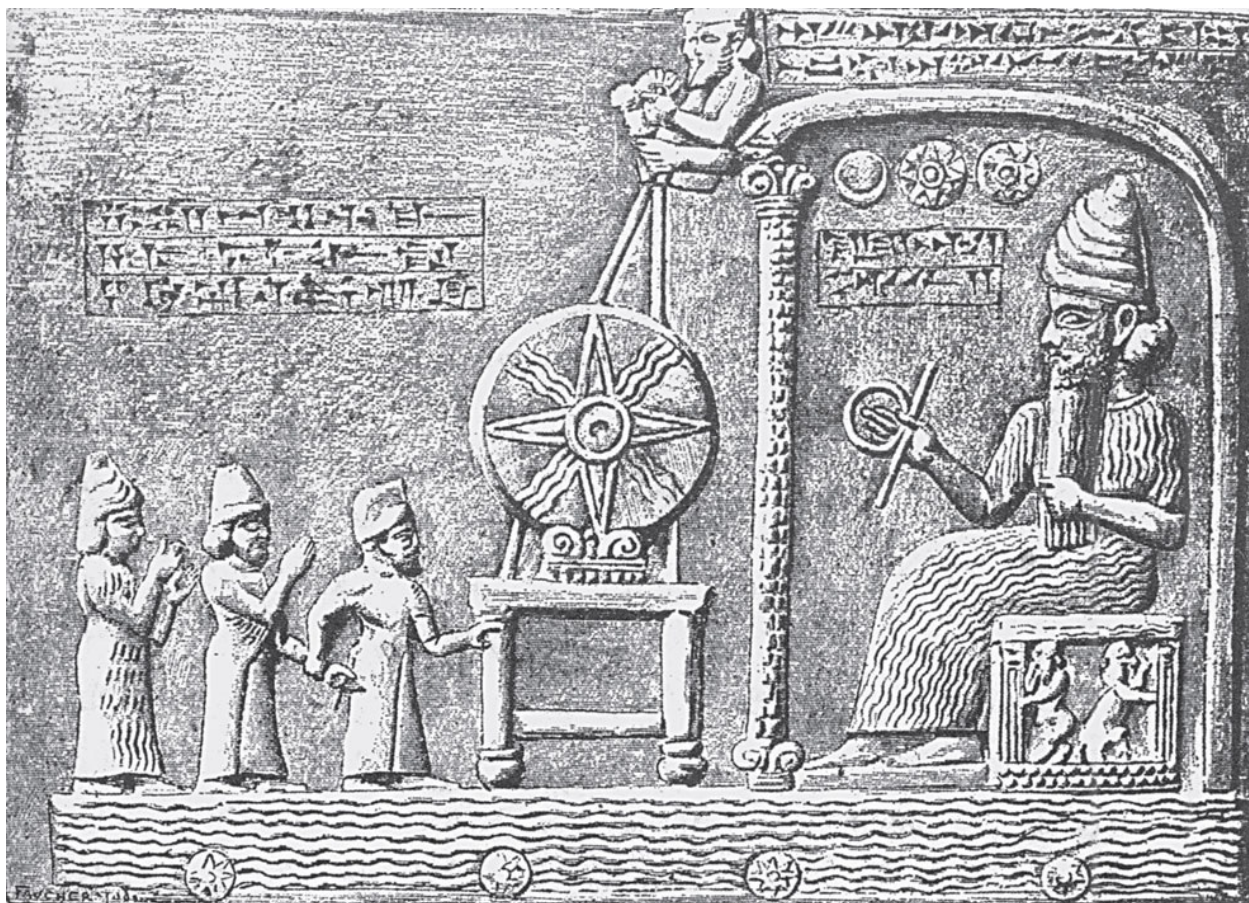
– Лучше с мудрым человеком носить камни, чем с глупым вино пить.

– Не будь без меры сладок, чтоб тебя не проглотили. Не будь без меры горек, чтоб тебя не выплюнули.

Птах (Пта)

Ан в переводе с шумерского – небо. Так же назывался и бог неба – один из наиболее чтимых и в то же время весьма загадочных в пантеоне шумерских божеств. Предполагается, что в доисторические (до письменности) времена он был просто олицетворением или названием неба. По-видимому, тогда главой богов, их праматерью было женское божество. Недаром в одном из древнейших мифов сказано: «Намму-праматерь, прародительница, всех великих богов она созидательница».

Надо заметить, что людям и сотню тысячелетий назад было известно, что рожать, «создавать» себе подобных способны только женщины, а не мужчины. У многих первобытных племен считалось, что роль мужчин в процессе зачатия неопределенна или вообще сомнительна. И когда у египтян первобог вынужден оплодотворять сам себя, этот противоестественный процесс имеет оправдание лишь в том, что таким образом возвеличивается роль мужчины в сотворении богов и людей. Иначе говоря, таким образом мужчины утверждали свое преимущество, первенство перед женщинами.

Складывается впечатление, что, возвеличивая богиню Намму, шумеры не только отдавали должное своим более древним преданиям – времен матриархата, – но и проявляли здравый смысл. Кстати, у пресмыкающихся существуют сообщества без мужских особей (так называемый партеногенез – девственное размножение).

О происхождении всего сущего шумеры предпочитали много не рассуждать, и об этом в их мифах и сказаниях говорится и очень редко, и вскользь. Намму они называли матерью, создавшей небо и землю. Возможно, она олицетворяла первоизданный океан. Но не исключено, что подобный замысловатый, многоплановый образ – творение более поздних толкователей и пересказчиков мифов.

Вряд ли понятие «океан» было близко сознанию и представлениям шумеров. Скорее всего, праматерь была олицетворением жизни, а появление первой пары богов – олицетворением мужского (небо) и женского (земля) начала. Тем более что первые боги росли порознь: на горе – бог Ан, а богиня у подножья горы. Возмужав и соединившись, они породили сначала могучего Энлиля, а затем и других богов.

Не отражает ли это предание то вполне правдоподобное обстоятельство, что становление шумерской цивилизации произошло в результате объединения племен, обитавших в низменной части Двуречья, и тех, которые спустились с окрестных предгорий? Известно, что предки нередко превращались в мифологических персонажей.

Однако в одном из мифов как бы между прочим творцом всех божеств назван Ан: «На горе Небес и Земли, когда Ан сотворил Аннунаков...» Здесь уже и вовсе не упоминается женское начало. Возможно, таким образом заявил о себе укоренившийся патриархат.

В гимне, посвященном богу Энки, сказано: «Ан – отец твой, царь-владыка, семени испускатель, он, что все на земле для людей устроил». В данном случае Ан выступает творцом материального мира природы, который суждено созидать дальше богу Энки. С другой стороны, знак «ан» у шумеров обозначал общее понятие «бог». В этом смысле божественное небо могло символизировать духовное божественное начало вообще, в отличие от земного, материального.

Есть еще одно обстоятельство, которое благоприятствовало возвышению этого бога: он был верховным божеством-покровителем города Урука. А этот город Южной Месопотамии 5,5 тысячелетий назад был едва ли не самым «цивилизованным» населенным пунктом не только в Двуречье, но и во всем мире. Он был построен из кирпичей (высушенных на солнце), имел храмы, мастерские ремесленников, торговые склады, четкую социальную структуру. По-видимому, именно здесь около 3300 г. до н. э. зародилась письменность.

Естественно, первые записи носили утилитарный характер и были примитивными: на глиняные таблички заносились названия товаров и указывалось их количество, отмечались результаты торговых сделок. Это вовсе не означает, будто материальные интересы имели приоритет перед духовными. Идеи передавались из поколения в поколение устно, как драгоценности, а также выражались в форме произведений изобразительного искусства.

Судя по всему, возвышение Урука превратило Ана в общешумерского «отца богов», восседающего на небесном троне. Впрочем, особой активности он не проявлял после того, как по его воле возникали сонмы богов. В более поздних аккадских версиях несколько богов, олицетворяющих небесные светила, захотели лишить Ана его единоличной власти (своеобразная аристократическая революция на небесах). Ан проявляет бдительность и расторопность, послав семерку злых демонов против бога Луны (Нанны). Они берут в плен Нанну, которого вызволяет

другой могучий бог Энки. В этом эпизоде нетрудно усмотреть аллегорическое описание лунного затмения. В то же время заговор богов может свидетельствовать о недовольстве ряда городов возвышением Урука (и соответственно его бога-покровителя).

В некоторых мифах Ан уступает свой трон старшему сыну Энлилю, богу-покровителю Ниппура. Возможно, это должно означать возвышение именно этого центра. И хотя во всех мифологиях земной владыка уподоблялся небесному, в действительности на судьбах богов отражались события, происходящие в обществе.

Шумеры отличались здравым смыслом и не имели склонности к размышлениям о том, что превышало их разумение, в частности – о первоначале мироздания. Они воспринимали природу как нечто извечно сущее, но не освещенное светом разума, не осмысленное человеком. «По шумерским представлениям, – писал советский мифолог В. А. Якобсон, – то, что «не имеет имени» не существует. «Назвать по имени», «дать имя» – значит вызвать к жизни». В общем, это примерно то же, что означало «творение словом», которое в Библии трактуется как создание из ничего, а в более ранних мифологиях – из хаоса или, как у шумеров, из неназванного, не осмысленного, не выраженного словом.

В одном из древнейших шумерских текстов сказано: и «Ан господином был. Ан сиял – Ки (земля. – Р. Б.) темна была, на подземный мир не смотрела...

Ан и Ки вместе были,

В браке не состояли.

Месяц не сиял – тьма все объяла...»

Получается, что пребывала во тьме земля, еще не имевшая богов и людей, а значит, не осмысленная никем. Впрочем, это объяснение не более чем догадка.

В более позднем аккадском тексте, который использовали как заклинание от зубной боли, все начинается от самого сотворения мира, которое описывается так:

После того как Ану сотворил небо,

Небо сотворило землю,

Земля сотворила реки,

Реки сотворили каналы...

Здесь уже намечен эволюционный ряд, последовательность творений.

В принципе она отвечает принятым ныне космогоническим представлениям, если под небом подразумевать Космос, а Ану считать неведомыми космическими силами. Хотя о Космосе (Вселенной) шумерские мифы умалчивают, выделяя только «ан-ки» (небо-земля), которые вначале были нераздельны.

Надо заметить, что такое разделение, а то и противопоставление (отличаются – как небо и земля!) сохраняется у разных народов сотни и тысячи лет. А у шумеров, как мы знаем, на небесах находился всевышний – Ан.

Только в сравнительно поздних мифах Ан проявляет некоторую активность. В аккадском предании о мудреце, жреце и колдуне Адапе, бог неба Ану был обеспокоен долгим отсутствием Южного ветра. Ему доложили, что крылья ветру сломаны из-за магического заклинания Адапы, у которого Южный Ветер потопил лодку, не дав наловить рыбы для святилища бога Эа. Разгневанный Ану приказывает привести к нему Адапу и поначалу желает дать ему пищу и воду смерти. Эа предусмотрительно советует Адапе не притрагиваться к еде и питью, которые предложит Ану, Адапа так и делает, не зная, что Ану сменил гнев на милость и решил угостить мудреца пищей и водой жизни, благодаря которой человечество обретет бессмертие. Отказавшись от такого дара, Адапа лишил людей бессмертия.

Как видим, со временем образ бога неба не обрел каких-либо сверхобычных качеств, оставшись подобием человека. О его отношениях с женой, богиней земли Ки, или деятельности как демиурга ничего, в сущности, не известно. Шумеры видели купол неба над головой и огромную низменность, на которой они трудились, предпочитая размышлять о предметах и явлениях реальных, а не умозрительных.

Энлиль (Эллиль)

В Шумере и Аккаде этот бог занимал одно из главенствующих положений, порой становясь величайшим, превосходящим даже «отца богов» Ана.

Восхвалению Энлиля посвящен один из наиболее пространных и популярных шумерских гимнов, который начинается так:

– Энлиль! Повсюду могучие кличи его, священные речи его!
То, что из уст его, – ненарушимо, что присудил он – дано навечно.
Он взоры вздымает – колеблет горы!
Он свет излучает – пронзает горы!
Отец Энлиль восседает державно в священном капище...

(Здесь и далее переводы В. К. Афанасьевой)

Безусловно, авторы (или автор) гимна расточают наивысшие похвалы и эпитеты Энлилю во многом потому, что обращаются именно к нему, называя исполином, владыкой, мудрецом, могучим разумом, Могучим Утесом и т. д.

Энлиль! Добрый пастырь Вселенной.
Пастух, что ведает всеми жизнями,
Чье княжение восходит в сиянье!
Тиарой священной себя венчал он!
Когда он в горах восседает на троне,
Он, как радуга, обнимает небо,
Как плывущее облако, парит в поднебесье!
Князь небес – только он, дракон земли – только он!
Величайший среди ануннаков – он!
Он сам называет судьбы,
И никто из богов его не видит!

Надо заметить, что в некоторых мифах Энлиль предстает не столь уж добрым в своих деяниях, как не раз подчеркивается в гимне. По

отношению к людям он порой выступает как жестокая и могучая стихия, а то и раздражительный, злой бог, насылающий на землю бедствия: потопа, засуху, засоление почв, эпидемии. Но страх перед ним заставляет, по-видимому, непомерно восхвалять того, от кого зависят людские судьбы:

Энлиль! Твое совершенство заставляет умолкнуть!
Суть твою не понять, не распутать нити,
Нити в скрещенье, незримые смертным.
Во славу божью твою – сражаться!
Ты себе сам – господин и советчик!
Твои замыслы кто угадает?
Твои тайные силы никому не подвластны!
Твой лик невидим ни одному богу!
Верховный жрец, бог, Энлиль – ты!
Верховный судья небес и земли – ты!

Обращает на себя внимание настойчивое повторение мысли, что невозможно увидеть Энлиля ни людям, ни богам, невозможно постичь его суть и догадаться о его замыслах. Так проявляется представление людей о том, что существует нечто высшее, не доступное человеческому разумению. То, что ты не в силах понять и от чего ты зависишь, внушает

благоговение и страх, а также желание умиловать это нечто.

Образ подобного существа остается тайной. Поэтому ограниченному воображению приходится прибегать к привычным обликам: людей, животных, растений, а также фантастическим сочетаниям их отдельных фрагментов. Кроме того, используются также образы величественных природных объектов и земных стихий.

Каким образом проявляет могущественный бог свою силу, как реализует свои замыслы? Словом!

Твое несравненное Слово! Могучее оно!
Как небеса оно! Как туча оно!
По Слову твоему ануннаки-боги создают плодородие!
Слово твое небесам – опора, Слово твое земле – основа!
Небесам опора, небесам поддержка,
Земле – основа неразрушимая!
К небесам приближаясь, оно плодородно:
Льет дождем с небес изобилие!
К земле приближаясь, оно плодоносно:
Плоды земли растут в изобилие!
Слово твое! Плоды – оно! Слово твое! Зерно – оно!
Слово твое – полноводный поток, жизнь всех поднебесных стран!

Божественное Слово, как следует из текста, отличается от слова человеческого. Это – особенная сущность, проявление воли высших сил. Божественное Слово воплощается в залог порядка в мироздании, а также движения облаков, выпадения дождя, произрастания плодов... На современном научном языке это – упорядоченная энергия, а точнее – информация, присутствующая повсюду как одна из основ бытия.

В некоторых мифах, однако, Энлиль предстает не как божество космическое, а в виде знатного человека, которому ничто человеческое не чуждо. Правда, в последующем действие переносится в миры иные, божественные. Создается впечатление, что в подобных случаях произошло слияние преданий об обожествленных предках и космогонических мифов.

В сказании об Энлиле и Нинлиль будущий великий бог живет – отроком – в городе Ниппуре (сначала возносится хвала именно прекрасному и благообильному городу). Здесь же живет и юная Нинлиль. (Сходство имен свидетельствует, пожалуй, о том, что в более древнем космогоническом мифе это были парные божества, возникшие изначально

от брака Ан и Ки; но теперь уже главенствует в обществе не семья, а община, и потому в начале сказания не семейные узы, а город Ниппур называется «связью земли и неба».)

Мать Нинлиль дает совет дочери не купаться в реке, чтобы не лишиться невинности:

– Ясноглазый, Повелитель, Остроокий – око его тебя узреет.
Утес Могучий, Отец Энлиль...
Пастырь, Судеб Вершитель, Остроокий – око его тебя узреет.
Он корень воздымет, тебя он обнимет, радость сердца, семя
блаженства в утробу твою испустит, а потом покинет.

Судя по всему, в городе хорошо знали нрав похотливого Энлиля, который в данном отрывке восхваляется как повелитель и даже «Отец», словно уже забыта прежняя характеристика его: «Энлиль юный – отрок града». В мифах, однако, на подобные хронологические или логические неувязки обычно не обращается внимания; этим мифы напоминают сновидения.

Случилось то, чего так опасалась умудренная опытом мать Нинлиль. Правда, при первой встрече юная дева отвергает предложение Энлиля сблизиться, ссылаясь на свою невинность. Разочарованный Энлиль обращается за помощью к своему советчику Нуску (между прочим, в приведенном выше гимне утверждалось, что всемогущий бог – сам себе господин и советчик). Солнечный бог Нуску советует использовать с целью похищения девушки ладью. По-видимому, прогулка по реке на ладье привлекала юных горожанок.

Заманив Нинлиль в ладью, Энлиль овладевает ею. Но тем самым он нарушает строгий запрет на подобные блудодеяния. (Нетрудно догадаться, что сказание призвано было утешить и остеречь мужчин, хитростью или силой лишаящих девиц невинности: даже могучему богу это не прощается!) Тем более что Нинлиль – дочь знатных родителей: мать ее Нунбаршегуну – жена бога Хайя (или, по другой версии, Урумаша). Боги приговаривают сексуального преступника к изгнанию из города-государства, что приравнивается к переходу в подземный мир. И хотя мифологическое время и пространство не соответствуют реальным, в этом случае усматривается уподобление изгнания из общины переходу в мир мрака и ужаса (действительно, любой общинник был своего рода клеточкой сверхорганизма).

И тут неожиданно за Энлиля вступается Нинлиль, полюбившая его, а еще и беременная его ребенком. Она следует за ним в подземный мир, обрекая на безрадостное существование и свое неродившееся еще дитя. Но Энлиль находит выход: он решил произвести на свет других детей, которые могли бы заменить его первенца. Он приказывает Нинлиль исполнять в подземном мире желания каждого, кто встретится на пути. И отправляется в изгнание первым.

В подземном мире предстал перед ней привратник и потребовал отдаться ему. Несмотря на то что в ее чреве рос сын Наннара, она вынуждена была исполнить просьбу привратника и зачала от него бога Месламтеа. Но тут выяснилось, что привратником обернулся Энлиль, а значит, она не совершила греха. То же повторилось и с хозяином реки, и с лодочником, перевозившим умерших. Таким образом три младших сына Энлиля могли теперь остаться в подземном мире, в обмен на свободу отца, матери и старшего сына Наннара (или Нанна, Суэн – имена бога Луны).

Из подземного мира поднялся Наннар к оловянному своду небес к деду своему Ану, но только не на седьмое, а на шестое небо. Он отправился в путь по небесным лугам, за ним последовали созвездия, подобно пасущимся быкам. Его сыном стал бог Солнца – Уту. С той поры первую половину суток мир находится под покровительством лунного бога Наннара, а вторую половину – его сиятельного сына Уту. (Кстати сказать, с той шумерской поры вошло в правило начинать сутки с полуночи, а не с восхода Солнца.)

Таким образом искупив свою вину (точнее сказать, откупившись, – что было, как видим, в шумерских традициях), Энлиль смог вернуться в свой родной город. Семь величайших богов, вершители судеб Вселенной, осудившие его, снова признали его своим владыкой. Он воздвиг в Ниппуре дворец из лазурита, откуда стал управлять подвластными ему землями. Главным помощником и советником Энлиля стал его мудрый брат Энки.

За всем этим переплетением земных и космических, реалистичных и фантастических событий усматривается еще одна ипостась Энлиля – как бога умирающей и воскрешающей природы. Он, как зерно, уходит в землю, чтобы после чудесных превращений выйти вновь на свет зеленым ростком. Об этом свидетельствует и финал гимна Энлилю:

Ты победитель, ты покоритель, воистину это ты!

Ты хозяин льна, господин зерна, что им рост дает, воистину это ты!

Властелин небес, плодородие, господин небес, воистину это ты!

Энлиль небесный, Энлиль владычный!
Слово, что он молвит, нельзя преступить.
Дела, что творит он, нельзя изменить!
Хвала за дела, за мать Нинлиль,
Отче Энлиль, хвала!

В другом сказании – о женитьбе Энлиля – история соблазнения Нинлиль, которая поначалу носит девичье имя Суд, выглядит более благопристойно. Он видит, проходя в городе Эреше (где и была создана эта легенда), прекрасную Суд, стоящую в воротах. Полагая, что это гетера, он заговаривает с ней, обещая щедро наградить или даже сделать своей наложницей. В ответ она произносит что-то вроде «Да за кого вы меня принимаете?!» и предлагает сделать предложение по всем правилам. Энлиль так и поступает, согласно обычаю, посылая сватов и богатейшие дары в дом невесты. За свадьбой следует брачная ночь, и Суд приобщается к славным богам; ей определено покровительствовать роженицам, а также плодородию полей.

«В этих рассказах, – комментирует текст В. К. Афанасьева, – сталкиваются и противопоставляются друг другу не только и не столько стадияльные бытийные формы развития общества, сколько эзотерический и экзотерический мифологические пласты». Но складывается впечатление, что мифологи вообще склонны углубляться в подтексты древних преданий, подчас не придавая должного значения самому тексту и его более или менее очевидному смыслу.

Спору нет, нередко в мифах скрыты потаенные, поистине эзотерические глубины. Но кто поручится, что их не домысливают современные исследователи, склонные к избыточным усложнениям и не учитывающие близость людей далекой древности к природе (при настоятельной потребности постичь ее закономерности) и кровную связь с общественной – прежде всего семейной, родовой, общинной – жизнью.

Вот и в истории сватовства Энлиля проще всего предположить установление родственных отношений между правителями двух городов, чем обеспечивается объединение, союз двух общин, хотя присутствует и тема зарождения новой жизни. Кстати сказать, обряд совокупления, в котором участвовали цари или жрецы, у многих земледельческих племен и народов считался залогом будущего урожая.

С именем Энлиля у шумеров было связано представление о силе, воле, могуществе, жизненной энергии, но не о великом разуме. В трудных

ситуациях Энлиль нередко обращается за советом к младшему брату Энки. В круге природных стихий Энлиль олицетворял ветер, который с одинаковой легкостью мог принести дождевые тучи, орошающие поля, знойный воздух пустынь и сокрушительный ураган.

В Аккаде Энлиль удостоился эпитета Бел (семитское – «владыка», «господин»). В Ассирии его отождествляли со своим верховным божеством Ашшуром, а в Вавилоне – с Мардуком. Со временем слово «энлиль» стало нарицательным, подразумевающим господство.

Выступая в образе человека, гражданина определенного города, Энлиль в одном случае не имеет абсолютной власти и вынужден подчиниться суровому приговору высшего совета, состоящего из пятидесяти старейшин (в мифе – «старших богов»). Но в другой, по-видимому, более поздней, версии он уже справедливый и единовластный правитель, объединяющий города. В надписи правителя Лагаша Энметены (около 2350 г. до н. э.) сказано:

Энлиль,
Всех стран господин,
Всех богов отец,
Словом верным своим
Для Нингирсу
И Шары
Разграничил землю.

Выходит, что Энлиль (или именем его – властелин Лагаша) решал спорные земельные вопросы, возникавшие между городами Гирсу (Нгирсу) и Умма, покровителями которых были боги Нингирсу и Шара. А в более поздней надписи правителя Гудеи Энлиль выступает повелителем природной стихии – паводка на реке Тигр:

Энлиль на владыку Нингирсу посмотрел благосклонно:
«В нашем граде вседостойное да взойдет в сиянье!
Ко берегам своим паводок вернулся,
Паводок ко берегам своим вернулся.
Пусть искрятся высокие темные воды сверканием трепета
благоговейного.
Воистину паводок Энлиля – Тигр, воду сладкую пусть
приносит!»

Вне зависимости от главного содержания данной пространной надписи, в этом отрывке определенно сказано о том, насколько благосостояние жителей городов-государств Двуречья зависело от изменений русла реки Тигр, а значит, и от состояния связанных с этим руслом каналов и паводков.

Судя по всему, многовековое хозяйничание людей в долине Тигра и Евфрата привело к тому, что русла рек, а также проток стали своевольно блуждать по равнине. Это явление было связано с эрозией земель, выносом большого количества ила, глины, песка. Высокие темные паводковые воды искрятся, как можно предположить, от обилия выносимой с песком слюды. Не зная закономерностей блужданий речного русла (а они действительно очень сложны и трудно предсказуемы), не догадываясь, что это явление связано с преобразующей деятельностью людей, автор надписи уповает на милость бога.

В отличие от египтян жители Двуречья не возвеличивали бога Солнца: он был даже не сыном, а внуком Энлиля. Почему так произошло?

Регулярное механическое движение светила по небосводу плохо вяжется с образом живого своевольного божества, волю и замыслы которого невозможно предугадать. А земледелие и скотоводство в этом регионе, орошение полей и водоснабжение городов и поселков, возможности навигации во многом зависят от изменения русел рек и речных протоков, от характера наводнений, движения воздушных масс, приносящих то дожди, то засухи или пыльные бури. Разливы рек могли быть катастрофическими, сметающими все на своем пути – настоящими потопами. Но столь же губительной бывала другая крайность – небольшой подъем воды в реках, лишаящий почву естественного удобрения (ила) и влаги (из-за понижения уровня грунтовых вод).

Вновь подчеркнем: люди склонны поклоняться тому, что им неизвестно, что превышает возможности их разума и от чего может зависеть их судьба. Вот почему прихотливые перемещения воздушных масс и непредсказуемые речные наводнения в глазах шумеров являлись проявлениями нрава величайшего (или одного из величайших) бога – Энлиля. Тем более что наблюдения за движением Солнца, Луны и некоторых планет позволили шумерам заложить основы астрономических знаний, составить календарь.

...Земные стихии с полным основанием вслед за Федором Тютчевым можно называть демонами глухонемыми. Примерно так относились к ним

и наши далекие предки, представители древнейших цивилизаций. Но эти демоны или божества, как полагали люди, обладали волей, разумом и своим языком, который недоступен непосвященным.

Шли века, и постепенно накапливались и осмысливались сведения о жизни земной природы, о стихийных явлениях. Натуралисты постигли в общих чертах «азбуку природы», выяснили целый ряд закономерностей, которым подчиняется земной мир. Но до сих пор многое остается непонятного и непредсказуемого. Тем более что слишком часто мы сами своими действиями вызываем буйство, гнев земных стихий.

Энки (Эйя)

В отличие от своего старшего брата Энлиля, Энки олицетворял прежде всего миропорядок, мудрость и справедливость, разумное начало. У него есть знаменательное отличие едва ли не от всех богов самых разных народов мира: он властвует над подземными пресными водами.

Ему посвящалось много гимнов; его считали защитником людей, определяющим их судьбы, помощником и учителем во всех трудовых начинаниях, хранителем магических заклинаний. Вот как чествовали его:

Энки, Разум Обширный, ануннаков предводитель могучий.
Ясномудрый, заклятий творитель.
Ясномудрый Слова даритель, планов провидец.
В решениях судебных от восхода солнца и до заката мудрых
советов податель.
Энки, владыка всех истинных слов, как то подобает.
Тебя да восславлю!

Далее утверждается, что именно этому богу доверены Сути мироздания. Как поясняет В. К. Афанасьева: «Сути (ме) – одно из главных мировоззренческих шумерских понятий. Сутями обладают города, царства и боги, они средоточие внутренних сил и могущества, воплощены и воплощаются во всем сущем, могут из дружественных стать враждебными». Дополнительно можно сослаться на В. В. Емельянова: «Из области седьмого неба Ан спускает в обитаемый мир сущности (ме) всех форм человеческой культуры, куда входят и профессии, и важнейшие действия людей, и атрибуты царской власти, и даже некоторые эмоции и черты характера. Каждый бог, каждый человек должен максимально соответствовать своей сущности... и тогда он имеет возможность получить хорошую судьбу».

В гимне сказано, что богу Энки определено «Евфрата и Тигра чистые устья отворить... Тучам тяжелым изобилия воды излить, нивы зеленые напоить». Если это не преувеличение, вполне допустимое в хвалебном песнопении, то Энки считался благодетелем людей, регулирующим поступление на поля поверхностных и атмосферных вод, – залог хорошего урожая. Вообще, он явно благоволит роду человеческому:

И когда решением возвышенным человеков бесчисленных до
краев земли расселил ты,
О питье-пропитании их печешься, воистину отец их праведный –
ты,
Владыка, как бога защитника величие твое они славят достойно!

Очень характерный штрих: если Энлиль выступает как могучий и
непредсказуемый в своих действиях, то замыслы Энки можно постичь:

Предсказания священные, что из уст твоих исходят, подхвачены,
истолкованы.

Следовательно, Энки олицетворяет упорядоченные, предсказуемые
природные явления, которые человек не только способен понять – хотя бы
частично, – но и использовать по своему разумению.

В письме-молитве шумерского писца это подразумевается:

Богу Энки, вседержателю мира,
Чья мощь несравненна,
Так скажи:
«Княже Созидающий, Разум Обширный,
Кто вместе с Аном решает судьбы,
Кто ануннакам назначает в долю
Сути благие, ненарушимые,
Познанием могучий
Кто разум дарует
От восхода и до заката солнца,
Владыка знания,
Повелитель Энгуры,
Бог-вседержитель, меня сотворивший!»

Здесь упоминается Энгура (или Абзу) – подземный океан пресной воды, чертог бога Энки. Правда, не совсем ясно, как понимали шумеры эти подземные воды: то ли они пронизывали землю, то ли она покоилась на них. Эти животворные воды шумеры четко отделяли от горько-соленых морских вод.

Интересно, что просящий обращается не к верховному «богу богов» Энлилю и не к старейшине Ану, а к рассудительному и доброжелательному Энки. По-видимому, от Энлиля трудно было ожидать сочувствия по складу его характера, а от Ана – из-за его отстраненности от земных дел.

В одном из сказаний утверждается, что благодаря Энки на земле возникли разные языки. Вспоминается библейская легенда о вавилонском столпотворении, когда люди вознамерились достичь небес и Бог вынужден был разъединить их усилия, наделив разными языками, в результате чего возникло полное взаимонепонимание. Однако шумерский вариант имеет свои особенности. Он возвращает слушателя (читателя) к архаичным мифическим временам:

В стародавние времена змей не было,
Скорпионов не было,
Гиен не было, львов не было,
Собак и волков не было,
Страхов и ужасания не было,
В человечестве распри не было...

Короче говоря, в райские времена «Вся Вселенная, весь смиренный народ / Восхваляли Энлиля на одном языке».

По какой-то причине (в тексте не названной), произошло нечто такое, что нарушило эту идиллию:

Ревнитель владык, ревнитель князей, ревнитель царей,
Энки, господин изобилия, властелин красноречия,
Всеразумнейший попечитель Страны,
Мудрец-предводитель всех богов,
Наимудрейший Эредуга владыка,
В их устах языки изменил, разногласие установил,
Когда речь человечья единой была.

Почему же произошло разделение языков? Почему от почитания единого бога люди перешли к многобожию? Библейский вариант объяснения тут явно не подходит. Вспыльчивый Энлиль не возражал против культа только его одного. Напротив, разноголосицу установил мудрый Энки, опекавший людей, обучавший их и обеспечивающий изобилие.

Самое простое объяснение (не следует избегать простоты: в поисках подтекстов можно не понять смысл текста) представляется таким. Обратим внимание на упоминание Эредуга (Эреду). Этот город находился на правом берегу Евфрата примерно в ста километрах южнее Лагаша, расположенного на левобережье Тигра. Богом-покровителем Лагаша был Энлиль, а Эредуга – Энки. Не исключено даже, что эти имена носили наиболее древние легендарные правители этих городов-общин; ведь обожествление знаменитых предков – явление обычное, и позже мы еще раз убедимся в этом на примере Гильгамеша.

Так или иначе, но значительная разобщенность Лагаша и Эредуга, разделенных прежде всего мощными водными артериями, должна была содействовать формированию двух наречий единого шумерского языка (если таковой существовал). Тем более что составлять эти общины могли разные племена. И когда были установлены тесные экономические (торговые) отношения между этими общинами, последовало и смешение языков, а также возникла необходимость установить иерархию богов-покровителей.

Возможна еще одна версия легенды о смешении языков. Дело в том, что в одном из наиболее содержательных, хотя и не во всем понятном,

мифе, посвященном Энки, этот бог совершает путешествие по Персидскому заливу в дальние страны: Маган, Дильмун и Мелухху (предполагается, что это соответственно – Сомали, остров Бахрейн, Индия). Как путешественник и, по-видимому, купец Энки должен был знать разные языки, познакомиться с бытом и нравами разных народов. На его соплеменников, привыкших к своему ограниченному миру, подобные знания могли произвести сильнейшее впечатление. Географические открытия, сведения о других народах и странах приобрели фантастическую форму легенды. Кстати сказать, в Средневековье сведения о дальних странах, наносимые на географические карты, назывались легендой.

Упомянутый нами миф о путешествии Энки заслуживает более подробного изложения. Для этой цели мы воспользуемся пересказом мифа, сделанным американским ученым С. Н. Крамером. После своего морского путешествия Энки посылает в Ниппур ладьи с богатыми дарами для Энлиля. Ануннаки воздают почести Энки, «особенно в его качестве бога, который составляет «Ме» – божественные законы, управляющие Вселенной», – пишет Крамер.

Позже Энки занимается предначертанием судеб и установлением порядка в разных странах и прежде всего в Шумере, обеспечивая колодцы пресной водой, делая реки полноводными, а почвы плодородными. Обеспечивает плодородие он с помощью сексуальных обрядов, испусканием семени в лоно юных жриц. Он «называет по имени», то есть вызывает к жизни, болота и тростниковые заросли, наделяя их рыбой, а также дождь животворный.

Затем он переходит к удовлетворению культурных нужд людей, предоставляя им плуг, ярмо, борону; благословляет пахотные земли, злаки и полезные плоды; заботится о мотыге и форме для производства кирпичей; закладывает фундаменты, воздвигает дома; строит загоны и стойла, заботится о скоте и его наилучших качествах; устанавливает межевые камни и проводит границы общинных владений; обучает женщин прядению и ткачеству, изготовлению одежды. Для надзора за всеми этими делами он назначает конкретных богов.

На примере шумеров видно, что чем больше становилось городов-государств, чем разнообразнее была деятельность людей, тем больше появлялось богов-покровителей, и отдельных городов, и различных занятий, и конкретных природных объектов и явлений.

Особая и поныне не решенная окончательно проблема местоположения страны Дильмун. Шумеры ее называли страной пресветлой и непорочной. Это навело исследователей на мысль, что речь

идет о мифической стране предков, аналоге земного рая. Однако в отличие от библейского рая, Дильмун – в особенности в мифе об Энки – наделен реалистическими чертами: богиня-покровительница Дильмуна (по-видимому, центра этого города-государства) сетует, что здесь нет воды в каналах, вода в колодцах горькая, а зерна на полях не всходят. Это никак не вяжется с представлением о райских кущах.

Согласно другой версии, Дильмун – это район Западной Индии. Привлекательность такой идеи в том, что в долине Инда существовала в те далекие времена развитая цивилизация, которая имела торговые и культурные связи с Шумером. Однако эта страна слишком далека от Двуречья, к тому же нет оснований называть ее островным государством.

Наиболее достоверной считается третья версия, отождествляющая Дильмун с островом Бахрейн. Здесь действительно со временем в результате вырубки лесов и осушения болот могли возникнуть те явления, о которых сказано в мифе.

Возможен еще один вариант: в устье Тигра и Евфрата, при их впадении в Персидский залив, существовал остров, который служил «Домом прибрежным, пристанью всей страны», как говорится в мифе. Там же сказано: «Дильмун есть страна, страна пресветлая. В Шумере пресветлом...», «Меж грандов пресветлых... Дильмун есть страна». Вроде бы не было никаких оснований считать очень далекий остров Бахрейн пристанью Шумера, а его столицу причислять к шумерским городам. В противном случае Персидский залив четыре-пять тысячелетий назад был бы прекрасно освоен шумерскими мореходами, служил бы надежной транспортной магистралью, что представляется сомнительным.

Если Дильмун был островом, примыкающим к Двуречью, то он мог или погрузиться ниже уровня моря, или оставаться и ныне островом, но без следов древних сооружений. Ведь этот регион сравнительно быстро опускается. Например, в Уре, где проводились раскопки, культурный слой превысил 20 метров. Ниже по течению погружение могло быть более значительным. Так что археологам здесь следует искать следы Дильмуна на глубине 15–25 метров. Речные наносы могли совершенно скрыть видимые с поверхности следы человеческой деятельности. Возможно, археологам еще посчастливится докопаться до города Дильмун.

В том же мифе об Энки есть эпизод, заставляющий вспомнить библейское предание. Благодаря плодотворной силе Энки, которая проявляется как сексуальная активность, рождаются на свет восемь прекрасных трав, которые Энки тут же съедает. Разгневанная жена его Нинхурсаг, знающая тайны трав и зелий, прокляла мужа и удалилась. Он

захворал, и ануннаки горевали, глядя на его мучения и медленное умирание, но не имея возможности ему помочь. Выручила лиса – хитрейшее из животных. Энлиль обещал ее наградить, если удастся вернуть Нинхурсаг. «И вот лиса почистила шкурку, / Хвост, волоски свои распушила, / Румяна на лицо наложила...» (так в тексте), нашла богиню, которая успела уже успокоиться, и привела ее к Энки. Он стал называть пораженные места и органы, а она их исцеляла. Дошла очередь до его больного ребра. И тогда для его выздоровления была рождена «Нинти – владычица жизни-ребра». (Согласно библии Ева появляется из ребра Адама; возможно, это – отголосок эпизода исцеления Энки.)

Наконец, надо упомянуть шумерский миф о сотворении мира. В нем Энки выступает как бог-творец. Следовательно, шумеры придавали особое значение разуму как силе творящей, определяющей появление порядка из хаоса, «дающей имена» богам, предметам, явлениям. Устав от забот творения, Энки удалился на покой:

А Он в то время, Разума Творитель, великих богов он всех созидатель,
Энки во глуби тихоструйной Энгуры, в чьи недра никто из богов заглянуть не смеет,
Он возлежал на своем ложе, он спал, не подымался.

Однако еще не было на земле людей, а потому ануннаки вынуждены были трудиться. У них произошло социальное разделение: старшие верховодили, а младшие таскали тяжелые корзины, рыли каналы, насыпали дамбы. «Боги страдали тяжко, на жизнь свою роптали». С горькими воплями они обратились к Намму-праматери, умоляя разбудить Энки, дабы он создал нечто, заменяющее богов в их трудах.

Энки все силы свои собрал, разум свой всемерно расширил.
Энки образ себе подобный в сердце своем разумением создал.

Материалом для этого творения избрал он глину. (Как видим, и тут прямые аналогии с библейским преданием о сотворении человека.) На созданных существ, на род человеческий с той поры было возложено бремя труда, от которого освободились боги. На радостях боги устроили пир, зажарив жертвенного козленка... Дальнейшие события мы изложим в

статье, посвященной богине Намму.

В отличие от значительно более поздней библейской версии шумерский миф представляет труд не как проклятье, наложенное Богом заслушание (вспомним, кстати, как был проклят Энки, нарушивший запрет и съевший недозволенные травы, плоды). Напротив, труд – необходимость, занятие божеское, хотя людям суждено трудиться и за себя, и за своих богов. Мысль вполне обоснованная, разумная, предполагающая принесение в жертву богам – и на благо служителям культа – плоды своей работы.

В общем, и в данном случае Энки предстает как демиург, олицетворяющий Творящий Разум.

Хотелось бы особо отметить его роль как бога-хранителя подземных пресных вод. Шумеры первыми осознали, насколько велико значение подземных вод для человека. В этом открытии помогла им природа Двуречья. Людям приходилось регулировать не только поверхностные, но и грунтовые воды. Для земледелия одинаково губительно и слишком высокое, вызывающее засоление, и слишком низкое, вызывающее иссушение почв, стояние уровня подземных вод.

К несчастью своему, обитатели Двуречья, сами того не понимая, разгневали бога Энки, вызвав истощение пресных водоносных горизонтов. Но повинны в этом были прежде всего племена, обитавшие по окраинам долины, вырубавшие и выжигавшие лесные массивы, осушавшие болота. В результате со временем стал уменьшаться подземный сток и соответственно возрастать поверхностный. Уменьшение питания водоносных горизонтов привело к падению их уровня, иссушению почв, образованию пустынь. А усиление поверхностного стока вызвало другую беду – мощнейшие наводнения...

Впрочем, о наводнениях в Двуречье мы поговорим в связи с обожествленным героем Гильгамешем.

Нинмах

Эта богиня не относится к числу самых славных. Однако с именем ее связан занятный и поучительный миф. Впрочем, ее почитали как богиню-мать, а имя переводится – «госпожа величайшее божество», «госпожа могучая». Ей отводится важное место при сотворении людей. Хотя сам этот процесс описан неопределенно и Энки поручает сотворить глиняных существ матери-прародительнице Намму, ее помощницей назначается Нинмах.

Так или иначе, а по окончании сотворения первых людей был устроен пир богов, освобожденных ныне и вовеки веков от тягот труда, возложенных на род человеческий. Как повествует миф:

Энки и Нинмах выпили пива, божья утроба возликовала.

Нинмах так Энки молвит:

«Человеческое создание – хорошо ли оно, дурно ли оно —

Как мне сердце подскажет, такую судьбу ему присужу – или добрую, или злую».

Так похваляется подвыпившая богиня, как будто забывая, что вершителем судеб людей и богов является Энки. Он, естественно, возмущается. Тогда Нинмах, чтобы досадить ему или посмеяться над ним, отщипнув глины, мягкой глины из подземных владений Энки, создает человека, руки которого не способны что-либо взять. Остроумный Энки не растерялся и назначил его царским стражем (явный намек на то, что стражи при случае не прочь поживиться царским добром).

Тогда Нинмах сотворила человека близорукого, слабо видящего, «кто щурил очи». Энки наделил его певческим талантом, отослав его услаждать царский слух. Сотворила пьяная Нинмах человека с кривой и слабой ногой, но и ему определил Энки место в жизни – стать серебряных дел мастером. Из рук Нинмах вышла женщина, не способная родить, а Энки наделил ее талантом ткачихи. Тогда Нинмах, так и не протрезвев, слепила существо, не имевшее ни мужских, ни женских признаков. Но и для него нашлось дело: служить дворцовым евнухом.

Расстроилась богиня, помяла в руках очередной кусок глины, да и бросила на землю. Энки сказал ей: «Тем, кого ты сотворила, я определил

судьбы, / Я придумал им пропитанье... Ныне же я пред тобой сотворю, а ты назначишь им судьбы».

И вот Энки «начал лепить формы – внутри и снаружи – голову, руки, части тела». Получилось у него нечто маленькое, слабое, по имени Умуль.

Нинмах, посмотрев на Умуля, к нему обратилась.

Она к Умулю подошла, она вопрос ему задала, а он и говорить не умеет.

Хлеба поесть ему дает, а он руку за ним протянуть не может.

На кровати он не лежал спокойно, он совсем не хотел спать.

Сесть он не умел, встать он не умел, он лежать совсем не хотел.

В дом войти он не может, он пропитать себя не может.

Нинмах пришла в недоумение: какое место в жизни определить такому существу? В ответ Энки похвастается своим даром наделять любые создания той или иной судьбой. А завершается сказание так:

Нинмах не соперница владыке великому Энки.

О отец Энки, хвала тебе хороша!

Казалось бы, мораль проста: богиня, не наделенная даром провидеть судьбу различных созданий, определять им «Ме», «Сути», понапрасну соперничает с более могущественным богом. Можно еще добавить, что она, пожалуй, захмелела больше, чем он, и не смогла достойно выйти из трудного положения. Или, напротив, Энки напился до того, что сотворил нелепейшего уродца, которому не находится места в жизни...

Наиболее интересна оригинальная трактовка эпизода американской исследовательницей Анной Килмер, с которой соглашается В. К. Афанасьева: Энки сотворил младенца! Если обратить внимание на то, какие характеристики даны созданию Энки, такая версия выглядит правдоподобной. К сожалению, часть текста до нас не дошла. Ясно только, что потерявшая самообладание Нинмах, да еще находящаяся под хмельком, раздражается руганью и проклятьями в адрес мудрого Энки. Он, стараясь оставаться спокойным, предлагает ей взять свои слова обратно и произносит: «Умуль... из лона твоего да будет исторгнут!»

Остается неясным, каким образом Умуль очутился в теле Нинмах. Возможно, в этом процессе принимал какое-то участие «корень» Энки,

потому что этот орган «повсюду достойно прославят».

Не исключено, что весь сюжет о сотворении Умуля-младенца не без юмора повествует о том, как возник извечно существующий способ размножения людей. Здесь же присутствует и элемент загадки, сюжетной интриги: что за существо вышло из рук Энки? Нинмах, не сумевшая разгадать дальновидный замысел бога, пришла от этого в неистовство.

В отличие от последующей вавилонской трансформации мифа о творении одной пары людей, шумерский вариант выглядит более реалистичным (если вообще допустимо говорить о реалистичности подобных сказаний). Здесь усматривается попытка объяснить, каким образом боги, не придерживаясь «божественных форм», создавали людей с теми или иными врожденными недостатками.

Образы пьяных богов, сотворяющих нечто несуразное, не только отражают человеческие слабости, но и позволяют брэнному человеку утешаться тем, что и боги причастны к этому пороку, а потому мироздание вовсе не идеально, не подчиняется одному только великому Разуму и порой демонстрирует несуразности, нелепости.

Но вот еще один подтекст. В этом мифе высказана своего рода гипотеза о зависимости врожденных уродств от употребления хмельных напитков (а также, по-видимому, наркотических, которые употреблялись во время храмовых ритуалов).

Такое предположение может показаться чересчур современным,

актуальным для нашего, а не того далекого времени. Однако факт остается фактом: шумеры явно показали связь врожденных уродств с пьянством тех, кто «создает» детей (вряд ли случайно в этом процессе участвует женское и мужское божество).

Нет сомнения, что шумерский миф о сотворении рода человеческого мудр. Но самое удивительное, что со временем, через несколько столетий, стало забываться наиболее интересное и содержательное, о чем повествовал миф, а в памяти людей сохранялись только наиболее фантастичные фрагменты, порой граничащие с бессмыслицей.

Инанна (Иштар в Аккаде)

Положение в обществе сказывалось и на отношении к богиням. Уменьшение роли охоты в добычании пищи, переход преимущественно к собирательству и примитивным формам земледелия выдвинули на первый план образ богини-праматери. В последующем богини стали в основном спутницами и усладительницами могущественных богов. А миф о сотворении уродцев пьяной Нинмах подчеркивает опасность для женщины, пристрастившейся к алкоголю, рожать детей.

Однако с ростом и укреплением городов, улучшением благосостояния горожан, разнообразием культурных потребностей роль женщин становилась все более важной. Возможно, некоторые из них принимали участие в управлении, становились правящими царицами, проявляя государственную мудрость. Образ подобной женщины и отражает богиня Инанна (в переводе – «владычица небес»), которая под именем Нинсианы почиталась также как небесное божество, «звезда утреннего восхода» (планета Венера).

В Уруке, где Инанна была богиней-покровительницей, ее считали дочерью Ана; в Уре – дочерью бога Луны Нанны и сестрой солнечного бога Уту. Тем не менее в мифах и легендах она предстает почти исключительно земной богиней, а то и властительницей города Урука. Показательно, что у Инанны, подобно типичной женщине, сочетаются противоречивые черты: она богиня плодородия, любви и войны. Более того, судя по одному из популярных шумерских мифов, она порой способна обхитрить самого мудрейшего из богов – Энки.

Она собралась направиться в город Эредуг, к богу Энки (покровителю города), «дабы жречеству верховному благо сотворить», как она поясняет. Она еще только двинулась в путь —

А в то время он, Разум обширный, в мироздании Сути ведающий,
Все, что у богов на сердце, в жилье своем сидя, знающий,
Светлая Инанна к Эредугу и на версту не приблизилась,
А Энки, владыка Абзу, уже знает про то...

Казалось бы, с таким богом, поистине Всемирным Разумом, хранителем Сутей и Судеб, знающим все наперед, – с ним невозможно, бессмысленно вступать в интеллектуальное соревнование. Боги-мужчины на это не решались, а Нинмах осрамилась, пытаясь обхитрить Энки. И все-таки это не остановило Инанну.

Энки устроил торжественную встречу богине, а затем – пир:

В Абзу пиво пьют, сладким вином услаждаются.
Сосуды бронзовые великолепные до краев полны.

Тут-то и проявилась предусмотрительность Инанны. Она сумела очаровать подвыпившего и раздобревшего Энки. Он расщедрился до того, что передал ей священные «Ме» (Сути и Судьбы). Энки перечисляет их:

Светлой Инанне, дочери моей, да отдам я ей:
Доблесть, Могучесть, Неправедность, Праведность,
Градов ограбление, Плачен устроение, Сердечную радость.
...Лживость, Земель мятежность, Мирность,
Бегство поспешное, Жилье надежное...
Плотничество, Медничество, Ремесло грамотейное,
Кузнечное дело, шорничество, Стирку-мытьё,
 Построение домов,
Тростниковых циновок плетение...
Разумение, Познание, Святое рук омовение,
 Домы пастушьи,
Горячей золы сгребание. Загоны скотьи,
 Почитание безмолвное,
Молчание благоговейное. Благоговение молчания...
Пение братское, Огня возгорание, Огня угасание,
 рук трудом
Утомление, Молчаливость, Семейю соединенную,
 Потомственность,

Ссоры зачинание. Кличы победительные, Советование,
Обсуждение, Закона говорение. Решение...

Трудно сказать, какая суть у всех этих Сутей. Ведь среди них есть и такие, которых вряд ли стоит добиваться. Если «рук трудом утомление» можно понимать и как трудолюбие, то зачем приобретать вместе с праведностью – несправедность, лживость, мятежность земель (неподчинение властям?), бегство поспешное, ссоры зачинание? Или речь идет о том, чтобы не только владеть, но и управлять теми или иными явлениями?

Важно прежде всего учесть сам факт переноса священных «Ме» из одного города в другой. Это можно понять как переход верховной власти, различных достоинств, роли экономического и культурного центра из города Эредуг в Урук. Правда, окончание мифа полностью не сохранилось, а потому непонятно, сумел ли протрезвевший Энки вернуть себе то, что было предназначено решением богов.

Вполне возможно, что был достигнут какой-то компромисс между Инанной и Энки. Однако в любом случае очень знаменательно, что именно богиня, без помощи, например, верховных богов Ана и Энлиля, сумела одержать верх над воплощением проницательности и мудрости. В житейском плане мораль ясна: женщина способна воспользоваться мужскими слабостями для достижения своих целей. Но ради такого поучения неразумных слушателей (ибо разумные и без того это знают) вряд ли стоило переносить действие на верхнюю ступень иерархии богов: достаточно было бы рассказать анекдот из жизни людей или низших божеств.

Учтем и то, что в мифе, как часто бывает, действие разворачивается и на небесах, и на земле. Инанна отплывает сначала на ладье небесной, о чем и доложил двуликий Исимуду, советчик Энки, своему господину.

И тогда у того, кто пиво пил, у того, кто пиво пил, – охмеление
его прошло!

Отец Энки, он, кто пиво пил, охмеление его прошло!

Государь великий Энки, просветлел его разум!

Автор поэмы так настойчиво повторяет, что Энки наконец-то протрезвел, как будто стремится отвратить своих слушателей, а прежде

всего государственных владык от пьянства (выходит, порок этот был достаточно распространен). Хватился Энки своих атрибутов власти: первосвященства, венца, царского престола, скипетра – а их нет! Отдал он своей дочери даже:

Постоянство, Устойчивость, Праведность,
Уход из мира подземного, Опускание в мир подземный,
Священство священное...
Кинжал и дубинку, Блудодеев храмовых действо,
Одеяния черные, Одеяния пестрые, Косы на затылке свитые,
Власы завитые...

В общем, перечень длинный и достаточно интересный. Среди прочего упомянуты: Бури-потопы, Соитие, Целование, Беготня суетливая, Злоязычие, Голосов благозвучие. Энки, лишившись всех этих «Ме», пришел в ужас и негодование, выместив их на лягушке. Послал он вслед богине своего советчика и злых демонов, чудовищ Бездны, но все оказалось напрасно: Инанна ссылалась на то, что получила подарок, скрепленный честным нерушимым словом Энки.

«Жилых мест ладя небес достигла», – повествует предание. Доставила Инанна все «Ме» (Сути-Судьбы) в Урук при всеобщем ликовании горожан. Вновь следует перечисление этих невольных подарков Энки, теперь уже от имени жителей Урука. Странно звучат восторженные восклицания по поводу привезенных Опускания в мир подземный, Бурь-потопов, Злоязычия, Беготни суетливой, Неправедности. Тут-то чему радоваться? Непонятно.

Можно предположить, что речь идет не о самих явлениях, которые и без того присутствуют в каждом обществе, присущи природе и человеку, а о понимании их сути, умении управлять ими или предсказывать их. В таком случае Инанна овладела всеми премудростями Энки. Не таков ли подтекст этой истории? Мудрая женщина не только выведала у всезнающего бога секреты различных ремесел, занятий, эмоций, религиозных обрядов, природных явлений, но сумела сохранить их, способствуя процветанию своего родного города.

Как бы не завершался текст в шумерском оригинале, мы и без того знаем, что информацией (а в данном случае «Ме», Сути-Судьбы, по-видимому, сопоставимы с ней) можно поделиться, не потеряв ее. Она передается и осваивается другими людьми. Ее хранитель теряет только

право и возможность единоличного пользования. В приведенном мифе со всей очевидностью признается равноправие женщины – в интеллектуальном плане – с мужчиной, и даже некоторое ее преимущество по части хитроумия, способности использовать мужские слабости в своих целях.

Но Инанне этого достижения показалось мало. Она решилась на отчаянное деяние – сойти в царство мертвых и затем вернуться на землю. А прологом к этой истории можно считать сказания о сватовстве к ней Думузи, их любви и женитьбы.

Бог Солнца Уту советует своей сестре Инанне выйти замуж за пастуха, но ей приглянулся землепашец Энкимду. Изложение переходит в излюбленный и виртуозно освоенный шумерами жанр диалога, на этот раз – между землепашцем и пастухом Думузи. Один восхваляет преимущества земледелия, а другой – скотоводства. Этот древний спор-соперничество, как гласит библейское предание, завершился тем, что земледелец Каин убил брата своего пастуха Авеля.

В шумерской версии подобного конфликта есть драматичное место: Думузи пасет своих овец на поле, где травы густы благодаря каналам и канавам, проделанным Энкимду. К нему подходит земледелец и указывает на это обстоятельство, но тут же добавляет: «О чем нам с тобою спорить?» Они становятся друзьями, Инанна выбирает Думузи, а Энкимду приносит на свадьбу щедрые дары.

Надо добавить, что действие мифа происходит одновременно и в реальной земной обстановке, и в божественных чертогах; оно и конкретное, и в то же время абстрактно-обобщенное. Не исключено, что в древности люди конкретные образы использовали для описания земных явлений, а обобщенные – божественных, характерных вообще для данного вида деятельности, природного явления или человеческого типа (архетипа).

По какой-то причине Инанна решила отправиться к сестре своей Эрешкигаль, владычице подземного папства мертвых. Она предусмотрительно наказала своему советнику Ниншубуру (возможно, это была женщина или гермафродит либо евнух) молиться за ее возвращение, призывая ей на помощь Энлиля и Энки. И вот предстала Инанна перед воротами «Страны без возврата». На вопрос привратника ответила, что пришла на похороны мужа Эрешкигаль. Возмутилась владычица подземного мира: никому из живых не позволялось выходить отсюда обратно на землю. Было у нее семь тайных сил, с помощью которых она надеялась преодолеть могущество Эрешкигаль (любопытная деталь: среди ее одеяний и украшений, амулетов, символизирующих эти силы, есть сетка,

прикрывающая груди, называемая «Ко мне, мужчина, ко мне»).

Привратник, по непреложным законам подземного мира, открывая один за другим семь засовов, каждый раз снимает с Инанны ее амулеты, и она предстает перед сестрой обнаженная и беззащитная, как любой смертный. (Нет ли в этой процедуре подтекста философского: что бы ты ни накопил в этом мире, какими бы достоинствами и возможностями ни обладал, на тот свет придется уходить безвозвратно и, в сущности, таким, каким был явлен на свет.)

Богиня смерти и семь ее ужасных судей бросили на прибывшую свои смертоносные взгляды:

Сестра ее вскочила с трона,
Затем снова на трон уселась.
Семь судей-ануннаков перед нею суд вершат.
На Инанну взглянула – взгляд ее смерть!
Слова изрекла – в словах ее гнев!
Крик издала – проклятья крик!
Ту, что вошла, обратила в труп.
Труп повесила на крюк.

Через три дня и три ночи верный Ниншубур зарыдал, расцарапал лицо, изранил тело, надел рубище и обратился за помощью к Энлилю, богу богов, но тот не отозвался на его мольбы. Слишком много возжелала Инанна – Великих Недр, законы которых вековечны. То же ответил и могучий бог Луны Нанна. Только Энки отозвался на слезную просьбу Ниншубура. Он слепил из глины два существа, передал им «пищу жизни» и «воду жизни», научил, как вести себя в подземном царстве. По-видимому, он заколдовал Эрешкигаль, и она стала мучиться как при родах. Посланцы Энки помогли ей, говоря: «От моей утробы – к твоей утробе!», «От моего лика – к твоему лику!» В награду они взяли труп Инанны. Один осыпал ее «травой жизни», другой окропил «водой жизни», и богиня ожила, встала, направилась вон из подземного царства мертвых.

В воротах схватили ее ануннаки-судьи: ведь невозможно живому покинуть «Страну без возврата». Лишь одна есть возможность: оставить кого-то здесь взамен себя. Инанна обещает выполнить это правило. Так она поднялась на землю, но не одна, а в сопровождении толпы беспощадных демонов, которые должны убедиться, что она выполнит свое обещание.

Встретился им Ниншубур, и демоны уже собрались взять его, но

Инанна не позволила: ведь советник спас ей жизнь. В другом городе встретился им воинственный бог Шара, но и его Инанна пожалела: ведь он любил ее и горевал о ней... Третьего бога встретили, но и он, как оказалось, оплакивал смерть Инанны и был поэтому оставлен в живых.

Наконец, пришли они во дворец Инанны, а там на царском троне в одежде власти сидит Думузи! Разгневалась богиня и указала на него демонам: «Его хватайте, его!» Воздел Думузи руки и воззвал к солнечному богу Уту с мольбой о спасении. Уту превратил его в ящерицу, и демоны преисподней долго рыскали по земле, пока не отыскали его. Уту превратил Думузи в змею, но ужасные демоны снова нашли его. Уту превратил его в сокола, и Думузи полетел к своей сестре – богине песни и винограда Гештинанне. Она спрятала его в священном загоне. Ворвались к ней демоны преисподней, стали мучить, пытаться, требуя выдать брата, но не смогли сломить волю любящей сестры. И все-таки нашли они юношу в священном загоне, свалили на землю, стали кромсать ножами. Сестра бросилась к ним, готовая пойти на муки ради брата.

И тогда решила Инанна так: пусть полгода в заложниках будет Думузи, а вторую половину – сестра его Гештинанна.

В другом варианте этого мифа Думузи, полный мрачных предчувствий, плача, бродит по равнине. Ночью он видит сон, предвещающий беду, как растолковывает ему Гештинанна. Она говорит, что приближаются ужасные демоны Подземного царства. Думузи скрывается, а демоны набрасываются на его сестру, требуя открыть его убежище. Она не выдает брата. Но он сам возвращается и отдается во власть демонам, возможно, желая спасти Гештинанну. Его уносят демоны в царство мертвых. (В одной версии этого варианта мифа, Думузи выдает его друг; мораль: родственные узы надежней дружеских отношений.)

Надо иметь в виду, что тексты мифа складывались из разных фрагментов, порой разрозненных. Судя по тому, что известно несколько поэтических плачей по Думузи, его воспринимали чаще всего как жертву страстной, своевольной и коварной Инанны. Сюжет о нем, восседающем на троне и не опечаленном смертью жены, возможно, придуман для того, чтобы оправдать богиню, предавшую своего мужа.

Этот миф принято толковать как аллгорию умирания и возрождения природы, ее жизненных сил, олицетворенных в образе Инанны. Один из комментаторов предположил, что возвращение через полгода Думузи «знаменовало возрождение природы после зимней спячки». Словно речь идет о средней полосе России, а не о знойном побережье Персидского залива. Зимы как таковой, со спячкой растений, здесь не бывает. Но

временами действительно природа ненадолго замирает (не случайно же Инанна была мертвой только три дня или чуть больше).

Очень характерно, что шумеры сочувствовали Думузи. Это наводит на мысль, что в мифе отражены какие-то бытовые коллизии, быть может, церемониал, связанный с принесением в жертву юноши при погребении через три дня после смерти верховной жрицы. Или действительно муж царицы пожелал во время ее тяжелой болезни править, и затем был убит.

Так или иначе, противоречивый образ Инанны не позволяет считать ее некой условной символической фигурой. В космогоническом плане она соединена с планетой Венерой. В таком случае Думузи может быть связан с какой-то звездой или созвездием, которые бывают видны в Двуречье только полгода, а другую половину проводят в подземном мире.

В аккадской мифологии Инанна превратилась в Иштар, у западных семитов – в Астарту, по-прежнему оставаясь богиней любви и распрей, плодородия и войны. Согласно вавилонской версии, Иштар была любящей сестрой и женой Думузи, который погиб в расцвете сил (в одном из шумерских плачей по Думузи Инанна тоже рыдает по нему: «Мой юный избранник, как тростник, жестокой рукой из города вырван»). И отправилась она в подземный мир, чтобы вызволить оттуда своего супруга. Но Эрешкигаль в гневе наслала на нее болезни. Осталась Иштар в царстве мертвых, а на земле замерла жизнь, звери перестали размножаться, мужчины не подходили к женщинам. Только вмешательство бога Энки помогло урезонить Эрешкигаль. Иштар выздоровела, окропила Думузи водой жизни, и они вернулись на землю, где вновь зацвели растения, а животные и люди обрели любовную страсть.

Этот сюжет переходил из века в век, от народа к народу. В античное время его по-своему пересказали греки в мифе о любви Афродиты к Адонису.

В аккадском эпосе Иштар предлагает герою Гильгамешу разделить с ней супружеское ложе, обещая богато одарить его. Он готов и сам предоставить ей подарки, но категорически отвергает женитьбу, перечисляя ее недостатки:

Ты – жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра в бурю,
Дворец, раздавивший главу героя,
Колодец, который поглотил свою крышку,
Смола, которой обварен носильщик...
Плита, не сдержавшая каменную стену,

Сандалия, жмущая ногу господина!
Какого супруга ты любила вечно?..
Давай перечислю, с кем ты блудила!

Он перечисляет ее любовников, и в числе них – садовника Ишшулану. В шумерском сказании усталую Инанну, заснувшую возле сада, обесчестил его хозяин Шуккалитуда. Утром она пришла в себя, стала искать наглеца и в гневе наслала на Шумер бедствия. Однако Гильгамеш, называя садовника именем Ишшулану, утверждает, что он отверг любовные домогательства Иштар (Инанны), за что она превратила его в паука.

Разъяренная отказом Гильгамеша, Иштар упросила бога Ана создать небесного быка и направить его в Урук. Этот бык осушил Евфрат, разрушил землю (прорезал промоину?), но Гильгамеш убил его. Униженная Иштар, созвав «жриц-блудниц и девок», оплакивает гибель быка, а точнее, отрезанный Гильгамешем его «корень». Из этого следует, что Иштар была, пожалуй, верховной жрицей, покровительницей храмовых блудниц, и участвовала в сексуальных ритуалах, призванных обеспечить плодородие растений и животных, любовную страсть и плодovitость племени.

Гильгамеш

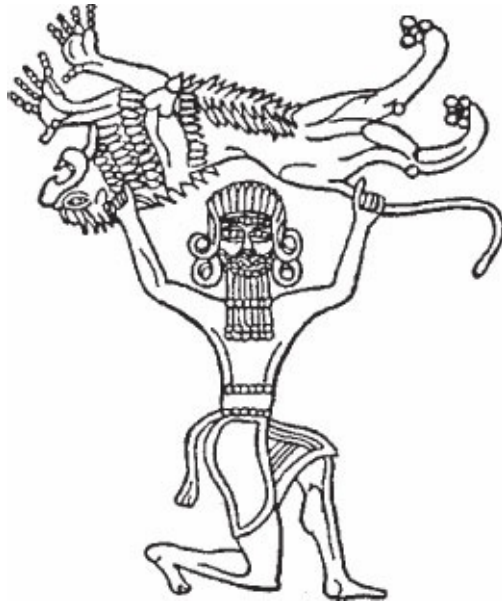
Героический век и героев воспевали разные народы. Наиболее древние из таких мифов – шумерские, и самый популярный их герой – Гильгамеш. Предполагается, что имя это могло означать «предок-герой» (от шумерского – Бильгамес).

Согласно исследованиям историков и археологов, Гильгамеш был третьим царем I династии Урука в конце XXVII – начале XXVI в. до н. э. Позже в предании он – уже в качестве мифологического героя – приобрел божественных родственников как потомок солнечного бога Уту и сын богини Нинсун, а срок его правления стал неправдоподобно большим: 126 лет. О нем сказано: «На две трети – бог, на одну – человек он».

Вавилонская поэма, посвященная ему, начинается так:

О всё видавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о всё проницавшем;
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принес нам весть о днях потопа...

Последнее обстоятельство действительно очень важное, и мы о нем поговорим особо. Показательно, что, перечисляя достоинства Гильгамеша, автор поэмы отметил, что тот «рассказ о трудах на камне высек» (по-видимому, владея грамотой), а самое главное – возвел неприступные стены вокруг Урука.

Однако в молодости Гильгамеш отличался буйным нравом и распутным поведением. От его безобразий возмутились горожане и обратились с мольбой за помощью к богам. Богиня Аруру слепила из глины дикого волосатого великана Энкиду, охотника, жившего вместе со зверями и подобного им. Вот с кем надлежало помериться силами Гильгамешу. И тогда молодой царь Урука придумал коварный план. Он подослал к Энкиду храмовую красавицу-блудницу Шамхат. Увидев ее прелести, дикий человек воспылал к ней любовью и шесть дней, семь ночей наслаждался ее ласками. Но когда он вернулся к зверям, они разбежались. Мышцы его ослабели, но зато стал он умней. Вернувшись к блуднице, он сел у ее ног и, глядя ей в лицо, стал слушать рассказ о великолепном городе Уруке и его царе...

В этом эпизоде заключена глубокая и нетривиальная мысль: дикое существо обрело человеческие черты благодаря любви и пробуждению чувства прекрасного. Утратив часть своей физической силы, дикарь взамен обзавелся умом, и в этом ему помогла женщина. Вот смысл сюжета об Энкиду и Шамхат, которая полюбила его, сказав: «Ты красив, Энкиду, ты богу подобен».

В дальнейшем Гильгамеш и Энкиду становятся близкими друзьями, вместе совершая подвиги. Они убили великана Хуаву – духа-хранителя кедровой рощи. По нашим понятиям, поступок был преступный, браконьерский, связанный с уничтожением заповедного кедровника.

Гильгамеш – представитель городской цивилизации. Ему чужды проявления «дикой» первозданной природы, будь то растения, животные

или человек. Если он и совершает дальнейшее путешествие – к горам Ливана, то для того, чтобы добыть кедр. После того как Гильгамеш отверг предложение Иштар взять ее в жены, она направила на Урук божественного быка, подобного смерчу. Гильгамеш убил его. Иштар уговорила Ану (Ана) приговорить героя к смерти. За Гильгамеша заступился Эллиль (Энлиль) и предложил вместо него покарать Энкиду. Так и произошло: тяжело заболел Энкиду, и отошла душа его в царство мертвых. В неутешном горе отправился Гильгамеш в странствия, надеясь найти бессмертие. Он бродит по свету, попадает в подземное царство, где находится сад самоцветов (превосходный художественный образ и мудрая мысль).

Гильгамешу удастся встретиться с единственным человеком, который обрел бессмертие (возможно, благодаря своей праведной жизни) и пережил всемирный потоп. Этот человек – Утнапиштим – поведал Гильгамешу события тех далеких дней.

На совете богов было решено истребить род человеческий, всемирным потопом очистить землю. Однако Эллиль пожалел Утнапиштима и через «заговорившие» стенки хижины передал ему:

Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатства презри, спасай свою душу!
На свой корабль погрузи все живое...

Как видим, завет обрести бессмертие был прост: «Богатства презри, спасай свою душу!» И не мольбами к богам спасать, а трудом и разумом. В отличие от легендарного библейского Ноя, Утнапиштим соорудил ковчег вполне реалистичных размеров и поместил туда свой род, зверей и скот, мастеров. Утром хлынул ливень, ночью шел дождь. Утнапиштим вошел на корабль и засмолил его двери.

Едва занялось сияние утра,
С основания небес встала черная туча...
Что было светлым – во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша,
Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, людей настигая...
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,

Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили...

Библейский вариант сказания о потопе, сформировавшийся на тысячелетие позже, выглядит несравненно фантастичней вавилонского и безусловно заимствован. На этом примере можно еще раз убедиться, что со временем некоторые предания старины обретают черты волшебной сказки, утрачивая свои связи с действительностью. Кстати, спасшийся от потопа Утнапиштим пристает, в отличие от Ноя, не к высокой горе Арарат, а к холму Ницир, высота которого 330 м над уровнем моря...

Однако вавилонская версия всемирного потопа оказалась не самой древней. Археологи обнаружили глиняные таблички, датируемые приблизительно началом III тысячелетия до н. э., времен I шумерской династии. На них был записан рассказ о царе Зиусудре, верховном жреце бога Энки, предупредившего Зиусудру о грядущем потопе. Затем «все бури с небывалой силой разбушевались одновременно», и потоп продолжался семь дней.

Идея всемирного потопа оказалась чрезвычайно привлекательной не только для служителей культа (да устрашатся люди гнева богов!), но и для философов и натуралистов. Конечно, находясь в здравом уме, невозможно поверить, что с небес хлынуло столько воды, затопившей всю сушу до самых высоких гор. В Библии высочайшей вершиной назван Арарат, и это показывает масштабы географических познаний творцов данного варианта легенды. Натурфилософы попытались обосновать компромиссный вариант: мол, потопа были неоднократно и распространялись на более или менее ограниченных территориях.

Легенду о всемирном потопе можно считать «преднаучной гипотезой», призванной объяснить образование обширных равнин и находки в горах окаменелых раковин морских беспозвоночных. А что касается конкретного великого потопа в Двуречье, то и эта проблема давно интересует ученых. В конце XIX века замечательный австрийский геолог Э. Зюсс предположил, что мощный тропический циклон около пяти тысячелетий назад вызвал наводнение, затопившее практически все Двуречье. Через полвека во время раскопок города Ура английский археолог Л. Вулли обнаружил мощный слой речных наносов, перекрывающий следы древнейшей культуры этого региона, и предположил, что это и есть отложения шумерского потопа. Однако позже выяснилось, что подобные следы катастрофических

наводнений встречаются и в других местах региона, но в слоях более молодого возраста.

Так или иначе, а необычайно сильный потоп действительно был, и какой-то предусмотрительный шумер вполне мог подготовиться к нему, построив ковчег. В Библии потоп – наказание грешным людям. И самое удивительное, что в таком мнении есть немалая доля правды.

Крупные, но не столь уж грандиозные наводнения постоянно происходят в Двуречье, и это – нормальное природное явление. Но с той поры, когда люди нанесли заметный урон природе в водосборе, по окраинам этой великой долины, истребили леса, распахали значительные территории, поверхностный сток резко усилился, и наводнения стали особенно сильными. Мудрый Зиусудра обратил на это внимание и стал готовиться к потопу. После того как прошли сильные дожди в верховьях Тигра и Евфрата, сильный и постоянный южный ветер вызвал нагонные волны со стороны Персидского залива и дополнительные осадки. Речное наводнение было усугублено морским, а потому корабль Утнапиштима-Зиусудры прибило к холму, который находится выше по течению Евфрата, чем город Шуриппак, откуда началось плавание. Практически вся равнина оказалась затопленной, и для уцелевших ее жителей это было равносильно всемирному потопу.

С именем Гильгамеша связана история нисхождения Энкиду в подземный мир (еще одна версия смерти Энкиду). Здесь обращают на себя внимание две темы.

Начинается история с того, что у Гильгамеша появляется чудесный барабан с волшебными палочками. (При этом упоминается Лилит-дева, привлекательная демонница, обольщающая мужчин – еще одно проявление женского начала.) Как только Гильгамеш начинал выбивать барабанную дробь, ему беспрекословно подчинялись юноши и девушки. Невольно вспоминается сказка о крысолове и волшебной дудочке. В шумерско-вавилонской легенде людей завораживает не мелодия, а барабанный ритм. Такой эффект правдоподобен. В далекой древности главным образом именно ритм оказывал сильнейшее эмоциональное воздействие на людей, вызывая массовые психозы. (В современной поп-культуре усматривается возврат к архаичной музыке, где господствуют ритмы, а не мелодии.)

Магическая власть Гильгамеша над молодежью встревожила и возмутила жителей. От их проклятий барабан с волшебными палочками провалился в подземный мир, к самым его вратам. Не сумел достать Гильгамеш барабан с палочками и зарыдал от горя. Верный друг Энкиду вызвался достать их. Он спускается в подземный мир, но при этом не

соблюдает правила пребывания там и обнаруживает свое присутствие. Его схватывают подземные демоны. Гильгамеш обращается к богам с просьбой освободить Энкиду. Солнце-Уту открыл отверстие в этот мир, и оттуда вылетела душа Энкиду. «Какие законы подземного мира?» – спросил Гильгамеш. «Если скажу о них, ты зарыдаешь», – ответил Энкиду. «Пускай!»

Царство смерти оказывается беспощадным к человеку: тело его поедают черви, оно превращается в прах. Души человеческие посмертно обретают разную судьбу. Лучше всего тем, у кого осталось на земле много детей (сыновей), которые их поминают, а также храбрецам, павшим в бою. Бедствуют и горюют те, кого никто не поминает добром, не приносит во имя них жертвы богам.

Такова древнейшая версия о посмертном воздаянии душам человеческим за их дела земные. Но более интересны с философской и обыденной точек зрения поучение Утнапиштима, утешающего Гильгамеша, озабоченного поисками секрета бессмертия. Замечательна мысль, высказанная Утнапиштимом: «Плоть богов и людей в твоём теле таится». Иначе говоря, в человеке присутствует не только земное, но и небесное, искра божия. А дальше мудрец напоминает о бренности бытия:

Ярая смерть не щадит человека.
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки мы ставим печати?..
Спящий и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?
Человек ли владыка [жизни]?

Судьба человека определяется богами; только они решают, когда прервется нить жизни: «Смерти дня они ведать не дали».

Утнапиштим, сжалившись над Гильгамешем, по просьбе своей жены, сообщает ему тайну: как достать со дна океана цветок вечной молодости. Герой ныряет в океанскую пучину и срывает колючий цветок. Но, возвращаясь домой, он во время купания теряет заветный цветок (его уносит змея, которая с той поры, меняя кожу, возвращает себе молодость). Погоревав, Гильгамеш добирается до родного Урука. И тут, видя высокие стены, которые сам возвел, Гильгамеш успокаивается и радуется...

Как тут не вспомнить финал «Фауста» Гёте!

Мардук

Популярность этого бога в Двуречье росла по мере возвышения города Вавилона. Первые упоминания о нем относятся ко второй половине III тысячелетия до н. э., а центральным божеством он стал во времена I Вавилонской династии (XIX–XVI в. до н. э.). Аккадцы и вавилоняне, в целом приняв мифологию своих культурных предшественников шумеров, должны были утвердить свое господствующее положение в духовной религиозной сфере. Поэтому в их мифе, посвященном Мардуку – «Энума Элит» («Когда Вверху»), – повествование начинается с сотворения мира.

Начало этого мифа заслуживает особого внимания. Здесь в качестве первых божеств выступают первичный океан Тиамат, воплощение хаоса, стихии, женского начала, и Апсу (Абзу, по-шумерски) – мировой океан подземных пресных вод, у которого был мудрый советник, олицетворяющий порядок и разум – Мумму. От соединения Апсу и Тиамат возникли первые боги.

Идея, высказанная таким аллегорическим образом, не потускнела за три десятка столетий. Когда в начале XX века стала обретать популярность гипотеза о том, что жизнь на нашей планете зародилась в океане («океан – колыбель жизни»), почему-то не было учтено важное обстоятельство: в жидкой среде, даже при случайном синтезе сложных органических молекул, они с той же легкостью распадутся на составные части.

В наши дни есть смысл вернуться к удивительной догадке древних: для создания живых организмов необходимо, как минимум, соединение

коллоидных частиц с жидкой средой при участии какого-то организующего начала при постоянном притоке энергии. Так может происходить, например, при выносе тончайших глинистых частиц (опять все та же «первоматерия» – глина!) пресными подземными или поверхностными водами в океан (моря). И если жизнь действительно некогда возникла на Земле, то этот процесс мог скорее проходить по мифологическому «сценарию» аккадской поэмы, чем по научным гипотезам, популярным в XX веке.

Итак, в слиянии двух первичных океанов стали появляться более определенно сформировавшиеся божества-стихии: Лахму и Лахаму. От них появились бог Аншар и богиня Кишар, а от них – Ану (Ан), Энлиль и Эйя (Эа, Хайа, Энки). Все эти боги были молоды, шумны, деятельны. Они старались навести в мире порядок и сильно досаждали престарелым первобожествам. Апсу решил убить своих неугомонных отпрысков с помощью верного Мумму. Мудрый Эйя разгадал этот замысел. Он заколдовал Мумму, взяв себе его силу разума, ауру, «лучи сияния». С помощью магических заклинаний он усыпил, а затем убил Апсу. Части тела Апсу Эйя использовал для того, чтобы возвести на них свое жилище. Здесь-то и родился «ребенок-солнце», будущий великий Мардук.

На стражу своих владений Эйя призвал огнедышащего бога Аншара, имевшего четыре глаза и четыре уха. (Правда, в мифах Двуречья судьба Аншара не так проста. По мере усиления влияния в регионе Ассирии, возвышался и его главный бог Ашшур (Аншар), который и стал главным героем – вместо Мардука – ассирийской версии поэмы.)

Итак, вавилонский миф превозносит Мардука, и поэтому великие первые боги становятся или его предками, или хранителями. Его мать Дамгальнуна (Дамкина) обретает черты богини Нинхурсаг. В сказочно короткий срок Мардук становится самым смелым и могучим из всех богов.

Тем временем Тиамат, разгневанная убийством мужа, решила отомстить богам (по другой версии, ее возмутил порядок, устанавливаемый в мире и сводящий на нет ее власть). Она создала одиннадцать чудищ: драконов, скорпионо-людей, человеко-псов и человеко-рыб с ядом вместо крови. Во главе их она поставила Кингу – самого свирепого и беспощадного из своих слуг. На грудь ему она возложила скрижали судьбы Вселенной, провозгласив его своим супругом.

Испугались боги, затрепетали, собрались на совет, чтобы обсудить пути к спасению, но никто из них не рискнул выступить против Кингу с его войском. И тогда выступил младший из них – Мардук. Он сказал, что готов сразиться с врагами, но в случае победы боги должны признать его своим

господином.

Слова его вызвали замешательство среди богов. Многих они возмутили, иных озадачили. Как может юный Мардук справиться с чудовищным воинством? Как смеет он требовать власти над старшими богами?!

Семь величайших богов уединились, чтобы обсудить предложение Мардука. Утомившись от споров, они устроили пир. Вино и пиво усладили их сердца, успокоили души. Мардук удивил их, показав свое могущество: по его слову пропадали и появлялись звезды (не много ли было выпито хмельных напитков?). И тогда боги решили вручить Мардуку символы власти, признать его царем. Он не стал медлить: взял булаву и лук с колчаном. С помощью Ану сплел огромную сеть, раздуваемую четырьмя ветрами. Его сопровождали семь бурь, а впереди его сверкали молнии. Кингу и его воинство в ужасе разбежались. Сама Тиамат встала против него. Она разинула свою пасть, но он вогнал туда буйный ветер, от которого у нее перехватило дыхание, пронзил ее тело стрелой, рассек мечом, вырезав сердце. Из верхней половины ее тела он создал небесный свод, закрывающий верхние воды. В нем он устроил ворота с запорами, поставив стражу, которой запрещено было без разрешения Мардука отпирать ворота, давая возможность небесным водам изливаться на землю.

Из другой половины тела Тиамат создал Мардук землю, имеющую вид полукруглой чаши, и прикрыл ею нижние воды. В небесных чертогах поселил он бога Ану, а земные воды отдал во владение отцу своему Эйя; Энлиль стал повелевать воздухом и ветрами. Начертал Мардук на небе созвездия. Ночь он отдал во владение богу Луны Сину, одарив его светлой короной, а день – Шамашу, богу Солнца, лучи которого поражают демонов и устрашают злодеев. Всех богов поделил он на триста небесных и триста земных и подземных, определив каждому то, за что он ответственен.

Учредив порядок в мироздании, Мардук мог бы спокойно существовать в своем небесном дворце, если бы не ропот богов, которым пришлось нести бремя забот и хлопот. Решил тогда Мардук сотворить существ, которые могли бы позаботиться о богах. Из крови Кингу и глины, взятой у Эйя, вылепил он первых людей. Они были похожи на богов, но не обладали их силой и бессмертием. Людям повелел Мардук служить богам, которые с той поры живут беззаботно.

Правда, в конце II тысячелетия до н. э. стал популярным миф о том, что абсолютное господство Мардука огорчало семерку высших богов, и они подговорили бога войны и эпидемий Эрру (Ирру) отобрать у Мардука часть власти. Решил Эрра уничтожить одно из лучших творений Мардука –

людей, которые не поклоняются Эрру. Тогда коварный бог уговорил царя богов отрешиться на некоторое время от земных дел для того, чтобы спуститься в подземный мир и там с помощью бога огня Гирры очистить свои регалии высшей власти, которые потускнели якобы от времени.

Мардук поверил Эрру и покинул землю, оставив свой трон Эрру, который пообещал не чинить никаких злодеяний. Но как только Эрра обрел власть, он тотчас наслал на людей все беды – чуму, распри, войны, разруху. Начались страдания, гибель людей во всей Вавилонии и даже в столице, покровителем которой являлся Мардук. И если бы не возвращение Мардука, не осталось бы на земле людей.

В этой истории сделана попытка отделить зло и насилие от верховного бога, представить его благодетелем людей, не имеющим никакого отношения к тем бедствиям, злодеяниям несправедливостям, которые творятся на земле, а всю ответственность возложить на «нехорошего» бога. Такова одна из первых версий существования в мире добра и зла, носителями которых выступают антиподы – бог и дьявол.

Другая идея истории Мардука и Эрры – историософская: периоды процветания и могущества государства сменяются краткими (сравнительно) периодами бедствий, упадка. Такова реальная закономерность, которую можно наблюдать на примере всех цивилизаций и государств. Хотя, конечно, объяснение этому явлению не столь наивно-простейшее, как сказочно представлено в мифе.

Индия

Судьбы богов, как мы уже убедились, тесно связаны с судьбами цивилизаций, а также с природными условиями данного региона. Национальные особенности народов, расовая принадлежность в этом отношении не столь уж важны. В Двуречье, например, шумеры исчезли, вымерли, растворились среди других народов; на их место пришли носители другой культуры, представители другой языковой группы (преимущественно семиты, далекие предки арабов и евреев). Тем не менее шумерские боги, хотя и под другими именами, продолжали существовать.

В Индии, как отметили ученые еще в XIX веке, последовательно сменялись три типа религиозных систем: ведизм, брахманизм и буддизм, а также джайнизм. Однако до сих пор не вполне выяснены основы, на которых развивалась духовная культура Древней Индии. До середины XX века считалось, что развитая городская цивилизация сформировалась здесь сравнительно поздно, около трех тысячелетий назад. Но в результате археологических изысканий в долине реки Инд выяснилось, что города-государства возникли там не менее чем на тысячелетие раньше, чем предполагалось.

Не выяснено, какой народ создал эту цивилизацию (ее именуют – в соответствии с современными названиями – культурой Мохенджо-Даро и Хараппы). Речь действительно идет о развитой цивилизации городского типа, письменность которой не расшифрована. Установлены ее культурные связи с Шумером. Было даже высказано предположение, что легендарная страна Дильмун, с которой у шумерцев были связаны предания о прародине и земном рае, находилась именно в долине Инда. Хотя более вероятно, что островом Дильмун был нынешний Бахрейн, расположенный на полпути между устьем Инда и низовьями Двуречья.

Безусловно, не исключено, что некоторые достижения цивилизации Мохенджо-Даро переняли шумеры, но это вряд ли относится к духовной культуре. В любом случае должен был происходить синтез культур.

Тщательная планировка и хорошая организация городского хозяйства свидетельствуют о существовании в Мохенджо-Даро и Хараппе централизованной сильной власти. Теоретически этому должны бы соответствовать и религиозные представления: иерархия богов во главе с «царем небесным». Следы подобных верований не обнаружены. Находки статуэток женщин позволяют предположить существование культа богини-

матери, связанной с земледелием. Изображения на печатях крупных животных, а также «звероловней» можно трактовать как проявления соответствующих культов, отражающих традиции охотников и скотоводов.

Особенно интересны изображения на печатях трехликого божества, в котором исследователи усматривают сходство с Шивой Пашупати, покровителем скота. В некоторых случаях над головами этого божества прорисованы цветы, что может говорить о власти над природой, всеми живыми тварями. Возможно, тогда же возникла и идея о триединстве бога. Какой в это вкладывался смысл, остается только гадать. Не исключено, что Шива – один из древнейших индийских богов, образ которого со временем претерпевал существенные изменения.

Ведический период развития религиозных представлений в Индии принято начинать с середины II тысячелетия до н. э., когда со стороны Иранского нагорья сюда вторглись полукочевые воинственные арийские племена. По-видимому, смена цивилизаций происходила постепенно и без ожесточенных войн. В долине Инда к тому времени катастрофически истощились почвы и эродировали земли, примерно так же, как это происходило в Двуречье (в Египте, как мы знаем, регулярные наводнения Нила способствовали естественной мелиорации земель, стабильности земледелия и местной цивилизации).

Не случайно в Индии сохранилось предание о всемирном потопе, который уничтожил весь первоначальный род людской. Уцелел один лишь Ману, которому при ритуальном омовении в руки попала небольшая рыбка. Она попросила позаботиться о ней, а затем выпустить в море. Он кормил ее до тех пор, пока она не стала большой рыбой, а затем отнес ее в море. В награду она сообщила ему о грядущем потопе, от которого он спасся на корабле. Желая иметь потомство, он совершил жертвоприношение, бросив в воду топленое масло, кислое молоко, сметану и творог. Через год из всего этого возникла женщина.

Легенды о великих и тем более всемирных потопах складывались там, где происходили катастрофические наводнения. Долина Инда в этом отношении не исключение. Вырубка лесов в этом регионе, осушение болот, распашка полей, перевыпас скота привели, как это бывает, к резкому увеличению поверхностного стока за счет ослабления подземного. Изменился режим реки: сильнейшие паводки сменялись засухами, падением уровня грунтовых вод. Деградация почв приняла необратимый характер.

Упадок древнейшей цивилизации долины Инда предоставил возможность полукочевым скотоводам ариям поселиться на заброшенных

территориях. Пришли в запустение крупные города этого региона, зато возникло много больших и малых поселений новых племен. Если этот процесс происходил постепенно, без кровопролитных сражений и уничтожения местной культуры, то пришельцы могли перенять у местного населения немало полезных сведений, знаний, представлений о мире и богах.

Принято считать, что в далеком прошлом в Индии существовал политеизм (многобожие). Действительно, в гимнах «Ригведы» – наиболее древних из дошедших до нас сборников религиозных текстов – упомянуто три-четыре десятка богов, а в одном месте говорится, что всего их 3399. По-видимому, у каждого рода были свои божества, возможно, обожествленные предки. Но там же, в Ригведе, есть гимн о единстве всего сущего:

Един Огонь, многоразлично возжигаемый,
Едино Солнце, всепроникающее,
Едина Заря, все освещающая,
И едино то, что стало всем [этим].

Значит ли это, что в Индии существовало представление о Едином (или Триедином) Боге? Вряд ли, если иметь в виду общественное сознание. Тем более что Веды (от слова, означающего «знание», «ведение») – памятник духовной культуры Древней Индии – состоит из огромного числа больших и малых сочинений, имеющих разный возраст и принадлежащих различным авторам. Они были созданы три-четыре тысячелетия назад и включили в себя, по всей видимости, устные предания еще более ранней поры, включая времена Мохенджо-Даро и Хараппы. Но установить их единую хронологию вряд ли возможно.

Дело осложняется тем, что в Индии религиозные представления особенно тесно переплетались с философскими или даже «преднаучными». Даже само название – Веды – говорит о преобладании знаний, идей над художественными образами или религиозными представлениями (которые, безусловно, тоже относились к знаниям). Вот и приведенный выше гимн о Едином выглядит преимущественно философским.

«В целом религия ведического периода, – писал С. А. Токарев, – отличается сравнительной простотой и несложностью. Центральный момент этой религии – принесение жертвы. Образы богов довольно многочисленны, и большинство их – олицетворения явлений природы...

Вначале многие из них были, вероятно, племенными богами. Полное преобладание мужских божеств и почти отсутствие женских отражают, видимо, господство патриархального строя общества.

В Ведах не упоминаются ни святилища, ни храмы. Жертвы приносятся или в доме, или на открытом воздухе, на особом жертвеннике. Не было, очевидно, и изображений богов. Эта сравнительно простая религия отражала переходный, родо-племенной общественный строй».

Странно звучит в приведенной характеристике религии ведического периода утверждение о ее простоте. Такое мнение логичней всего оправдать приверженностью этого и многих других специалистов к идее прогресса, последовательного усложнения и перехода на более высокую интеллектуальную ступень всех культур, цивилизаций. Но допустимо ли считать простой религию, признающую множество богов, не выстроенных в четкие структуры? Их образы, как подчеркивает и сам Токарев, «нередко сливаются и легко переходят один в другой». Например, в гимне Сурье, олицетворяющему Солнце, подобные переходы создают чрезвычайно сложную картину:

Взошел светлый лик богов, глаз Митры,
Варуны [и] Агни;
Заполнил небо и землю [и] воздушное пространство
Сурья, душа движущегося и неподвижного.
Сурья идет следом за сияющей богиней Ушас,
Как жених за невестой...

Здесь Солнце называется и светлым ликом богов, и глазом не только Митры, но Варуны (бога неба) и Агни (бога огня). Как это понять? Сурья, бог Солнца, следует за богиней утренней зари Ушас, но в то же время он заполняет все пространство (в виде солнечных лучей? света?) и к тому же является душой всего живого и неживого (движущегося и недвижимого), что позволяет сопоставлять его с солнечной энергией, благодаря которой осуществляются процессы жизнедеятельности в организмах и во всей биосфере, области жизни.

Спору нет, в гимне представлена поэтическая картина, не претендующая на логическую завершенность и непротиворечивость. Но разве поэзия проще прозы? Вообще мифология чрезвычайно сложна, и только комментаторы имеют способность упорядочить эти подчас противоречивые сказания. Но это касается лишь самого поверхностного

смыслового пласта мифов. Среди них некоторые произведения настолько многоплановы и глубоки, содержат такие непростые мысли о жизни людей и природы, что заставляют всерьез задуматься тех, кто знаком с современными научными представлениями о мироздании и месте в нем человека.

Обратим внимание на космогонический гимн Ригведы, он обладает такими достоинствами, которых лишены новейшие космогонические теории:

Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что в движении было? Где? Под чьим покровом?
Чем были воды, непроницаемые, глубокие?..
Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было
Различия между ночью и днем.
Без дуновения само собой дышало Единое,
И ничего, кроме него, не было...
Кто поистине знает, кто теперь бы поведал,
Откуда возникло это мирозданье?
Боги [появились] после сотворения его.
[Но] кто же знает, из чего оно возникло?
Из чего возникло это мирозданье, создал ли
[Кто его] или нет?
Кто видел это на высшем небе,
Тот поистине знает. [А] если не знает?

Очень характерная черта целого ряда текстов Вед: в них много вопросов и сравнительно мало ответов. Авторы предпочитают задумываться и сомневаться, а не утверждать какую-либо точку зрения. Как понимать бытие не-сущего? Возможно, это – хаос или полная неопределенность. Однако было Единое – вне времени и пространства.

Еще одна мысль: нельзя говорить ничего определенного о том, что не оставило никаких следов, чему не было свидетелей не только среди людей, но и среди богов, то есть некоего разумного начала. Иначе говоря, без субъекта нет объекта, он превращается в нечто неопределенное, умозрительное.

Вновь мы сталкиваемся с понятием «неопределенность» – не просто как с существованием нескольких вариантов, из которых трудно выбрать

наиболее достоверный. В данном случае Неведомое предстает как абсолют, как принципиально непознаваемое.

Кто может знать о начале начал? Наивысшее существо, Вселенский Разум... Ну а если и он того не знает?!

Перед нами нетривиальное отношение к возможностям богов вообще и наивысшего из них в частности. Для них предполагаются ограничения всемогущества и всезнания. В дальнейшем у многих народов возникли представления о Боге как воплощении абсолютных качеств, включая судьбу мироздания в прошлом и будущем.

Но в таком случае люди, которые верят в такие или любые другие вполне определенные свойства и возможности Бога (богов), тем самым исходят из неявной посылки о своем полном понимании Его. Откуда они это знают? Как чрезвычайно ограниченный разум человеческий может утверждать что-либо определенное о том, что несравненно превосходит его мыслительные способности?

Вот на какие вопросы и проблемы наводит космогонический гимн Древней Индии. А теперь сравните это с той космологической гипотезой, которая стала популярной в астрофизике и физике настолько, что удостоилась «звания» научной теории: якобы Вселенная возникла в результате Большого взрыва сверхплотного сгустка первоматерии. Как бы ни относиться к доказательствам подобной идеи (а они сугубо формальные и далеки от природных реалий), поражает сам факт уверенности ученых, что им известно, откуда возникло это мироздание, из чего оно возникло и каким образом. Или вправду ученые постигли то, что даже Высшему Разуму неведомо?!

Огромное разнообразие идей, образов, концепций, собранное в Ведах, постепенно упорядочивалось соответственно изменениям в структуре общества. Складывалось единое государство с кастовым строем. Резко выделились четыре касты (варны): брахманы (жрецы, знатоки и толкователи Вед), кшатрии (воины, правители), вайшьи (земледельцы, скотоводы, ремесленники, торговцы), шудры – слуги и рабы, представители покоренных арийцами местных племен. Определилась и иерархия богов, среди которых возвысился Брахма. Ведущее положение заняли также Вишну с богиней Лакшми и Шива с богиней Парвати (Дургой, Кали). Ведические божества отошли на второй план.

В этот период, около трех тысячелетий назад, возникли религиозно-философские школы нескольких направлений, о чем свидетельствует название сборника текстов – «Упанишады», что означает «сидеть возле», у ног учителя. Как справедливо отметил советский индолог Г. М. Бонгард-

Левин: «Если авторы ригведийских гимнов были прежде всего певцами и поэтами, то авторы Упанишад – это уже философы и мудрецы. В центре их внимания находятся вопросы о человеке, его сущности, истинных ценностях и целях его бытия, вопросы, глубоко волновавшие мыслителей и античной Греции, и Древнего Китая».

Принято выделять шесть систем брахманизма (индуизма): Веданту, Мимансу, Санкхью, Ньяю, Вайшешику, Йогу. Первые две – мистические, сугубо идеалистические, признающие главенство в мире духовного начала, единства и слияния частных душ – Атмана – со всеобщей мировой душой – Брахманом. Система Санкхью признает самостоятельность материи, ее разделения на множество самостоятельных тел, при резком противопоставлении ее и вселенского духа (пуруши).

В системе Ньяя разработаны проблемы теории познания и логики, что определило возможность научного подхода к изучению природы, основанного на фактах и доказательствах. Вайшешика интересна прежде всего тем, что в этой системе разработана одна из первых атомистических гипотез. Еще более материалистичной была система Локаята, утверждавшая приоритет чувственно воспринимаемого мира, а целью человека – достижение счастья, наслаждение. Отрицая бытие богов, она явилась одной из оригинальных форм религии – атеизма (это тоже разновидность веры: в то, что бога или богов нет). Наконец, Йога – аскетическое учение, призванное установить господство духа над телом в целях самоусовершенствования.

Не следует, однако, забывать, что идеи древних мыслителей мы проецируем на современность, осмысливаем со своих позиций, «переводя» их на существующий научный и философский язык. Почти наверняка в те далекие времена люди понимали эти идеи не совсем так, как мы. Но замечательно уже то, что можно найти отзвуки их мыслей в нынешних научно-философских взглядах.

Значительное место в Упанишадах занимает концепция вечного круговорота материальной и духовной субстанции, проблем смысла смерти и оправдания добра. Высказано предположение о воплощении бессмертной души в разные природные тела, организмы в зависимости от прижизненных деяний и образа мысли: «Тот снова рождается здесь червем, или насекомым, или рыбой, или птицей, или львом, или вепрем, или змеей, или тигром, или человеком, или в каком-либо ином состоянии, согласно [своим] деяниям, согласно [своим] знаниям. В каждом человеке воплощена карма его прежних существований, но он способен изменить ее – к лучшему или худшему – своими деяниями, мыслями, устремлениями.

Обособление касты жрецов, браминов, йогов способствовало развитию религиозной философии. В результате боги стали превращаться в символы, абстракции, философские понятия, утрачивая связь с бытовыми реалиями, историческими персонажами. Для подавляющего большинства населения такие замысловатые идеи были чужды. Сохранялись и передавались из поколения в поколение предания о богах, подобных людям или животным, об их приключениях, борьбе с демонами, а также о легендарных царях и героях. Таковы эпические поэмы «Рамаяна» и «Махабхарата». Они призваны не только развлекать слушателей причудливыми сюжетными ходами, но и поучать мудрыми наставлениями.

Какие из богов Индии самые великие? Это определить нелегко, потому что в разные времена и в различных религиозных системах они менялись местами, кто-то отходил на дальний план, а кто-то выдвигался на первый. Показателен пример бога Дьяуса («ясный день»), олицетворяющего образ неба, тогда как его жена Притхиви – обожествленная земля. Некогда они были соединены, но затем разъединились благодаря усилиям Индры, Варуны и некоторых других богов. Так объяснялась структура мироздания, напоминающая картину мира в египетской мифологии, но с переменой мест первобогов: отец-небо вверху, мать-земля внизу. Порой Дьяус сопоставлялся с быком или жеребцом (зооморфные образы, характерные для скотоводов-ариев), а животворный дождь – с его изливающимся семенем.

Дьяус относится к числу древнейших индоевропейских (арийских) богов. В Греции он назывался Зевсом, в латинском языке стал именем нарицательным – деус, бог. А в Индии он отошел в тень, уступив место другим великим богам.

Адити

Так называется едва ли не самое загадочное божество индийского пантеона. В переводе слово означает «несвязанность», «безграничность». Значит, Адити можно соединять с понятием первичного хаоса, всеобщего смешения без связи между частями (нечто неоформившееся) или с бесконечностью, безграничностью как всеединством и вечностью.

В гимнах «Ригведы» образ этой богини представлен по-разному. Ее связывают со светом, заполняющим воздушное пространство, и Ушас – богиня утра, рассвета – ее отражение. Адити порой выступает как благодетельница, смягчающая гнев богов, предоставляющая убежище, избавляющая от нужды. Только одна ее роль совершенно определена: она – мать группы богов, называемых «Адитьи».

Она упоминается в гимне Ригведы о происхождении богов:

Тому, кто увидит богов в грядущем веке,
Мы с радостью повествуем теперь о происхождении богов.
Брахманаспати выковал их, подобно кузнецу,
В раннем веке богов.
В первом веке богов из не-сущего возникло сущее.
Затем возникло пространство мира, оно [возникло] из
прародительницы.
Земля возникла из прародительницы.
Из земли возникло пространство мира,
Из Адити возник Лакша, из Лаючи – Адити,
Ведь Адити возникла, о Дакша, она твоя дочь.
Затем возникли боги, благие спутники бессмертия.

Имя бога Дакши переводится – «ловкий», «способный». Остается неясным, насколько бог представлен особым существом, которое может рождаться и порождать жизнь, а в какой мере это – понятие, олицетворение некоторых качеств. Да и сами боги выступают, по крайней мере отчасти, как создания разума. Брахманаспати (дословно – «господин молитвы») – сила, вызывающая богов, общающаяся с богами во время молитвы. Но в данном случае она творит богов так, словно они – создания разума.

Еще более запутано все, что связано с Адити. Она парадоксальным образом названа и матерью Дакши. Как может он, один из Адитьев, быть для них, а значит, и самому себе дедушкой? То ли это демонстративный отказ от логики и здравого смысла, то ли аллегория, то ли соединение двух разных идей без соответствующего согласования, то ли попытка осовременить древнее предание.

Последняя версия правдоподобна, ибо в более позднем мифе Дакша назван седьмым сыном Брахмы, который родился из большого пальца правой ноги бога-творца (из пальца левой ноги возникла жена Дакши). Чтобы оправдать такую родословную, пришлось сделать Адити дочерью Дакши. Тем более что для мифа вовсе не обязательна логическая стройность и обоснованность.

А может быть, автор гимна хотел показать взаимосвязь и взаимозависимость возникновения из мирового пространства и Адити и Дакши. То есть первичная безграничность и неопределенность обрела некоторые способности, а они, в свою очередь, придали ей определенность... Не исключено, что Адити первоначально отождествлялась с прародительницей, которая дала начало пространству мира и земли, материальным сущностям, в отличие от последующего рождения богов. Затем боги совместными усилиями стали творить порядок из первозданного хаоса:

...возникли боги, благие спутники бессмертия.

Когда, о боги, вы стояли, крепко держась [друг за друга] в

изначальном море,
Когда, о боги, вы, изнуря себя, приумножали миры,
Вынесли вы скрытое в море солнце.
Восемь сыновей Адити рождены из [ее] чрева.
Вознеслась она к богам с семерыми [сыновьями],
Мартанду она отвергла.
С семью сыновьями вознеслась Адити в ранний век,
Для рождения и умирания вновь привела [она] Мартанду.

Эта часть гимна «Ригведы» тоже содержит немало загадок. Семь Адитьев – это Митра, Арьяман, Бхага, Варуна, Дакша, Анша, Индра. Причем в другом гимне сыновей всего шесть (Индра отсутствует), а в более поздних текстах у нее уже 12 сыновей, которые выступают как солнечные боги и соотносятся с двенадцатью месяцами. Правда, восьмого ее ребенка – Мартанду – принято считать олицетворением Солнца, а его рождения и умирания – с заходом и восходом светила.

К каким богам вознеслась Адити – непонятно, ведь они возникли после нее. Такое впечатление, что речь идет о существах идеальных, тогда как Мартанду – реальное небесное тело. Хочется согласиться с мнением В. Н. Топорова: «Правдоподобно предположение о том, что имя Адити заменяет утраченное имя персонажа более древнего мифа». Этим можно объяснить путаную и противоречивую ее генеалогию. Не исключено, что в ней отразился образ прародительницы, культ которой существовал в долине Инда задолго до составления Вед.

Праджапати

Имя этого загадочного божества переводится как «владыка творений» или «господин потомства». Казалось бы, ясно: речь идет о божестве-творце или обожествленном предке. Однако в Ригведе он представлен не столь определенно, а порой из имени собственного Праджапати превращается в нарицательное, становясь эпитетом ряда ведических богов: Индры, Савитара, Сомы.

Некоторые авторы полагают, что это божество – сравнительно позднего происхождения. С этим трудно согласиться уже потому, что в ведах нередко Праджапати представлен творцом всего сущего:

На что опирался Праджапати, рождая все миры?..
Праджапати создал [все] многообразным...
И тот, кто знает высшее божество, и тот,
кто знает Праджапати, знают высшего Брахму...

Как персонаж космогонических мифов Праджапати изначально двойственен. С одной стороны, его можно считать олицетворением творческой энергии: концентрируя волю и энергию (предаваясь тапасу), он творит мир. Но сначала его называют «пурушей», что можно толковать и как первочеловека (творящего мир в своем сознании благодаря разуму), и как первовселенную, имеющую подобие человека, то есть обладающую жизнью и разумом. Вот этот текст из «Шатапатха-брахмана»:

«Этот пуруша, Праджапати, пожелал: «Я хочу стать больше, я хочу размножиться». Он прилагал усилия, предавался тапасу. Прилагая усилия, предаваясь тапасу, он первым создал Брахмана... Тот стал его опорой...

Он создал воды. Из речи, которая есть вселенная, была создана его речь. Она достигла всего этого. Так как она достигла, она – вода. Так как она покрыла, она – вода».

Последняя часть требует пояснений и осмысления. По-видимому, автор текста увлекся поэтической аналогией (речь течет, как вода; речь касается всего и охватывает все, как вода). Текучесть речи, словесных образов он сопоставил и с текучестью воды, и с изменчивостью, текучестью Вселенной. В более позднем сочинении («Чхандогья-упанишада») есть эпизод, позволяющий уточнить значение речи. Отдельные составляющие души, праны – зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, речь, мышление – заспорили о том, какая из них лучше, важнее. Чтобы разрешить спор, они обратились к Праджапати. Он предложил критерий: та часть лучше, после ухода которой тело приобретает наихудший вид. Первой ушла речь, затем поочередно зрение, слух. Самым необходимым оказалось дыхание (то есть – жизнь), а следующей по важности – мысль.

Впрочем, и в «Шатапатха-брахмане» есть прямое утверждение о том, что мысль следует считать творящим началом и первоосновой бытия: «Ибо мысль как бы не есть ни сущая, ни не-сущая. Она, мысль, будучи созданной, пожелала стать явной, более ясно выраженной, с более четким обликом... Эта мысль создала речь». Затем следует целая цепочка

подобных зависимостей (речь создала дыхание, дыхание – зрение и т. д.), завершаясь восхвалением знания, благодаря которому осмысляются все эти связи. Возможно, это следует понимать как сотворение мира благодаря знанию; сотворение – как постижение, а верней – постижение мира как его творение.

Есть еще одна история о споре мысли и речи:

«Мысль сказала: «Я лучше тебя. Ведь не говоришь ты того, что не достигну мною. Так как ты подражаешь мне, следуешь мне, я лучше тебя!»

Затем речь сказала: «Я лучше тебя. Ведь то, что знаешь ты, делаю я известным, делаю я понятным».

Обе они пошли к Праджапати за решением. Он, Праджапати, вслед за мыслью сказал: «Поистине мысль лучше тебя. Поистине ты подражаешь мысли, следуешь ей. Поистине худший подражает лучшему, следует ему».

В этой притче Праджапати выступает как высшая мудрость, а слово – как творение мысли, ибо иначе оно превращается в бессмыслицу. Поучение Праджапати обращено, конечно, к слушателю (читателю), оно призывает подражать лучшему и думать, прежде чем говорить. Ведь даже сам Праджапати «вслед за мыслью сказал», то есть сначала подумав.

Но есть ли мысль в таком случае первооснова всего? И как она может быть первоосновой, если появилась у Праджапати, который, следовательно, был прежде нее? На этот вопрос помогает ответить первая часть приведенного ранее текста из «Шатапатха-брахмана» («Этот пуруша Праджапати...»). Там сказано, что все вначале было не-сущим; не то, чтобы вообще ничего не было, но отсутствовали существа, все находилось в состоянии раздробленности, хаоса. Затем возникло дыхание, которое олицетворяет бог Индра, который есть Индха, что означает Воспламеняющий (автор использует игру слов и созвучий, что вообще характерно для мифов). «Поистине он Индха. Его называют Индрой тайно, ибо боги любят неявное». От этого жара возникло семь разных пуруш (в данном контексте, по-видимому, так называются духовные сущности или стихии). «Они сделали из этих семерых пуруш одного-единственного пурушу».

Вот этот «комплексный» пуруша и стал Праджапати. Выходит, последовательность творений выглядит таким образом: из неорганизованного вещества (будем говорить современным языком) возникли сгустки плазмы, излучающей жар, сформировались живые организмы; они имели разнообразные качества (упомянуто – семь), которые воплотились в одно живое существо – первочеловека – пурушу

Праджапати. Под ним можно подразумевать и некую вселенскую творческую силу, обладающую, подобно человеку, разумом и другими свойствами.

К сожалению, данную версию приходится считать проблематичной: у автора текста могли быть какие-то свои мысли, скрытые от нас или облеченные в мистический туман. Тем более что в дальнейшем излагается более или менее фантастический сюжет: Праджапати создал воды (сопряженные каким-то образом с его речью); войдя в них и пожелав родиться из вод, он коснулся возникшего здесь, зародыш которого был создан как начало этой вселенной; затем из слезы возник конь (игра словами: «ашру» – слеза и «ашва» – конь), сок на скорлупе стал козой, а скорлупа – землей; Праджапати размял ее и бросил в воды, после чего появилась черепаха; приложив усилия, напрягая волю, создал он пену, а затем «он создал глину, высохший ил, солончаковую почву, песчаную почву, кремнь, скалы, руду, золото, травы, деревья. Этим покрыл он эту землю».

Как видим, такой вариант творения выглядит надуманным и не имеющим сколько-нибудь надежного философского, а тем более научного обоснования. Здесь использованы поэтические ассоциации, словесная эквилибристика.

В другом космогоническом мифе рассказывается о первоначальных водах, сплошном море. Но они обладали разумом (размышляли), волей и творческой энергией (предавались тапасу). Так возникло золотое яйцо. Из него со временем возник человек. Это был Праджапати. «Он пробил это золотое яйцо. Не было тогда никакой опоры. И плавало это золотое яйцо, пока длилось время одного года, пока она несла его».

Если отрешиться от фантастических деталей, то тут усматривается древнейшее высказывание, ставшее главным афоризмом эмбриологии: все живое – из яйца.

«Через год он пожелал говорить. Он сказал: «Блух» – и возникла эта земля. Он сказал: «Бхувах» – и возникло это воздушное пространство. Он сказал: «Свар» – и возникло это небо. Поэтому ровно через год ребенок испытывает желание говорить, ибо через год пожелал говорить Праджапати».

Из этого отрывка определенно следует, что творение словом есть одновременно познание. Поведение Праджапати сопоставляется с поведением ребенка: первый человек примерно так, как ребенок, познавал мир, давая названия разным его частям. То, что тут не подразумевается волшебное творение словом из ничего, подчеркивает следующий текст:

«Он, Праджапати, впервые заговорив, поистине произносил лишь односложные и двусложные [слова]. Поэтому ребенок, впервые заговорив, произносит лишь односложные и двусложные [слова].

В дальнейшем он из самого себя создает богов, достигнув неба, после долгих странствий: «Они, эти божества, были поистине созданы из Праджапати: Агни, Индра, Сома, Параметшхи, потомок Праджапати. Они родились, имеющими тысячелетнюю жизнь. Подобно тому как взирают на [противоположный] берег реки, они взирали на [противоположный] берег своей жизни».

Если предположить, что Праджапати представляет собой некоего первочеловека, то получается, будто он сотворил богов, а не они – его. Это ли имел в виду автор? Не исключено. Но утверждать что-то иное затруднительно. Хотя в целом ряде гимнов он представлен первобогом. Например, в «Упанишадах»: «Потомки Праджапати делились на богов и асуров. Боги были моложе, асуры – старше. Они состязались из-за этих миров».

В подобных случаях Праджапати становится родоначальником и светлых сил (богов) и темных злых демонов (асуров). Хотя и в этом случае остается место для двойного толкования, ибо асурами нередко назывались сторонники материалистических и атеистических учений или вообще иноверцы (асуры – означает «небоги»). В одной из «Упанишад» сказано:

«Тройкое потомство Праджапати – боги, люди и асуры – жили у своего отца Праджапати, изучая Веда». В таком случае боги выступают как носители добра и могущества, асуры – низменных сил и побуждений, а люди – соединением черт и тех и других. Впрочем, эта притча, пожалуй, начинается как волшебная сказка (жили-были...). Поучительно продолжение. Каждый из этих трех типов существ обращается с просьбой разъяснить главный смысл Вед. Он каждому отвечает одно и то же: «Да». И каждый понимает его по-своему. Боги полагают, что он имеет в виду «дамьята» (сдерживай себя), люди – «датта» (дарите добро), асуры – «даядхвам» (будьте милосердны).

Завершается эпизод моралью, обращенной, конечно, не к богам или асурам, а к слушателям: необходимо каждому соблюдать все три завета: сдерживать себя, дарить добро (делать дары), быть милосердным. В дальнейшем вновь говорится о воде как первооснове всего сущего и о рождении богов:

«Вначале это было водами. Эти воды создали истину, истина – это Брахман. Брахман [создал] Праджапати, Праджапати – богов». Теперь уже

Вселенский Разум (Брахман) творит Праджапати (первочеловека?), а он, в свою очередь – богов. Вряд ли из этого следует сделать вывод, будто таким образом в Древней Индии хотели доказать «надуманность» богов, являющихся лишь игрой ума и воображения. Скорее всего, речь идет о постижении божественного начала мироздания.

В одном из мифов, похожем на волшебную сказку, Праджапати – в образе человека – воспылил страстью к собственной дочери Ушас. Спасаясь от него, она обернулась ланью, но он превратился в оленя. Увидев это, грозный бог Рудра пришел в ярость и собрался поразить Праджапати молнией, и тот откупился, передав Рудре власть над зверями.

Эта история напоминает сказания народов примитивной культуры, не изживших шаманизм и поклонение тотемам-животным; она призвана утвердить недопустимость инцеста. В этом случае Праджапати определенно связан с образом первопредка. Но по мере изменения первобытно-общинных отношений, внесения в мифы философских идей и установления иерархии богов, образ Праджапати утрачивал определенность и связи с далеким прошлым.

Так после образа великой матери перед нами возникает – хотя и достаточно призрачно – образ великого охотника-скотовода, божественного предка. Но все это – скорее пережитки, уходящие в прошлое, меняющие свой облик. Ведь боги умирают не так, как люди, а в некоторых своих ипостасях они поистине бессмертны.

Пуруша

Тысячеглавый, тысячеглазый и тысяченогий Пуруша.

Он закрыл собою всю землю и возвышался над ней на десять пальцев.

Пуруша – это все, что стало и станет.

Он властвует над бессмертием, [над всем], что растет благодаря пище.

Огромно его величие, но еще огромное [сам] Пуруша.

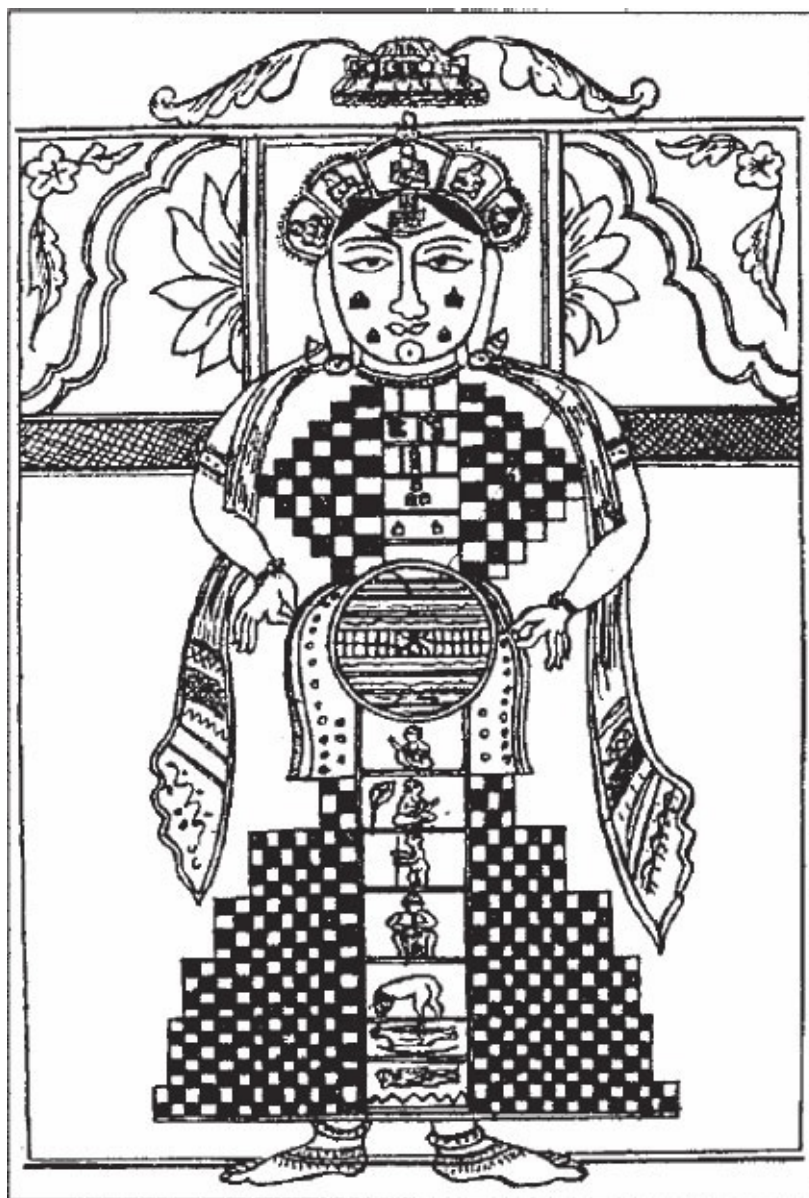
Четвертая часть его – все сущее, три [другие] – бессмертное в небе...

От него родилась Вираддж, а за ней пуруша.

Родившись, он распростерся на запад и на восток.

Так начинается гимн Пуруше. Обратим внимание на последние две строки. Вираддж – олицетворение женского начала. Выходит, что первоначальный Пуруша (будем считать, что это – имя собственное, хотя нередко слово пишут с маленькой буквы) самопроизвольно породил мужское и женское начало (слово пуруша означает «человек», «мужчина»).

В космогоническом плане Пуруша приобретает черты единого инертного первоначала Вселенной, включающего и первоматерию (все сущее) и одухотворяющее начало. Это – образ вечности «духоматерии». Пожалуй, упоминание в начале гимна «тысячи» следует понимать как «бесчисленное».

Пуруша, надо подчеркнуть, не столько материален, сколько (на три четверти!) духовен. Поэтому, как сказано: «Боги, совершая жертвоприношение, приносили пурушу в жертву. Но ему это не наносило вреда, ибо: «Весна была его жертвенным маслом, лето – жертвенными дровами, осень – [самой] жертвой». Его обратили в самые разнообразные живые существа. Из него, принесенного в жертву, возникли гимны и песни, стихи и заклинания...

Дальше идет фрагмент, оправдывающий сложившуюся кастовую систему изначальным строением мироздания:

Брахманом стали его уста, руки – кшатрием,

Его бедра стали вайшьей, из ноги возник шудра.

Таково установление, данное свыше, таково положение в обществе жрецов, воинов, свободных работников и слуг, рабов – самого низкого сословия. Автор счел эту концепцию настолько важной, что лишь после нее заговорил о строении мироздания и даже о богах. Выходит, социальное значение данного произведения, подобно многим другим гимнам и мифам, для автора имело особенно важное значение.

Об этой закономерности приходится помнить при осмыслении преданий о богах. Мы склонны преувеличивать стремление древних авторов постигать природу и обдумывать общие философские проблемы. Все-таки представители древних цивилизаций вольно или невольно концентрировали свое внимание на своем ближнем окружении, на социальной среде, отношениях между людьми. Некоторые мыслители, конечно, всерьез и основательно размышляли о начале всех начал, строении Вселенной, происхождении людей. Но и в этих случаях любой мудрец оставался представителем, частичкой своего общества и окультуренной (техногенной) среды обитания.

Итак, после описания социальной структуры общества следует в гимне космологическая часть, в которой проявляется не столько знание природы, сколько поэтическое воображение автора:

Луна родилась из мысли, из глаз возникло Солнце.

Из уст – Индра и Агни, из дыхания возник ветер.

Из пупа возникло воздушное пространство, из головы возникло небо.

Из ног – земля, страны света – из слуха.

Так распределились миры.

Если вспомнить гимн «Ригведы» о происхождении богов, где упоминается Адити, то нетрудно заметить, что там дана иная версия творения. В приведенном нами еще раньше космогоническом гимне «Ригведы» тоже изложена совершенно другая версия, не похожая на эти две. Только с большой натяжкой можно отождествить Пурушу с Единым («Без дуновения само собой дышало Единое, И ничего, кроме него, не было... От великого тапаса зародилось Единое...»). В гимне Пуруше нет вовсе упоминания о неведомом. Напротив, подробно описано

жертвоприношение первых богов, совершаемое на основе все того же Пуруши или его отпрысков:

Вокруг него положили семь поленьев,
трижды семь поленьев было приготовлено,
Когда боги, совершая жертвоприношение,
связывали пурушу, [как] жертвенное животное.
Жертвой совершали боги жертвоприношение;
эти дхармы были первыми.
И им, могущественным, досталось небо,
где первые боги – садхьи.

Садхьи – низший класс богов. Выходит, и тут – кастовое разделение. Но проглядывает и явный намек на то, что самое важное деяние – совершение жертвоприношения, выполнение священных ритуалов под пение гимнов. Тем самым автор – жрец – лишний раз превозносит свою касту, стоящую в иерархии сразу за низшими богами. Пуруша превращается в символическую фигуру.

Если в «Ригведе» Пуруша представлен как нечто определенное и понятное, то в «Атхарваведе» («Веде заклинаний») дается своеобразный скептический анализ этого гимна и самой идеи вселенского человека, человекомира. Вопросы следуют один за другим:

«Кто создал пятки Пуруши? Кто – мясо? Кто – лодыжки? Кто красивые пальцы? Кто – отверстия? Кто – части тела, [что] посредине? Кто – опору?

Сколько богов? Кто из них сотворил грудь и спину Пуруши? Кто [соединил] грудь и тело? Кто [создал] локти? Кто – плечи? Кто – ребра?..»

После перечисления материальных частей следует переход к духовным качествам, чувствам:

«Приятное и неприятное, сон, страх, утомление, радость и блаженство – откуда это у сильного Пуруши?

Страдания, нужда, гибель, незнание – откуда они у Пуруши? Успех, благо, удача, богатство, знание – откуда?

Кто дал ему облик? Кто – рост, имя, движение?..»

Возникают все новые и новые вопросы. Среди них: Откуда смерть? Откуда бессмертие? Кто предопределил его жизнь? Чем очертил он небо? Кто вложил в него мысль? Ответ на подобные вопросы один: будучи брахманом и став знатоком вед, можно постичь все это.

Однако в дальнейшем оказывается, что и этого еще недостаточно.

Начинается серия новых многочисленных вопросов: В каком его члене находится земля? В каком его члене содержится пространство? В каком его члене находится небо? Куда стремится пылающий огонь? Куда – дующий ветер? В чем все живое познает миры? Где сущее и не-сущее?

Ответ вновь дается в неопределенной форме: «Те, кто знает в Пуруше Брахму, знают [и] высшее божество. И тот, кто знает высшее божество, и тот, кто знает Праджапати, знают высшего Брахму...» Создается впечатление, что тут уместно выражение – «А бог его знает!» Во всяком случае вопросы, связанные с бытием Пуруши, порождают сомнение в том, что все они могут иметь определенный ответ. Впору спросить: а откуда известно о Пуруше? Кто его видел? Кто рассказал о нем людям? В конце этого гимна-заклинания дается ссылка на Индру, но и она мало что объясняет.

В космогоническом аспекте Пуруша, представленный как вселенский человек, человекомир, заставляет вспомнить идею, высказанную в античной Греции: человек – микрокосм, малое подобие космоса. В Индии обрела популярность по сути та же идея: космос – мегачеловек, крупнейшее подобие человека. Иначе говоря, во Вселенной изначально присутствуют жизнь и разум, наряду с материей, движением, пространством, временем, энергией, вечностью.

Впрочем, в Индии одновременно высказывались, как мы уже убедились, самые различные представления о происхождении и структуре мира, включая ссылки на Неведомое или неопределенное. Этим мыслители древности существенно отличались от создателей современных научных космогоний, склонных к выработке «единственно верного» учения (не проявляется ли таким образом единообразие, а другими словами, стадность мышления?).

В Упанишадах образ Пуруши приобретает поистине вселенские масштабы и необычайное величие. Если Атман, индивидуальная душа, конкретное сознание, отождествляется с Брахманом, всеобщей душой, Вселенским Разумом, то Пуруша все более напоминает Единство, предстает как Всеединство:

«Этот жародышащий, бессмертный Пуруша, состоящий из тела, – он поистине есть этот тман. Он бессмертен, он – Брахман, он – все это». В другом тексте: «Поистине у этого Пуруши два места пребывания: в этом и в том мире. Имеется третье соединяющее место: во сне».

Правда, и тут древние мыслители избегли единомыслия. В одной из версий мир вначале был одним Атманом, и он стал создавать своими волей и разумом миры, а затем и «охранителей миров», для чего извлек из вод

Пурушу и придал ему облик. Не исключено, что в этом случае автор имел в виду индивидуальное разумное начало, познающее мир – через Пурушу – и воссоединяющееся со вселенским разумом Брахмана.

В «Катха-упанишаде» шаг за шагом приводит к этой мысли:

Цель выше чувств,
Мысль выше целей.
Рассудок выше мысли.
Великий Атман выше рассудка.
Неявное выше великого,
Пуруша выше неявного,
Выше Пуруши нет ничего.
Он – завершение, он – конечный путь.

В Мундака-упанишаде сказано:

«Как текущие реки исчезают в море, теряя имя и облик, так знающий [мудрец], отрешенный от имени и облика, приходит к божественному Пуруше, что выше высокого».

Там же, но в другом гимне, высказана идея вечных круговоротов (одна из гениальных идей Вед – на все времена), которые при постоянном движении сохраняют цельность и единство: «Вот истина:

Как равные друг другу искры тысячами возникают из пылающего огня, так, дорогой мой, разные творения возникают из непреходящего и вновь возвращаются в него.

Пуруша божественен и бестелесен, он снаружи и внутри, нерожден, без дыхания и без мысли, чистый и выше, чем высшее непреходящее.

Из него возникают дыхание, мысль и все чувства, пространство, воздух, свет, вода и земля – носитель всего...

От него рождаются многочисленные боги, небожители, люди, скот, птицы, вдыхание и выдыхание, рис и ячмень, тапас, вера истина, воздержанность и закон...

От него [рождаются] все моря и горы, из него текут многочисленные реки; [от него рождаются] и все растения и их сок, коими вместе с первоначалами (первоэлементами. – Р. Б.) поддерживается внутренний атман.

Пуруша есть все это, деяние, тапас, Брахман, он выше смерти. Он, знающий то, что скрыто в тайнике сердца, разрушает узел незнания в этом мире, дорогой мой!»

Как видим, Пуруша соединяет в себе и материальные, и духовные субстанции, реальность и мнимость, знание и незнание. Несмотря на то что в Упанишадах из всех богов первенство отдается обычно Брахману (в христианстве ему соответствует, по-видимому, Дух Святой), что естественно для системы брахманизма и для касты брахманов, образ Пуруши не тускнеет в этом сиянии:

«Я знаю великого Пурушу, цвета солнца, по ту сторону тьмы. Лишь зная его, минуют смерть. Туда нет другого пути.

Нет ничего выше его, нет ничего меньше его, нет ничего больше его. Он один стоит, как дерево, на небе. Весь этот мир заполнен Пурушей...

Этот Пуруша есть поистине великий властитель, зачинатель сущего. Его приобретение незапятнано. Он – владыка, свет, непреходящее.

Внутренний атман есть пуруша величиной с перст, он всегда пребывает в сердце людей. Он создан сердцем, разумом, мыслью. Те, кто знает это, становятся бессмертными...

Пуруша поистине есть весь этот мир, есть прошлое и будущее. Он есть владыка и бессмертного и растущего благодаря пище...

Он – озаренный свойствами всех чувств, лишенный всех чувств. Он господин и владыка всего, он великое убежище для всего...

Без рук и ног, он быстр и цепок, он видит без глаз, слышит без ушей, он знает то, что должно знать, но его никто не знает. Его называют первым Пурушей, великим...»

Таков облик Пуруши, лишенного облика, соединяющего в себе все мыслимые и немыслимые облики, соединяющего ничтожное с величайшим, мгновение с вечностью, изменения с неподвижностью, живое с неживым, людей и богов, смертное с бессмертным.

Существует несколько толкований того, что в Древней Индии подразумевали под этим именем. Каждое из них обладает своей долей истины, ибо Пуруша поистине тысячелик. Но в конце концов мыслители прошлого пришли к идее, созвучной той, которая стала одной из центральных в русской философии второй половины XIX – начала XX века – о Всеединстве. Действительно, рассуждения и споры о первенстве духа или материи снимаются, если признать основой бытия Всеединство.

Индра

Этого бога принято сопоставлять с Зевсом, называя богом грозы и молнии, громовержцем. Но таковы лишь его внешние атрибуты. Он был одним из наиболее почитаемых богов; в Ведах ему посвящено около трехсот гимнов – больше, чем любому другому божеству. Вот один из них:

Состязаясь, спойте прекрасную песнь,
Восхваляющую Индру...
«Нет Индры, – иные говорят, – кто
Видел его? Кого воспевать нам?»
«Вот я, о песнопевец! Взгляни на меня – я
Превосхожу мощью все [сущее].
Повеления дхармы делают меня
Благоденствующим. Разрушитель, – я разрушаю миры.
Когда провидцы истины вознеслись ко мне,
Восседающему одиноко на хребте желанного
[Коня], мысль моя сердцу возвестила:
«[Ко мне] зывали друзья и дети».

Очевидно, речь не идет об олицетворении грозы, грома и молнии – явлении известных, видимых и слышимых. Сам Индра вынужден обратиться к сомневающемуся, ссылаясь на «дхамму», священную заповедь, закон. По-видимому, ко времени составления этого гимна «Ригведы» образ Индры приобрел мистический и аллегорический характер, перестал быть только воплощением природной стихии, но более общей – силы, энергии, воинской доблести, мужской потенции.

В одном из космогонических мифов он показан сыном бога неба и богини земли. В ту пору они еще были близки друг другу; по-видимому, он появился из бока матери, как впоследствии Будда. Он оставался небольшим до тех пор, пока не отведал магического напитка – сомы. Поглощая сому, он стал увеличиваться в размерах и вырос настолько, что смог отделить небо от земли, заполнив собой все пространство между ними. С того времени ему принадлежит воздушная стихия, область между небом и землей, где встречаются и действуют люди и боги.

Индра – бог битв и побед – земных и небесных (хотя порой он терпит поражения, но временные). В космическом плане решающим его сражением является схватка с Вритрой («Преградой») – демоном, олицетворяющим косное и хаотичное начало, препятствующим жизни, движению рек. Для того чтобы бороться с ним и его побеждать, явлен на свет Индра.

Прежде чем выйти на бой с Вритрой, Индра поставил перед богами условие: признать его царем. Они согласились. Бог-ремесленник Тваштар выковал для него «громовое копье» (или секиру) Ваджару. Индра осушил три огромных кубка сомы, от чего у него добавилось роста и силы. Пожалуй, прибавилось у него решимости и храбрости: ведь сома – хмельной напиток. Вполне возможно, что его употребляли арии, идя в бой.

Вритра – могучий гигантский змей – горный демон, скрывающийся в ущельях, подобно клубам тумана, имеющий крепости, вооруженный молниями, способный вызвать бурю, град, задерживать течение вод,

останавливать рост растений. Несмотря ни на что, Индра одолел врага, обрушив на него ваджру и переломив хребет и распоров брюхо. От удара раскололись скалы. (Нет ли тут сходства с сильным землетрясением. Тем более что битва, как сказано, сопровождалась дрожанием земли.)

Как видим, Индра совмещал в себе бога стихий и воителя, вполне напоминавшего земного царя, князя, подвиги которого в памяти предков стали легендарными, фантастическими. По мнению некоторых исследователей, Индра был сначала верховным обожественным предком одного из арийских племен – тритсу, а затем вошел в число верховных божеств объединенных племен. В подтверждение этого С. А. Токарев привел несколько текстов из гимнов «Ригведы». «В один день все их твердыни Индра разрушил силой – семь крепостей. Он наделил Тритсу имуществом предводителя ану (враждебных племен. – С. Т.)». «Эти Тритсу, подкрепленные Индрой, устремились вниз, как выпущенные потоки...» «Ямуна и Тритсу поддержали Индру».

По-видимому, племена под предводительством Индры (или почитавшие его как бога) разгромили укрепленные поселения воинственных горных племен. Память об этом событии, расцвеченная народной фантазией, осталась в веках.

В мифе об Индре и Вритре, как писал индолог У. Борман Браун, «из распоротого брюха Вритры вышли космические Воды божественной матери, давно жаждавшие освободиться от заточения. Теперь они вырвались на волю, как стадо мычащих коров, и устремились через простертое тело бывшего своего господина и притеснителя Вритры к Индре, чтобы провозгласить его новым своим владыкой. И что удивительно: Воды были беременны и плодом в их утробе было Солнце.

Теперь под рукой было все необходимое для сотворения вселенной: земля, небо и воздушное пространство – три сферы, на которые делился мир человека ведической эпохи, влага Вод, свет и жар Солнца». Да, перед нами еще одна космогоническая фантазия. Интересно отметить, что эпизод с бурными водами, хлынувшими из поверженного тела демона (при разрушении скал), наводит на мысль о катастрофических водно-селевых потоках, которые происходят в горах и предгорьях после сильных ливней или мощных землетрясений.

Небольшое отступление. Существует целое направление толкователей мифов, которые исходят из фрейдистских представлений (он и сам, как известно, издал соответствующую работу – «Тотем и табу»). Такая позиция, сводящая все на свете главным образом к сексуальным символам и подтекстам, привлекательна тем, что не требует обширных и

разнообразных знаний, напряжения ума. Все упрощается до предела: меч или копье (или та же ваджара) превращаются в фаллический символ (да и змея, при желании, тоже), удар, рассекающий скальд – в намек на совокупление, и так далее. Возможны достаточно изощрённые догадки и выдумки.

Конечно, в ряде случаев подобный подход оправдан. Но чаще всего – в виде исключения, а не правила. Дело в том, что в древности к сексуальным проблемам относились не так, как во времена З. Фрейда или в наши дни. Невротиков и сексуальных маньяков, а также импотентов тогда было значительно меньше, а отношения между полами вовсе не считались приоритетными, преобладающими над остальными жизненными проблемами. Выражали свои чувства и желания люди достаточно просто и ясно, без замысловатых подтекстов и ущемленных подсознательных потребностей. Фрейдизм был основан на наблюдениях за горожанами, мещанами, буржуа, имеющими психические отклонения, страдающими неврозами и навязчивыми идеями. Подобных субъектов в древности было ничтожно мало (если они вообще были), и никакого значения в жизни общества они не имели. А в мифах о пустяках речь не идет. Они выражают коллективные переживания отдельных племен и народов и, добавим, массовое сознание и коллективное подсознание, но не эмоции отдельных сексуально озабоченных индивидуумов.

Серьезные мифологи склонны выделять в приведенном выше мифе об Индре и Вритре две темы: историческую и космогоническую (мы еще можем добавить натуралистическую, связанную с описанием землетрясений и селей). Победа динамичного, активного, жизнеутверждающего начала над косным, инертным, пассивным – это и есть победа Индры над Вритрой. Только после этого в мире устанавливается порядок, и Солнце встает над водами и землей.

Однако со временем Индра начинает изображаться почти исключительно в образе мужественного мужчины, обладающего замечательными достоинствами, но и не лишенного недостатков. Его родственные связи с другими богами весьма путаны и противоречивы. В «Махабхарате» он представлен царем – великолепным и могущественным, но далеко не всесильным, который подчас может уступать в мудрости некоторым людям. На этот раз в поединке с Вритрой он терпит поражение: гигантский змей проглатывает его, и только помощь Вишну спасает Индру.

Многочисленные воинские и любовные похождения Индры, порой напоминающие сюжеты волшебных сказок, помогают понять представления о мире и человеке, смысле и содержании жизни, которые

вырабатывались в касте кшатриев – воинов и правителей. Ведь именно они считали Индру своим главным богом-покровителем. То, что божественный напиток сома упоминается чаще всего в связи с именем Индры, тоже проще всего объясняется тем, что воины перед битвой «для храбрости» употребляли сому. Напрашивается предположение: культ Индры становился в обществе особенно популярным в периоды войн (особенно – победоносных) и вообще возвышения каты кшатриев.

Считалось, что при разделе мира Индре был определен Восток – благодатный край, охраняемый священным белым слоном. В другой версии, царство Индры находится на небесах, это – Сварга («Небо»), райская обитель богов и героев. Столица ее – Амаравати («Обитель бессмертных»), где возвышается великолепный дворец Индры. В нем бессмертные наслаждаются музыкой и танцами; в парке растут деревья, исполняющие желания, и среди них волшебное дерево с золотой корой, источающее необыкновенные ароматы, которые вызывают состояние блаженства. В свои небесные чертоги Индра приглашает порой смертных героев; сюда попадают души отважных воинов, павших на поле битвы, оставаясь до тех пор, пока не суждено будет им вновь возродиться на земле, воплотившись в новых героях.

Может показаться странным, что в небесных райских чертогах, в потустороннем краю блаженства и безмятежности правит доблестный воин, олицетворение действий, мужской силы, активности, постоянной готовности к битвам. По-видимому, для воинственных ариев имела огромное значение вера в «жизнь после жизни», бессмертие души и награду в мире ином за героическую смерть. Такая вера помогала преодолевать страх смерти или даже искать гибели славной, героической, дабы очутиться в царстве райских наслаждений. Покровитель воинов Индра был своеобразным гарантом пребывания – пусть даже временного – павших в сражении героев в небесных его чертогах.

Особый интерес представляет связь имени Индры с сомой. Эта тема заслуживает отдельного обсуждения.

Сома

В индийской мифологии слово «сома» употребляется очень часто. У него четыре значения. Происходит оно от глагола «выжимать» и относится к соку растения, из которого готовили пьянящий напиток. Так же назывался и бог этого напитка – Сома. Позже его стали отождествлять с богом Луны или даже называть ее этим именем. Наконец Сомой порой называли животворный дождь или жертвенные возлияния (тоже, возможно, связанные с вызыванием дождя).

В одном гимне «Упанишад» сказано: «На этом огне боги совершают жертвоприношения веры. Из этого жертвоприношения возникает владыка Сома... Из этого жертвоприношения возникает дождь... На этом огне боги совершают жертвоприношения дождя. Из этого жертвоприношения возникает пища». В другом месте утверждается: «Приношение Соме – наисовершеннейшее из всех жертвоприношений...»

Представляет интерес гимн соме (как напитку, соку) из «Ригведы», приводимый ниже с некоторыми сокращениями и изменениями:

Поистине расходятся помыслы и желания людей.

Плотник желает поломки, врачеватель – болезни, брахман – выжимающего [сок сомы].

Для Индры стекайте, о капли [сомы]!..

Я – стихотворец, отец – врачеватель, мать – ловко вращает жернова.

К достатку идем мы разными путями, словно [пастухи] за коровами.

Для Индры стекайте, о капли [сомы]!

Коню нужна легкая повозка, потешнику – смех,

Детородному органу нужно влагилище, вода – лягушке,

Для Индры стекайте, о капли [сомы]!

Это откровенно авторское сочинение, даже с элементами автобиографии. Кстати, сторонникам фрейдистско-примитивного толкования древних мифов и поэм здесь не остается почвы для сексуальных фантазий: вещи названы своими именами, без затей и кривотолков. Что же хотел передать слушателям автор?

Первая же строка наводит на серьезные размышления. Оказывается, для реализации некоторых наших благих побуждений (исправления поломки, помощи больному) необходимо присутствие в мире несовершенства, зла, бед. Наши благие помыслы могут решительно расходиться с материальными интересами.

Вообще, связаны неразрывно между собой живое и неживое, телесное и чувственное, духовно-высокое (например, молитва и ритуальная жертва брахмана) с материально-низким (работой выжимающего сок).

В припеве постоянно упоминается Индра. Что это означает? Как мы уже говорили, хмельной напиток – сома – придавал силы и храбрости воинам, покровителем которых являлся Индра. Кроме того, как считалось, сому употребляют не только люди, но и боги; его использовали в ритуальных целях, и тогда опьяняющий сок превращался в божественного Сому Павамана («Очищающий»). Впрочем, называть его хмельным или опьяняющим можно лишь с немалой долей условности. Это – не вино или пиво, а наркотический галлюциногенный напиток.

Вряд ли случайно в мифе об Индре сказано, что от сомы он становился не только сильнее и решительнее, но и крупнее. Такое ощущение характерно для некоторых видов наркотического опьянения.

Скорее всего, сома – не просто перебродивший растительный сок, а более сложный напиток, в который жрецы добавляли определенные препараты (например, конопляные или опиумные).

Вряд ли случайно приготовление сомы связано с какими-то манипуляциями у огня. Если бы достаточно было просто выжимать сок определенного растения, то, без сомнения, сома быстро бы превратился в любимый народом напиток. Капли сока еще надо было суметь превратить в капли сомы!

В одном из мифов Сомы назван сыном Праджапати и братом Индры, Агни. Далее сказано:

«Он, Индра, сказал Агни и Соме, братьям [своим]: «Я хочу совершить для вас жертвоприношение, исполняющее желания, то, которое отец Праджапати позволил мне совершить!» – «Да будет так!»... Один из них стал поглотителем пищи, другой – пищей. Поистине, Агни стал поглотителем пищи, Сомы – пищей».

Тут тоже бог напитка и бог огня выступают вместе, а с ними связано жертвоприношение, и не простое, а исполняющее все желания. Правда, на этот счет есть иное толкование. По мнению датского ученого конца XIX в. Э. Леманна: «В выжимании сомы заключалась, очевидно, своего рода природная символика, которой свойственна была некоторая чудотворная сила: подобно тому как живая жидкость струится через сито из овечьих волос, так и дождь льется из облаков; вообще сома и дождь часто отождествляются...

Еще чаще Сомы связывается с Агни или приравнивается к нему. Дождь и огонь, по понятию Вед, сливаются в одно целое, так как они сопровождают друг друга. Огонь производит дождь (молния); дождь, в свою очередь, создает огонь, так как он, производя рост деревьев, влагает в них огонь; сома, — так говорится, — это огонь в жидком состоянии... Орел, несущий Сому с небес и его проливающий, есть сам Агни, который довольно часто изображается в виде птицы; причиной истечения амброзиальной жидкости, Сомы, или дождя считается нисходящий огонь или молниеносный луч».

Сравнение сомы с амброзией в данном случае подразумевает

необычайное действие, вознесение к небесам, в призрачный мир богов. Э. Леманн не учел, что это не могло быть чем-то просто очень вкусным, сладким (зачем бы тогда принимать такое средство перед битвой и связывать его с Индрой?!). А у хмельного напитка было вообще другое название: сура. Так что наиболее правдоподобно, что божественной Сомой называли наркотик, секрет приготовления которого знали только посвященные, жрецы.

У Сомы, который упоминается в Ведах, множество самых разнообразных свойств и достоинств, вплоть до того, что его называют владыкой мира, богом богов, носителем жизненной силы. Называют его и «всевозбуждающим», «всезнающим», «небесным», что тоже вполне отвечает тем чувствам, которые возбуждает наркотик (недаром наркоманы говорят о «полете»).

Надо иметь в виду, что наркотики, различные психотропные средства применялись в религиозных ритуалах и шаманских камланиях во всех концах земли, у многих племен и народов. В этом отношении Сомы – не исключение, а общее правило, поистине могущественный бог (у ариев Персии его называли хаомой и посвящали ему восторженные строки). Вспомним и о викингх, которые перед боями тоже приводили себя в возбужденное состояние с помощью наркотических средств, к числу которых относятся, конечно, и алкогольные напитки.

Сомы – дурманный напиток богов, браминов и воинов, тот самый божественный Сомы, которому в Древней Индии приносили жертвы, в честь которого слагали гимны, оказывал немалое воздействие не только на отдельных людей, но и на всю цивилизацию. К употреблению наркотика начинали привыкать многие жрецы (по-видимому, воины принимали его не столь часто). А эта каста была носителем знаний, мудрости, традиций.

Когда историки рассуждают о причинах падения цивилизаций, то упускают из вида не только факторы взаимодействия общества с окружающей природной средой, но и подрыв духовных основ общества, общественного сознания. Распространение наркомании в прошлые века могло быть особенно губительным потому, что люди не сознавали ее пагубность, а количество населения было сравнительно невелико. Интеллектуальную и духовную функции исполняли главным образом (а в Индии почти исключительно) представители духовенства. Их деградация неминуемо приводила к разрушению общественных связей. Общественное сознание становилось затуманенным, необычайную популярность обретали суеверия и предрассудки, нелепые фантазии, «окультурные науки».

Поклонение Соме – олицетворенному наркотику – должно было

губительно сказаться на состоянии древнеиндийского общества. В военное время Сомы одухотворял бойцов, вдохновлял на героические деяния, вселял надежду на райское блаженство после героической смерти. Но в мирное время опьяненные сомой служители культа и властители постепенно деградировали, и это должно было вызывать острые кризисы цивилизации, ее застой и упадок.

Агни

Имя этого бога для русского уха звучит совершенно понятно: огонь, огни (первая буква произносится обычно как «а»). Культ Агни предполагает не просто огонь как таковой, а прежде всего жертвенный, который обеспечивает связь людей с богами. Поэтому Агни часто упоминается вместе с Сомой. Кроме того, в плане философском, воздаются почести духу огня, огненной субстанции, одной из главных природных стихий.

«Агни – бог огня, – пишет индолог Н. Р. Гусева, – может считаться богом уникальной судьбы: на протяжении всего исторического периода, в течение которого индийцы его почитали, т. е. начиная с конца II тысячелетия до н. э. и вплоть до наших дней, всегда имело место религиозное преклонение перед ним и всегда ему приписывали одни и те же чудодейственные свойства и его ставили в один ряд с самыми влиятельными богами. Функциональные нагрузки большинства богов исторически менялись и частично утрачивались, тогда как верующие индусы в современной Индии продолжают приписывать Агни те же качества и функции, которые ему приписывались ведическими и, совершенно очевидно, доведическими арьями; гимном Агни начинается Ригведа».

Такая удивительная стабильность образа бога объясняется его ясной принадлежностью к данному явлению (объекту) природы, сопровождающему жизнь человеческую со времен не только доисторических, но и более древних, когда еще только формировался облик людей современного вида, как предполагается, в связи с широким использованием огня и приготовлением обработанной на костре пищи.

У арийских племен огонь сопровождал человека от рождения, когда на домашнем алтаре приносили жертвы богам, при посвящении, свадьбе, самых разнообразных ритуалах; на смертном одре, где сжигалось тело,

освобождая нетленную душу, и после смерти, на поминках. Существовал особый обряд добывания священного огня. Согласно Ригведе, огонь-Агни «породила счастливая древесина для трения»; «знаток [всех] существ вложен между двух кусков дерева для трения»; «добывайте трением, о мужи, провидца недвуличного»: если они добывают [его] трением руками, он ярко зажигается среди кусков дерева, алый, как скаковой конь».

Безусловно, способ добывания огня трением – очень древний – должен был выглядеть как волшебство, священнодействие. Но здесь еще есть уподобление огня правде («провидцу недвуличному»). В Ведах о священном огне (отождествленном, между прочим, с дыханием) сказано: «Поистине служение этому огню – правда. Тот, кто говорит правду, подобен тому, кто изливает топленое масло на зажженный жертвенный огонь. Так воспламеняет он этот огонь. Жар его все усиливается. С каждым днем он [говорящий правду] становится более сильным».

«Поистине Агни есть речь», – сказано там же. Но кроме дыхания и речи его соединяют с зарождением жизни. Когда из вселенских вод возникло мировое яйцо, «Зародыш внутри был создан в виде Агри [Начала]. Он есть Агри, ибо он был создан как начало этой вселенной. Поистине он – Агри, и называют его Агни тайно. Ибо боги любят неявное».

Здесь мы вновь сталкиваемся с игрой слов, когда созвучие предполагает сходство смысла. Так через структуру языка человек стремится понять то, что, возможно, было вложено предками в те или иные слова. Метод, конечно, замечательный, но требующий большой осмотрительности (как видим, к Ведам восходит зарождение такой области знаний, как палеолингвистика). В космогоническом аспекте соединение Агри с Агни означает, что огонь был у истоков жизни. Более того, он остается основой жизни и познания. В «Шатопатха-брахмане» приведены такие рассуждения:

«Дхира, сын Шатапарни, приблизился к Махашале, сыну Джабалы. Его спросил он: «Что познав, приблизился ты ко мне?» – «Огонь познал я». – «Какой огонь познал ты?» – «Речь». – «Каким становится тот, кто познал этот огонь?» – «Способным говорить становится тот, – ответил он, – речь не покидает его».

Далее выясняется, что огонь претворяется в зрение, мысль, слух, дыхание. Дхира говорит: «Поистине дыхание есть этот огонь. Поистине, когда человек засыпает, в дыхание входит речь, в дыхание – зрение, в дыхание – мысль, в дыхание – слух. Когда он просыпается, они вновь рождаются из дыхания...»

Наконец, Агни называется и поглотителем пищи. Когда Индра

предложил совершить жертвоприношение в честь своих братьев Агни и Сомы, они согласились олицетворять этот ритуал: «Один из них стал поглотителем пищи, другой – пищей. Поистине Агни стал поглотителем пищи, Сомы – пищей».

Если сопоставить все то, что было сказано в приведенных выше текстах о свойствах и назначении огня-Агни, он предстает – помимо всего прочего – как символ жизненной энергии, процесса горения внутри живого организма, догадка замечательная! Ведь процесс жизнедеятельности в науке принято сопоставлять с медленным горением, для поддержания которого служит дыхание (потребление кислорода) и питание (использование «горючего»).

Конечно, древнеиндийские мудрецы не размышляли о химических основах жизнедеятельности. Однако суть проявления жизни как одного из воплощений огненной и светоносной стихии они постигли верно. Ведь то, что мы называем калорийностью пищи, есть и ее «агнийность» (в смысле энергоемкости, которую усваивает человеческий организм). Но не будем забывать, что Агни был для древних индийцев не только воплощением огня, но и мифологической фигурой. У ритуального костра они взывали к нему как посреднику между людьми и богами: «О Агни, только та жертва и тот обряд, которые ты охватываешь со всех сторон, идут к богам».

Согласно преданию, Агни появился на свет сам по себе (по другим версиям – из вод, на небе или от соединения матери-земли с отцом-небом, что можно толковать как вертикальный разряд молнии). Боги пожелали, чтобы он стал приносить для них жертвенные дары. Он испугался, что с угасанием жертвенного огня зачахнет и он, а потому решил укрыться в безбрежных водах. На земле воцарился мрак, которым воспользовались демоны, чтобы установить свое господство.

Пришлось богам отправиться на поиски Агни. Им помогла рыба, для которой был нестерпим жар Агни. Она открыла богам его убежище. Разгневанный Агни проклял рыбу, и с тех пор не способны рыбы кричать от боли, вовсе лишены речи и не выносят не только огня, но даже света и тепла.

Есть ли в этом мифе потаенный глубокий смысл? Вряд ли. Далеко не всегда люди рассказывали только мудрые притчи или поэтически украшенные философские идеи. Нередко в памяти народа сохранялись занятные, а то и пикантные истории, бесхитростные волшебные сказки.

Но для людей, конечно же, главными были не фантасмагории или поэтические образы, которые навевают трепетный и могучий, изменчивый и

в то же время постоянный огонь костра. Бог Агни был прежде всего воплощением света и тепла, который разгоняет вкрадчивых демонов ночи, поднимается в небо, унося с собой молитвы и гимны; Агни, сплывающий семью вокруг домашнего очага.

Может показаться странным, что в древности у людей огонь не ассоциировался с грозной и губительной силой, враждебной человеку и всему живому. «Для большинства гимнов характерно, – писал В. Н. Топоров, – что Агни горит, сияет, освещает, обладает всеми силами, заполняет воздушное пространство, открывает двери тьмы, укрепляет небо и землю, охраняет их, восходит на небо, рождает оба мира, живет в воде; знает все пути, все мудрости, все миры, все людские тайны; наблюдает за всем на свете, правит законом; приводит богов на жертвоприношение. Агни дружелюбен к людям, к долгу, соединяет супругов, приносит богатство, поощряет певцов, поражает врагов, тьму... Из его эпитетов особенно известны: Джатаведас – «знаток всех существ» (или «знающий о предшествующих рождениях»), Танунапат – «сын самого себя», Вайшванара – «принадлежащий всем людям»...»

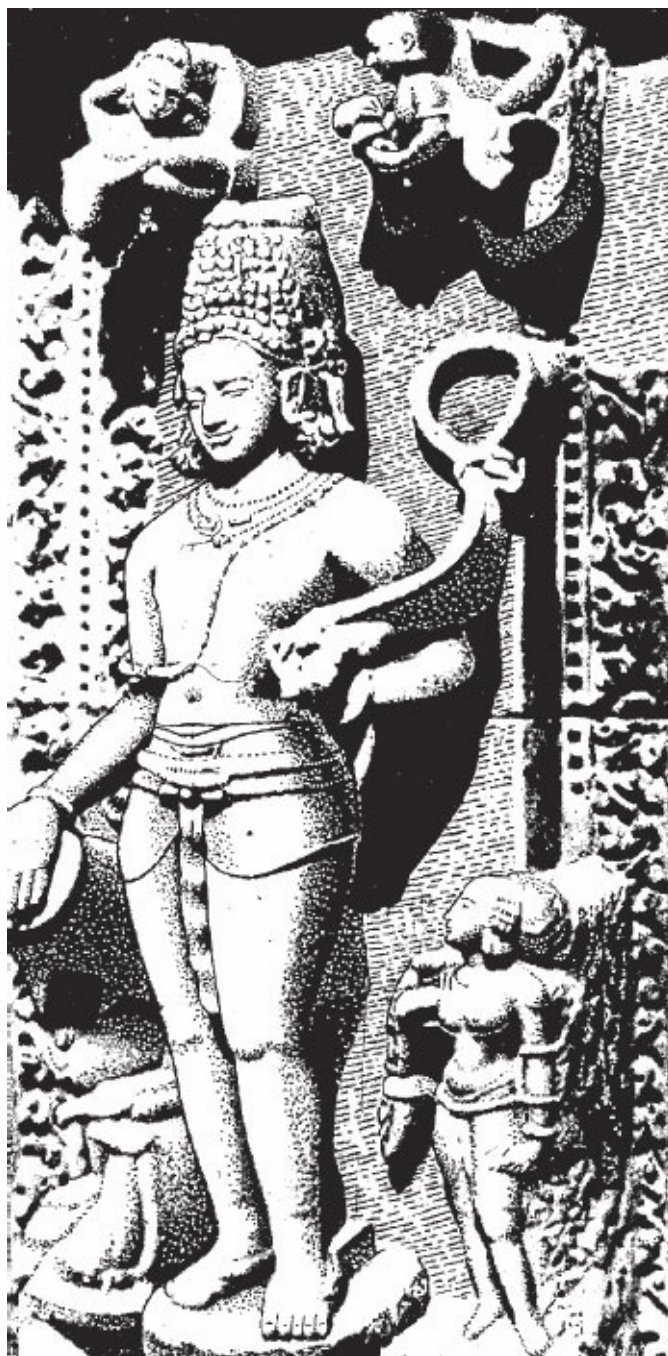
Почему в этом длинном перечне отсутствуют «отрицательные» черты? Разве не было тогда сильных лесных и степных пожаров? Разве огонь не пожирал жилища? Вероятно, причины бытовых пожаров люди по справедливости связывали не столько со стихией огня, сколько с «человеческим фактором». С действующими вулканами, огнедышащими горами, арии встречались редко, а лесные и степные пожары тоже были делом рук самих людей (как тогда, так и ныне). Вот почему Агни считался богом света, добра, истины.

Варуна

«Вседержителю вознесу я возвышенную, глубокую молитву, приятную прославленному Варуне, который разбил землю, чтобы разостлать ее для солнца, как жрец – шкуру [жертвы]...

Бочку с отверстием внизу Варуна вылил на оба мира и в воздушное пространство. Ею царь всей вселенной, как дождь хлеба, орошает почву.

Он орошает почву, землю и небо. Когда же Варуна хочет, чтоб его подоили, тучей окутываются горы, и неистовые мужи опускают поводья».

Не следует думать, будто Варуну действительно считали повелителем Вселенной и богом богов. Высокие «звания» обычно использовались при обращении к тому богу, от которого в данный момент ожидали благ. От Варуны ожидали много хорошего, ибо в его распоряжении были земные и небесные воды, а также ночное небо. Для земледельцев распределение вод на земле, в облаках и почве, позволяющее из года в год собирать урожаи – результат мудрого замысла вселенского Разума (Пуруши): «Мыслью его

(т. е. Пуруши) были созданы воды и Варуна. Воды принесли ему веру и добрые деяния. А Варуна защитил его потомков своей дхармой (т. е. законом). Так воды и Варуна служат своей прародительнице – мысли. Там, где воды и Варуна, там и мир того, кто знает эту силу мысли, и пока не погибнет мир вод и Варуны, не погибнет и его мир».

В гимне подчеркивается значение мирового порядка. Варуна властвует над водами, подчиняясь его закону, а не собственным прихотям. Об этом говорится настойчиво. По-видимому, автор понимает, знает на собственном опыте, что не всегда небесная вода проливается в нужное для земледельца время. Значит, не всегда Варуна управляет своим хозяйством так, чтобы принести пользу людям. Требуется напоминать ему снова и снова о разумном устройстве мироздания, которое требуется поддерживать.

Возможно, еще до создания Вед Варуна был небесным богом, управлявшим движением светил и определившим и исполнявшим законы мироздания (у древних греков таким богом был Уран; созвучие имен позволяет предполагать их генетическую связь – как двух отражений некогда единого верховного божества индоевропейцев). Бог Варуна считался повелителем западных вод и земель (слово «варуни» означает запад), а его роскошный дворец находился на дне океана. По мнению Н. Р. Гусевой, есть основания сопоставлять Варуну со славянским богом неба, атмосферных вод и огня – Перуном.

Владыкой ночи Варуна был признан, по-видимому, потому, что на западе солнце заходит, уступая место тьме. Но в то же время тысячами глаз своих помощников наблюдает Варуна за всем, происходящим на земле: «Кто идет, или стоит, кто тайно крадется, кто ищет себе убежище, или спешит от него, о чем говорят двое, сидя вместе, – то знает владыка Варуна, присутствующий в качестве третьего. И если б я перешел за пределы неба, то все же я не ушел бы от царя Варуны; с небес спешат сюда его соглядатаи, обозревающие мир тысячью глаз».

Одна из важных задач Варуны – следить за сохранением мирового порядка и сохранением людьми моральных заповедей. Наиболее тяжкий грех – клятвопреступление. Там, где преступник ухитряется уйти от суда людей, вмешивается Варуна. Он карает грешника, насылая на него болезни, несчастья и преждевременную смерть.

Неотвратимость наказания не только за явные, но и за тайные, скрытые от других людей прегрешения в последующие века легла в основу концепции кармы, судьбы, неизбежного возмездия за несправедливую жизнь и воздаяния за праведную; и если она не проявится в этой жизни, то скажется при дальнейших перевоплощениях души. Правда, у Варуны как божества

древнего сохраняются чисто человеческие черты: он волен наказать и помиловать, проявить благосклонность, наставлять человека на путь истинный.

«Хорошей чертой Варуны, – писал Э. Леманн, – служит то, что при обращении к нему молитва играет наибольшую роль и несколько сдвигает на задний план вечную куплю-продажу жертвы... В этих песнях, особенно в тех из них, которые приписываются певцу Васиште, слышится искренняя, прочувствованная молитва». И не удивительно: всеведение Варуны вынуждает к искренности при обращении к нему.

Впрочем, с укреплением государственных структур и усложнением общественной жизни образ Варуны стал постепенно тускнеть. Ему начали приписывать фривольное поведение; влюбившись в прекрасную дочь бога Луны (Сомы), он ее похитил, несмотря на то что она была отдана в жены одному мудрецу. С помощью заклинаний мудрец наслал великую сушь, от которой стал мелеть даже океан. Испуганный Варуна вернул ему его жену.

Подобные истории показывают, что в обществе произошли существенные изменения и к исполнению нравственного закона стали относиться с некоторой иронией. Нужны были новые идеи, требовались новые божественные установления для поддержания общественного порядка, основа которого находится в душах людей, а не в каких-либо учреждениях и законодательных актах.

Рудра

Как божество он олицетворяет бурю, грозу, ярость. В одном из мифов он в гневе великом врывается на пир богов, куда его не пригласили и где в отчаянии бросилась в огонь его жена Сати. Пир устроил Дакша, отец Сати (и еще 49-ти дочерей). Рудра причинил увечья многим богам, а Дакше снес голову, которую потом не могли отыскать, из-за чего пришлось пострадавшему приладить голову козла.

Этот эпизод отражает, судя по всему, очень древний обычай, согласно которому в жертву Рудре приносили людей, побежденных воинов. В «Махабхарате» рассказывается о том, что царь Магадхи Джарасандха, захватив в плен 86 побежденных князей, собирался принести их в жертву Рудре. Кришна спросил его, почему он хочет поступить так жестоко. «Таков древний обычай кшатриев», – ответил царь. Кришна осудил этот обычай как недостойный.

О древности почитания Рудры свидетельствует то, что он был охотником и покровителем охоты, владыкой лекарственных трав, который не только может поранить, но и вылечить раны. Он считался, кроме того, богом гор и лесов. По-видимому, он был связан с горным делом или считался покровителем рудокопов, причем очень древних, относящихся к временам индоевропейского единства.

По мнению Н. Р. Гусевой, ему может соответствовать

древнеславянский Род, которого Б. А. Рыбаков охарактеризовал так: «В представлении земледельца это был грозный и капризный бог Неба, владевший тучами, дождем, молнией, бог, от которого зависела вся жизнь на земле». Как отметила Н. Р. Гусева: «Эта характеристика, полностью совпадает с той, которую дают веды и книги-брахманы богу Рудре. Значение имени Рудры по санскритским словарям буквально воспроизводит вышеприведенные слова Б. А. Рыбакова: грозный, могучий, рычащий, бог гроз, благостный, достойный прославления. Имя Рода и Рудры разъясняется и как красный, сияющий, сверкающий. Значение «красный» возводится в санскрите к древнему корню... «рудх», который означал «быть красным, бурым». С этим древнейшим значением можно сопоставить слова «родрый», «рудый», «рдяный», обозначающие красный цвет, и древнерусское слово «руда», употребляющееся в значении крови».

Придется еще раз вспомнить, что то же слово означает и полезное ископаемое. А добывали в те времена полезные ископаемые только в горах, если не считать бурых болотных руд, добываемых в лесных болотах. В таком случае делается понятной связь Рудры с горами и лесами, а также типологическая параллель, отмеченная В. Н. Топовым: Рудла и крот – Аполлон и мыши.

Возможно, соединение Рудры и смерти объясняется тем, что слово «руд» переводится как «рыдать». В одном из гимнов Вед сказано: когда чувства и душа «покидают это умирающее тело, они заставляют рыдать [близких]. Они заставляют рыдать, потому они Рудры». Вновь сказывается игра слов, созвучий. Так или иначе, но его называли «мужеубийцей», может быть, в связи с кровавыми жертвоприношениями. Хотя считалось, что смерть он способен насылать самыми разными способами, и не только на людей, но и на домашний скот.

Его владения, жилье, согласно поверьям, находились на севере, который индийцы считали краем суровым, опасным, плохим. Это наводит на мысль, что арийские племена, обосновавшиеся в Индии, пришли из каких-то северных краев, сохранив в памяти поколений туманные образы тех мест, где жилось им несладко или, во всяком случае, не так, как на благодатном юге.

Где могла находиться эта северная прародина племен, почитавших издревне Рудру? Очень возможно, что где-то в районе реки Неман, где ученые отмечают скопление гидронимов (а названия рек обычно сохраняются с древнейших времен), которые относятся к индоевропейским. Отметим, что приток Немана – Рось и там же есть гидронимы Руда, Рудка, Ржавец. Вдобавок на этих же территориях пять –

семь тысячелетий назад производились активные горные работы: добывали кремень...

Впрочем, предположение об этой прародине требует более убедительных обоснований.

С Рудрой связаны представления о жизненной и сексуальной силе. Возносили к нему молитву: «Да создаст он благо нашему скакуну, здоровье барану и орлу, мужчинам и женщинам, быку». Преимущественно в этом своем качестве он постепенно превратился в бога Шиву, утратив свои грозные и страшные качества. Возможно, в мифе о Дакше, не пригласившем на пир богов Рудру, отражается уход Рудры в прошлое, забвение его имени, что вызывало возмущение некоторых жрецов, поэтов. Но что тут поделаешь: боги смертны. Как сказано в одной из «Упанишад»: «Боги умирают везде и всюду». Ведь их опора, место их пребывания – сердца и разум людей.

Шива

В пантеон ведических богов Шива вошел сравнительно поздно, подменив Рудру. Считают, что это произошло около III века н. э. Но заявил он о себе (верней, заговорили о нем брахманы, отдельные мыслители) очень веско. В одном из поздних гимнов «Упанишад» сказано, что есть великий дух (Пуруша), который выше Рудры:

«Нет ничего выше его, нет ничего меньше его, нет ничего больше него. Он один стоит, как дерево на небе...

То, что выше этого [мира], не имеет облика и лишено страдания. Те, кто знает это, становятся бессмертными, а другим достается лишь горе.

Содержащийся во всех лицах, во всех головах, во всех шеях, обитающий внутри всех существ, всепроникающий – он владыка, вездесущий Шива.

Этот пуруша есть поистине великий властитель, зачинатель сущего. Его приобретение незапятнано. Он – владыка, свет, непреходящее».

Судя по всему, к этому времени в духовной жизни индийского общества произошли существенные и закрепившиеся прочно (вплоть до наших дней) перемены. Остались в туманном прошлом черты сравнительно примитивного быта арийских племен охотников и скотоводов. На первое место окончательно вышло земледелие. Арийский этнос в значительной мере растворился в местных. Соответственно изменились нравы и обычаи. Возводилось поклонение традиционным богам долины Инда: трехликому рогатому мужскому божеству, а также женскому. Кроме того, на печатях III–II тысячелетий до н. э. встречается изображение человека в позе, которую принимают йоги. Иногда по сторонам его стоят фигуры в почтительном поклоне. В других случаях он показан с животными (как покровитель скота?), со змеями.

«Есть еще один важный момент, – писал Норман Браун. – В исторический период почести Шиве на протяжении двух тысяч лет воздавались и воздаются поныне чаще всего перед изображением фаллоса, являющегося его символом, в то время как символом его супруги Парвати служит женский половой орган. Предметы, несомненно представляющие собой фаллические символы, найдены и при раскопках хараппской культуры; в то же время были найдены предметы, которые можно интерпретировать как символы женского начала...»

Подобно Рудре, Шива обитает на севере, но не в далеких краях, а в Гималаях. Он следит за соблюдением законов, искореняет пороки, его именуют также «Владыкой танца» (Натараджей). Когда на него напал демон Муйалака (Апасмары), Шива большим пальцем ноги переломил ему хребет и, стоя на нем, исполнил космический танец, показывающий периоды разрушения и воссоздания мира. «Символические жесты его ног и четырех рук в этом танце, – писал Норман Браун, – как изображают их индийские скульпторы, представляют различные стадии регулярно повторяющегося цикла. Композиция в целом воплощает один из гениальнейших замыслов в мировой пластике. Шива также животворящий принцип Вселенной, представляемый в виде гигантского фаллоса».

Несмотря на это и на картины его счастливой супружеской жизни, Шива порой представлен в виде аскета-йога, который медитирует в

безлюдных местах, на горной вершине, среди полусожженных после кремации человеческих останков, где бродят ведьмы, демоны и шакалы.

В «Хвалебной песне величию Шивы» сказано:

Могучий бык, палица со знаком мертвой головы, топор,
шкура тигра, пепел, змеи
И череп – это, и ничто другое, – главное достояние твое;
Однако если боги обладают каждый своей особой силой, то
это ты наделяешь их ею, стоит тебе лишь двинуть бровью;
...Ты забавляешься в местах сожжения трупов,
о Губитель Смары [бога любви]; пищачи [демоны
пожиратели трупов] – твоя свита;
Ты умащаешь тело пеплом с погребальных костров;
в гирлянде твоей нанизаны человеческие черепа;
Пусть облик твой, равно и имя твое – зловещи,
И все же, податель даров, для тех, кто мыслью обращается
к тебе – залог высочайшей благодати.

На путях медитации и высшего познания Шива подчас употребляет наркотический препарат из конопли. Но, несмотря на его связь со смертью, он олицетворяет постоянное возрождение жизни и обновление мироздания. Кстати сказать, идея четырех циклов развития поистине гениальна. Сложные развивающиеся системы, говоря обобщенно, проходят стадии зарождения, развития, расцвета, стабильности (подобное относительное совершенство есть залог неизбежного кризиса, так как окружающая среда изменяется, да и любая замкнутая система обречена на деградацию). Таким образом, являясь богом созидания и развития, Шива предстает и разрушителем тоже.

«Секты странствующих аскетов, или садху, посвятивших себя служению Шиве, – по свидетельству Нормана Брауна, – бродят по всей Индии, осуществляя практику «тапаса», т. е. подвижничества, которое один выдающийся санскритолог характеризовал обычно как... «подвижничество-трюкачество»... Одеты они в лохмотья, часто не имеют на себе ничего, кроме набедренной повязки минимальных размеров; их тела вымазаны пеплом, длинные волосы лежат на голове свалывшимися завитками, в проколотых ушах висят большие серьги. Они странствуют, держа в руке посох или трезубец, являющийся эмблемой и оружием Шивы; они торгуют амулетами, уверяют, что могут творить чудеса; иногда

сопровожают их женщины-подвижницы столь же неопрятной наружности. Как ни прискорбно, но репутация у этих подвижников весьма скверная. Они, как правило, невежественны, медитацией занимаются редко, экономически совершенно непроизводительны; им вменяется в вину немало мошенничеств и преступлений. Памятники индийской литературы почти за два тысячелетия только подтверждают эту их характеристику».

Безусловно, среди подобного сброда встречаются и настоящие аскеты-йоги. Однако отличить настоящего подвижника от шарлатана не так-то просто, а ссылки на имя Шивы, мудреные заклинания и различные манипуляции могут производить на обычных обывателей немалое впечатление. Но кто может поручиться, что перед вами не настоящий маг, способный навести на вас порчу? На всякий случай средний индиец относится ко всем служителям Шивы с опаской и почтением, чем и пользуются проходимцы.

Сыном Шивы считают воинственного бога Сканды (впрочем, его отцом называют и Агни). Другой его сын – слоноподобный Ганеша, считающийся богом мудрости и устранителем препятствий (слону эти качества действительно подходят). Отождествление в некоторых мифах «шивалингама» (фаллического амулета) с огненным столпом от земли до неба можно толковать как образно-поэтическое описание извержения вулкана.

Махадеви-Шакти-Парвати-Кали-Ума-Дурга

Эту богиню назвать одним именем очень трудно, ибо она выступает в разных ипостасях и не всегда можно решить, какая из них главная. Махадеви означает «Великая богиня». Так нередко обращаются к Шакти (под этим именем она выступает как жена Шивы). Когда имеют в виду ее добрые помыслы или поступки, то употребляют имена Парвати, Ума, Гаури, а когда жестокость, возмездие, разрушение – ее имена Кали, Дурга.

Необходимо пояснение. В огромном количестве религиозных текстов, которые записывались в течение примерно двух тысячелетий, отсутствует единство толкования тех или иных проблем, понятий, деяний богов. В сравнительно поздние времена делались попытки увязать некоторые сюжеты, относящиеся к богам, и тогда возникали волшебные сказки и легенды с самыми причудливыми превращениями и приключениями. Это относится, в частности, к Шиве и его супруге. Порой рассказываемая история выглядит как не вполне приличный анекдот.

Например: поспорили Брахма и Вишну, кто из них родился первым. Чтобы открыть истину, перед ними возник Шива в виде огненного столпа необычайной прямизны (намек на фаллос, или, по-местному, лингам). Брахма, обернувшись гусем, полетел вверх, но за тысячу лет не смог достичь вершины столпа. Вишну, став кабаном, тысячу лет рыл клыками землю, но так и не докопался до корня столпа. Пришлось им признать Шиву величайшим из богов. Вот и дочь Дакши, Сати, вопреки воле отца вышла замуж за Шиву, бросив свой обручальный венок на огненный столп. Позже она ради чести мужа пожертвовала собой. Но душа ее воплотилась в Парвати, богиню гор, в образе которой Шива вновь обрел вечную супругу...

В этой истории (в действительности она гораздо сложнее, причудливей) подчеркнута сексуальная мощь Шивы, его привлекательность для девушек и значительно большая древность, чем упомянутых Брахмы и Вишны. Нет сомнения, что Рудра-Шива почитался в долине Инда очень давно, если ему соответствует образ бога, изображенный на тамошних печатях. То же можно сказать и о жене Шивы. Возможно даже, что ее история восходит к эпохе неолита – как образ великой матери. При раскопках поселений Хараппы и Мохенджо-Даро было найдено множество глиняных фигурок женщин. По-видимому, они были объектами поклонения.

Напрашивается предположение: не было ли изначально у этой великой богини множества имен в связи с тем, что поклонялись ей разные местные племена. К тому же ее должны были включить в свой пантеон и пришлые племена ариев. А ее двойственный характер можно объяснить не только тем, что она – женщина, и ничто женское ей не чуждо. К ней обращались с различными просьбами – не только о милости, но и о каре.

«Культ Великой богини-матери, матери-земли, – писал Норман Браун, – широко распространен до настоящего времени в неарийских кругах населения Индии. Для каждой южноиндийской деревни характерен специфический набор так называемых «амма» или «матерей», культ которых составляет основу религиозной практики сельской общины... Жрецы этих богинь, в отличие от жрецов, отправляющих в больших храмах культ Парвати в других ее аспектах, не являются брахманами, но принадлежат к низшим кастам, что указывает на доарийский или, во всяком случае, неарийский характер культа этих богинь. Популярен культ богини-матери и на севере...

У Парвати есть ее устрашающая ипостась: Амбика, сотворенная из наиболее могущественных свойств всех богов; ею был уничтожен

неуязвимый до той поры демон-буйвол Махитасура. Другой облик Парвати – Чамунда, истребившая демонов Шумбху и Нишумбху. Еще одна ее форма – Кали, по случаю истребления ею демонов плясавшая на радостях до тех пор, пока не затряслась земля и боги в страхе за себя не выдвинули своим заступником Шиву. Он лег под ноги Кали, и она продолжала свой танец на его теле, пока не замерла, ужаснувшись содеянному».

Как нетрудно заметить, в последнем эпизоде высказана в поэтической форме причина землетрясения, безумная пляска матери-земли. Характерная деталь: не сразу этот танец устрасил богов. И при землетрясениях бывают предварительные слабые удары-предвестники.

В качестве Шакти супруга Шивы является олицетворением женского начала. В средневековой оде «Четок красоты» сказано: «Лишь пребывая в единении с Шакти являет Шива свое могущество как властелин; без нее у него не достанет сил даже на то, чтобы пошевелиться». Так богиня предстает олицетворением жизненной и даже божественной энергии, животворящей силы любви и таинственной темной силы страсти.

«С почитанием разных форм Шакти, – пишет Н. Р. Гусева, – у неарийского населения было связано также и исполнение ритуальных танцев, что сохраняется и в современном индуизме, особенно в культе богине Дурги. В дни осеннего праздника... перед ее изображением танцуют мужчины, держа в руках чаши с наркотическими курениями и доводя себя в этих танцах до экстатического состояния, а порой и до потери чувств. Эти танцы отражают в пережиточной форме древние обряды принесения в жертву богине мужчин как оплодотворителей ее чрева».

Култ Шакти-Кали-Дурги издавна связан был с кровавыми жертвами и эротическими ритуалами. Приверженцы одной из сект – тхуги (душителю) – умерщвляли случайных путников, принося их в жертву смертельно-страстной богине. Почитатели Шакти верят в существование в человеке особой духовной силы – кундали. Она первоначально находится в мистическом центре, круге (чакре) у основания позвоночника, в нижней части тела. С помощью йогической техники (а также путем истощения плоти либо целомудрием, либо половыми излишествами) можно побудить эту силу подниматься все выше и выше к пяти другим чакрам. В конце концов, достигнув совершенства, человек поднимает кундали над шестой чакрой – в сферу высшего знания и блаженства. Как бы мы ни относились к индуизму, следует признать психологически верной идею перемещения «центра удовольствий», средоточения жизненных интересов из области низменных инстинктов, которые объединяют нас с животными, в сферу

высоких духовных интересов и потребностей, которые открывают человеку божественные радости. Но для этого необходимо постоянно прилагать немалые усилия: только переходы на низшие ступени, деградация, даются без труда...

То, что Шакти нередко изображается черной (Кали – черная), а ее мудрый сын Ганеша слоноголовым, свидетельствует о далекой древности происхождения этих божеств. А то, что со временем все меньше поклонялись Парвати-Уме-Гаури (соответственно: Горянке-Светлой-Сияющей), а все больше – Дурге-Чандика-Бхайрави (Недоступной-Жестокой-Страшной), навевает нерадостные мысли о путях развития цивилизации.

Яма

Таково имя владыки царства мертвых.

Изначально он принадлежал, по-видимому, к двойному, парному божеству, божествам Яму и Ями (его сестра). Это первые люди, появившиеся на свет. Причем выражения «на свет» и «на свете» в данном случае имеют особый смысл, потому что их отцом признан Вивасвати, солнечное божество.

Казалось бы, что от них, как от библейских Адама и Евы или авестийских Йимы и Йимак, должен происходить и весь род людской. Кстати, Ева ведь тоже генетически тождественна Адаму, ибо была «клонирована» (с научной точки зрения этот термин совершенно оправдан в приложении к этой легенде) из его ребра.

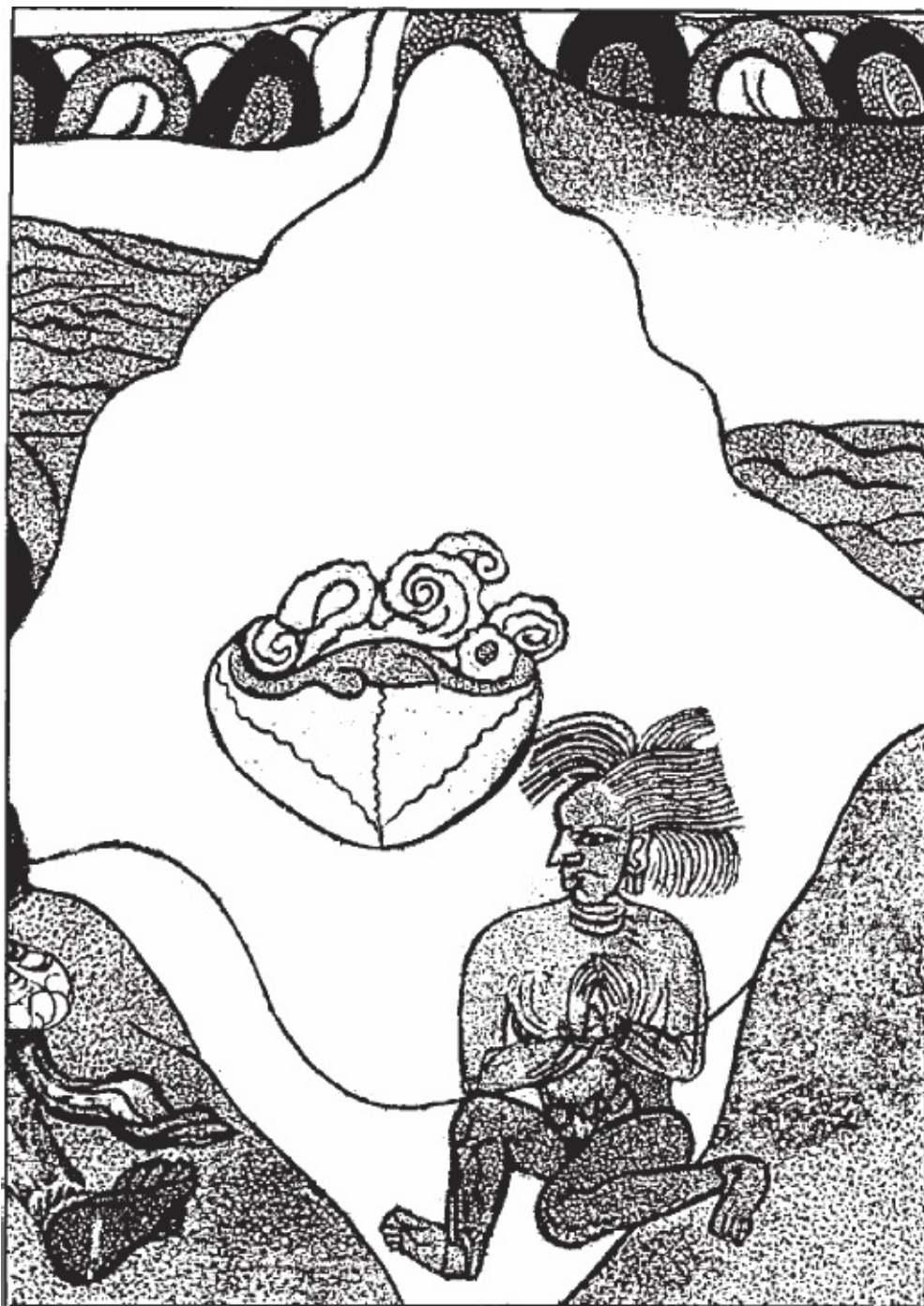
В «Ригведе» приведен гимн-диалог, в котором Ями уговаривает брата стать ее мужем, на что он отвечает отказом, ссылаясь на их кровное родство. Так проявился запрет на инцест, характерный для достаточно развитого общества и до сих пор вызывающий споры исследователей о причинах появления такого запрета.

Яма был первым из людей, кто умер (не означает ли это, что и в давние времена продолжительность жизни мужчин была обычно меньше, чем женщин?). Открыв людям путь в мир иной и первым вступив туда, он становится там царем и повелителем. С той поры он собирает у себя всех отживших людей, готовит им место успокоения.

Безутешная Ями оплакивала смерть брата, и это продолжалось непрерывно; длящиеся бесконечно мгновения отражали ее причитания: «Только сегодня он умер» (то есть – «сего дня»). И для того, чтобы этот горестный день кончился, чтобы прекратились страдания Ями и ее стенания, досаждавшие богам, они создали ночь. Агни уступил Яме место в мире мертвых.

Под опекой Ямы находится Юг – страна света, охраняемая двумя страшными псами. У них по четыре глаза – на все четыре стороны. Они незримо бродят среди людей, высматривая свою добычу. Умершего следует класть головой к царству Ямы – на юг. В жертву жрецу, совершающему ритуал, приносилась корова, на которой душа умершего могла переправиться через реку мертвых в царство Ямы. Восседает Яма на троне в красном одеянии, держа в руках петлю, с помощью которой он извлекает душу из тела.

Добродетельный Яма вершит высший суд. Каждая душа предстает перед ним после смерти тела, и Яма слушает доклад своего писца о всех добрых и дурных делах, совершенных этим человеком. В зависимости от того, что преобладает, душа попадает в места блаженства (сварга, дэвалога – рай) на небесах, на какой-либо уровень неба, или в обитель страданий и мрака (мрака – ад), где постоянный холод или жгучий жар, нечистоты, зловоние.

Совмещение идеи ада и рая с верой в перевоплощение привело к компромиссному варианту: пребывание души в этих мирах не вечно. Когда ей суждено вновь воплотиться на земле, она возвращается. Правда, для предателя, злодея, нечистого духом это перевоплощение не сулит ничего хорошего, и ему придется еще помучиться в новой жизни, прежде чем искупить все грехи. Наивысшее счастье – уйти в небытие, в вечный сон без

сновидений, на вечный покой.

Однако подобные представления сложились далеко не сразу, уже после того, как были созданы Веды, где Яма сравнивается со сном. Например, в одном диалоге на слова – «Поистине я почитаю спящего Пурушу, скитающегося во сне», следует ответ: «Поистине я почитаю его как владыку Яма». В другом месте сказано так: «Величие в Солнце, пища в Луне, истина в молчании, звук в громе, Индра Вайкунтха в ветре, полнота в пространстве, неодолимость в огне, дар в водах – все это в отношении божеств. Теперь в отношении атмана: подобие в отражении, дворник в тени, жизнь в отзвуке, смерть в звуке, Яма во сне...» Как будто выходит, что Яма относится не к богам, а к миру духов.

В «Катха-упанишадах» Яма выступает как мудрец, стремящийся раскрыть живущему смысл жизни, который заключается прежде всего в осмыслении бренности этой жизни, неизбежности смерти и последующего перевоплощения души, находящейся в вечном круговороте бытия. Люди склонны стремиться к удовольствиям, тогда как мудрый выбирает благо, предпочитая его удовольствию:

Погрязшие в незнании, [но]
Полагающие себя мудрыми и сведущими,
Глупцы, по извилистым путям блуждающие,
Подобны слепым, имеющим слепого поводыря.

Истину не может постичь «Тот, кто лишен спокойствия и сосредоточенности, / Тот, кто не отказался от недостойного повеления, / Тот, чья мысль неспокойна». «Но тот, кто живет разумно, / С мыслями, кто никогда не запятнан, / Тот достигнет того места, / Откуда не поддаются вновь».

Так Яма со временем превратился в бога мудрости и справедливости, нравственности (Драхму). Смерть – как наивысший судия и неизбежный.

В индийской мифологии Вишну занимает одно из ведущих мест, составляя с Брахмой и Шивой божественную триаду – Тримурти. В современном индуизме секты делятся на две главные группы: поклонников Шивы и Вишну, потому что образ Брахмы слишком абстрактен и всеобъемлющ. Шива и его жена Кали не лишены жестокости или даже злобы. Вишну со своей женой Лакшми – олицетворение всеобщей любви и радости жизни.

В Ведах он упоминается обычно вместе с другими богами – без определенной четкой связи с природными стихиями или человеческими качествами. Здесь он выступает как божество космогоническое, связанное со светоносным началом. В гимнах прославляются три великих шага

Вишну, которые принято трактовать как три главные точки в движении Солнца по небосводу: восход-зенит-закат.

Особенность Вишну в том, что он не просто упоминается под разными именами, но постоянно перевоплощается, принимая самые разнообразные облики (из них нами названы выше только два наиболее популярных: Рама и Кришна). Подобные воплощения в смертных существ требует от него нисхождения с небесных высот и поэтому называется аватарами («нисхождениями»). В «Катха-упанишадах» высказана мысль, что душа человеческая в своем стремлении к истине и благу может достичь наивысшего блаженства:

Тот, чей разум – возникший,
Кто обуздывает мысль,
Тот достигает конца пути,
Высшего обиталища Вишну.

О том, как менялось со временем отношение верующих к Вишну, можно судить по некоторым гимнам, в которых он поначалу выступает как младший помощник Индры, выжимающий для него сому и участвующий в сражении с демоном Вритрой. Здесь Вишну называется Упиндрой («Младшим Индрой»), тогда как в более поздних гимнах его имя звучит иначе: Атиндра («Возвышенной Индры», более великий, чем Индра). Теперь уже не только люди, но и боги обращаются к Вишну за помощью в трудную минуту. Он обретает черты Спасителя.

Возможно, в этой связи три великих шага Вишну стали толковать как переход от сферы земной к воздушной, а затем и к небесной. Таков был путь Вишну к вершине величия. Таков же путь человека, устремленного к духовным богатствам. Природное, божественное и человеческое выступают в единстве. Такое триединство – характерная черта индийской мифологии и философии.

Способность Вишну к аватарам и перевоплощениям, когда он может одновременно принимать тысячи обликов, делает его универсальным божеством. Мудрый учитель, например Будда, становится одним из воплощений Вишну. Наиболее популярны и чтимы десять аватар:

Матсья (рыба), спасшая Ману от всемирного потопа.

Курма (черепаха), на которой боги и асуры после всемирного потопа устанавливают гору Манадру и, обмотав ее змеем Васуки, начинают вращать все быстрее и быстрее, взбивая (пахтая) океан, и таким образом

добывать из него Луну, напиток бессмертия (амриту) и многое другое.

Васаха («вепрь»), в образе которого Вишну убил демона Хираньякшу и поднял землю из пучины.

Нарасинха («человек-лев»), разорвавший на куски злого демона, захватившего власть на земле и на небесах.

Вамана («карлик»). Таким Вишну предстал перед аскетом и магом Бали, подчинившим себе весь мир. Карлик попросил у Бали столько пространства, сколько он, Вамана, отмерит тремя шагами. Бали согласился (на всякого мудреца довольно простоты!), и великий карлик двумя шагами отмерил землю и небо. Отказавшись от последнего шага, он оставил подземный мир Бали.

Парашурама («Рама с топором») – сын брахмана, которым стал Вишну, дабы истребить множество кшатриев, представителей касты воинов, ради возвышения брахманов.

Рама («Смуглый») – прекрасный принц и храбрый воин, мудрый правитель – идеал аристократа-кшатрия. Ему посвящена эпическая поэма «Рамаяна» («Сказание о Раме»). Он одерживает верх над многоглавым демоном-драконом Раваной («Ревущим»), победившим Индру и заставившим богов работать на себя: Агни стал поваром, Варуна – водоносом, бог ветра Ваю – уборщиком. На острове Ланки он основал царство демонов. (Неясно, что олицетворяют его головы: то ли местные воинственные племена, с которыми бились арии, то ли природные стихии.) Рама отсекал ему головы, но они отрастали вновь. Удалось поразить демона стрелой Брахмы. Жизнь Рамы полна приключений, ему довелось испытать изгнание, у него Равана похищает Ситу. Раме помогает волшебник, царь обезьян Хануман. Вернувшейся Сите приходится показывать свою чистоту, проходя тяжкие испытания (в конце концов ее приняла мать-земля). Царствовал Рама десять тысячелетий, и это был поистине золотой век на земле.

Кришна («Темный», «Черный») восьмая аватара Вишну, считающаяся его наиболее полным воплощением. Культ его особенно популярен в Индии; поэтому Кришну нередко почитают как Вишну, а восьмой его аватарой называют Баларму, старшего брата. История Кришны полна сказочных эпизодов. Ему с младенческих лет пришлось бороться против козней нечестивого и злобного царя Кинсы. Так, послал Кинса к младенцу Кришне демоницу Путану, разнаряженную и с грудью, намазанной ядом. Она стала кормить младенца грудью, но Кришна высосал у нее жизнь, а сам уцелел. Юный Кришна был милым пастушком, привлекавшим к себе многих пастушек. Но когда на него Кинса насылал страшных демонов,

Кришна одолевал их. Своих приятелей-пастушков Кришна убеждал не поклоняться Индре. Узнав об этом, Индра обрушил на землю потоки воды. Тогда Кришна поднял гору и держал ее на одном пальце, укрывая пастухов и скот от дождя. Индра признал его превосходство и прекратил потоп. Звуками своей волшебной флейты Кришна зачаровывал людей и животных. Когда на эти звуки сбегались тысячи пастушек, он танцевал с каждой из них, многократно размножил свой облик. Всех любимей для него стала прекрасная Радха; им покровительствовал сам бог любви Кама. В конце концов Кришна победил нечестивого царя Кинсу, а завершив земные дела, воссоединился с божественной сущностью Вишну. В эпической поэме «Махабхарата» Кришна изображен главным образом как воин, искусный стратег, мудрый советник Арджуны, главнокомандующий добродетельных Пандавов, сражающихся против злокозненных, но родственных им Кауравов. В этой связи Кришна, приняв вид возничего, наставляет Арджуну, чему посвящена знаменитая философско-религиозная поэма «Бхагават-Гита». Арджуна сомневается, что надо идти в бой против родных. Кришна убеждает его, что долг выше родства, что надо идти в бой во имя добра. Можно лишить жизни тело, но бессмертна душа, и личная душа соединена с мировой. Жизнь обретает смысл лишь в познании Бога, а к нему три пути: честное исполнение долга, искреннее познание истины, возвышенная любовь. И на любом пути самое главное – иметь чистое, верное, простое и любящее сердце. Таким образом Кришна стал олицетворением детской непосредственности, юношеского жизнелюбия, мудрости и любви.

Будда («Просветленный», «Пробужденный») – девятая аватара Вишну. Как религиозное учение буддизм имеет свои характерные черты, но в данном случае выступает как одно из проявлений (воплощений) индуизма.

Калки («Белый конь») – ипостась будущего возвращения Вишну на грешную землю, верхом на белом коне, с мечом справедливости в руке, истребляя злодеев и нечестивцев. Ему суждено очистить землю от недостойных людей, восстановить мир и порядок, подготовить возрождение жизни для обновленного человечества.

Отведена Вишну и космогоническая роль. В конце каждого мирового цикла, после буйства стихий и всеразрушающей пляски Шивы Вишну вбирает в себя Вселенную и погружается в сон. Он лежит на змее Шеше, покаясь на водах Мирового океана. Пробуждаясь, он замышляет новое творение, из пупа его вырастает лотос, а из него возникает драхма, которым осуществляет акт творения. При таких вселенских масштабах Вишну, тем не менее, для своих перемещений использует царя птиц Гаруду...

Подобные несоответствия, очевидные гиперболы и поэтические иносказания могут смущать мыслителей, которые стараются раскрыть их глубокий философский смысл. Однако некоторые толкователи аватар Вишну отмечают их достаточно точное соответствие эволюционным ступеням развития животных и людей. За последние полмиллиарда лет после рыб появились земноводные, затем пресмыкающиеся (в том числе черепахи), а затем млекопитающие (вепрь относится к ним). Следующий этап – приматы, из которых горилла или вымершие гигантопитеки могли бы считаться подобием человека-льва. Первые люди были невелики ростом (австралопитеки и др.). Те из них, кто был смышленей и научился изготавливать хорошие каменные орудия (каменные топоры), добились поистине глобального господства...

Некоторые из приведенных аналогий могут представляться натянутыми или даже сомнительными, но в целом действительно выстраивается достаточно определенная картина, более или менее соответствующая современным научным данным. Возможно, она сложилась у индийских мудрецов путем умозрений, заключений и наблюдений за особенностями животных и людей. Тем самым ничуть не умаляются достижения науки: ведь они основаны на доказательствах, постоянно развиваются и уточняются, а то и осмысливаются заново, тогда как аватары Вишну – это религиозно-философские умозрения. В социальном аспекте образ Парашурамы («Рамы с топором») призван был доказать преимущества касты брахманов над кшатриями и появился, по-видимому, в тот период, когда брахманы стали утрачивать свой абсолютный авторитет. В свою очередь, Рама олицетворяет значение в обществе касты воинов-кшатриев, которые сражаются с многочисленными враждебными племенами (многоглавый демон). Наконец, Кришна – представитель «черного» коренного населения, отчасти даже народный герой, тогда как Будда – историческое лицо, мудрец, основатель религиозно-философского учения.

Будду нельзя причислить к великим богам уже потому, что это был исторически засвидетельствованный, хотя во многом и легендарный человек, живший в VI–V века до н. э. Он исходил из того, что жизнь человеческая – череда страданий, а радости – убоги и эфемерны. Причины страданий – чрезмерная привязанность к жизни, поиски неуловимого счастья. В череде превращений душа не знает ни покоя, ни постоянной радости, ни утешения. Только отрешение от жажды жизни и наслаждений дарует истинное благо – переход в последнее высшее состояние – нирвану (для внешнего наблюдателя – смерть, для того, кто ее испытал – вечное

блаженство небытия).

Широкая популярность образа Будды и его учения, как видим, не вызвала ревности или неприязни у приверженцев индуизма. Они поступили просто и мудро, включив его в свой пантеон как одну из аватар Вишну. Правда, учение Будды не предполагает поклонения богам; они вообще превращаются в мифические фигуры, едва ли не мнимые. Это резко противоречит воззрениям индуистов, которые верят в активных богов. Но они смогли преодолеть и это противоречие, высказав идею, что через Будду Вишна испытывает крепость веры в себя и своих богов, а тех, кто такое испытание не выдержит, ожидает кара в этом или в том мире.

Итак, в религиозных воззрениях индуистов обрел наивысшую популярность как воплощение мировой души, творческого начала – Рама, а также как воплощение лучших человеческих чувств, прежде всего любви, жизненной энергии, мудрости – Кришна.

Вишну-Рама-Кришна

У нее два имени: Лакшми и Шри, имеющие сходный смысл: «счастье», «удача», «красота», «процветание». Считается, что в далекой древности это были две разные богини (так они представлены и в «Яджурведе»): одна олицетворяла удачу, богатство, счастливое предзнаменование, а другая – изобилие, плодородие. В эпоху «Упанишад» два образа начинают сближаться и сливаются воедино.

Одна из легенд о происхождении Лакшми особенно привлекательна и заставляет вспомнить появление Афродиты из пены морской. Во время взбивания (пахтания) вод океана богами и демонами, добывавшими напиток бессмертия амриту, возникла – пожалуй, случайно, именно как проявление счастливого случая – прекрасная Лакшми. Она плавала по океанским водам на цветке лотоса.

Верность Вишну она сохраняет во всех его аватарах: становится супругой Парашурамы – Дхарани, женой Рамы – Ситой, Кришны –

Рукмини, или его возлюбленной – Радхи. Ее другие имена: Камала («Лотосная»), Лола («Изменчивая»), Локамата («Мать мира»), Индира («Прекрасная», «Могущественная»).

Лакшми во многом олицетворяет женское начало. Недаром ее ребенок – бог любви Кама. Впрочем, его родословная достаточно темна, и его порой называют саморожденным, вышедшим из сердца Брахмана. Когда Кама рискнул нарушить медитацию Шивы, желая пробудить в нем любовную страсть к Парвати, разгневанный Шива испепелил его своим третьим глазом, но потом возродил его.

В некоторых обрядах Лакшми предстает как покровительница домашнего очага, семейного благополучия. По свидетельству Н. Р. Гусевой, на посвященных Лакшми празднествах «изображению богини или символу ее присутствия – маленькой глиняной (или гипсовой) ярко раскрашенной модели дома, называемой «домиком Лакшми», подносят молоко, в которое опущены металлические деньги, а также что-нибудь, сделанное из золота. Этим призывают внимание богини к просьбам послать богатство».

В космогонической своей ипостаси Лакшми тоже в некотором роде является залогом всемирного благополучия. На рисунках она покорно сидит у ног Вишну, который покоится на божественном змее Шеше, символе бесконечности.

В плане философском постоянные – вслед за Вишну – превращения Лакшми показывают изменчивость мира, основание и опора для которой – вечность и постоянные круговороты (их символизируют кольца змей). Но все это не имело бы никакого смысла, если бы во Вселенной не присутствовали гармония, красота, любовь, счастье.

В некоторых мифах Лакшми выступает как Сарасвати, супруга великого Брахмы. И для такого сопоставления есть достаточно веские основания.

Сарасвати

Она – богиня знаний, учения, красноречия и супруга богатворца Брахмы. И хотя женским божествам в индийской мифологии уделено скромное место, ее почитают в Индии по сей день. О ее древности свидетельствует имя, которое переводится – «связанная с водой», «изящная».

Слово «сарас» означает «жидкость» и «текучесть»; оно относится ко всему, что течет – в прямом и аллегорическом смысле: к воде, мысли, речи. Не случайно в ведении Сарасвати находятся красноречие, искусства и науки. Ее даже считают создательницей санскрита, научившей людей письму, стихосложению, музыке. Она подарила Ганеше, сыну Шивы и богу мудрости, перо для письма и цветные чернила.

Впрочем, столь определенный и возвышенный образ богини сложился не сразу. Сначала она была связана с великой рекой. Если учесть, что в Западной Индии, куда пришли арийские племена, лишь одна крупная река

берет начало с высочайших гор (Гималаев), впадая в Индийский океан (точней, в Аравийское море), то естественно Сарасвати отождествить с Индом. Ее супругом в Ведах назван Сарасват, который сравнивается с оплодотворяющим дождем, или Индра, которого она исцеляет. Судя по всему, такие представления имеют древнее происхождение, относятся к доисторическим, т. е. дописьменным, временам. Не исключено, что тогда женщины играли значительную роль в обществе, смягчая суровые нравы ариев, приобщая их к искусству пения и танца, начертания «магических знаков» (букв, слов).

Как супруга Брахмы она именуется Брахми, а ее космическая роль – устанавливать гармонию, осуществлять красоту в мире, который после завершения очередного космогонического периода творит Брахма.

Сарасвати изображают и с двумя, и с четырьмя руками. В последнем случае она в одной руке держит книгу. Это означает, что любое прекрасное стихотворение или подлинное открытие, приближающее людей к истине, было известно ей изначально и она ниспослала вдохновение творцу-человеку (так же, как вдохновляет она творца-Брахму).

В другой ее руке – венок из роз, символ красоты. В третьей – четки – знак благочестия и напоминание о вечном круговороте всех творений. Наконец, она может держать крюк, которым погоняют слонов, ибо она своими знаниями и искусством участвует в управлении миром.

Как мы отметили раньше, образы двух богинь – Лакшми и Сарасвати – во многом подобны, и в некоторых мифах они замещают одна другую. А сходство их образов проще всего объяснить тем, что они призваны показать все лучшее, связанное в мире людей с женщиной.

Брахма

Его можно считать главным богом индийского пантеона. Ему принадлежит центральное место в триаде (Тримурти – «Трехликости») величайших богов. Он является творцом (сраштар), Вишна – хранителем (ракшитар), а Шива – разрушителем (хартар).

По странной традиции культ Брахмы никогда не пользовался популярностью в Индии; неизвестно даже, посвящен ли ему хотя бы один храм; в любом случае число их невелико. Почему же великому богу, творцу всего сущего не считают нужным поклоняться, тогда как сотни более мелких, местных божеств чтут повсеместно?

Возможно, люди просто не желают досаждать своими молениями столь далекому от житейских забот божеству. Или ему отводят преимущественно космологическую функцию, и к мелким земным делам он непричастен (ему даже не отведена определенная стихия). Или скорее всего он слишком абстрактен, чтобы иметь широкую популярность, а идеи, которые с ним связаны, относятся более к философии, чем к религии.

Наконец, следует иметь в виду, что Брахма – наиболее сокровенный бог, в чем-то подобный Святому Духу в христианской религии. Он не

только творит мир, но и присутствует всюду. Но таким он стал не сразу. В Ведах его не называют богом-творцом, в отличие от Праджапати. По-видимому, в древности Брахма как покровитель высшей и самой замкнутой касты брахманов имел отношение к тайным ритуалам, а потому был чужд представителям других каст. В «Атхарваведе» сказано:

«Те, кто знают в Пуруше Брахму, знают [и] высшее божество. И тот, кто знает высшее божество, и тот, кто знает Праджапати, знают высшего Брахму, потому они и знают скамбху» (опору). И еще: «В чем боги, знающие Брахму, почитают [этого] высшего Брахму? Кто сможет воочию узреть этих [богов], тот сможет быть знающим брахманом».

В «Айтрея-брахмане» есть любопытная молитва-заклинание: «Об умирании вокруг Брахмана». Она начинается бесхитростно: «...Кто познал умирание вокруг Брахмана, вокруг того умирают ненавидящие его родичи, его враги». Судя по всему, чтение этого текста при соблюдении определенных ритуалов призвано было избавить молящего от врагов; Брахман тут предстает как опора мироздания в его постоянных изменениях, как залог бессмертия:

«Поистине тот, кто веет здесь – это Брахман. Вокруг него умирают эти пять божеств: молния, дождь, Луна, Солнце, огонь.

Поистине молния, просверкав, входит в дождь, скрывается, и люди перестают ее видеть.

Если кто-либо умирает, он скрывается, и люди перестают его видеть.

Когда умирает молния, должно говорить: «Да умрет мой враг, да скроется он, пусть люди не видят его...»

Из огня возникает Солнце. Когда видят его, должно говорить: «Да будет Солнце, да не будет врага у меня, да уйдет он с этой [земли] в тот мир...»

В «Шатопатха-брахме» не раз говорится: «Брахман – опора Вселенной», но все-таки творцом мира назван Праджапати. И первым его творением стал именно Брахман:

«Поистине Брахманом был вначале этот [мир]. Он создал из себя богов. Создав богов, он дал им подняться в миры: в этот мир – огню, в воздушное пространство – ветру, в небо – Солнцу... Поистине смертными были боги вначале. Когда же они достигли этих [миров] благодаря Брахману, они стали бессмертными».

Учтем, что космологические идеи в Ведах и индуизме разнообразны и противоречивы. Рождение Брахмы, богов мира представлены: 1) как некий единичный акт, 2) как вечно повторяющиеся циклы, 3) как неведомое в принципе, о сути которого можно бесконечно спорить, так и не постигнув

истины.

В предании о космическом яйце, из которого рождается мир, показательно начало: «Солнце – это Брахман». С появлением Солнца «возникли шум и грохот, все существа и все желания. Для тех, кто, зная это, почитает Солнце, как Брахмана, дойдет приятный шум, осчастливив их...»

Чтобы понять это странное заключение, надо иметь в виду, что ранее было сказано: речь, дыхание, зрение и слух – части Брахмана. «Тот, кто знает это, светит и горит честью, славой, брахманическим блеском». Но еще раньше говорилось, что пространство и мысль надо почитать, как Брахмана, что мысль – это Брахман. Однако и это еще не все. В предыдущей главе утверждалось: «Поистине этот мир есть Брахман». Он объемлет все сущее, а значит, и каждого из нас. И в то же время он есть наше представление о нем, он пребывает в нас: «Из мысли состоящий, чье тело – дыхание, чей облик – свет, чей замысел – истина, чей атман – пространство; все свершающий, все знающий...

– этот мой атман в моем сердце меньше, чем зернышко риса... Этот мой атман в моем сердце больше, чем земля... больше чем все эти миры.

Все свершающий, все желающий, все обоняющий, все вкушающий, объемлющий этот мир, без речи, без забот – это мой атман в моем сердце, это – Брахман. В него войду я, уйдя из этого мира».

Вот замечательная мысль, которая в более привычной для нас форме, как поэтическая метафора, прозвучала еще раньше: «То сияние, что светится над этим небом, над всеми и над всем в этом высшем из миров, это поистине то же сияние, что и внутри человека». (Вспомним: «Солнце – это Брахман».)

В мировоззрении авторов «Упанишад» понятие Брахман является центральным. Его можно отождествить с космическим порядком, абсолютом, душой мира. А в каждом живом существе, мыслящем создании присутствует Атман. Это довольно сложная философская категория, которую можно назвать индивидуальной душой, самосознанием, личным восприятием мира. И этот Атман есть в то же время Брахман! Такова одна из важнейших формулировок индийской религиозной философии.

Выдающийся физик XX века Эрвин Шредингер писал: «Начиная с древних великих Упанишад представление о том, что Атман = Брахман (то есть личная индивидуальная душа равна вездесущей, всепостигающей, вечной душе)... считалось квинтэссенцией глубочайшего прозрения того, что происходит в мире». Он обосновал свое утверждение примером из области физики и биологии. Для нашей цели следует подчеркнуть, что идея единства Брахмана и Атмана наводит на целый ряд мыслей. Прежде всего

она выражает единство материи и сознания, мира и человека, мысли и природы, индивидуального и всеобщего.

Исходя из этого, легче осмысливать миры мифологий. Ведь наше собственное сознание, осмысливая жизнь природы, людей и богов, исполняет роль творца. Наш творящий Атман уподобляется творцу-Брахману. (Такое двуединство в Древней Греции формулировали просто: человек – микрокосм.)

Выходит, царство Брахмана и вне человека, и в нем самом. Но от этого не следует преисполняться вселенской гордости. Таково потенциальное состояние, а дальнейшее зависит от самого человека: «Если сердце смертного избавлено от всех желаний, он становится бессмертным, он достигает здесь Брахмана».

Это высказывание не учитывает одно важное обстоятельство, которое неоднократно подчеркивается в Упанишадах: в человеке не должно угасать стремление к познанию: «Мир ведем разумом, разум – опора, разумение – Брахман». Или еще:

Все боги почитают познание
Как достойнейшего Брахмана.
Тот, кто знает познание как Брахмана
И не отклоняется от него,
Достигает [исполнения] всех желаний,
Оставив в теле все зло.

Речь идет, конечно, не о методах, способах познания (скажем, о науке), а о его сущности и основе: очищении своей души от всяческой скверны, от лицемерия, корыстолюбия, властолюбия, тщеславия. Только тогда очищается душа, испытывая радость познания: «Как зеркало, очищенное от пыли, сияет ярко, так и телесное [существо], узрев истинную [природу] атмана, становится единым, достигает цели и избавляется от печали.

Когда истинная природа [собственного] атмана становится светочем, видят, сосредоточиваясь, истинную [природу] Брахмана; познавая бога, не родившегося, постоянного, очистившегося от всех свойств, избавляются от всех пут».

Мудрецы, составлявшие «Упанишады», предостерегли от удовлетворенности знаниями: «Если ты полагаешь: «Я хорошо знаю облик Брахмана», то ты, право, знаешь его мало». В другой главе любознательная Гарги непременно желает узнать о начале всех начал, постоянно спрашивая

учителя: «Во что же вплетены звездные миры?» – «В миры богов, Гарги». – «Во что же вплетены миры богов?» – «В миры Индры, Гарги». – «Во что же вплетены миры Индры?» – «В миры Праджапати, Гарги». – «Во что же вплетены миры Праджапати?» – «В миры Брахмана, Гарги». – «Во что же вплетены миры Брахмана?» Он сказал: «Не спрашивай слишком много, Гарги, иначе лишишься ты головы [ума]...»

Это не просто запрет спрашивать или рассуждать – есть предел, за который не дано перейти разуму человека. Хотя никому не ведома и та грань, за которой относительное незнание переходит в абсолютное Неведомое.

У Брахмы, всемогущего бога-творца, есть одно качество, которое делает тщетными все попытки людей обратиться к нему с мольбами, жалобами, просьбами: устав от акта творения, он пребывает во сне, не принимая участия в суете бытия. Так продолжается вплоть до того, как по окончании очередного космического цикла Шива не уничтожит этот мир. Тогда и настанет черед Брахме явить всю свою силу, все умение, весь разум.

Удивительна длительность этого космического цикла: 4,32 миллиарда лет. По странному совпадению, примерно такая цифра получена учеными, исследующими возраст Земли, Луны, метеоритов! Цифра эта (4–5 миллиардолетий) показывает не абсолютный возраст этих небесных тел, а тот срок, который прошел с момента последнего геологического или космического катаклизма.

Такое поистине чудесное совпадение религиозно-философских и научных данных вызывает некоторую оторопь. Остается считать это случайным. Хотя нельзя отказать индийским мудрецам в проницательности не только в духовной, но и в материальной сфере. В «Майтри-упанишаде» очень верно отмечены признаки бренности нашего мира: «Ведь происходит... высыхание морей, разрушение гор, склонение Полярной звезды, опускание земли...»

Все это – совершенно реальные явления, о которых люди стали догадываться сравнительно недавно. Каких-то 150–200 лет назад ученые были уверены – почти все! – что возраст Земли не более ста тысячелетий.

Как видим, исповедовавшие формулу «Атман-Брахман» действительно умели проникать мыслью в потаенные области знания не только о мире или человеке вообще, но и о конкретных, в данном случае геологических, явлениях. Однако подобные открытия-откровения наводили мудреца на печальные мысли:

«Какие наслаждения от [исполнения] желаний могут быть, господин, в

этом зловонном бренном теле, в этом скоплении костей, кожи, мышц, костного мозга... Какое наслаждение от [исполнения] желаний могут быть в этом теле, пораженном страстями, гневом, алчностью, заблуждением, страхом, отчаянием, завистью, разлукой с желанным и навязыванием нежеланного, голодом, жаждой, старостью, смертью, болезнью, печалью и прочим?

...Какие же наслаждения от [исполнения] желаний могут быть в этом круговороте жизни? Ведь и тот, кто насыщается этим, вынужден возвращаться, как мы его видим, вновь и вновь. Человек обращается к Брахме: «Спаси же меня! В этом круговороте жизни я подобен лягушке в высохшем колодце. Ты, господин наш, наш путь [к спасению]...»

Можно не сомневаться, что Брахма ему не ответит: ведь он пребывает в космическом сне. Впрочем, есть еще Атман – царство божие в собственной душе, и оно созвучно Брахману. К тому же истекает срок, отведенный нашему космическому циклу, и всеразрушающий Шива стоит у порога...

Иран

Великие перемещения племен до сих пор остаются одним из наиболее загадочных явлений в истории человечества. По каким-то причинам, по-видимому, прежде всего демографическим и экологическим, тысячи людей начинали двигаться в определенном направлении, заселяя новые территории, подчиняя или ассимилируя местное население, распространяя свою культуру. Если государственных структур у них не было, значит, объединяла их главным образом общая вера, духовная культура. Это относится к племенам ариев, которые около пяти тысячелетий назад из Центральной Европы постепенно распространялись на окрестные земли. Это были преимущественно скотоводы. Благоприятные условия жизни в лесостепной и степной полосе способствовали постоянному росту населения. По мере истощения природы в одной местности, они перемещались на другие территории. Наибольший простор для миграции открывало восточное и юго-восточное направления. Таким путем они достигли Центральной (Средней) Азии, Южного Прикаспия и полуострова Индостан.

Некоторое представление о духовной культуре древних арийцев дают сведения о религиозных верованиях индийцев. Но на этих ариев оказало значительное влияние высококультурное население долины Инда. Правда, их цивилизация находилась уже на стадии упадка, а потому пришельцам не было оказано сильного сопротивления. Произошло, по крайней мере отчасти, мирное взаимодействие культур.

На территории современного Ирана (Персии) арийские племена освоились около 3,5 тысячелетия назад. Их религиозные воззрения сохраняли архаические черты, во многом определявшиеся бытом и нравами воинственных кочевых скотоводов. Однако цельной продуманной единой системы верований у них не было до тех пор, пока не появился мудрец, аскет, пророк Заратуштра (Заратустра; Зороастр – по-древнегречески). О его жизни сохранились только предания. Точно неизвестно даже, в каком тысячелетии он жил. Предполагается, что примерно в XIII–XII веках до н. э.

«Возможно, самой характерной чертой учения Зороастра, – писал английский религиовед Д. Хиннеллс, – является придание особого значения персональной вере... Все мужчины и женщины (в зороастризме оба пола имеют одинаковые обязанности) несут персональную

ответственность за выбор между добром и злом. И в будущем их будут судить лишь по тому, как они распорядились своей свободной волей».

Таким образом, идея свободы воли, свободного выбора человеком своего жизненного пути и персональной ответственности за этот выбор является нравственной основой зороастризма. У древних ариев, обосновавшихся в Персии, было представление о мире, как о поле космической битвы двух величайших сил: бога света, правды и созидания Ахура Мазды (Ахурамазды, Ауромазды, Ормузда) и демона тьмы, лжи, разрушения Ангро-Майнью (Ахримана – в более поздних источниках). Первый возглавляет армию светлых духов агуров, а второй – легион злобных дэвов.

Все мироздание, а также душа человеческая – арена этой непрерывной битвы. В этом отношении человек подобен Вселенной (вспоминается идея Атман-Брахман, человек-микрокосм). От каждого требуется выбор: каким силам подчиниться – светлым, ангельским или темным, демоническим.

В одном из гимнов Авесты, священной книги зороастрийцев, сказано: «Вначале существовали два гения, наделенных различной деятельностью, добрый и злой дух, в мысли, в слове, в действии. Выбирайте между ними двумя: будьте добры, а не злы... Выбирайте один из этих двух гениев: гения лжи, делающего зло, или гения истины и святости. Всякий, кто принимает первое, готовит себе печальную участь; кто принимает второе, чтит верно и действительно Ахурамазду в его делах».

Гимны Заратуштры превозносят верховное светлое начало как своеобразную троицу: божественное Слово, божественная Мысль и божественное Дело. Одна из главных идей, повторяемых многократно: «Истина – лучшее благо».

Древние арии вырабатывали свои представления о высших силах на основе сурового житейского опыта. Джон Хиннеллс подчеркнул характерную особенность их верований: «Они не представляли своих богов в человеческом облике, а видели их в окружающих человека понятиях – боги Правды и Гостеприимства, боги Договора и Победы. Их демоны были такими же абстрактными: Ярость и Алчность, Ложь и Нерешительность. Мир был полон духов, которых людям следовало опасаться и которым следовало давать щедрые приношения, чтобы они не разозлились. Крестьяне не имели реальной надежды на жизнь после смерти, солнечный рай существовал только для тех, у кого были сила и богатство, – жрецов и князей».

В этом высказывании есть некоторые неточности, но в целом оно отвечает действительности. Отметим две отличительные черты

зороастризма. Он представляет собой одну из наиболее древних попыток обосновать монотеизм, принцип абсолютного господства единого (или триединого) Бога (первой попыткой такого рода можно считать религиозную реформу фараона Эхнатона). Учтем, что учение Заратуштра возникло, судя по всему, в конце II тысячелетия до н. э. – значительно раньше, чем сформировался монотеизм в Иудее.

В то же время в зороастризме присутствует немалая «примесь» дуализма, двоебожия, ибо предполагается существование активной силы зла. Тем самым Всевышний избавлен от ответственности за мировое зло; ему приходится активно отстаивать добро. Вот и человеку надо прилагать немалые усилия ради правды, справедливости, добра.

Иначе говоря, признавая абсолютное господство в мире добра, светлого начала (монотеизма), Заратуштра учитывает и реальную активную силу зла, его относительное господство наряду с добром (дуализмом). В соединении это образует религиозную систему, которую точнее всего называть монодуализмом.

Этот своеобразный принцип позволяет избавить высшее божество от ответственности за присутствие, а нередко и торжество сил разрушения, лжи, подлости, зла. Ведь если существует единый и всемогущий Владыка мира (как в иудаизме, христианстве, исламе), то в его ведении оказывается не только добро, но и зло: оно должно ему подчиняться или присутствовать при его попустительстве... Впрочем, богословы склонны видеть зло как проявление несовершенства творения, отклонение от добра. Хотя и в упомянутых трех великих религиях предполагается существование дьявола, сатаны, демонов, так что в целом получается все тот же монодуализм (единодвойственность).

Как возникла такая система взглядов? По мнению исследователей, в священной книге зороастрийцев Авесте имеется по меньшей мере три хронологических пласта. Так называемые Гаты Заратуштры относятся к концу II – началу I тысячелетия до н. э. Следующая часть (преимущественно «Яшт») была записана в середине I тысячелетия до н. э., а остальные тексты еще моложе и датируются вплоть до первых веков нашей эры.

Наивысший расцвет популярности зороастризма начался в VI веке до н. э., когда это учение принял царь Персии Кир, а затем Дарий сделал государственной религией своей обширной империи. До этого времени преобладал монодуализм, в основе которого лежал древнейший миф палеоевропейцев о божественных близнецах. Однако с установлением единоличной власти царя возобладал монотеизм.

В надписях ахеменидских царей (VI–V вв. до н. э.) сказано: «Великий бог Ахура Мазда, который создал эту землю, который создал это небо, который создал человека...»

Но позже возобладали представления о первоначальном разделении (неведомо каким образом происшедшем) светлого царства Ормазда (Ахура Мазды) и царства тьмы Ахримана (Анхра-Манью). Между ними находилась изначальная пустота.

У Ормазда было преимущество того, кто обладает правдой, светом истины: он знал о существовании Ахримана, а тот пребывал во тьме неведения. Но вот поднялся он из глубин тьмы и направился к пределу, откуда забрезжил свет. Он бросился туда, чтобы уничтожить светлое царство, но, увидев мощь, превышавшую его собственную, он вернулся во тьму, где сотворил множество демонов. Началось непримиримое противостояние двух царств мироздания. В конце концов был установлен космический цикл: каждые 9 (или 12) тысячелетий в первой трети господствует Ормазд, затем произойдет смещение воли его и Ахримана, из-за чего последний обретет власть, но она быстро пойдет на убыль, а после великой космической битвы окончательно восторжествует Добро. Такова идея цикличности развития, перенесенная с земных общественных процессов в космический миропорядок.

В общем, и в этих взглядах усматривается некоторое преимущество света, разума и добра, но все-таки при достаточно резком дуализме, противопоставлении добра и зла. Такое воззрение М. Дрезден назвал зороастризмом. А затем последовало – уже после первоначального распространения христианства, – учение теолога Мани, манихейство (манихейская ересь) об извечном противостоянии Света и Тьмы, Добра и Зла, Разума и Материи.

Для наших целей важно подчеркнуть, что, несмотря на разновозрастность отдельных частей Авесты, в ней в значительной степени нашли отражение древнейшие верования части арийских племен, которые на свой лад обработал и пересказал Заратуштра. Но в то же время и его, и более древние предания неизбежно менялись, шлифовались, а порой искажались при устном пересказе. Они становились выражением народной мудрости (да и глупости, отчасти, тоже).

Наиболее архаичный пласт Авесты свидетельствует о периоде перехода кочевых арийских племен к оседлому образу жизни. Сам Заратуштра привнес в традиционные верования арийцев идеи величия не только общности, но и личности. Это обстоятельство оказалось чрезвычайно важным для значительно более позднего периода – XIX века,

когда в Европе стал популярен индивидуализм. В начале XX века в Германии возродились архаичные представления арийцев о собственном благородстве (так переводится название этих племен) и необходимости свято хранить расовую чистоту. Почти точно по Авесте: «Кто смешивает семя [родичей] праведных с семенами нечестивых [чужеродцев], семя почитателей дэвов с семенами [ариев], их отвергающих... об этом говорю я тебе, о Заратуштра, что их важнее убивать, чем извивающихся змей и крадущихся волков».

На европейскую философию второй половины XIX века, а затем и на массовое сознание оказали немалое влияние идеи Ф. Ницше, изложенные в книге «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого». Его учение вдохновило Гитлера на борьбу за великий германский рейх и за «белокурую бестию» – арийского сверхчеловека. Однако, стремясь истребить или поработить «недочеловеков», озабоченных одним лишь материальным благополучием, нацисты сами становились механическими недочеловеками, подчиняясь могучей государственной машине.

Об этом приходится вспоминать потому, что, как мы убеждаемся, древние воззрения, образы давних пророков и богов имеют обыкновение возрождаться вновь и вновь, приобретая порой причудливый облик, достаточно далекий от оригиналов. Так проявляется в духовном мире та цикличность, которую отмечали наши предки в отношении развития общественных систем и мироздания.

Хотелось бы только отметить, что древние индоиранские арии не только называли себя «благородными», но стремились проявлять благородство в мыслях, словах и поступках. Они чтили стремление к правде, справедливости, добру. Зная о существовании в душе человека низменных темных сил – злобы, корысти, зависти, лжи, – они проклинали их, стараясь от них избавляться. Но при этом отдавали первенство не насилию над личностью, а свободе. Они полагали:

Душа человека – единственное, что принадлежит только ему, а не Природе, Богу или демонам.

Свобода распоряжаться своей душой означает свободу управлять своей судьбой, насколько это в силах человеческих. Такова извечная основа нравственности, базирующейся не на страхе, а на свободном выборе человека.

Славен искатель истины, ибо он обретает цель жизни.

Славен преодолевающий в себе низменного недочеловека, ибо таков устремленный к высшему.

Славен пренебрегающий материальными богатствами, ибо ему

принадлежат сокровенные духовные ценности, ради обретения которых и дарованы человеку жизнь и разум.

Так не говорил Заратуштра. Да и кто точно может знать, о чем говорил он. Таковы не слова его, но те мысли, которые он ощущал в себе и стремился внушить людям.

Не станем забывать, что жил он в иную эпоху, в другом обществе. И каким бы индивидуалистом или персоналистом он ни был, в его личности и его воззрениях сказывалось неотвратимое влияние общества и народа той далекой эпохи.

Ахура Мазда (Ахурамазда, Ормазд)

Высшее божество иранского пантеона именуется двусложно: Ахура – означает «Господь», Мазда – «Мудрый». Вполне возможно, некогда Ахурой называли наиглавнейшего или даже единственного бога, творца мира и дарителя благ. У Заратуштры этот образ приобрел более определенные черты, но относящиеся к нематериальному миру.

В разделе Авесты «Ясна» в Молении о Слове Заратуштра обращается к Мазде, упоминая о божественной Мысли (Воху Мане) и божественном, что означает и добром, Деле (Арте):

Мазда, Мудрый Властелин, Воху Мане верно я служу,
Дай мне оба мира в дар – мир вещей, а также мир души!
За служение Арте дай все, что праведному следует!

Все эти божества имеют отношение и к материальному миру: Воху Мана – Дух скота (покровитель стад?), Арта – Дух огня. Но в любом случае духовное господствует над материальным. Тем более что Арта – Правда, а Мазда – божественное Слово.

Для пророка Заратуштры, представителя жреческого сословия, Ахура Мазда предстает не в облике грозного воина-князя, не как повелитель небес и громовержец, а вообще вне конкретного соответствия с каким-либо природным объектом или явлением, и не в облике человека, а тем более животного. В молении своем пророк обращается прежде всего к собственной душе, сознавая пределы своего знания:

Арта – Правда, Дух огня, разве в силах я постичь, понять
Воху Ману и тебя, хоть и ведаю, где к Мазде путь...
Заклинанием твоим, языком склоним врагов к Добру!

И в дальнейшем Заратуштра уповает не на материальную помощь Господа (скажем, как в Торе, Ветхом Завете), а исключительно на духовную:

Воху Мана! Вразуми, пусть прибавит силы мне!
Мазда, Заратуштре дай Слово чудодейственное...

Удивительна последняя просьба:

Мазда, я воспел тебя, передай ты мне из уст в уста
Слово мудрое о том, как впервые появилась жизнь!

Что представляет собой Ахура Мазда? В сборнике молитв-гимнов «Яшт» перечисляются его качества: Вопросимый, Мощный, Истина, Всеблагое, Разум, Учение, Святость, Сильнейший, Беззлобный, Всевидящий, Целитель, Создатель, Покровитель, Хранитель, Всезнающий, Всеправедный, Всеблагодатный, Безобманный, Сокрушитель, Истинный, Умнейший... И это еще далеко не все. А что самое главное?

Благая Мысль – творенье
Моё, о Заратуштра,
И Истина, что Лучшая, —
Творение мое.
И эта Власть Желанная —
Творение мое.
Святое Благодетельство —
Творение мое.
И Целость и Бессмертие —
Для праведных награда.
В потустороннем мире —

Творение мое...

Истина – лучшее благо. Благо будет, благо тому, Чьё Истине лучшей благо.

В этом гимне около двадцати раз повторяется: «Истина – лучшее благо». И в другом гимне встречается та же фраза. Нет сомнения, что таково убеждение Заратуштры. Истина сопоставляется с солнечным светом:

Когда восходит Солнце,
То данная Маздой
Светится земля,
Светятся все воды,
И те, что проточны
Источников воды
И воды морей.
Творенья светятся
Все Духа Святого...

...

Молитву и хвалу, мощь и силу
Прошу Солнцу бессмертному.
«Истина – лучшее благо...»

Ахура Мазда и в этом случае не сопоставляется с материальными предметами; восход Солнца – природное явление, но свет при этом становится не материальным качеством, а идеальным, подобно истине. Творение мироздания в этой религиозной системе тоже представлено как результат концентрации мысли и воли.

Помимо верховного божества, выступающего в трех ипостасях: Мысль-Слово-Дело (не к такому ли триединству должен стремиться любой благородный, честный человек?), в пантеоне есть Амеша Спента (Амшаспанд) – «Бессмертные Святые». Однако они представляют собой скорее качества и достоинства Ахура Мазды, чем нечто от него принципиально отделенное. Вот они: Спента-Майнью (Дух Святости), Хшатра Вайрья (Высшая Власть; имеется в виду царство Божие), Армайти (Благочестие), Аурват или Хаурватат (Целостность), Амертат (Бессмертие).

Еще два Амеша Спента относятся непосредственно и бесспорно к качествам Ахуры Мазды: Воху Мана (Благая Мысль) и Аша Вахишта (Истина). Но разве могут быть вне его Дух Святости, Целостность, Бессмертие?

Возможно, в далекой древности это были божества более традиционного типа, связанные с материальными объектами. Как отголоски этого времени в зороастризме сохранились представления об Амеша Спента, которые олицетворяют: землю (Армайти), огонь (Аша Вахишта), металлы (Хшатра Вайрья), воду (Аурват); покровителями растений и животных были Амертат и Воху Мана соответственно. Для Заратуштры было важно подчеркнуть, что речь должна идти не просто о неких подобиях людей или животных, а о мире ином, духовном. Тем более что как богиня вод – конкретных, земных и небесных – пророком названа Ардви (Ардви-Сура Анахита, то есть Ардви Могучая Беспорочная). Ей посвящен в Авесте специальный гимн, который начинается так:

Ахура Мазда молвил
Спитама-Заратуштре:
«Молись ей, о Спитама,
Ей, Ардви полноводной,
Широкой и целебной,
Молись враждебной дэвам
И преданной Ахуре,
Достойной всего мира
Молитв и восхвалений;
Молись растящей жито,
Молись, кормящей стадо...»

Трудно сказать, насколько продуманы были пророком взаимосвязи материальных и духовных субстанций, но их резкое различие он понимал. «Весь мир рассматривался, – пишет исследователь и переводчик Авесты И. С. Брагинский, – как раздвоенный, разделенный на две сферы: одну – земную, реальную, телесную, другую – потустороннюю, воображаемую, духовную. Такое раздвоение мира пронизывает многие гаты. «О помощи прошу и о поддержке в обоих мирах – телесном и духовном», – часто повторяется в них этот призыв Заратуштры».

Ахура Мазда выступает как единый (Целостность – одно из его главных качеств), могущественный и всеблагий повелитель и в

материальном, и в идеальном мире. Однако он не наделен всемогуществом. У него есть грозный, свирепый, коварный, злокозненный противник – Анхра-Манью, которому служат демоны-дэвы и поклоняются те из людей, кто привержен лжи, подлости, злу. Сам человек делает выбор, сам ответственен за свой выбор в этой жизни и потусторонней. А потому Заратуштра не уговаривает поклоняться Ахура Мазде, а ограничивается постановкой вопросов:

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Как будут заложены основы наилучшей жизни?
Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто изначально был отцом Арты [Духа Огня] ри зарождении его?
Кто проложил путь Солнцу и звездам?
Кто заставляет Луну прибывать и убывать?
Это и многое другое, о Мазда, хочу я узнать!
Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Кто водрузил землю на место и удерживает ромады облаков?..
...Какой мастер сотворил свет и тьму?
Какой мастер сотворил сон и бодрствование,
Дабы разумному человеку напомнить о заботах его?
...Кто научил сына почитать отца своего?
Как овладеть поучениями и словами правды?
Будет ли награжден приверженец правой веры?..
Как избавиться от приверженцев Лжи?..

По мнению М. Дрездена: «Ответ на эти явно риторические вопросы очевиден: Ахура Мазда является автором всех этих свершений, именно с ним связано происхождение и устройство мира». Но такова лишь часть правды. Страстная мольба Заратуштры свидетельствует прежде всего о его стремлении к истине, жажде познания подлинного, а не мнимого. Здесь звучит и признание своего незнания. И не на все вопросы можно ответить примитивно-бездумно: так бог создал Ахура Мазда. Но как же понимать сотворение света и тьмы? Неужели всемогущий Творец сознательно устроил мир таким, чтобы в нем присутствовали свет и тьма, добро и зло?! Тогда его противник превращается в нечто искусственное, игрушечное, созданное для забавы, как бы на потеху верховному божеству (и на горе людям!).

Нет, на многие из задаваемых вопросов у Заратуштры определенного

ответа нет. Он – искатель истины!

Подчеркнем еще раз: Заратуштра в этом гимне задает вопросы, а не дает ответы. И обращены вопросы не только к Ахуре, но и к слушателям, и далеко не все вопросы имеют однозначный ответ. Просто ли объяснить: «Как будут заложены основы наилучшей жизни?»

И все-таки учение Зороастра исходит из главенства, господства в мире сил Добра, Света. (С грубо-физических позиций это совершенно верно: тьма есть отсутствие света, а не какая-то материальная субстанция, ему противодействующая.) В мифологической древности был светлый и безгрешный мир Ахура Мазды, затем последовал космический период борьбы добра и зла, но в конце концов суждено победить добру, и Бог устроит суд над всеми душами.

Анхра-Манью (Ангро-Майнью, Ахриман)

В душе человеческой и в окружающем мире остается место для сил зла, тьмы, разрушения. Их возглавляет Анхра-Манью, а с ним вместе Дух Лжи (Друдж), Злая Мысль (Ака-Мана), Дух Воровства, Грабежа (Айшма, он же Асмодей) и орда злых нечистых духов, о которых сказано: «Вы, дэвы, – порождение злой мысли посредством злого слова вы лишили людей блага». Так светлой троице Добра противостоит темная триада Зла: злая мысль, злое слово (Друдж), злое дело (Айшма).

Заратуштра утверждает решительное и непримиримое противостояние двух природных и духовных стихий:

Провозгласить я хочу об обоих духах изначальных,
Из которых Благодетельный говорил Лживому так:
«Ни мысли наши, ни заветы, ни намерения,
Ни решения, ни изречения, ни действия,
Ни совесть наша, ни души наши несовместны».

Так повелось со времен незапамятных: «Два духа, два близнеца вначале провозгласили от себя чистое и нечистое мыслей, речей и поступков. Благомудрые знают разницу между провозгласителями, не знают ее зломудрые; суд благомыслящих безошибочен и верен как о том, так и о другом Духе.

В первый раз, когда они пошли создавать и жизнь, и отсутствие жизни, и все, чем стоит наконец мир – где дурное, там виден был и Нечистый, Дух же Благой всегда пребывал неразлучен со святостью...

Между избирателями не избрали Правды сонмы дэвов и кто ими обманут. Лишь только Нечистый Дух решил свой выбор, он прибегнул к сомнению, и – к Айшме [Грабежу] немедленно столпились все желавшие безобразия этому миру...»

Здесь речь идет о сотворении злого и доброго, с одной стороны, и о свободе выбора между ними – с другой. Даже дэвы, оказывается, имели возможность выбора, а сомневавшиеся оказались на стороне лжи и зла. Ибо в таких вопросах тот, кто усомнится в достоинствах Света, Истины, Добра, тому суждено служить лживым дэвам. Другими словами, всем и каждому приходится выбирать между Чистым и Нечистым в душе своей. И

выбор этот приходится делать не раз.

Вот и сам Заратуштра не избежал вторжения дэвов к нему. Анхра-Манью приказал демону Лжи: «Друдж! Ступай, умори праведного Заратуштру!» Однако устоял пророк. Тогда злокачественный, как назван он в Авесте, Анхра-Манью стал соблазнять его: «Отрекись от Доброй Веры и обретешь счастье». На что пророк ответил ему: «Не отрекусь от Доброй Веры, ни если бы даже и кости, и жизнь, и душа пошли врознь».

Несмотря на столь реалистичный разговор, для изгнания злокозненных демонов-дэвов Заратуштра использует оружие духовное – слово. Можно предположить, что Анхра-Манью гнездится и укореняется в душе человеческой, а не где-то вне ее. От этой нечисти можно избавиться благодаря напряжению воли, мысли, благодаря добрым словам и делам. Конечно, Заратуштра имеет в виду прежде всего молитву. Кроме того, использует он и дурманный напиток хаому (обожествленный, но тем не менее наркотический напиток).

Не всегда ясно, как соотносятся Анхра-Манью и его свита с природными объектами. В наиболее древних текстах об этом практически ничего не сказано. Возможно, сам Заратуштра предпочитал размышлять прежде всего о духовных явлениях, душе человеческой и общественной жизни.

В сравнительно позднем разделе Авесты, условно называемом «Географической поэмой», рассказывается о сотворении (и строении) земного пространства, различных стран. Таких стран шестнадцать, но об их соответствии с какими-то реальными государствами или местностями остается только догадываться. У каждой из этих стран есть нечто прекрасное, наилучшее, сотворенное Ахура Маздой, но имеется и дурное, «многопагубное». Не всегда достаточно точно указано, в чем же заключается недоброе начало этих стран. Где-то – шатание умов, где-то – злые правители или колдуны, избыток жары или холода.

Одним из худших зол, созданных Анхра-Манью, называется зима. Упоминается, между прочим, и зима, длящаяся более полугода. Следовательно, географические познания составителей текста были достаточно широки. И если это не память арийских племен о своей европейской прародине, то результат общения с народами, проживающими в северных районах Европы.

Кстати сказать, привычный нам, русским, образ Змея-Горыныча сопоставим с одним из творений Анхра-Манью – трехглавым драконом Ажи-Дахака. В отличие от русских сказок этот дракон у Заратуштры не имел конкретного материального воплощения. А в более позднее время склонность людей к зримым, а не только к мнимым образам привела к тому, что под Дахакой стали подразумевать одного из «нечестивых» царей.

Является ли в Авесте зло – Анхра-Манью – столь же могучим, как добро – Ахура Мазда? Безусловно, нет. Ведь сам пророк Заратуштра выступает против зла и лжи, вовсе не стараясь соблюдать нейтралитет. Он безоговорочно сделал свой выбор. Он не старается – по крайней мере явно

– склонить слушателя к такому же решению. Свобода воли, свобода выбора!

И все-таки он весьма недвусмысленно «намекает» на то, что почитателей Анхра-Манью и в этом, а главное, и в том мире ожидает расплата за грехи. После третьего дня душа его ощущает страшнейшее зловоние с северной стороны (где находится обиталище Анхра-Манью). «И потом дева, на девиц вовсе не похожая, идет ей [душе] навстречу. Говорит душа грешника скверной деве: «Ты кто, сквернее и отвратительнее которой я на свете никогда не видал скверной девы?»

И ему в ответ говорит эта скверная дева: «Я не дева, я – злые твои дела, о грешник зломыслящий, злоговорящий, злодействующий и зловерный... На! Я – твои злые мысли, злые речи и злые дела... И, бывшая без чести, я через тебя еще больше опозорена...»

Первый шаг сделала душа грешника и стала на Душмат [злые мысли]; второй шаг сделала душа грешника и стала на Дужухт [злые речи]; третий шаг сделала душа грешника и стала на Дужварешт [злые дела]; четвертый шаг сделала душа грешника в беспредельный мрак».

Для грешника оказывается ужасным этот переход «из телесного мира в духовный мир, из тленного мира в нетленный мир», проделавшего «гибельный путь: рознь тела и души». Теперь он (или она) обречен принимать «вонючий яд» и вечно страдать. Вот что уготовано, если верить пророку Заратуштре, тому, кто жизнь свою провел во лжи, злословии, злодействах, отдаваясь во власть Анхра-Манью.

Йима (Йама)

Таково имя культурного героя в учении Заратуштры – создателя благ цивилизации, создавшего четкую структуру общества, заложившего основы государственности. В одних случаях он называется первочеловеком, царем эпохи тысячелетнего золотого века на земле. Предполагается, что до Заратуштры его чтили как верховное божество (или, вернее, одно из божеств) в некоторых племенах ариев.

Йима переводится как «близнец», или, возможно, как «двойник». Не исключено, что его считали причастным и к миру богов, и к миру людей. (В одном из вариантов мифа у него есть брат-злодей, который рассекает Йиму надвое.) Авеста повествует о нем как о смертном человеке, царствовавшем на земле, и по взглядам своим – предшественнике Заратуштры, которого тоже наставлял Ахура Мазда. Йима поклялся служить добру и даже пообещал то, что превышает возможности человека: «Не будет при моем царстве ни холодного ветра, ни знойного, ни боли, ни смерти». И вручил ему Ахура Мазда золотой рог и кнут, украшенный золотом.

Судя по этим символам, Йима главенствовал над скотоводами. На тучных пастбищах через триста лет (в Авесте – триста зим) не доставало места для скота и людей. И тогда Йима по совету бога выступил на юг, загудел в рог, провел по земле кнутом, и она раздвинулась, раздалась вширь.

Через шестьсот зим вновь стало тесно на земле скоту и людям, и вновь раздвинул ее на юг Йима. То же произошло еще через девятьсот зим. Все это определенно указывает на то, что племена ариев (племенной союз?), руководимые Йимой, перемещались на юг по мере истощения пастбищ. Таково едва ли не первое указание в литературе (преданиях) на экологические причины миграции древних племен, в данном случае, по-видимому, из Европы в Азию. Согласно современным научным данным, эта крупная миграция арийских племен происходила примерно 4,5 тысячелетия назад. Не об этом ли великом перемещении народов свидетельствует легенда об Йиме?

Один эпизод легенды некоторые мистически настроенные люди склонны считать сообщением о последнем ледниковом периоде.

Ахура Мазда говорит Йиме: «О Йима прекрасный, сын Вивахванта (как видим, здесь Йима вовсе не первочеловек. — Р. Б.), на этот плотский злой мир придут зимы, а от них сильный смертельный холод. На этот плотский злой мир придут зимы, и сначала тучи снега выпадут снегом на высочайших горах...

Перед зимой будут расти травы этой страны, потом из-за таяния снегов потекут воды...»

Выходит, что после таяния великих ледников начнется настоящий потоп. Но все это не может иметь отношение к последнему оледенению уже потому, что оно завершилось примерно 10 тысячелетий назад. Интересно другое. Бог советует Йиме во избежание гибели от морозов и потопа соорудить общинное глиняное городище, где могли бы перезимовать люди и скот.

Этот эпизод призван сохранить в памяти потомков переход от кочевых временных жилищ к постоянным поселениям из необожженной глины. Остатки подобных сооружений можно и сейчас видеть в междуречье

Сырдарьи и Амударьи. Более того, такое же круглое глиняное строение (следы его) сравнительно недавно было открыто и раскопано в Южном Приуралье. Предполагается, что ему не меньше трех-четырёх тысячелетий. Не здесь ли впервые стали сооружать городища такого типа племена Ариев, перемещавшиеся на юг и юго-восток?

Конечно, миф остается мифом, и немало в нем фантастических деталей. Кстати, в свое городище Йима не пустил людей с физическими или моральными пороками, даже с крупными родимыми пятнами, которые он считал отметинами Анхра-Манью. Подобная селекция – давний предвестник идей евгеники, улучшения рода человеческого, ставших популярными в начале XX века и вдохновившими нацистов на нечеловеческие зверства во имя нее.

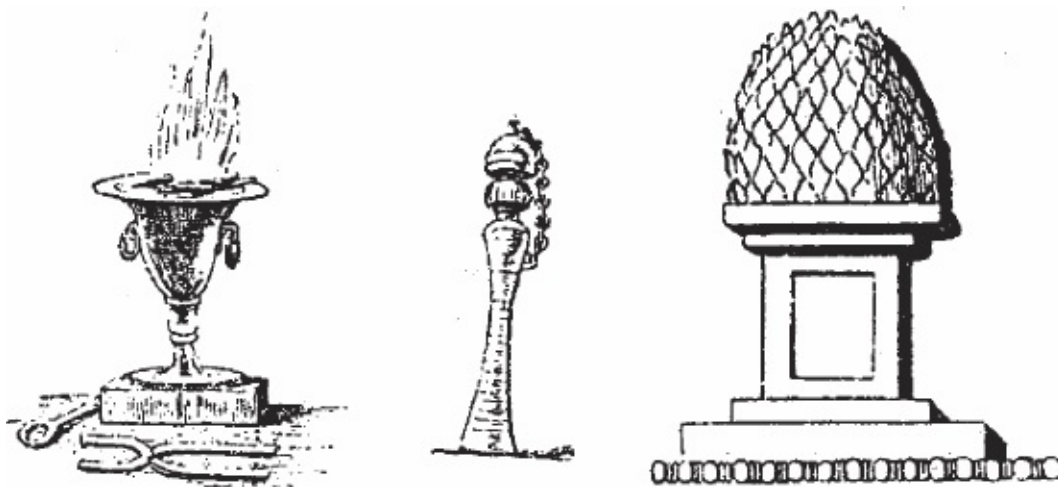
Истоки образа Йимы восходят, по-видимому, к верованиям тех племен древних ариев, которые считали первой парой людей на земле Яму и Ями, близнецов-супругов, – по звучанию имен мало отличавшихся от Йимы и его сестры Йимак. Поначалу его считали бессмертным богом. Заратуштра определил ему роль первого пророка, не более, сделав одним из династии правителей (вполне возможно, что у Йимы был какой-то прототип). Но и как пророк Йима отличался тем, что он действовал в материальном мире, выполняя деловые советы Ахура Мазды. А Заратуштра определил себе первенство – среди смертных людей – в мире духовном. Он получает от Бога наставления высокие, нравственные, идеологические.

Вряд ли случайно в повествовании об Йиме Ахура Мазда не раз называется «творцом плотского мира», в котором на земле властвует среди людей Йима. А в завершение мифа задается вопрос: кто во владениях Йимы утверждал и распространял веру маздаясиинскую, был верховным наставником? Бог отвечает: Заратуштра. И далее следует молитва Заратуштры, которая начинается так: «Истина – лучшее благо».

Хаома

Так назывался ритуальный напиток, восхваляемый как могущественное божество, а также растение, из сока которого его получали. Не всегда можно четко определить, о чем конкретно идет речь в мифе, так как напиток, божество и растение нередко сливаются воедино.

До сих пор остается загадкой, какое растение имеется в виду под Хаомой. Проблема осложняется тем, что соответствующее растение-напиток-божество известно в индийской мифологии Сомы. Следовательно, употребление его восходит к эпохе индоиранского или даже индоевропейского единства. Но в таком случае, это должно быть либо растение, достаточно широко распространенное (Северный Кавказ, Средняя Азия, Иран, Индия), либо несколько разных растений, обладающих наркотическими, галлюциногенными свойствами. Из них называют: коноплю, белену, молочай, а также ревень, мухомор... Не исключено, что при подготовке напитка сок смешивали с молоком и добавляли в него какое-то зелье, секрет которого знали только посвященные, жрецы. Наконец, возможно, что организм человека в те давние времена был более податлив к воздействию того же алкоголя, вызывая достаточно сильную реакцию даже при небольших его дозах.

Согласно Авесте, а также Ригведе, хаома имеет желто-золотистый цвет и растет преимущественно в горах. Употребление хаомы, как утверждали многие тексты, вызывает прилив сил, обострение разума, укрепляет здоровье, способствует долголетию. Эти качества отличали его от других

хмельных напитков (пиво, вино), притупляющих разум, пробуждающих гнев и неистовство.

Так ли это было в действительности? Возможно. Некоторые наркотические препараты возбуждают деятельность нервной системы, что создает иллюзию увеличения умственной и физической силы; галлюцинации словно переносят человека в иной мир со своими особенностями пространства и времени. Однако наркотическая зависимость сравнительно быстро приводит к разрушению психики, ослаблению рассудка и в конце концов к деградации личности.

Не это ли имел в виду Заратуштра, когда по поводу употребления хаомы восклицал: «Когда опрокинут эту мочу – это хмельное питье, которым жрецы наносят вред?» По его словам, при помощи мерзости хмельного питья [хаомы] нечестивые жрецы намеренно морочат, одурманивают людей.

Но вот отрывок из Авесты: «Около утреннего времени Хаома подошел к Заратуштре, снаряжавшему огонь [жертвенный] и певшему гимны. Его спросил Заратуштра: «Кто ты, о муж, которого я увидел как самого прекрасного во всем телесном мире, по твоей наружности блестящей, бессмертной?»

И отвечал ему Хаома праведный, устраняющий смерть: «Я есмь, Заратуштра, Хаома праведный, устраняющий смерть. Собирай меня, Спитами, выжимай меня в снесь...»

Далее следует их диалог, из которого выясняется, что Йима и некоторые другие знаменитые герои, в частности победитель диакона Дахака, богатырь Трайтаона, использовали Хаому, и у них рождались сыновья-герои.

«Тогда молвил Заратуштра: «Поклонение Хаоме! добр Хаома, хорошо сотворен Хаома, правильно сотворен Хаома, добр, раздаватель, целитель, красив, добродетелен, победоносен, златоцветен, со свежими ветвями, что [его] вкушал лучший, и для души припас в дорогу [в тот мир]».

С этих слов начинается прославление Хаомы, дарующего человеку всевозможные духовные и телесные достоинства. Оказывается, Хаома способствует рождению блестящих детей и праведного потомства, предоставляет супругов старым девам, доставляет много наслаждения. Но в то же время призывается Хаома для того, чтобы покарать злодеев, ненавистников, преступников, безбожников, блудниц: «На все, что служит к уничтожению тела праведника, Хаома желтый, направляй оружие».

Как объяснить решительное противоречие в отношении Заратуштры к Хаоме: резкое отрицание, вплоть до проклятий, и восторженное

восхваление: «Я славлю облако и дождь, которые дают расти твоему телу на вершинах гор, я славлю высокие горы, где ты вырос, о Хаома!»

Учтем, что осуждение Хаомы относится к текстам более ранним (времен Заратуштры), а ее прославление – к более поздним, возможно, даже не принадлежащим ему. Хотя не исключено, что в определенные моменты, приняв хаому, испытывая его наркотическое воздействие, пророк слагал гимны в его честь. А позже, попадая под власть наркотика, переживая телесные и духовные мучения, проклинал его.

Возможно и другое: хаома из напитка ритуального, принимаемого только в определенные праздники, начал превращаться в более или менее постоянно употребляемый наркотик в среде жрецов и вельмож, правителей. Заратуштра обратил на это внимание и осознал тот вред, какой грозит обществу. Его предупреждения могли возыметь действие на некоторое время, а затем вновь наступила пора распространения наркомании. Тогда и стали популярны гимны, прославляющие Хаому.

Зерван (Зурван)

Об этом боге времени и судьбы следует сказать особо. Он стал предметом культа, религиозного течения зерванизма, которое даже соперничало с маздеизмом. Не очень ясно, когда и как он возник. Предполагается, что сравнительно поздно. Однако, по-видимому, еще раньше бытовал миф о Зерване, который в пересказе М. Дрездена звучит так.

Некогда не существовало ничего: ни земли, ни неба, ни каких-либо тварей на небе или на земле. Был только один Зерван.

Ему было одиноко, и в продолжении тысячи лет он совершал жертвоприношения, прося себе сына, чье имя было бы Ормазд (Ахура Мазда) и который создал бы небо и землю и все, что есть на них. Совершая так жертвоприношения тысячу лет, он начал размышлять: «Есть ли польза от моих жертвоприношений, будет ли у меня сын, или все мои старания напрасны?»

И пока он так размышлял, в материнском чреве зародились и Ормазд, и Ахриман. (Из этого следует, что это первосущество – человекоподобный Зерван – был двуполым по природе своей.) Ормазд предугадал его мысли, и как сама Правда сказал о них Ахриману. Тогда тот разорвал чрево и явил свое отвратительное обличье отцу Зервану, сказав: «Я твой сын, Ормазд».

С отвращеньем отвернулся от него Зерван, видя в нем исчадье тьмы, ощущав его смердение и чувствуя в нем творца зла. Он зарыдал. И тогда появился на свет его сын Ормазд – светлый и благоуханный.

Ахриман приблизился к Зервану и напомнил о его зароке: «Берегись, разве ты не поклялся первому пришедшему дать владычество над миром». И Зерван ответил: «Сгинь, Нечистый; я сделаю тебя царем на девять тысяч лет, но Ормазд будет править над тобой, а после отведенного времени будет царствовать Ормазд и все исправит по своей воле». Так и свершилось.

Этот миф, как всякий другой, оперирует человекоподобными образами. По всей вероятности, жрецы привнесли в него мысль о великом благе и действенной силе жертвоприношений. Народная фантазия украсила его живописными деталями и острой сюжетной коллизией. Однако у него есть глубокая философская основа. Он повествует о Вечности, которая существовала изначально и содержала – в материальном воплощении – изначальную двойственность, мужское и женское начало, без разделения добра и зла, без всего разнообразия известного нам материального мира.

В средневековом сочинении «Бундахише» («Первотворение»), в котором пересказаны, как считается, утраченные космологические взгляды, содержащиеся в соответствующем разделе Авесты, есть гимн Вечности, где сказано: Зерван – могущественнее обоих творений – Добра и Зла. Все, что происходит в этом мире, уже предопределено Зерваном, и судьба каждого человека в его ведении.

Эти идеи стали основой манихейства, считающего равнозначными, равновеликими силами Добро и Зло. Более того, убеждаясь на горьком жизненном опыте в торжестве зла, нередко побеждающего добро, лжи, которая привлекает многих больше, чем правда, некоторые зерванисты утверждали, что в мире правит Ахриман, а Ормузду суждено вечно бороться с ним, так и не одерживая окончательной победы.

Интересней другое. Обратим внимание на выделение Вечности и Временности, то есть существования череды событий, которая служит материальным воплощением течения времени. Эту идею можно толковать как существование изначальной неопределенности, отсутствие следов каких-либо объектов и явлений. В таком случае о начале творения говорить

не имеет смысла. Можно судить только о том периоде, когда в мире уже оформились и стали действовать две первичные силы.

Если обратиться к современным взглядам на структуру Вселенной, то появление материальных носителей «положительной» и «отрицательной» первоосновы мира сопоставимо с возникновением из космического вакуума частиц и античастиц. Но для такого «саморождения» (в физике этот процесс называется фоторождением) требуется «сгущение» энергии вакуума в отдельных «узлах»...

Не станем вдаваться в детали (тем более что теория фоторождения Вселенной еще не создана, заявлена лишь гипотеза). Самое замечательное, что в дальнейшем должно было происходить формирование структур, в которых центральное место занимают частицы, тогда как античастицы остаются в скрытом состоянии (типа волновых пакетов). То есть в нашем мире действительно преобладает что-то одно: материя, включающая в себя антиматерию, или, наоборот, в зависимости от того, что мы называем материей (положительной, говоря условно) и антиматерией (отрицательной).

Повторяю, такова гипотеза, которая упомянута, еще и потому, что она предложена мной (ее пытался разрабатывать, между прочим, А. Д. Сахаров, так и не сумевший преодолеть некоторые трудности на этом пути, как оказалось, вполне преодолимые). Очень показательно, что истоки этой идеи – в ее наиболее общем философском контексте – уходят в далекое прошлое. Ведь мысли об изначальном «безвременьи», а точнее – Вечности (или Неведомом), были высказаны, как мы знаем, и в космогоническом гимне Ригведы.

Что в мире преобладает – Добро или Зло, или же они находятся в динамическом равновесии и постоянном единоборстве, каждому дано решать по-своему. Однако нельзя не отметить, что учение о предопределенности всех мировых событий, утверждаемое зерванизмом, находится в непримиримом противоречии с представлениями Заратуштры о свободном выборе человека между Добром и Злом, о свободе воли. Но в любом случае все наши деяния, весь материальный мир, все быстротекущее время находятся в беспредельности Вечности – Зерване.

Митра

Митра – едва ли не наиболее известный бог иранского пантеона, которого почитали в разные эпохи и разные народы. Ему посвящен один из древних и наиболее пространных гимнов Авесты:

Ахура Мазда молвил
Спитама-Заратуштре:
«Таким я создал Митру,
Чьи пастбища просторны,
Что тех же он достоин.
Молитв и восхвалений,
Как я, Ахура Мазда.
Страну разрушит подлый,
Тот, кто не держит слова,
Он хуже ста мерзавцев
Благочестивых губит...»

Слова поистине пророческие. Действительно, подлость и неисполнение негласного общественного договора отдельными людьми, группами или социальными прослойками губит страну, ведет народ к бедам и лишениям, потере нравственных основ.

Митра – бог договора, согласия, мирового соглашения (и мирного, пожалуй, тоже). «Култ Митры получил чрезвычайно широкое распространение, – писал В. Н. Топоров, – образ Митры внедрился (в непосредственном или косвенном виде) в самые разные культурно-исторические традиции и религиозно-мифологические системы».

В природных явлениях Митре всегда сопутствует Солнце; он даже предшествует солнечному восходу и остается после заката:

Он первый из небожителей [язатов]
Поднимается над вершиной Хара [горы],
Предшествуя бессмертному, быстроконному Солнцу;
Первый овладевает
Прекрасными золотистыми высями
И оттуда, могучий,

Обозревает все арийские жилища.

В наибольшей степени в данном случае образу Митры соответствует понятие света. О том же свидетельствует и другой отрывок:

Он шествует после заката Солнца,
Широкий, как земля,
Касается обоих концов этой обширной,
Выпуклой, бескрайней земли,
Обозревая все, что есть между землей и небесами.

Но природа в глазах Заратуштры является отражением человеческих качеств; душа человека отражает явления природы; существуют неявные соотношения духовного мира людей с окружающим миром природы. Вот и Митра соединяет в себе воплощение света, договора, процветания природы и благоденствия людей:

По правую руку его идет
Добрый, праведный Сраоша [Послушание];
По левую – высокий,
Сильный Рашну [Правда];
Всюду, вокруг него,
Идут воды и растения,
Фравашай [Духи] праведных.

Однако Митра покровительствует не только мирному договору, но и справедливой войне:

Он разжигает битву,
Он стоит среди битвы...
Сносит головы
Солгавших Митре людей.

В некоторых случаях Митра уподобляется Совести, или, вернее, Духу Совести, который присутствует в каждом человеке и сказывается на его поступках, определяя его судьбу:

Если солжет ему
Глава ли дома,
Или глава общины,
Или глава области,
Или глава страны,
То Митра воспрянет,
Гневный и оскорбленный,
И разрушит он и дом,
И общину, и область, и страну.

Чистота помыслов, верность своему долгу, своему слову, своим обещаниям и клятвам – все это необходимо свято чтить и исполнять. И прежде всего это относится к тому, кто властвует над другими людьми, ибо от него зависит и их судьба. Митра покарает отступника, а также всех, кто вместе с ним. Он – олицетворение справедливости.

Восходу Солнца предшествует свет, от которого вспыхивают облака и белоснежные вершины гор. Постижению истины, достижению высшего блаженства предшествует духовная чистота, стремление к правде и справедливости, иначе говоря – служение Митре. «У некоторых иранских

народов, – писал И. С. Брагинский, – почитание Митре полностью ассоциировалось с культом Солнца, и слова «Михр», «Мира» (восходящие к древнеиранскому имени Митры) стали означать просто «солнце». Поклонение Митре распространилось и за пределы иранского мира, послужило основой таинственных культов религии римских легионеров – митраизма, разнесенного ими по всей Западной Европе и соперничавшего с ранним христианством».

В сравнительно поздних произведениях искусства Митру изображали в виде юноши-воина, убивающего быка. Это ритуальное убийство обеспечивало победу добра и справедливости над темными враждебными силами. Во времена Древнего Рима культ Митры сопровождался мистериями, от участников которых требовалось пройти ряд испытаний голодом, жаждой, болью, холодом (в пещерных святилищах). Днем рождения Митры считалось 25 декабря, когда начинает прибывать световой день (считается, что в соответствии с этим праздником был принят и день рождения Иисуса Христа). А римские легионеры чтили в образе Митры прежде всего, по-видимому, верность долгу, присяге. Эта вера помогала им держать строгую воинскую дисциплину, действовать в сражениях согласованно, что и определяло во многом их победы, тем более что Митра, по преданию, встречал душу погибшего в царстве мертвых и вершил над ней правый суд.

До появления учения Заратуштры Митру чтили высоко, ему определяли земные владения и посредничество между людьми и божествами. «Один из наиболее интересных эпитетов Митры, – писал В. Н. Топоров, – «выпрямитель линий (границ)» не только намекает на возможную примиряющую роль Митры при спорах о границах, но в конечном счете – позволяет, очевидно, восстановить для него более древнюю функцию царя-жреца, принимающего участие в ритуальных изменениях, которые подтверждают следование универсальному закону, правде. Существенна посредническая роль Митры, функция различения добра и зла, правды и лжи. В этом смысле Митра – божество, определяющее некую морально-нравственную границу». И хотя Заратуштра, исповедовавший культ единого главнейшего Бога, отвел Митре сравнительно скромное место в своем пантеоне, в последующем культ Митры возродился во всем блеске. Все-таки правда, честь, справедливость – это те опоры, на которых держится общество.

Китай

Китайская мифология очень сложна, не сведена в более или менее стройную систему; из многих богов нелегко, а то и невозможно выбрать самых главных, великих. Другая особенность: очень часто мифы складывались на основе реальных событий или реальных исторических личностей, далеко не всегда можно определить, где приукрашенная действительность, а где фантастический вымысел, которому придано правдоподобие.

Кроме того, мифология китайца (верней, племен, участвовавших в создании китайской цивилизации) по преимуществу рациональна. Общество свято чтит традиции и церемонии, почитание предков; своеобразное отношение было у этих людей к природе и судьбе. «Вера в то, что основой Вселенной является забота, – пишет канадский синолог Джон Бертронг, – отличает китайскую религию от иудаизма, христианства и ислама, где основой религиозного сознания служит страх и благоговение перед Верховной Силой. Именно поэтому в Китае всегда сильна была связь религии с этической Философией».

О такой связи говорит сходство слов, обозначающих философскую школу (цзя) и религиозное учение (цзяо). Освоение *цзя* требует знаний, раздумий, сомнений, умственных усилий. А *цзяо* надо выслушивать, запоминать и принимать на веру. Цзя предназначено для мыслителей, а цзяо – для народа. Поэтому в мифах, которые сохранял и передавал из поколения в поколение народ, сравнительно немного содержится глубоких умозрений, больше – житейской мудрости.

Китайская цивилизация, не столь древняя, как египетская или индийская, 3000 лет назад достигла заметных успехов. Пока господствовали племенные отношения, китайцы, подобно другим народам, поклонялись местным божествам, тотемным животным, духам предков, демонам природных стихий. Однако с изменением социального строя общества, возникновением раннеклассовых отношений и значительным преобразованием природной среды обозначился кризис подобных воззрений. Приобрели популярность идеи Судьбы или некоего безличного бога неба. Тогда же широко распространилась практика гаданий на панцирях черепах или лопаточных костях животных. На кости делали несколько углублений и выцарапывали иероглифы, содержавшие определенные вопросы. Раскаленным бронзовым стержнем прожигались

углубления в кости, и по сети появившихся трещин гадатель узнавал ответ божества.

Такой способ регулировать, предопределять свои поступки не так нелеп, как может показаться. Когда люди разуверяются в привычных верованиях, а более надежных духовных ориентиров не имеют, в сознании воцаряется хаос. Как поступать в том или другом случае? На что уповать? Чем оправдать свой выбор? Какую стратегию поведения избрать?

Возникает опасность не принимать никакого решения, остаться бездейственным. Однако нередко медлительность, бездействие – не лучший вариант выбора, а наихудший. В подобных случаях фаталисты загадывают, бросая монету, раскладывая пасьянс или как-то иначе полагаясь на счастливый случай. А способ гадания на костях, придуманный китайцами, имеет одно достоинство: по сети появившихся трещин можно строить разные догадки. В отличие от выбора двух вариантов (например, орла или решки) в данном случае решение не столь однозначно. Узор трещин и опалин можно толковать по-разному. При этом активизируется не только рассудок, но и подсознание. Человек способен увидеть именно тот «знак судьбы», на который втайне, не отдавая себе в этом отчета, надеялся.

Переход в Китае к единой идеологии произошел сравнительно поздно, в середине I тысячелетия до н. э., когда стали объединяться разные княжества и племена. Тогда «властителями дум» стали первые крупные и оригинальные мыслители Древнего Китая – Лао-цзы и Кун Фу-цзы (Конфуций). Они обосновали религиозно-философские учения, в свете которых отошла на второй план традиционная мифология. Оба мыслителя были прежде всего реалистами.

Когда ученик спросил Конфуция, как надо служить духам, тот ответил: «Мы не умеем служить людям, как же можем мы служить духам?» Так же ответил он на вопрос о том, что происходит с человеком после смерти: «Мы не знаем, что такое жизнь, как же можем мы знать, что такое смерть?»

В народе, тем не менее, складывались новые легенды (отчасти под влиянием буддизма), переиначивались древние мифы. Нелегко определить, какие боги при этом оставались великими, признанными большинством, а какие сделались второстепенными и местными.

Так, очень колоритен образ Бян цяо – покровителя врачей, целителей: существо с птичьим клювом и крыльями летучей мыши. Считалось, что он был сподвижником другого божественного предка, культурного героя Хуанди.

Однако под именем Бян цяо известен выдающийся врачеватель VI века до н. э. Говорили, что он своим взором проникал во внутренности человека,

а в 521 году до н. э. оживил принца Го. Возможно, клюв мифической птицы символизировал иглоукалывание, которым занимался этот целитель.

В образе птицы нередко изображали и другого культурного героя – Фуси, научившего людей рыболовству и охоте, изобретателя рыболовных снастей и силков для ловли птиц, а также иероглифической письменности. Около двух тысячелетий назад его стали представлять человеком с телом дракона, сходного обликом с прародительницей Нюйвой, духом дождя (порой – царевны-лягушки) с телом змеи. Они образовали родственную пару, олицетворяя женское и мужское начало, двойственность бытия, символы инь и ян (север-юг, тьма-свет, зло-добро). В то же время считалось, что Фуси был правителем с 2852 по 2737 год до н. э., что согласуется с приблизительным началом письменности, но противоречит многим другим представлениям об этом мифологическом персонаже. Тем более что олицетворением светлого начала – ян – выступал и Хэ сяньхэ («Журавль бессмертных»), на котором летают праведные души.

Подобные сложные взаимосвязи реальности с фантазией, характерные для китайской мифологии, очень затрудняют изложение представлений о великих, а тем более, второстепенных богах. Множество легенд и мифов так и остались разобщенными, не сведенными в единую систему.

Шан-ди, Тянь-ди

Он считался главным богом в древности – Верховным владыкой, Небесным императором (так переводится его имя). В древнейших текстах его называли просто Ди, подчеркивая то, что он именно Господь, Владыка.

В то же время, согласно предположению ряда исследователей, *ди* первоначально обозначало жертвоприношение верховному божеству в честь предков или даже тотемов царствующей династии. В период правления династии Шан-Инь, около XIII–XI веков до н. э., к имени «Ди» добавили Шан, имея в виду соответствующих императоров.

«В представлении иньцев, – писал известный советский синолог Л. С. Васильев, – Шан-ди был не только верховным божеством, главой всех потусторонних сил, но и ближайшим родственником самих иньцев, их легендарным родоначальником и покровителем, предком-тотемом. Именно он, Шан-ди, приняв облик божественной птицы (ласточки), чудесным образом зачал сына, который стал, по верованиям иньцев, родоначальником этого племени». Шан-ди не столько молились, сколько просили у него, обожествленного предка-покровителя, помощи и поддержки.

По словам Л. С. Васильева, «данные многочисленных иньских гадательных надписей свидетельствуют о том, что именно Шан-ди был главной и последней инстанцией в миге сверхъестественных сил, что от его милости, от его решения в конечном счете зависело поведение всех остальных духов. Ему, Шан-ди, повиновались духи ветра и дождя, облаков и грома... Победа над врагом, успешная борьба с несчастьями и болезнями, удачная охота и даже благополучное разрешение от бремени супруги вана – все это тоже было в компетенции Шанди. Словом, Шан-ди считался главным верховным божеством, которому на небе так же беспрекословно должны были подчиняться все остальные духи, как на земле все люди подчинялись воле иньского правителя-вана».

Надо только уточнить, что в отличие от своевольного божества иудеев,

или злокозненных дэвов иранцев, или бога-разрушителя Шивы, Шан-ди олицетворял в первую очередь мировой порядок, высшие законы мироздания и общества.

О том, как судьбы богов связаны с изменением социально-политической ситуации, можно судить и на примере Шан-ди. Когда иньцев завоевали чжоусцы, то этого бога соединили с подобным ему Тянь-ди. Сложился культ Неба (Тянь), обезличенный, не имеющий, можно сказать, корней в верованиях того или иного племени. Культ Неба стал монополией императоров, которые – и только они – приносили ему жертвы, исполняли высшие законы.

Это возлагало на императоров не только почетные священные обязанности, но и огромную ответственность. Оставаясь владыками Поднебесной империи, они одновременно находились во власти более высокой и могущественной силы – неба, космоса, мирового порядка. И если император провинился перед небом, если в его правлении происходят бедствия, страдает народ (пусть даже от природных стихий), если он принимает несправедливые решения, лжет, совершает злодеяния, его можно свергнуть. Как учил последователь Конфуция Мэн-цзы, это было бы свержением или убийством негодяя и злодея, а не правителя.

Соединение в верованиях китайцев культа небесного порядка и божественных предков способствовало сохранению традиций и стремлению в первую очередь сохранять и поддерживать сложившуюся структуру общества, осторожно относиться к нововведениям и реформам.

Паньгу

Миф об этом персонаже звучит – в пересказе – так:

Небо и Земля некогда составляли единство. Это напоминало куриное яйцо. Здесь и был порожден Паньгу. Минуло 18 тысяч лет, прежде чем изначальное вещество разделилось надвое: светлое и легкое (небесное) и темное и тяжелое (земное). Таким было первичное ян и инь. Между ними находился Паньгу.

Последующие 18 тысячелетий Паньгу рос, ежедневно увеличиваясь на один чжан (около 3 метров). Наконец, небо окончательно отделилось от земли и осталось в этом положении.

Небольшое отступление. Подсчет показывает, что по этой версии небо должно отстоять от земли примерно на 20 тысяч км.

По странному совпадению, именно на таких высотах заканчивается внешний радиационный пояс нашей планеты, иначе говоря – ионосфера (со стороны, обращенной к Солнцу). Выше действительно начинается «небо», а точнее – космическое пространство. Мифическая цифра оказалась близкой к реальной.

Идея Паньгу напоминает античное сопоставление Вселенной с человеком-микрокосмом. Хотя в данном случае, конечно, весь мир сводится к земной области жизни, биосфере. Ветер уподобляется в мифе вдоху и выдоху Паньгу, гром и молния – его кашлю; когда он открывает глаза, наступает день, а когда закрывает – ночь.

Согласно другим текстам, более поздним, Паньгу в конце концов умер. Его дыхание превратилось в ветер и облака, голос – в гром, левый глаз – в Солнце, правый – в Луну, конечности – в четыре части света, волосы на голове – в созвездия. Его пальцы стали горами, кровеносные сосуды – реками, кости и мускулы – горными породами, кожа – почвой, волосы на теле – травой и деревьями, зубы – металлами и кристаллами, костный мозг – драгоценными камнями и золотом, а пот – дождем, росой.

Подобное сопоставление имеет глубокий философский смысл.

Область жизни (биосфера) предстает как сверхорганизм, живое существо, а не механическая система, какой она нередко выглядит в научных моделях. Занятно, что люди, по этой мифологической версии, произошли из паразитов, которые находились на теле великого Паньгу.

Если отвлечься от наших притязаний на звания царя зверей и покорителей природы, то надо признать, что мнение древних китайцев не только самокритично, но и справедливо. В отличие от всех других обитателей планеты, люди с помощью техники поистине паразитируют на биосфере, главным образом разрушая и загрязняя ее (менее десятой доли расходуемых человеком материалов и энергии идет на созидание, к тому же преимущественно технических систем).

В Средние века образ Паньгу оказался чересчур приземленным и связанным с активной технической деятельностью (что в те времена и совершали люди): его изображали с топором и зубилом в руках, словно этими инструментами он и отделил небеса от земли. Иногда его рисовали с Луной в одной руке и Солнцем в другой – как творца мироздания.

Перевод имени этого «космического человека» не совсем ясен. Наиболее вероятно, что оно означает «свернувшаяся [в кольцо] древность». В общем, это справедливо: ведь то, что предстает перед нами – свернувшееся прошлое, лишь частично открытое нашему разуму.

Нюйва

В китайском пантеоне женщинам уготовано скромное место. Первоначально женское божество со временем, в более поздних мифах, порой становилось мужским образом или каким-нибудь чудовищем. Считается, что Нюйва в древности была женщиной-лягушкой, а позже ее стали изображать женщиной с телом змеи. Предполагается, что у племен Ся она считалась прародительницей рода человеческого.

В произведении II века до н. э. «Хуайнань-цзы» («Хуайнаньский философ») она представлена как божество космогоническое и в то же время культурный герой, хотя в этом случае люди существуют как будто бы испокон веков, в еще «недоустроенном» мире: «В очень давние времена четыре столба [по четырем странам света] были низвергнуты, девять областей [обитаемого мира] раскололись на части. Небеса не покрывали всего [Мира], а Земля не поддерживала полностью [Небеса]. Огонь бушевал – и никто его не тушил, воды разливались – и никто их не сдерживал. Лютые звери пожирали людей, хищные птицы терзали старых и слабых своими когтями. Вот почему Нюйва сплывала вместе камни пяти цветов и залатала ими лазурное небо. Она отрезала ноги у черепахи и укрепила ими четыре столба. Она заколола Черного Дракона, чтобы спасти область Цзи; она собрала тростниковую воду, чтобы запрудить непокорные воды».

Нюйва, как видим, постаралась благоустроить мир для людей, которые то ли были ленивы, то ли дики и глупы. В более позднем мифе дано пояснение: когда божество воды Гунгун боролся за власть с духом огня Чжужуном, то, терпя поражение, споткнулся о гору, сломал небесную опору и повредил небосвод. Этот миф объясняет, почему на земле и на небе нет полной симметрии: на восток от суши (в Китае, конечно) находится великая впадина океана, и реки текут на восток, тогда как небесные тела движутся в противоположном направлении и незримая ось, вокруг которой вращается Небо со звездами, наклонена по отношению к горизонту. Все это – следствие столкновения двух гигантов: Гунгуна и Чжужуна, духов воды и огня.

В трактате II века «Общий смысл обычаев» приведен миф о сотворении людей: «В народе рассказывают, что когда Небеса и Земля отделились друг от друга, но еще до того, как появились люди, Нюйва творила людей, сбивая в ком желтую землю. Но работа эта сильно утомила

ее, и у нее не оставалось свободного времени. И тогда она протянула через жидкую глину шнур и стала стряхивать капли глины на землю. Вот почему богатые и знатные – это люди изготовленные [богами] из желтой земли, в то время как бедные и ничтожные, все обычные люди, изготовлены с помощью шнура».

Выходит, что знатные – это «штучный товар», а обычные люди – продукт «массового производства». Хотя неясно, почему внешне все так похоже, а бедные порой богатеют, тогда как богатые и знатные могут стать бедняками. Миф укореняет мысль о «естественности» кастовой структуры общества. Вновь, как мы уже нередко замечали, предание идеологично, имеет социальный подтекст. А космологическая идея осталась нераскрытой. Кто и как сотворил мир? Китайцы вроде бы предпочитали не задумываться всерьез на этот счет. В поэме «Тянь вэнь» («Вопросы Неба»), IV век до н. э., автор предлагает читателю самостоятельно мыслить, искать ответы: «Зачем И стрелами сбивал солнце? Где было, чтобы в лесах из камня какой-нибудь зверь умел говорить? Где было, чтобы безрогий дракон

гулял, посадив на себя медведя?» Среди подобных загадок есть и такая: «Нюйва имеет тело – кто же слепил и скроил его?»

Таков извечный вопрос всех мифов о творении, включая библейский или самые современные космогонические научные теории (точнее – научные мифы): кто создал Творца? Что было до того, как появился мир? А может быть, нелепа уже сама постановка вопроса, как рассуждения о говорящих животных или медведе, катающемся на драконе?

Китайцы предпочли видеть Нюйву не творцом мира, а его благоустроительницей, а потому изображали ее с измерительным угольником в руке или, как олицетворение женского начала Инь, с диском Луны в руках. В этом случае ее братом и супругом называется первопредок-бог Фуси («Ловец жертвенных животных»), изображаемый с циркулем в одной руке и солнечным диском в другой – символом мужского начала ян. Оба эти божества считались покровителями бракосочетаний, а Нюйва могла избавить женщину от бесплодия.

Сам по себе дуализм инь и ян как двух противоположных начал – идея великая, предвещающая представления о положительных и отрицательных зарядах, частицах и античастицах, вакууме и антивакууме. Но в случае с Нюйвой, сотворившей род человеческий, неясно, оставалась ли она при этом все той же темной земной Инь, а потому и создала людей как существ земных, исполненных темными страстями? Или все-таки приложил свою руку в делах творения и светоносный Фуси?

Как многие мифологические персонажи Китая, это божество имеет несколько разных обликов, подчас не связанных между собой, во всяком случае явно. Даже имя его толкуют по-разному: «Желтый государь» или «Блестящий государь». Первое, пожалуй, больше отвечает действительности, потому что Хуан-ди связывали с магическими силами земли. Как известно, в Китае широко распространены палево-желтые лёссовые породы, в которых издавна и поныне устраивают местные жители подземные жилища и даже храмы (кстати, знаменитые киевские пещеры тоже пробиты в лёссах).

В некоторых случаях Хуан-ди считают реальным историческим лицом, правившим якобы в середине III тысячелетия до н. э. Но продолжительность его правления называют явно мифической: 100 или даже 300 лет. Ему приписывают изобретение топора, ступки, лука и стрел, платья и туфель (все это очень сомнительно). Считалось, что он научил людей устраивать глубокие колодцы, отливать колокола и треножки, мастерить телеги и лодки (последнее тоже сомнительно). Говорили, будто он сделал волшебный барабан из шкуры дракона-громовника.

Его почитали как мудрого и деятельного политика, при котором осваивались предгорья, прокладывались дороги. Имея много жен, он стал отцом 25 мальчиков, 14 из которых основали новые княжеские роды. В знак его благополучного правления в стране появились единорог и феникс. В конце жизни он собрал медь на горе, отлил ритуальный треножник. К нему прилетел дракон, Хуан-ди, ухватил его за ус, оседлал и вознесся в небо, удостоившись бессмертия.

По другой версии, он погребен на горе Цяошань в провинции Шэньси, или, другой вариант, там покоится его одежда, а тело и душа пребывают на небесах. Вся история с полетом на драконе может быть отголоском предания о том, что прапрапредок рода Чэнь был зачат от удара молнии и являлся драконоподобным божеством грома и грозы. Создается впечатление, что в древности при каком-то правителе (Хуан-ди?) был создан огромный барабан, звук от которого напоминал громохание грома. Возможно, ударяя в него, заклинатели пытались отвести грозу и град. Для этого же стреляли в небо с облаком-драконом из луков (согласно легенде, когда Хуан-ди улетал на драконе, его сторонники стреляли в чудовище из луков, чтобы заставить его опуститься). Подобные ритуалы, призванные

устранить опасность града или шквала, смерча, практиковались у разных народов.

Нетрудно усмотреть в преданиях о Хуан-ди причудливую смесь более или менее реальных эпизодов, весьма сомнительных и откровенно фантастичных. Последние и делают его мифологическим героем. Его рождение представлено чудесным и невероятным: он сразу же начал говорить, имел солнечный рог, лик дракона, четыре глаза (или даже четыре лица). Последнее обстоятельство подчеркивало его нахождение в центре мира или Поднебесной, а значит, превращало в верховное божество.

Ему легенда приписывала огромный рост и необычайно умелое владение копьем и щитом. Зная о своем могуществе, он потребовал дань с правителей всех четырех сторон света. Трое из них безоговорочно подчинились более сильному владыке. Осмелился перечить лишь Янь-ди, правитель Юга и божество солнца, которого называют родным или сводным братом Хуан-ди.

Янь-ди – фигура интересная. В переводе его имя означает «повелитель пламени». В некоторых мифах ему приписывалась роль первого земледельца: при нем якобы появилась красная птица с девятью колосками злаков в клюве, которая роняла их на землю. Янь-ди подбирал зерна и сажал в землю; тот, кто вкушал выросшие злаки, становился бессмертным.

В свою очередь, у Янь-ди был своеобразный двойник – «божественный земледелец» Шэнь-нун, с которым тоже связывали начало земледелия, а также мудрое правление. При нем с неба дождем посыпалось просо, и он первым стал пахать и сеять. В отличие от него, Янь-ди, связанный с огнем, являлся олицетворением подсечно-огневого земледелия.

Итак, Янь-ди осмелился не подчиниться повелению Хуанди, отказавшись платить ему дань. В ответ Хуан-ди собрал тигров, барсов, медведей и выступил против брата. (Обратим внимание на эту деталь: звери, естественно, являются «противниками» подсечно-огневого земледелия, ибо страдают и гибнут от него; такой «экологический мотив» усматривается в данной мифе.) Произошла кровопролитная битва, в которой Янь-ди потерпел поражение (нет ли тут намек на отказ от подсечно-огневого земледелия?).

Не исключено, что в подобных мифах отражаются главным образом предания о борьбе за власть правителей или кланов древности. Однако в любом случае перед нами – образы мифологических героев, которые вобрали в себя несколько разновозрастных пластов старинных преданий: о легендарных правителях, культурных героях, связанных главным образом

с земледелием, а также о приходных явлениях. При этом поэтические обороты, например, громopodobный барабанный бой, облако-дракон, обретали черты реальности.

Лун

Так называется в Китае фантастическое существо – дракон, образ которого у многих людей во всем мире ассоциируется с этой страной. До сих пор на праздниках китайцы запускают воздушных змеев, подобных драконам, и устраивают танцы и представления с изображениями-макетами этого фантастического существа. Самое удивительное, что такое страшилище, на Западе ставшее символом зла и разрушительной мощи, ярости и насилия, в Китае воспринимается вполне доброжелательно, даже почтительно. Князь драконов – Лун-ван считался покровителем императорского рода, и его культом руководил сам император.

«Вероятно, Лун считался тотемом ряда древних племен, что является редким исключением в общемировой системе первобытных верований, в которой тотем – обычно существо реальное», – отметил мифолог Б. Л. Рифтин. Он предположил, что этот феномен объясняется изменением в представлении людей более ранних тотемических образов змеи, ящерицы или крокодила. Правда, не совсем ясно, почему вдруг фантастическое существо, умозрительная конструкция, нечто невиданное стало вдруг почитаться как реальный предок и покровитель рода.

Ответ на вопрос может подсказать следующее высказывание Б. Л. Рифтина: «Особенно велика роль Луна в древних космогонических представлениях. На одном бронзовом блюде эпохи Инь изображены два дракона: на дне – безногий, покрытый чешуйками, каждая из которых имеет рисунок спирали-молнии, а по краям – дракон с лапами, а также птица и рыба. Возможно, что во втором случае Лун олицетворяет землю (птица – небо и рыба – водную стихию)».

В поздних мифах дракон, как известно, утратил всякую связь с землей и превратился в летучее, а то и огнедышащее или извергающее молнии существо. Но то, что он поначалу считался наземным животным – очень показательно. Правда, на территории Китая настоящие гигантские драконы – динозавры – водились давным-давно, более 70 миллионов лет назад.

Некоторые фантасты полагают, что какие-то представители звероящеров могли сохраниться до эпохи людей – антропогенного периода. Но всерьез подобные версии принимать нельзя. Хотя определенный резон в «гипотезе динозавров» все-таки есть. Дело в том, что в пустыне Гоби и некоторых других районах Китая были обнаружены динозавры. Но, конечно, ископаемые. Нет ничего невероятного в том, что три-четыре тысячелетия назад ископаемые остатки этих животных, а также их яиц находили люди. Тогда-то и могли возникнуть предположения о

существовании таких чудовищ в сравнительно недавнем прошлом. Возможен и другой вариант. Как известно, на индонезийском острове Комодо до сих пор обитают так называемые драконы – гигантские рептилии, порой превышающие 3 метра в длину. Они могли еще сравнительно недавно встречаться и на юге Китая. Во всяком случае слухи о них несомненно распространялись достаточно широко.

Наконец, не исключено, что образы ископаемых и ныне живущих рептилий слились воедино. Во всяком случае, по свидетельству специалистов, в надписях на гадательных костях XIV века до н. э. иероглиф «Лун» (пиктограмма, изображающая животное с вытянутым телом и головой, увенчанной рогами) связан с названиями прототибетских племен цян. Не подтверждает ли это нашу версию о давних находках китайцами ископаемых остатков динозавров?

Так или иначе, а образ дракона в Китае оказался овеянным величием, романтикой. Предания рассказывают о рождении героев после встречи их матерей с драконами; иногда дракону достаточно было бросить взгляд на женщину или пролететь над ее домом, чтобы на свет появился герой.

Согласно некоторым легендам, при дворах некоторых правителей жили драконы, которых кормили как домашних животных. Это действительно могло быть в южных районах Китая, если там обитали или туда привозились крупные ящеры. А вот легенды о том, что драконы живут в горах и стерегут там клады, скрываются в колодцах или впадают под землей в зимнюю спячку, – такие сказания более всего напоминают фантастическую обработку реальных находок скелетов динозавров в земле.

В сказании о царе речных драконов Лун-ване и обожествленном предке Фуси люди выступают как расхитители природных богатств, которые дракон старается сохранить. Когда Фуси научился ловить рыбу руками, люди последовали его примеру. Обеспокоенный уменьшением рыбы в реке, Лун-ван потребовал прекратить лов. Хитроумный Фуси заключил с драконом договор, по которому люди обязались никогда не ловить рыбу руками. Но Фуси обманул дракона: по примеру паука от сплел сеть, с помощью которой смог вылавливать много рыбы, не хватая ее руками. Дракон был возмущен, однако остался верен договору и не покарал людей.

Но если небесные и водяные драконы считались добродушными созданиями, то земные, напротив – подчас коварными и свирепыми. В Средние века бытовало мнение, что дракон – прародитель зверей, птиц, пресмыкающихся, от которого пошли «пернатые, покрытые шерстью, чешуйчатые и панцирные». Это – замечательная догадка: ведь прежде

млекопитающих и птиц на Земле господствовали рептилии.

Гуань-ди

Бог войны и воинской доблести, покровитель воинов, сражающихся за правое дело. Таким является этот бог, которому поклонялись вплоть до середины XIX века.

В этом образе слились воедино древние представления о боге войны и овеянные легендами истории о действительно существовавшем доблестном воине по имени Гуань Юй, жившем в 160–219 годах.

Судя по всему, в древности Гуань-ди каким-то образом был связан с мифическими драконами. Во всяком случае, в Средние века были распространены сказания о том, что перед рождением Гуань Юя над домом его родителей кружил дракон. По другой версии, он был чудесно рожден из крови казненного дракона Юй-ди, которую слил в свою чашу буддийский монах. Поэтому в жилах Гуань Юя текла кровь дракона.

Рассказывали, что он с детских лет обладал необычайной силой и бесстрашием. Свой первый подвиг он совершил, убив жестокого правителя уезда, который творил произвол. Чтобы его не смогли опознать, он умыл лицо водой из волшебного ручья. Впрочем, если он действительно совершил такой отчаянный поступок, благодарные земляки и без того не выдали бы его.

Возможно, что в этой истории есть доля правды, ибо дальнейшее поведение героя вполне реалистично и прозаично: он стал продавцом соевого сыра и таким образом сумел даже немножко разбогатеть. Впрочем, второе могло случиться после того, как он, поступив на службу правителю, был ему беззаветно предан.

По-видимому, эпизодами биографии Гуань Юя объясняется то, что своим покровителем считали Гуань-ди не только военные, но и торговцы соевым сыром и даже коммерсанты, богачи (или для них было важно иметь надежного охранника?). Буддийские монахи тоже чтили его прежде всего как защитника монастырей.

Почитание Гуань-ди превратилось в настоящий культ личности, при котором реальный Гуань Юй стал мифологическим героем, а его достоинства и деяния превозносились поистине до небес. Императоры жаловали ему почетные титулы – как вечно живому. В конце XVI века при династии Мин ему был присвоен титул «ди» – государь.

В середине XIX века Гуань-ди получил титул «шэн» («совершенномудрый») после того, как он будто бы появился в небе и помог правительственным войскам победить тайпинов – восставших крестьян, попытавшихся создать народное государство. Хотя в действительности правителям династии Цин в данном случае помогали англичане, американцы и французы. Впрочем, еще через полвека участники антиимпериалистического восстания 1900 года тоже молились Гуань-ди.

Нет сомнения, что культ верного слуги и доблестного воина укореняли и распространяли прежде всего государи, кровно заинтересованные в такого рода пропаганде. Ему было посвящено почти тысячи больших и малых храмов, рассыпанных по всему Китаю. Его чтили представители разных религиозных направлений. Буддисты утверждали, что он был обращен в их веру. А даосы сложили легенду о том, что Гуань-ди победил в бою мятежника-чудище Чию, которого в Древнем Китае чтили как свирепого бога войны, зверочеловека с головой барса и когтями тигра, владевшего всеми видами оружия. По другой версии, у чудища были копыта и рога быка, тело человека, четыре глаза и шесть рук. Считалось, что он восстал против легендарного правителя Хуан-ди.

По сути дела, в аллегории о победе верноподданного Гуаньди над мятежным Чию была своя правда: со временем, при значительном укреплении власти императора, в народе стали преобладать верноподданнические настроения (противоположные были опасны и искоренялись жестоко). Этому способствовало и то, что Гуань-ди был примером верности долгу, а потому считался покровителем торговцев. Пользовался он популярностью и как один из богов богатства. Для конфуцианцев он стал покровителем ученых и литераторов, потому что, согласно преданию, его настольной книгой было сочинение Конфуция «Вёсны и Осени».

На примере Гуань-ди особенно ясно видно, как происходит мифологизация исторической личности. Вовсе не обязательно предполагать, что тут играют важную роль какие-то мистические силы, сложные философские соображения. Слишком часто объяснение лежит в плоскости реальных интересов отдельных социальных групп, общественных организаций, государственных структур.

Многое зависело и от текущей политической ситуации. Империя Хань после периода расцвета, когда она охватывала пятую часть всего населения Земли, стала расшатываться и клониться к упадку. В III веке н. э. ее постоянно сотрясали восстания и социально-экономические кризисы. Остро стоял вопрос об укреплении царской власти, создании общенациональных кумиров-государственников. Одному из них суждено было стать Гуань Юю, превратившемуся в мифологического героя Гуань-ди.

Цай-шэнь

В древности это был, по-видимому, бог богатства, который со временем превратился в целую группу богов. Первопричиной такого разделения стало, судя по всему, разделение китайских чиновников (они-то обычно и становились в этой стране богачами) на военных и гражданских. По тому же принципу разделялись Цай-шэнь на две группы. Так их обычно и изображали, когда – для надежности – поклонялись обоим сразу: вверху располагали в одежде полководца военного Цай-шэня, а внизу – гражданского в одеянии сановника.

С одним из таких богов мы уже познакомились в статье о Гуань-ди. Он был одним из наиболее почитаемых военных богов богатства. Другим был Го Цзыи – тоже исторический персонаж: прославленный полководец и высокопоставленный вельможа. Ему, как гласит легенда, однажды ночью богиня Чжинюй («Небесная ткачиха», выткавшая ночной небосвод, прорицательница и покровительница влюбленных) предрекла славную судьбу, долгую жизнь и всяческое благополучие как небесному духу. С той поры он стал получать почести и чины, успешно воевать; его сыновья и зятья получили высокие посты, а один сын женился на принцессе. Учитывая все это, Го Цзыи почитали еще и как покровителя домашнего очага и божество счастья.

В качестве и военного и гражданского бога богатства почитался Чжао Гунмин (у него было и несколько других имен), которому приносились жертвы на алтаре, стоящем на северной террасе. В некоторых местностях он пользовался большим почетом. Его называли главнокомандующим.

Главным гражданским богом богатства был Бигань. И у него имелся реальный прообраз: честный и благородный мудрец, который пытался наставить на путь истинный жестокого самодура-правителя, принадлежавшего к династии Инь. Несмотря на угрозу смертной казни, Бигань продолжал отстаивать свои убеждения. И тогда взбешенный правитель воскликнул: «Я слышал, что сердце мудреца имеет семь отверстий. Хочу убедиться в твоей мудрости!» По его приказу Биганю рассекли грудь и вынули сердце. С той поры этого советника-мученика стали почитать за верность долгу и стойкость в убеждениях.

Каким образом Бигань превратился в бога богатства, сказать трудно. Он был очень популярен в народе. По-видимому, его именем клялись при торговых сделках. Отсюда, возможно, и родилось поверье, что дух этого человека помогает сохранять и преумножать честно нажитое добро.

У Цай-шэня предполагалась (не всегда) супруга Цай-му («Матушка богатства») и свита, в которой важную роль играл бог монет Лю Хай. С этим персонажем тоже связано немало легенд, хотя в их основе – реальное историческое лицо, крупный чиновник. Как можно догадаться, он сам не разбогател, а вел очень скромный, достойный образ жизни (по одной версии – стал отшельником). Согласно легенде, он чудесным образом избавился от жадности: опустил пояс с привязанной на конце золотой монетой в колодец, где обитала жаба-жадность, дух стяжательства. Жаба схватила ртом монету, и Лю Хай таким образом вытащил из колодца жабу, которая не могла из жадности разжать рот. Иногда бога монет изображали стоящим на жабе.

Образы богов богатств ассоциировались в народе с драконами, состоящими из монет или изрыгающими монеты; с конем, приносящим сокровища; с чудесным деревом, на котором растут монеты: надо лишь его потрясти, чтобы монеты посыпались, как осенние листья.

В свиту бога монет Лю Хая входили два брата-божества Хэ-Хэ, олицетворяющих согласие и соединение. В одних случаях они держали и потряхивали «монетное дерево», в других – держали поднос с драгоценностями или даже целый таз сокровищ. Их постоянные атрибуты – лотос и ларец.

О происхождении культа Хэ-Хэ в преданиях излагались две версии. Согласно одной, эти братья от разных отцов вели успешные торговые операции и разбогатели. Один из них присвоил весь накопленный капитал. С той поры они стали враждовать и судиться. Так продолжалось до седьмого их перерождения (до седьмого потомства?), когда благодаря божественному покровительству они не пришли к единству и согласию.

По другой версии, в VII веке родители послали одного из своих сыновей навестить брата, который служил в столице далеко – более чем за две тысячи километров – от родных мест. Он вернулся домой через сутки, успев побывать у брата. (Не могло ли случиться так, что через день после его отбытия его брат вернулся домой?)

Как видно на примере богов богатства, китайцам был свойственен крайний рационализм и реализм. Они предпочитали молить о богатстве не призрачную птицу счастья или своенравную богиню судьбы, а духов предков, которые обрели славу и богатство, предполагая, что, следуя таким конкретным примерам, можно стать богатым. Однако, несмотря на многочисленных богов богатства, среди населения Китая лишь ничтожно малая доля имела возможность разбогатеть. Наиболее надежным был расчет не на слепую удачу, а на родственные связи и приближенность к

правлящему клану.

И

История божественного стрелка И – одна из наиболее популярных в Китае. В ней слились воедино космогонические представления, предания о культурном герое, мысль о могуществе человека, противостоящего силам природы. Рассказ о нем начнем издалека.

В памятнике древнекитайской литературы «Каталог гор и морей», где причудливо сплетены реальность и фантастика, сказано: «За Юго-восточным морем, у реки Благостной, расположено царство Сихэ. [Там] живет женщина по имени Сихэ. Здесь солнца купаются в водоеме Благостном. Сихэ – жена Предка Выдающегося (Ди-цзюня) – родила десять солнц». Упомянутая богиня считалась одновременно и матерью и возницей солнц, которых она вывозила поодиночке в небесной колеснице, запряженной шестеркой драконов.

Интересен образ ее мужа Ди-цзюня – небесного правителя (вторая его жена Чан-си родила 12 дочерей-лун). Эти космогонические представления, по-видимому, либо очень древние, либо, что вероятнее, поэтические, соединились с преданиями о Ди Ку, тоже небесном владыке с головой птицы и с туловищем обезьяны. Его считали еще и справедливым идеальным правителем, который «исчислял движение солнца и луны, встречая и провожая их». Пожалуй, астрономические знания и расчеты Ди-Ку породили легенду о его сыновьях-солнцах и дочерях-лунах.

Итак, мифологические братья-солнца, принимавшие облик птиц, жили в царстве Сихэ у реки Благостной на гигантском дереве фусан. Надоело им

соблюдать установленный порядок, и однажды высыпали они все на небо. То, что для них было веселой игрой, для людей обернулось ужасной бедой. На земле началась великая засуха, жара опалила поля, наступил голод. Люди обратились за помощью к колдунье Нюйчоу. Она уселась на холме и стала произносить заклинания, но схватилась руками за голову и упала на землю, поверженная и убитая сиянием десяти солнц. Горели леса, и звери бежали оттуда. Вскипали реки, и водные чудовища ползли на сушу, набрасываясь на людей. Мольбы людей дошли, наконец, до Ди-цзюня, и он отправил на землю божественного стрелка И, у которого левая рука была длиннее правой, что позволяло ему лучше всех справляться с луком. С ним спустилась с небес и его жена Чаньэ. Оба они стали смертными.

Первым же выстрелом И поразил одно солнце. Оно лопнуло и упало на землю, рассыпая искры. Одно за другим лопались солнца, пронзенные стрелами, которых у И было ровно десять. Не было у него ни одного промаха. Люди ликovali, избавляясь от нестерпимого губительного зноя. Но мудрейший правитель Яо, сын Ди Ку (Ди-цзюня), имевший по три зрачка в глазах и постигший ход небесных светил, только он понял, какая опасность грозит миру: стрелок в охотничьем азарте поразит все солнца, и наступит вечная ночь. Подошел Яо незаметно к стрелку и вынул у него из колчана одну стрелу.

На небе осталось лишь одно солнце, и оно металось в испуге, пытаясь спастись от последнего выстрела. Потянулся И за последней десятой стрелой, но ее в колчане не оказалось. Так уцелело Солнце, которое с той поры остерегалось своевольничать.

А стрелок И совершил еще немало подвигов. Он убил чудовищного красного быка-людоеда яюя, имевшего копыта лошади, голову дракона и лицо человека. На юге страны свирепствовал зверочеловек Цзочи («Буравящий клык»), вспарывавший всех своим огромным клыком. Зная о необычайной меткости стрелка И, Цзочи прикрылся большим щитом, но стрела пронзила насквозь щит и убила чудовище. На севере страны у реки Сюшуй встретил он девятиголового змея, изрыгавшего огонь и воду из своих пастей. Ровно семь стрел потребовалось И, чтобы сразить все головы змея. Затем подстрелил он птицу Дафэн («Тайфун»), вызывающую ураган взмахами своих крыльев, тело которой не могла пронзить стрела. Но сметливый И привязал к стреле прочную шелковую нить. Попав стрелой в грудь птицы, он за нить притянул ее к земле и здесь разрубил мечом. На озере Дунтниху он стрелами и мечом убил гигантского удава-людоеда.

Сразился И с огромным, как буйвол, и свирепым, как тигр, кабаном, обитавшим в Тутовом лесу. Его шкуру не могли пробить стрелы, но И

нашел выход: прострелил ему ноги, после чего заколол мечом и принес в жертву Владыке Небес. Однако Ди-цзюнь не принял его жертвы, потому что был разгневан на стрелка за то, что тот убил так много его сыновей-солнц. Дя-цзюнь запретил И с его супругой возвращаться на небо, сделав их навсегда смертными.

Стрелок не стал умолять Верховного Владыку о милости. Но жена стрелка была в отчаянии. Она потребовала от И, чтобы он достал эликсир бессмертия. Отправился И в страну, где правила Си-ванму («Владычица Запада»), которая могла насылать болезни, стихийные бедствия и смерть, но и владела снадобьем бессмертия (по одной из версий, его толкли в ступах зайцы). В ее владениях у горы Куньлунь, как сообщает «Каталог гор и морей», Нефритовый ключ орошает Дерево Бессмертия, расцветающее раз в пять лет пятью цветами. Там же начинается и река Бессмертия. Но, судя по всему, для обретения бессмертия нужен был особый эликсир, а не только плоды этого дерева или вода этого ручья.

Немало препятствий пришлось преодолеть И, прежде чем он достиг дворца Си-ванму. Она благосклонно приняла знаменитого героя и велела принести ему эликсир бессмертия в тыкве-горлянке. Два человека, выпив его, обретали бессмертие на земле, а один, выпив все, становился бессмертным божеством. Хотел И разделить это зелье со своей женой. Но, когда он уснул, она опорожнила тыкву и вознеслась на небо. Там она попала на Луну, но в виде жабы, которую можно разглядеть с земли.

Загрустил стрелок И, стал грубым и раздражительным. Только одного своего слугу Фэнмэна он удостоил дружбой и стал обучать стрельбе из лука. Когда научился Фэнмэн стрелять почти как учитель, захотелось ему прослыть самым искусным стрелком на свете. Решил он погубить учителя. Однажды он отправился с И на тренировку, взяв больше стрел, чем учитель. Фэнмэн стал посылать в небо стрелу за стрелой, а И, стреляя вдогонку, сбивал их. Когда у И кончились стрелы, Фэнмэн прицелился учителю прямо в лицо и пустил стрелу. Она застряла во рту И, и тот упал. Подошел к нему коварный ученик и затрясся от ужаса: учитель лежал и смеялся, а выплюнув стрелу, сказал: «Вот почему я не научил тебя ловить стрелу зубами».

Попросил Фэнмэн у И прощения, но злобу в душе затаил. Подговорив слуг и сделав дубину из персикового дерева, которое поражает нечистую силу, он вместе с ними напал на своего учителя и убил его. Так бесславно погиб великий герой. Но память о нем сохранилась, и его стали почитать люди как бессмертного бога, спасающего от засух, наводнений и прочих бедствий.

Юй

Допустимо ли относить этого обожествленного героя к сонму великих богов? То, что он великий мифологический персонаж – бесспорно. Был ли он историческим лицом? Возможно, хотя никаких определенных сведений на этот счет нет, что, впрочем, не помешало считать Юя основателем легендарной династии Ся. В его жизнеописаниях причудливо переплетаются выдумка и реальность.

Рождение Юя поистине чудесно и непорочно. Отцом его был Гунь – герой, напоминающий греческого титана Прометея. Имя Гунь в переводе – «Огромная рыба» (возможно, таким был его родовой тотем). Когда в Китае произошли катастрофические наводнения. Верховный Владыка послал Гуня бороться с ними. Девять лет возводил герой дамбы, но так и не смог совладать с разбушевавшейся стихией. Тогда он похитил у Верховного Владыки волшебную саморастущую землю. (Отметим, что такая земля – вполне реальна, если иметь в виду набухающие при намокании грунты, некоторые глины, суглинки.) Но и с ее помощью справиться с потопами не удалось.

Верховный Владыка, узнав о похищении, разгневался (как посмел Гунь ради людей посягнуть на то, что принадлежит богам!) и приказал

казнить Гуня. Его умертвили на далекой северной горе Юйшань.

Тело Гуня окаменело на холоде и лежало, не подвергаясь тлению, три года. Затем оно треснуло, и из него вышел Юй. Он продолжил дело отца, имея сначала облик дракона. Верховный Владыка предоставил ему волшебную землю и могучего дракона для того, чтобы прокладывая русла каналов, а также гигантскую черепаху, тащившую на панцире волшебную землю.

Юй развернул поистине титаническую работу, пересекая страну из края в край, осматривая речные долины от истоков рек до устьев. Согласно преданиям, Юй разделил Китай на девять уездов, проложил девять основных дорог, оградил дамбами девять озер, измерил девять горных вершин. Тут заметна тяга к магии чисел, а не к исторической правде. Чтобы подчеркнуть инженерные познания Юя, его изображали с угольником и циркулем по правую руку и отвесом и мерной веревкой – по левую.

Трудился Юй не покладая рук, при необходимости уничтожая нечистую силу, скрывавшуюся в болотах, зарослях, водоемах (великанов, драконов, чудовищ). Порой ему приходилось принимать облик могучих животных, чтобы справиться с тяжелыми земляными работами.

Однажды в пещере он встретил горного духа со змеиным телом, который вручил ему нефритовую пластинку для измерения неба и земли, составления карт. О подвигах Юя «Каталог гор и морей» сообщает так: «Слуга Гунгуна (Бога Разливов) зовется Сянлю. [У него] девять голов, змеиное туловище, свернутое в клубок. Кормится он в девяти землях. Где он плевал и испражнялся, образовались родники и озера. [Смрад от него] был нестерпим. Никакие животные не могли [там] жить. Юй, запрудив воды потопа, убил Сянлю. Его кровь издавала такое зловоние, что в тех местах не могли расти злаки. Земля так увлажнилась [кровью], что жить было невыносимо. Юй возвел насыпь [высотой] три жэня».

В общем, об организации поверхностного стока (дело обстояло именно так: производилась осушительно-обводнительная мелиорация природных вод) в «Каталоге...» сказано следующее: «Юй и Гунь первыми устроили землю и учредили Девять областей... Воды потопа разлились до небес. Гунь не дождался приказа Предка и похитил саморастущую землю, чтобы преградить [путь] водам потопа. Приказал тогда Предок Заклинающему огонь казнить Гуня... Гунь воскрес и родил Юя. Повелел тогда Предок Юю закончить устройство земли, чтобы учредить Девять областей».

Проводя все время в трудах, Юй не успел обзавестись семьей. И вот однажды он встретил белую лисицу с девятью хвостами (все та же

магическая цифра!). Это было предзнаменование счастливой женитьбы и высокого поста. Тут же он встретил девушку, которую взял в жены. Она стала сопровождать его в странствиях. Как-то раз он прорывал туннель в горах, обернувшись медведем. Жена, не зная этого, пришла к нему, но, увидев страшного зверя, бросилась наутек. Он, забыв о своем облике, побежал за ней. От страха она окаменела. Юй в отчаянии закричал так, что камень, которым стала жена, треснул, а осколок обернулся мальчиком. Ему дали имя Ци («Осколочек»).

Вся история Юя, его отца и сына – серия мифов. Они свидетельствуют о том, что в древности в Китае происходило много крупных наводнений-потопов. И это, по-видимому, сущая правда, как то, что люди боролись с этими бедствиями, которые были вызваны деятельностью самих же людей, уничтоживших лесные массивы и распахавших почвы в долинах крупных рек.

Япония

Первые сведения о всеяпонском божестве относятся к VI веку до н. э. Согласно японской традиции, 11 февраля 660 года до н. э. считается датой основания государства. Тогда уроженец острова Кюсю Дзимму завоевал страну Ямато и занял ее престол, называя себя Сыном Неба, а своей праматерью – богиню Солнца Аमतэрасу. Впрочем, есть предположение, что Дзимму – мифический герой, имя которого обозначает божественный воин».

О древнейших богах, которых чтили на Японских островах, существуют только предположения. По-видимому, это были местные племенные божества, духи-покровители, которых называли «ками». Когда в VI веке на островах появились первые проповедники буддизма, местную религию стали называть ками-но-ми-ти («путь ками»), а по-китайски – синто. Последний термин вошел в европейские языки, и теперь древнюю местную религию японцев называют синтоизмом.

Поклонение духам природы, горам и камням, долинам и рекам, растениям и животным, соединилось в синтоизме с обожествлением мифических предков императорского дома, а также некоторых богов. На развитии этой религии сказалось влияние буддизма. В период феодальной раздробленности в Японии стало пользоваться популярностью христианство, но это продолжалось не долго: оно было запрещено в начале XVII века. В середине XIX века в связи с укреплением власти микадо (императора) синтоизм вновь обрел широкую популярность, хотя и не смог вытеснить буддизма.

До окончания Второй мировой войны синтоизм (храмовый, в отличие от сектантского) был государственной религией Японии, провозглашая догмат о божественности императорской власти. Его священной воле обязан был повиноваться каждый японец. Такое слияние религиозной веры с государственной властью служило единой идейной опорой японцев и способствовало их завоевательской политике.

Существуют десятки сект синто, многие из которых сохраняют следы древних культов духов стихий, но есть и обновленные. Так, секта тенрикё поклоняется божественному вселенскому разуму Тенри. Но в целом синтоизм предполагает поклонение многочисленным богам, не только общим, но и местным, а также семейным (считается, что каждый умерший превращается в ками, а потому глава семьи или рода совершает моления

духам предков).

Существует два свода японских мифов и легенд – «Кодзики» и «Нихонсёги», начало составления которых относят к VII веку. Как обычно бывает, четкой определенной системы в японской мифологии нет. О некоторых богах, представленных культурными героями, рассказывается много, тогда как другие, порой не менее важные, лишь упомянуты. К последним можно отнести Инари – «рисового человека», покровителя земледелия, которого изображали обычно с лисицей и двумя охапками рисовых колосьев. По-видимому, некогда он был связан с тотемическим культом лисы, затем стал богом земледелия и пищи («пяти злаков»), а с развитием торговли стал считаться покровителем торговых операций, божеством успеха и богатства. Однако Инари, почитаемый в народе, не был причислен к сонму великих богов.

Идзанаки, Идзанами

Таковы имена двух первых великих антропоморфных японских богов, олицетворяющих мужское и женское начала. До них существовал хаос, смешение всех стихий (в сборнике Нихонсёги, по-видимому, благодаря индийскому влиянию говорится о первичном мировом яйце).

Из хаоса оформилось нечто подобное семеню, давшего начало побегу растения. Стали возникать божественные сущности, не имевшие определенного облика и пола. Они появлялись и пропадали семь раз. В восьмом поколении возникли Идзанаки (мужское начало) и Идзанами. Они оказались на небесном мосту (радуге?), а под ними простирался океан хаоса. Судя по всему, первые боги отделили воздух от земли и воды, которые оставались едиными.

Идзанаки и Идзанами получили свыше волшебное копье, которым начали месить находящуюся внизу жижу. Она постепенно густела. Когда боги поднимали копье, с него капала гуща, образовавшая первый остров Оногородзима (Самозагустевший). Он стал опорным столпом земли, и на него спустились Идзанаки с Идзанами.

Они еще не ведали половых различий. Однако выяснилось вскоре, что у Идзанами тело растет во всех частях, кроме одной, а у Идзанаки есть часть тела, растущая сильнее, чем все остальные. Они решили то, что имеется в избытке, соединить с тем, что остается в недостатке...

Можно считать, конечно, это наивным описанием первого полового акта. Но в мифологическом аспекте речь идет о двух космических силах (притяжение и отталкивание, положительные и отрицательные заряды, мужской и женский пол).

Бог и богиня начали брачный обряд, обойдя с двух сторон возведенный столп и поприветствовав друг друга. Но первое потомство их не обрадовало: существо, подобное пиявке, и непрочный остров. (Кстати сказать, по мнению палеонтологов, первое позвоночное, появившееся более полумиллиарда лет назад, было действительно подобным пиявке.) Обратившись к высшим богам за советом, они узнали, что ошиблись в брачной церемонии: первые слова произнесла богиня, тогда как это привилегия мужчины.

Заново, согласно правилам, совершив обряд, бог и богиня стали производить на свет острова – прежде всего Японские – и самых разнообразных божеств: земли и воды, ветра и туманов, гор и ущелий. Но, когда пришла пора появиться на свет богу огня, произошла катастрофа: Идзанами была так обожжена, что вскоре скончалась в страданиях. Идзанаки мечом отсек голову огненному сыну, из крови которого, так же как из слез его отца, появились новые боги.

Отправившись за супругой в подземное царство, Идзанаки достиг замка, где она скрывалась. На его просьбу вернуться в верхний мир, она ответила, что уже вкусила пищи мертвых и ей нет пути назад.

Однако Идзанаки смело ворвался в ее замок и при свете факела увидел, что его супруга превратилась в полусгнивший труп, в котором копошатся черви. Она позвала его к себе, но Идзанаки в ужасе бросился

вон.

Разгневанная Идзанами послала ему вдогонку толпу злобных духов-ведьм. Когда они стали его настигать, он сбросил свой головной убор, который превратился в виноград. Ведьмы начали пожирать его, но затем снова бросились вдогонку за беглецом из царства мертвых. Тогда он выхватил из волос гребень и бросил назад. Тотчас перед ведьмами как частокол возникли заросли бамбука. В конце концов Идзанаки выбрался в верхний мир (после дополнительных испытаний), загородив вход в него огромным камнем.

Идзанами поклялась убивать ежедневно тысячу живых существ. В ответ Идзанаки пообещал, что ежедневно на свет будет появляться полторы тысячи существ, на этом отношения между супругами были окончательно разорваны. (Нельзя не отметить, что таким образом задолго до Мальтуса была высказана мысль о том, что в природе рождаемость превышает смертность, что приводит – до определенного момента – к увеличению числа тех или иных обитателей планеты.)

После пребывания в царстве мертвых, где стала править Идзанами, ее брат-супруг совершил очистительный обряд, во время которого появилось множество богов. Последними были три могущественных бога: после смывания левого глаза Идзанаки – богиня Солнца Аматэрасу, правого глаза – бог Луны Цукуёми (ему было определено царство ночи, и в японской мифологии он занимает скромное место). От воды, омывавшей нос Идзанаки, появился бог ветра и водных просторов Сусаноо.

Некоторые исследователи обращают внимание на то, что в японском мифе, в отличие от европейских, острый конфликт между двумя богами не приводит к трагическим последствиям или вечной вражде, а завершается компромиссом.

Аматэрасу

Популярности этой богини способствовали два обстоятельства: развитие и успехи земледелия (основа едва ли не всех солярных, солнечных культов) и то, что она считается основательницей и покровительницей императорского рода.

Она появилась первой из трех последних богов, возникших при обряде очищения Идзанаки, побывавшего в царстве мертвых. Солнечной богиней стали сверкающие капли воды, которой он омыл свой левый глаз. Ей было предоставлено для владения все верхнее небо. Появившийся затем бог Луны, недовольный таким решением, попытался захватить владения богини, но был побежден.

Аматэрасу вступает в брак со своим младшим братом, богом бури, ветра и воды Сусаноо. Совершается довольно странный обряд: Аматэрасу разгрызает его меч с десятью рукоятями, из кусочков которого появляются богини, а Сусаноо разжевывает ее чудесное ожерелье, производя на свет богов.

Однако эта божественная идиллия длится недолго. Сусаноо, обиженный более высоким положением сестры-супруги, глубоко оскорбляет ее. Он совершает действия, считавшиеся в Древней Японии тяжкими грехами: затаптывает межи на рисовых полях, засыпает оросительные каналы, оскверняет испражнениями праздничные покои, бросает шкуру, содранную с живой лошади в помещение, где богиня вместе с небесными ткачихами изготавливает ритуальную одежду.

Судя по безобразиям Сусаноо, Аматэрасу покровительствовала земледелию и храмовым праздникам. Оскорбленная, она удаляется в пещеру, и верхний мир погружается во тьму (в этом эпизоде усматривается намек на солнечное затмение; хотя при нем, конечно же, наступают легкие сумерки, а вовсе не крошечная тьма).

Чтобы выманить ее из укрытия, небесный кузнец Амацумара вместе с богиней Исикоридомэ («Литейщицей») изготавливают священное зеркало; на ветви мирового дерева вешают чудесное ожерелье из резных яшм. Приносят петухов, возвещающих о том, что началось утро, а богиня Амэно удзуме, распустив завязки своей одежды, начинает отплясывать на перевернутом чане танец, как одержимая, вызывая хохот богов.

Заинтригованная смехом, Аматэрасу выглядывает из пещеры, и ее вытягивает на небосвод самый сильный из богов.

И в этом случае конфликт между богиней Солнца и богом бури завершается в конце концов компромиссом, а не чьей-то победой или вечной враждой.

Согласно одной версии, Аматэрасу вручила своему сыну Ниниге рисовый колос со священного поля богов, для того чтобы передать этот дар на землю людям. По другой версии, Ниниге получает от матери священное зеркало, чудесные резные бусы и меч, который ей подарил Сусаноо. Эти предметы стали атрибутами императорской власти.

Сусаноо

Его еще называют доблестным, яростным, быстрым богом из Суса. Как мы уже отмечали, он был последним из божеств, появившимся из капель воды, которыми первый на свете бог-мужчина Идзанаки омыл свой нос после того, как побывал в царстве мертвых в тщетной надежде вернуть к жизни свою супругу.

Сусаноо была отведена во владение равнина моря. Огорченный тем, что самое лучшее – небо и Солнце – получила его старшая сестра Аматаэрасу, он плакал так долго, что у него за это время отросла борода до пояса. При этом иссыкали моря и реки, высыхали деревья.

Он изъявляет желание посетить свою мать в царстве мертвых, за что отец (Идзанаки) изгоняет его из верхнего неба. Тогда он отправляется к Аматаэрасу. Напуганная его громкой поступью, Аматаэрасу готовится к сражению, но его намерения самые мирные: он предлагает ей жениться. Она соглашается. Они производят на свет детей оригинальным способом: она ломает и разгрызает его меч, из обломков которого рождаются юные богини, а он раскусывает ее яшмовое ожерелье, из кусков которого рождаются мальчики-боги.

По не вполне понятным причинам – то ли сильно охмелев, то ли от огорчения из-за полученного «небольшого» наследства, то ли от того и другого вместе – он наносит сестре ужасное оскорбление: вытаптывает межи на ее небесных рисовых полях, засыпает землей канавы, испражняется в ее праздничных покоях, а напоследок сдирает с живой лошади шкуру и бросает ее в комнату Аматаэрасу. Такие поступки считались в Древней Японии преступными.

Изгнанный на землю, он, то ли протрезвев, то ли раскаявшись, совершает добрые дела. Его путь лежит в страну Идзумо к реке Хири. Пройдя вверх по течению, он встречает горько плачущих старика, старуху и их молодую дочь. Оказывается, Ямато-поороти («змей-страшилище восьмихвостый-восьмиголовый») съел семь дочерей этой пожилой четы и готов прийти за последней, самой младшей и красивой. Сусаноо просит выдать за него эту девушку и, получив согласие, разрабатывает хитрый план. Ее родителям он предлагает восемь раз очистить сакэ, рисовую водку (нетрудно догадаться, что число 8 магическое, а если столько раз перегонять самогон, он превращается в спирт).

По указанию бога возводится ограда, в ней восемь ворот, а у каждого из них ставится бочка спирта. Теперь ловушка готова. Явившийся за девушкой змей проникает в ограду, просовывает головы в ворота и радостно лакает из бочек. Мертвецки пьяный, он засыпает. Сусаноо легко разрубает змея на куски (река Хии обагрется кровью), а в хвосте чудовища обнаруживает чудесный булатный меч, который в качестве подарка и в знак примирения посылает богине Аматаэрасу (этот или, скажем так, подобный меч является атрибутом японских императоров).

Женившись на спасенной девушке, бог строит брачные покои и слагает первую песню из пяти строк (танака). Среди его ближайших потомков – бог О-кунинуси («Земное божество»; в провинции Идзумо его почитают как главное божество). Он добр и справедлив, но завистливые старшие братья убивают его то раскаленным камнем, то в расщепленном дереве. Однако боги вновь и вновь возвращают его к жизни (еще один вариант мифа о погибающем и воскресающем боге). Повстречав дочь своего отца, Сусаноо обменивается с ней пылкими взглядами, после чего

они желают вступить в брак. (Хотя О-кунинуси потомок этого бога в шестом поколении, а она – во втором, это обстоятельство в мифическом времени не имеет значения.) После ряда тяжелых испытаний О-кунинуси добивается желаемого, основывает правящую династию и становится культурным героем, обучая людей обустраивать окружающий мир и свой быт. Несмотря на успешное правление, по велению богов его сменяет потомок Аматаэрасу Ниниги – основатель новой императорской династии.

Возможно, истории о земных деяниях Сусаноо и его потомков образуют сравнительно поздний мифологический цикл, а поначалу это был бог бури, ветра и водной стихии. Противоречивые его черты (то – губитель полей, ирригационных сооружений, осквернитель храмов, то – культурный герой) объясняются скорее всего тем, что ветер и вода хотя и приносят порой несчастья, но от них в конечном счете зависит плодородие полей. Не случайно в некоторых мифах Сусаноо выступает как божество плодородия.

По мнению исследователей, в образе Сусаноо объединяются, по-видимому, черты разных богов. И это не удивительно: в Японии сохраняется как поклонение объектам и явлениям природы, так и культ предков, и прежде всего относящихся к правящим или правившим династиям, а вдобавок еще и преклонение перед культурными героями. Все это помогает людям использовать дремлющие в природе силы плодородия и в то же время сохранять поэтическое отношение к окружающему миру.

Америка (Майя, Инки, Ацтеки)

Восемь-десять тысячелетий назад, по окончании последнего оледенения, жители Нового Света, выходцы с Дальнего Востока и Восточной Сибири, оказались в изоляции. Редкие и случайные контакты с представителями Старого Света не могли оказать заметного влияния на их духовную и материальную культуру, вплоть до вторжения испанцев в XVI веке. Тем не менее и на этом континенте цивилизация развивалась примерно так же, как и в других частях света. Люди изобретали и осваивали новые виды хозяйственной деятельности, создавали города, воздвигали пирамиды и храмы, поклонялись богам. Так проявилось антропологическое и духовное единство представителей рода человеческого.

В некоторых своих чертах культура племен и народов Нового Света оказалась похожей на культуру Древнего Китая, Японии. И это понятно: исходный «человеческий материал» был примерно один и тот же – представители желтой расы, кроманьонские охотники, приверженцы шаманизма и тотемизма. Различия в ходе развития цивилизации и верованиях объясняются главным образом индивидуальными особенностями природной среды.

К сожалению, прямых документальных свидетельств о религиозных воззрениях и богах древних цивилизаций Америки очень мало. Обобщил эти сведения во второй половине XX века испанский ученый Мигель Леон-Портилья в статье «Мифология Древней Мексики» и книге «Философия нагуа» (ряд племен Центральной Америки, в том числе ацтеки, говорили на языке нагуатл, и поэтому их культуру называют нагуанской).

Наиболее развитые культуры Нового Света формировались в четырех относительно обособленных районах: Мексика (ацтеки), полуостров Юкатан и Гватемала (майя), округ Богота, Колумбия (чибча) и Перу (инки). Здесь начали складываться государственные системы, произошло социальное расслоение общества, достигли высокого уровня изобразительное искусство, ремесла, строительное дело, агрикультура, астрономические знания. Однако письменность не получила широкого распространения из-за сложности первоначальных иероглифосимволических знаков, которые в дальнейшем не упростились. Поэтому, несмотря на то что мифов о божествах бытовало, по-видимому, много, до нас дошли лишь отголоски преданий старины, нередко отражающие и

более поздние христианские образы и идеи.

Среди богов были покровители отдельных видов хозяйственной деятельности, а также олицетворяющие природные стихии. Так, у древних мексиканцев богом кукурузы был Синтеотль, который считался покровителем земледельцев и золотых дел мастеров, а изображался юношей с палкой-копалкой или початками в руках. Богом огня – Тонатиу – был тоже юноша, которому приносили человеческие жертвы.

Одним из особо почитаемых богов был Кецалькоатль, соединявший в своем облике птицу и змею. Подобные совмещения отдельных частей разных животных и людей очень характерны для мифологических героев как Нового Света, так и Китая. Но племена наиболее цивилизованные, обитавшие в Америке, приносили человеческие жертвы, а то и практиковали ритуальный каннибализм. Храмы их были поистине залиты кровью людей. Например, женщинам отсекали головы в осенние праздники, посвященные богине-Матери. Детей убивали в честь бога дождя и плодородия Тлалока. Их покупали у родителей. Слезы жертвы означали, что пойдут дожди, а если засуха продолжалась, убивали еще одного ребенка. Мужчин убивали особенно часто. Не только обреченных жертв, но и сами себя ацтеки истязали ради своих богов, нанося себе различные раны (жрецы обычно протыкали колючками свои языки). Капли и струйки крови «подпитывали» богов, а люди становились «одной крови» с богами. Надо еще отметить, что из детей своего племени ацтеки жертвовали худшими, а из плененных врагов – лучшими.

Постоянно наблюдая убийства и смерть, ацтеки исповедовали культ жизни. Отношение к неизбежной смерти было у них философским, по принципу «двум смертям не бывать, а одной не миновать». В нагуанской поэме о человеке сказано:

Даже если бы он был из яшмы, даже из золота,
тоже попал бы туда, где находятся лишённые плоти,
также попал бы в область тайны: все погибнем, никто не
останется.

Однако не исключено, что подобные воззрения возникли сравнительно поздно, на исходе цивилизации ацтеков. Их предшественники ольмеки создали свою культуру около трех тысячелетий назад, но об их божествах остается только догадываться. В преданиях ацтеков об исторических периодах, завершающихся катастрофами, возможно, отражены тяжелые

кризисы смен цивилизаций в долине Мехико.

Великая империя инков распространяла свое влияние на западную и северную части Южной Америки. Но, к сожалению, о религиозных воззрениях и богах инков известно очень мало. Из них великими можно считать Держателя Вселенной (Пачакамака) и Мать-Землю (Пачамаму). Кстати, процветанию инков немало способствовала их жизненная заповедь: «Не укради, не лги, не ленись».

Впрочем, хороших заповедей немало у всех народов, но вот жить по ним удастся далеко не всем людям. Инки в этом отношении являются едва ли не исключением из общего правила. Как свидетельствовал конкистадор Мансио Сьерра Лехесема: «Инки управляют таким образом, благодаря которому среди индейцев не найти ни одного грабителя, ни одного обремененного пороками человека, ни одного лентяя, ни одной порочной, склонной к прелюбодеянию женщины». По его словам: «Подданные этой страны беспрекословно повиновались инкам и считали их очень умными и способными людьми, большими знатоками искусства управления государством».

Казалось бы, столь высокий нравственный уровень поддерживался главным образом религиозными верованиями, почитанием гуманных высоконравственных богов. Однако о таких богах сведений нет. Дело обстоит проще. Не полагаясь на высшие силы, правители инки учредили государственный жесткий контроль за поведением граждан. Так, специальный инспектор следил за соблюдением чистоты в доме и опрятности; нарушителей – хозяйку и хозяина дома – строго наказывали.

В обществе сохранялись древние культы: тотемических животных, растений, камней. Особо почитались духи предков и отдельные природные образования: скалы, ущелья, пещеры, родники. Их считали священными (уака).

Создание великой империи началось сравнительно поздно, после X века, несмотря на то что отдельные очаги цивилизации металла появились здесь еще во II тысячелетии до н. э. Природные условия – преобладание горного рельефа – препятствовали объединению отдельных племен, княжеств. По этой причине не складывался и культ великих богов. (Показательный пример единства природных условий, культурного развития, общественной организации и религиозных воззрений.)

С XV века империя инков расширялась особенно быстро. Стали оформляться образы единых богов. Женским божеством кукурузы являлась Сарамама. Как божество моря-океана почиталась Кочемама. Птичий тотем Инти превратился в триединое солнечное божество, подчеркивающее

родственные связи правящей династии: повелитель или господин Апуинти, сын Чури-инти и брат-солнце Уаки-инти. А бывший священный тотем – птица – теперь почитался уже как вестник Солнца.

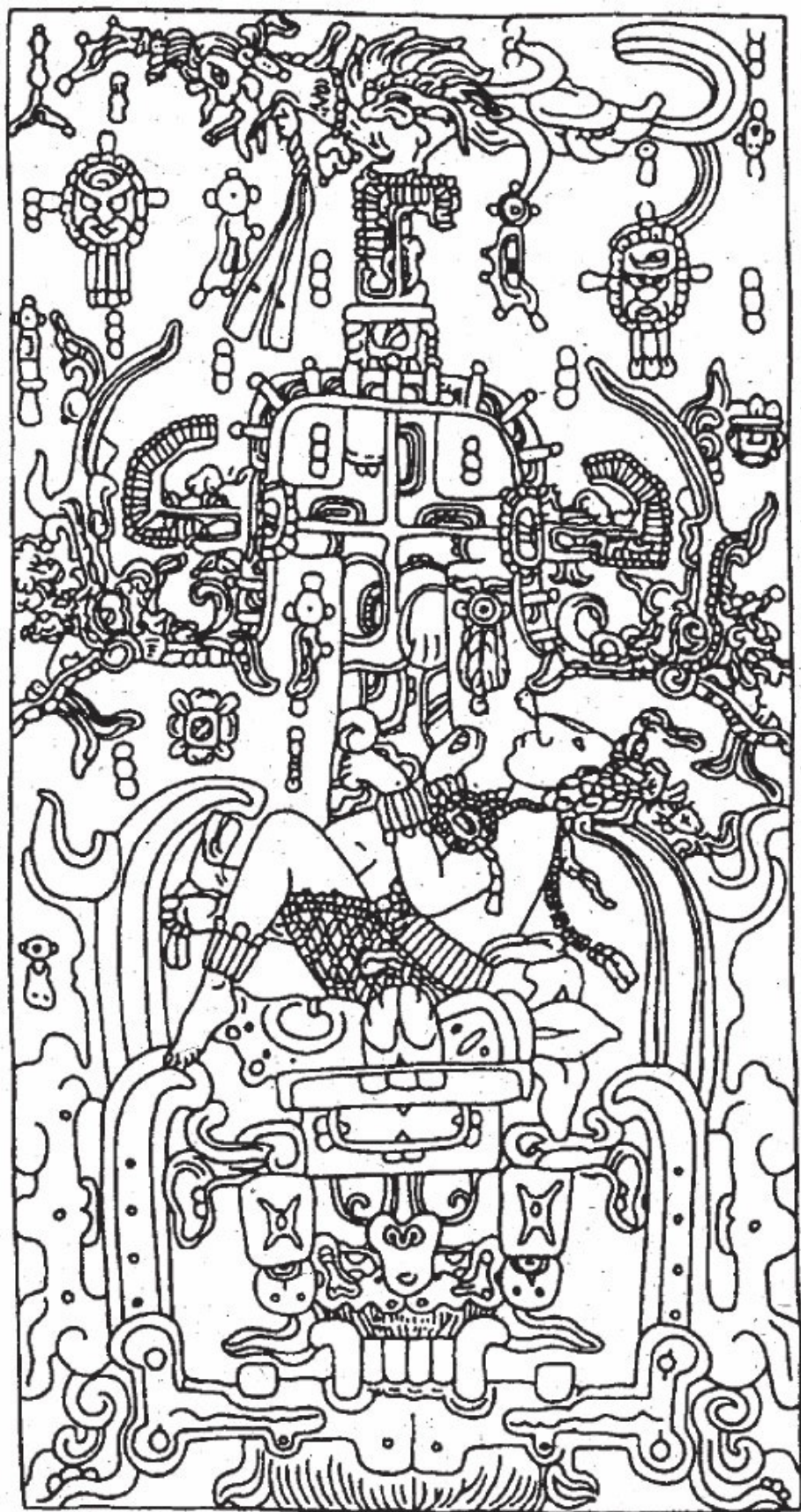
В мифах народа кечуа священным предком, основателем династии инков, считался Манко Капак. Со временем он приобрел черты культурного героя, посланного на землю отцом-Солнцем и научившего людей ремеслу, ткачеству, орошению полей. С основанием империи верховный инка почитался как сын Солнца.

В период завоевания империи инков конкистадорами и насаждения христианства приобрел новое звучание старый миф о великом демиурге Инкарри (инке-царе), сыне Солнца и дикой женщины, создавшем все, что есть на земле (в данном случае, как обычно бывает, сотворение мира представлено как осознание, осмысление и преобразование окружающей среды человеком). Для завершения творения он запер ветер в пещере и привязал Солнце к вершине холма (по мнению мифологов, так проявилась вера в магическую силу древних обсерваторий, находившихся на вершинах искусственных холмов-пирамид). Бог позволил испанскому королю отрубить Инкарри голову. Но она вновь соединится с телом в конце света, когда Инкарри сотворит страшный суд (как видим – явная аналогия с мифом о Христе-Спасителе).

Пачакамак

Так называли верховного бога индейцы побережья Перу (имя его означает «Держатель Вселенной»). О сотворении всего материального мира представители империи инков и их предки предпочитали умалчивать. Это – мудрая позиция: не пытаться выдумывать то, о чем не имеешь никакого представления. По-видимому, они считали, что Вселенная существует извечно.

Пачакамака чтили как сына Солнца, ставшего первым повелителем Вселенной. У него появился соперник, когда первая дикая женщина (происхождение ее туманно) родила от Солнца младенца. Пачакамак разорвал его на части, разбросав их повсюду. Из этих частей произошли съедобные растения.

Бог-Солнце по одной из частиц сына воскресил его, назвав Вичамой. Младенец вырос и стал могучим юношей, с которым не мог бы справиться и сам Пачакамак. Однажды, когда Вичама ушел бродить по свету, Пачакамак убил его мать, а сам взял в жены Пачамаму («Мать-Землю»). Она стала прародительницей рода человеческого.

Индийцы почитали Пачамаму не только как прародительницу, но и как божество Земли. Ее каменные символы-идолы стояли на границах полей. Во время пахоты в честь ее совершались возлияния кукурузным пивом (чичей), а идолы посыпались кукурузной мукой, считая это залогом хорошего урожая. Следовательно, Пачамама была еще и богиней плодородия.

В результате распространения и укрепления империи инков культ Пачакамака стал отождествляться с культом единого бога-творца и прародителя людей Виракочи. Его еще называли более пространно: Илья-Кон-Тикси-Виракоча, соединив в этом имени Солнце, вулканический огонь, воду и землю.

Вероятно, культ Виракочи был поначалу распространен в регионе, включающем крупное озеро Титикака, ибо этот бог, согласно мифу, создал в этом озере Солнце, Луну и звезды. (Показательно, что само озеро и окружающее пространство существовали, следовательно, изначально; да и небесные тела могли появиться в озере лишь как отражения реальности.)

Один из вариантов космогонического мифа повествует о том, что Виракоча сначала сделал из камня человеческие фигуры, а затем по этим образцам – и живых людей. Заселив землю людьми, он уплыл на запад.

По другой версии, людей создал Пачакамак. Но когда вернулся из странствий Вичама, то он в отместку за смерть матери с помощью Солнца превратил этих первых людей в камни. Чтобы земля не оставалась безлюдной, Солнце послало на нее золотое, серебряное и медное яйца, из которых «вылупились» разные племена людей. (Судя по всему, такое изначальное разделение людей на касты соответствовало структуре первого классового общества, империи инков.)

Виракоча вполне мог быть реальным человеком, древним вождем, которого стали почитать как божественного предка. Не исключено, что он был искусным мореплавателем. То, что он отплыл на запад, стало одним из оснований гипотезы Тура Хейердала, знаменитого норвежского путешественника, о заселении островов Тихого океана выходцами из Южной Америки. Для демонстрации того, что такое переселение возможно, он с пятью спутниками предпринял плавание от берегов Перу на

плоту Кон-Тики на запад. За четыре месяца плот вынесло к островам Туамоту. Хотя такой путь в 8 тысяч километров есть смысл проделывать, уже заранее зная о существовании юго-восточного пассата и направление океанических течений.

Кецалькоатль

Переводят имя этого бога по-разному: «Пернатый змей», «Змей, покрытый зелеными перьями», «Птицезмей». Он был одним из наиболее почитаемых богов майя и вообще у ряда племен Центральной Америки. Более того, судя по обрядам и поверьям ряда североамериканских племен, этот тотем был очень популярен.

Возможно, почитание птицы кетцаль возникло по причинам эстетическим – ведь у нее самое красивое оперение из всех пернатых Нового Света. Слово «коатль» двусложное: «ко» означает змею, «атль» – воду. Так что в материальном выражении образ действительно предстает как «извивающаяся змея, покрытая зелеными перьями птицы кетцаль». Однако аллегорически это должно соответствовать единству воздуха, земли и воды.

По-видимому, первоначально в результате объединения двух племен возникло представление об их объединенном тотеме – птицезмее, так как одни почитали кетцалья, а другие – змею. Это могло произойти в середине I тысячелетия до н. э. (так датируются первые изображения Кецалькоатля). Затем мифологический образ усложнялся, приобретая новые имена и значения: Экатль (бог ветра), Шолотль (божество близнецов и чудовищ), Тлауискальпантекутли (божество Утренней звезды, Венеры)...

В дальнейшем образ бога еще более усложнился, так как его имя принял один из наиболее почитаемых верховных жрецов могущественного племени тольтеков (было это, предположительно, в IX в.). Считается, что жрец Кецалькоатль был незаурядным мыслителем и постарался создать более или менее завершенную религиозную систему. Самое замечательное, что в этом случае проявилась закономерность, характерная для эволюции религиозных воззрений разных народов: переход от многобожия к признанию единого всевышнего Бога. Более того, от реальных жертв, в том числе человеческих, предполагалось перейти к жертвам символическим.

В древнем тольтекском гимне говорилось:

У них был лишь один бог,
и они считали его единственным,
они зывали к нему,
они молили его;
его имя было Кецалькоатль.
Верховный хранитель их бога,
его жрец —
его имя тоже было Кецалькоатль...
Он говорил им, он проповедовал им:

«Один этот бог,
его имя – Кецалькоатль.
Ничего не требует он,
кроме змей, кроме бабочек,
чтобы ты приносил ему,
чтобы ты жертвовал ему».

Это уже был переход от бездумной веры, основанной только на традициях и суевериях, к философии религии. Принимая имя бога, верховный жрец становился его воплощением на земле, представителем абсолютной власти. Пользуясь этим, он отменил ритуальные человеческие жертвоприношения.

В период правления этого верховного духовного и светского владыки тольтеки процветали, богатства их приумножались, росли их города, храмы. Согласно легенде, так продолжалось до тех пор, пока жрец Кецалькоатль не стал старым и немощным. К нему явились колдуны, требуя возродить ритуальные жертвы людей. Он отказался. Тогда колдуны обратили свои злые чары на его подданных. Тольтеки начали болеть и умирать. А верховному жрецу они дали выпить дурманящее зелье, от которого он стал совершать глупые и грешные поступки.

Через какое-то время, протрезвев, жрец в глубокой печали отправился на восток, дошел до моря и... По одной версии, он отправился навстречу Солнцу, по другой – бросился в огромный костер и вознесся на небо. Однако в народе сохранилась вера в то, что он остается живым и еще вернется, чтобы принести добро, процветание и справедливость.

Когда с востока в страну ацтеков приплыли суда конкистадоров, то жители, сохранившие древнюю веру, сочли это возвращением Кецалькоатля. Но, по страшной иронии судьбы, империю ацтеков ждало разорение и разрушение, а ее жителям довелось испытать болезни, массовые убийства, вымирание, упадок культуры.

Легенды об уходе жреца Кецалькоатля создавались через немалый срок после его правления, так что в них он представлен как культурный герой, научивший тольтеков разнообразным ремеслам и искусствам, ведению сельского хозяйства. Страна при нем процветала, и продукты питания покупались за бесценок. По-видимому, существовала своеобразная династия верховных жрецов, называвших себя именем бога Кецалькоатля. Можно предположить, что тогда пленных не убивали, а превращали в рабов и использовали на общественных работах. Это содействовало процветанию

общества и установлению более гуманных нравов. Интенсификация сельского хозяйства позволила получать хорошие урожаи, чему способствовал разработанный жрецами агрономический календарь.

Что произошло далее? Несмотря на все это, на рационально организованное сельское хозяйство со своеобразной системой мелиорации, империя майя-тольтеков пришла в упадок еще до вторжения конкистадоров, которые лишь резко ускорили ее гибель. Почему же началось вымирание населения, а культура пришла в упадок?

Судя по всему, причины были экологические, демографические и духовно-нравственные. Процветание способствовало ускоренному росту населения, особенно в городах. Однако плодородие земельных угодий уменьшалось (удобрения не применялись, рациональный севооборот тоже). Скученность населения вызывала волны эпидемий, а в отдельные неурожайные годы, при недостатке или избытке дождей, население испытывало голод, а также недостаток животного белка.

Тут-то и вспомнили жрецы-ретрограды (а такие люди есть везде и всегда) о ритуальных человеческих жертвоприношениях, а также о наркотических препаратах, которые прежде использовались при богослужениях. Так осуществился возврат к прежним воззрениям. Наиболее просвещенные жрецы – последователи реформатора Кецалькоатля – были изгнаны. Начался общий упадок нравственности и культуры.

Изгнание или убийство просвещенных жрецов вызвало дополнительный фактор деградации – утрату знаний, которые передавались в этой касте из поколения в поколение. Широкое использование наркотических препаратов и вовсе дезорганизовало экономику страны, в основе которой было строгое соблюдение агрономических мероприятий в связи с календарными датами и периодическими природными явлениями. Однако падение интеллектуального потенциала общества вызвало дезорганизацию сельского хозяйства. Неурожаи стали хроническими, начались междоусобицы, а население стало быстро деградировать и вымирать.

Когда конкистадоры, уже после разгрома империи инков, открыли полуостров Юкатан, они увидели только руины былых величественных пирамид, полуразрушенные храмы, окровавленные жертвенники, на которых убивали людей, и полудикие племена, не брезговавшие каннибализмом.

Ометеотль

Это – один из наиболее великих, древних и загадочных богов нагуа. В гимне, посвященном ему, сказано:

Мать богов, отец богов, старый бог,
распростертый в центре земли,
заключенный в бирюзовую темницу.
Тот, который находится в водах цвета голубой птицы,
тот, который скрыт облаками.
Старый бог, который живет среди теней из мира мертвых,
Господин огня и года.

Здесь подчеркивается двойственность, дуальность Ометеотля: он и мать, и отец богов. В то же время он присутствует не только в центре земли (читай – Вселенной?), но и в воде, воздухе, в царстве мертвых, а также повелевает огнем и временем.

В другом тексте содержится намек на то, что идеи разрабатывал, по-видимому, жрец Кецалькоатль:

И рассказывают, и говорят,
что Кецалькоатль, взывая, делал своим богом
нечто в глубине неба.
К той, у которой юбка из звезд, к тому,
кто заставляет светиться вещи.
Госпожа нашей плоти, Господин нашей плоти;
та, которая одета в черное, тот, который одет в красное;
та, которая поддерживает землю, тот,
который покрывает ее хлопком.
И туда обращал он свои призывы, как было известно,
по направлению к месту дуальности, месту
девяти перекладин, из которых состоит небо...

Двойственная основа мира, соединение в верховном боге и женского, и мужского начала, позволяет предполагать дальнейшее порождение новых сущностей, новых богов. Правда, двойственность мира предстает более

поэтической, чем натуралистической, ибо Госпожа плоти связывается с ночью, звездным небосводом, подземельем, а Господин плоти – с днем, солнечным светом, растительностью и плодородием полей.

В данном тексте говорится о девяти небесах, но чаще всего их насчитывали тринадцать. Согласно верованиям ацтеков, на тринадцатом небе находится владыка мира Ометекутли. Однако в этих более поздних представлениях философские идеи жреца Кецалькоатля выхолощены и упрощены. У ацтеков главным воплощением Ометекутли был Тонакасиуатли («Владыка нашего существования»), имевший жену Тонакасиуатль, которые являлись и творцами мира, и первопредками людей.

Надо заметить, что до нас дошли только сравнительно поздние предания, в которых верховный жрец Кецалькоатль предстает мифическим персонажем, а на его представления о мире и человеке накладываются более поздние взгляды, нередко опровергающие его идеи. Восстановить

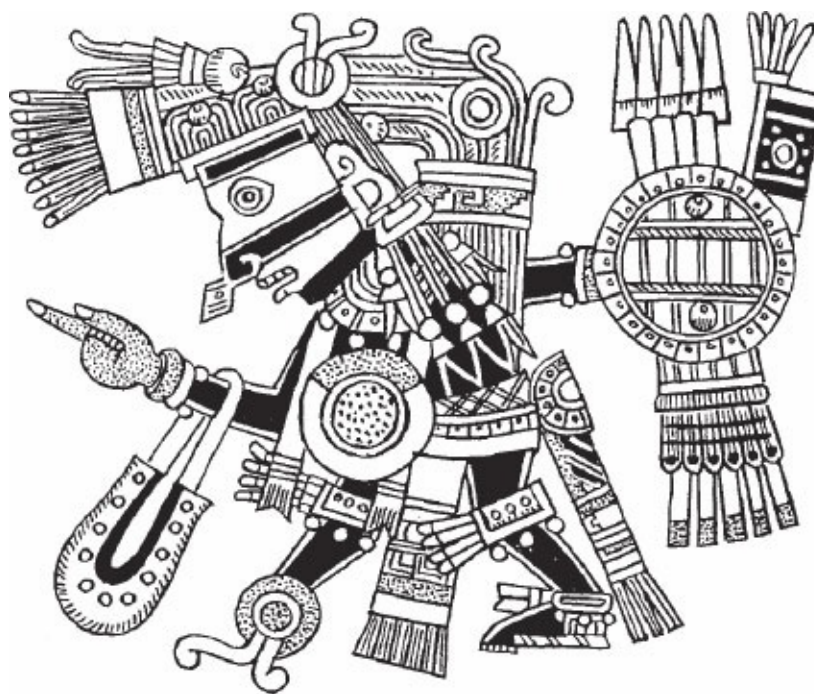
истину в таких условиях чрезвычайно трудно, и это – дело специалистов.

Тескатлипока

Под этим именем (в переводе – «Дымящееся зеркало») выступают в некоторых случаях первые четыре божества, порожденные Верховным владыкой, а в других – одно из этих божеств. Можно предположить (соединяя обе версии), что если три Тескатлипоки имели дополнительные имена – Кецалькоатль, Уицилопочтли, Шипе-Тотека, – то один из них так и остался под общим именем.

Суть этих четырех богов тоже понималась по-разному в различных преданиях. Они олицетворяли четыре цвета (белый, черный, красный и синий), четыре природные стихии или элемента природы, четыре стороны света, а также четыре эпохи мироздания.

Сначала они трудились совместно, наводя порядок в мире. Согласно пересказу М. Леона-Портильи, один из братьев, пожелавший возвыситься, превратился в Солнце и сотворил из пепла первых земных существ, которые питались только желудями. Остальные братья были возмущены таким поступком, но их успокоил Кецалькоатль (олицетворение мудрости). На землю был ниспослан потоп, все было смыто водой, а первые существа превратились в рыб. Так завершился первый век.

Во второй период на земле появились чудовищные создания, которые

вместо приветствия говорили: «Не падай, ибо тот, кто падает, падает навсегда». Но в конце этого века небесные чудища обрушились на земных, и все они погибли. Существа третьего века были уничтожены огненным дождем. Их сменили обезьянолюди, но и их мир был уничтожен – на этот раз шквальным ветром, бурей.

В дальнейшем четыре Тескатлипоки решили заключить мир между собой и совместными усилиями создали новую землю, новое небо, новых существ. Но не было еще ни света, ни тепла. Пылал божественный очаг, и кому-то из братьев следовало броситься в него, вспыхнуть и вознестись на небо в виде Солнца.

Первым попытался вознестись черный Тескатлипока, самый дерзкий. Он четыре раза пытался броситься в огонь, но всякий раз отступал с испугом. А скромный Шипе-Тотек – красный Тескатлипока – без колебаний прыгнул в пламя и вознесся на небо в виде Солнца. После него набрался храбрости и черный брат, но было уже поздно, и он обратился в Луну, которой дано светить лишь ночью.

Благодаря мудрости Кецалькоатля, который сошел в мир мертвых и собрал кости мужчины и женщины, а затем окропил их своей жертвенной кровью, появились первые люди. Он же, обернувшись черным муравьем, достал зерно кукурузы, благодаря которой люди могли питаться, расти и набираться сил.

Наряду с такими обобщающими мифами, существовали другие, посвященные каждому из Тескатлипоков. Об одном из них – Кецалькоатле – мы уже говорили. Другой, Шипе-тотек, был связан с весенним обновлением природы, праздником урожая и дурманящим напитком октли. На торжествах жрецы облачались в кожи, содранные с принесенных в жертву людей. Этому бога считали покровителем золотых дел мастеров.

Третий брат – Уицилопочтли – был олицетворением голубого ясного неба, порой выступая и как солнечное божество. Но его имя указывает на более древнее тотемическое происхождение: в переводе – Колибри-левша. Он был верховным богом некоторых племен, мифическим предком-покровителем (об этом свидетельствует и его имя-прозвище: ведь левши бывают у людей, а не у птиц).

В честь этого бога дважды в год ацтеки устраивали празднества, на которых приносили человеческие жертвы и после религиозных церемоний съедали огромное изображение Уицилопочтли, изготовленное из теста с мёдом (совершались и ритуальные обряды людоедства).

Черный Тескатлипока был богом ночи, звездного неба, севера, а также покровителем разбойников, воинов, жрецов. По сути своей он оставался

двойственным, приносящим как горе, так и благо, своевольным («тот, кто распоряжается по своему усмотрению»), деятельным.

Предполагается, что первоначально он был божеством подземной стихии, вулканов и землетрясений, а также вулканического стекла (обсидиана), из которого изготавливались орудия труда и, главное, ритуальные ножи для заклания жертв, разрезания груди, после чего жрец, вынимая кровоточащее, пульсирующее сердце, подносил его к своим губам и показывал Солнцу. Такие жертвоприношения совершались ежегодно. Олицетворением бога становился наиболее совершенный, красивый юноша, который в течение года считался божеством, а все его пожелания исполнялись.

Особое почтение, которое оказывали наиболее гневливому и жестокому из четырех божественных братьев, проще всего объяснить обычным для многих племен опасением, что он-то и способен причинить много зла. Поэтому его следует ублажать, умиловить, расположить в свою пользу.

Подчеркнем, что олицетворение Тескатлипоков в виде четырех «первоэлементов», стихий – земли, воды, воздуха и огня – соответствует представлениям древних греков, индийцев и средневековых мыслителей Европы о структуре мироздания.

Ицамна

Судя по имени этого божества («Дом игуаны»), оно перешло в мифологию майя из более древних эпох, когда поклонялись тотемным животным. С тех пор сохранился символ этого божества – кайман или игуана.

В более позднее время эти животные стали символами четырех опор мироздания: головы рептилий, соединяясь внизу головами, составляли землю, а их поднятые вверх тела и соединенные в виде купола хвосты – небосвод. По другой версии, Ицамна – это олицетворение мироздания: земля – это голова, а небо – тело божества.

Около 3–3,5 тысячелетий назад образ Ицамны изображался порой примерно так, как изображались китайские драконы: рептилия с крыльями птицы, зубастой пастью и когтями ягуара. Это был один из наиболее чтимых богов. В человеческом облике он выступал в образе беззубого старика. Возможно, тем самым подчеркивалась древность этого бога.

Со временем Ицамна утрачивал архаичные черты, приобретал новые качества. Это было связано в значительной степени с переходом к новым типам производящего хозяйства, классовой организации общества. Теперь он стал «заведовать» земными стихиями: вулканическими извержениями и землетрясениями, дождями и росами, солнечным теплом, произрастанием растительности.

В некоторой степени Ицамна стал абстрактным божеством,

олицетворяя собой полезные или вредные дожди, почвенное плодородие, сотворение мира и даже изобретение письменности, основание жречества. Он считался покровителем ряда городов-государств майя.

Тлалок

Так называли ацтеки бога небесных стихий, дождя, грома и молнии, который одновременно повелевал всеми съедобными растениями (его имя означает: «Заставляющий расти», «Взрачивающий»). У майя аналогом этого божества был Чак («Топор»).

Может показаться странной связь топора с молнией, дождем и произрастанием полезных растений. Однако такая связь существует: подсечно-огневое земледелие предполагает вырубку или подрубку леса топором, сжигание срубленных деревьев, устройство возделанного поля и животворные дожди, способствующие богатому урожаю.

Помимо одного небесного Чака, который преимущественно «заведовал» дождями (в своем небесном доме он держал один или четыре тыквенных сосуда с водой), существовали многочисленные Чаки, обитавшие в пещерах, лесах, болотах, озерах.

То же самое относится и к Тлалоку. Помимо главного небесного божества предполагалось множество других – мелких, местных. Обиталищем Тлалока считались горные вершины и небо над Мексиканским заливом – то пространство, где рождаются облака. В четырех углах его жилища находятся огромные кувшины, в которых он держит благодатные дожди, губительные ливни, засуху и болезни растений.

В общем, это был добрый бог, но временами его характер портился или он гневался на людей, и тогда опрокидывал кувшины, приносящие бедствия (его символом нередко был кувшин). Возможно, в глубокой древности он был божественным змеем, тотемным животным. С той поры сохранился один из его атрибутов – змееподобный посох, усеянный зубами, превратившийся в символ молнии. В его небесные владения попадали души убитых молнией, а также утопленники, прокаженные и подагрики (считалось, что он ответственен за эти болезни). Попавшим к нему в Тлалокан можно было позавидовать: их ожидало изобилие пищи и цветов.

Возможно, одной из главных резиденций этого бога считалась гора близ города Теночтитлана, носившая его имя. Там была воздвигнута большая статуя Тлалока с углублением в голове, куда в процессе ритуальных церемоний складывали семена всех съедобных растений.

Тласольтеотль

У этой богини довольно странное имя и не очень благородная суть: «Пожирательница нечистот». Однако она считается одним из наиболее древних божеств Центральной Америки. В мифах ацтеков она выступает в разных ипостасях: богиня земли и плодородия, греховности и покаяния, владычица ночи, прародительница...

Однако ее происхождение принято связывать с древнейшей так называемой «Богиней с косами», покровительницей съедобных улиток и водных растений. Почему эта высокочтимая богиня превратилась в пожирательницу нечистот, а в таком неприглядном облике все-таки удостоивалась поклонения? Ничего подобного вроде бы не встречается у других богов.

Объяснение можно предположить такое.

В древности севернее территории Мескики располагалась плодородная лесостепь, обильная животными. Около 2–2,5 тысячелетий назад здесь были истреблены почти все крупные млекопитающие, служившие главным предметом охоты. При сравнительно большой численности населения это привело к голоду и вымиранию отдельных племен. Тогда же, по-видимому, началось возделывание растений, однако велось оно примитивно и селекция сельскохозяйственных культур только еще началась. Основным видом питания стал «подножный корм»: сбор дикорастущих съедобных растений, улиток, а также насекомых. Это преимущественно женское занятие поддерживало существование племен в наиболее неблагоприятные периоды.

Тогда и могло (или даже должно было) зародиться почитание и обожествление «Женщины-собираательницы с косами».

С повышением уровня сельского хозяйства, развитием ирригации собирательство отошло на второй план, и соответствующая богиня стала «Пожирательницей нечистот». Однако поклонение ей сохранилось, хотя и на другой идеологической основе. Впрочем, и для земледельцев через несколько столетий настали непростые времена. Уничтожение лесных массивов и осушение болот привели, как это бывало во многих регионах планеты, к снижению уровня подземных вод и усилению поверхностного стока.

В результате этих изменений природы, вызванных деятельностью человека, сильные катастрофические разливы рек сменялись долгим

мелководьем и осушением почв. Люди стали во многом зависеть от характера дождей (вспомним культ Тлалока). Вновь пришлось вспомнить о богине-собирательнице, поедающей «нечистую» пищу.

Так изменения природной среды содействовали появлению и сохранению очень странного культа Тласольтеотль.

Экстремальные условия, во время которых приходилось уповать на милость этой богини, породили и ее суровый культ с человеческими жертвоприношениями. На празднестве в ее честь убивали девушку, из ее кожи изготавливали накидку, которую набрасывал на себя жрец, олицетворявший с этого момента богиню. Затем следовало ее символическое соединение с Уицилопочтли (Колибри-левшой), одним из четырех Тескатлипоков, который в этом ритуале выступал олицетворением Солнца. В результате праздновалось рождение бога молодого маиса (ритуал магии плодородия).

В годы засухи, чтобы вызвать животворный дождь, приносили в жертву богине мужчину. Его привязывали к столбу и метали в него дротики. Брызги и струйки крови символизировали дождь (симпатическая магия).

Вновь и вновь мы убеждаемся, что история богов неразрывно связана с изменениями в природе, обществе, типах хозяйства. Духовный и материальный мир людей всегда находится в единстве (чаще, к сожалению, дисгармоничном) с окружающей природной средой.

Центральная и Южная Африка

О наиболее великих и знаменитых богах Африки мы уже говорили, когда шла речь о египетской цивилизации. Сейчас нам предстоит познакомиться с богами тех африканских племен и народов, которые значительно отстали в социальном, техническом и культурном отношении от индустриально и культурно развитых стран мира.

Может показаться странным, что на одном и том же континенте в сравнительной близости находились и одна из самых первых и процветающих несколько тысячелетий цивилизация долины Нила, достигшая необычайных успехов в культурном развитии, и как бы обреченные на вечную отсталость разрозненные культуры племен, сравнительно недавно переступивших рубеж бронзового века, а то и неолита.

Чем объяснить такую катастрофическую разницу? Расовыми особенностями, природными условиями или какими-то иными причинами? Когда и почему началось сказываться преимущество одних народов (или обитателей одних регионов) перед другими? Можно ли говорить о каких-либо богах тропической Африки, которые почитались многими племенами (народами), или придется только сослаться на необычайную пестроту религиозных воззрений при огромном количестве богов, которым поклонялись сотни африканских родов и племен?

Самое интересное и удивительное, что семь-восемь тысячелетий назад в Африке действительно могла существовать передовая по тем временам цивилизация, охватывающая значительную часть континента, которую ныне занимает Сахара и прилегающие к ней районы – вплоть до зоны влажных тропических лесов. От нее сохранились только остатки стоянок времен древнего, среднего и нового каменного века, знаменитые наскальные рисунки Сахары, высохшие долины рек и впадины бывших озер и величайшая пустыня в мире.

Еще тогда, когда в долине Нила были непроходимые леса и болота, на территории Сахары располагались, как надежно выяснено палеогеографами и геологами, преимущественно саванны. Это были места, благоприятные для обитания и культурного развития местного населения: разнообразие ландшафтов, обилие рек и озер, отдельные лесные массивы и заболоченные территории, обилие самых разнообразных животных.

Наскальные рисунки Сахары запечатлели многих представителей

тогдашней фауны, охотничьи сцены, а в более позднее время – скотоводов со своими стадами, а затем колесниц и вновь примитивных – по одежде и вооружению – охотников. К сожалению, среди огромного разнообразия рисунков очень редки сцены, которые можно интерпретировать как мистические или религиозные. Это показательно. Судя по всему, люди тех далеких времен были преимущественно реалистами (что подтверждают и наскальные рисунки каменного века в Европе).

Если учесть, что в Африке не было встречено племен, не имеющих более или менее сложных религиозных представлений, то и во времена сахарской саванны, надо полагать, существовали у людей представления о богах. Однако изображать великих богов они или не желали, или боялись, или просто не могли по той простой причине, что боги эти были преимущественно абстрактными, во многом умозрительными. А вот более мелких духов, фантастических существ люди порой изображали. Это или мелкие рогатые фигурки, похожие на чертиков, или крупные массивные круглоголовые существа, похожие на людей, одетых в скафандры и с антеннами на головах (эти изображения содействовали утверждению современного мифа о прилете на Землю инопланетян). Возможно, это – люди в масках и ритуальных нарядах.

В общем, судя по этим памятникам далекого прошлого, люди не изображали образ Божий в виде человека. Это соответствует одной из характерных особенностей религиозных представлений африканцев: верховное божество для них было абстрактным или полуабстрактным понятием. Конкретными проявлениями высших сил были божества отдельных стихий, обожествленные предки или животные, духи-демоны, присутствующие повсюду и постоянно вмешивающиеся в дела людей.

Приводить конкретные примеры в нашем случае – занятие неблагодарное и утомительное, ибо пришлось бы перечислять десятки племен и народов, множество имен богов. Но все-таки некоторых богов упомянем (в скобках – названия племен).

Очень распространено божество Земли – чаще богиня: Бунси (банту), Кловеки (кробо), Одудва (йоруба), Пемба (бамбара) и др. В некоторых случаях бог Земли является одновременно и творцом. Божество воздуха Телико (бамбара) могло олицетворять дыхание, а божество огня и железа Огун (йоруба) – войну. Оригинален Масапару (бобовуле), олицетворяющий животворную подземную или колодезную воду.

Обожествление животных исследователи связывают с пережитками тотемизма, когда название животного было именем обожествленного предка, а затем стало духовным покровителем рода. Часто обожествлялись

змеи. В Дагомее небесный змей Дангбе отождествлялся с дождем и радугой. Хотя чаще плодородный дождь считался проявлением силы небесного быка: Джоука (шилук), Ниалит (динка), Нуна (баи), Хеко (каффа), который нередко выступал и как бог-творец. У догонов божественный змей Сиги считался и первопредком. У прибрежных племен на западе континента морскими божествами, покровителями рыболовства, считались Манийри, Манто, Нанзикра, выступавшие в образе морского животного ламантина...

Общим для народов Африки (в чем они, конечно, не оригинальны) является культ предков. Этот обычай с древнейших времен помогал людям сохранять стабильность общества, старинные заповеди, обряды, а также суеверия. Этот же обычай противостоял всяким новшествам, нововведениям, открытиям. Культ животных (часто насекомых, пауков) был свойственен племенам охотников и собирателей, тогда как земледельцы и скотоводы перешли к обожествлению природных стихий, Солнца, Земли, воды.

По свидетельству английского этнографа XIX века А. Эллиса, в Гане (прежде – Золотой Берег) «каждый поселок, деревня, округа имеют своих местных духов, или богов, повелителей рек и ручьев, холмов и долин, скал и лесов». Большинство таких духов считалось враждебным людям. Кроме того, распространен культ умерших вождей, правителей (или здравствующих, что накладывает на них обязанности порой поистине божественные, например, вызывать дождь), а также племенных богов и даже личных (фетишей), с которыми обращаются достаточно сурово, ожидая от них исполнения некоторых желаний, содействия в делах; а чтобы фетиш (обычно в виде деревянной фигурки) не забыл пожеланий, в него вколачивали гвозди.

Всевышний бог-творец

Несмотря на обилие племенных, родовых, семейных и личных божеств, разнообразных духов, почти повсеместно в Африке распространена идея верховного бога. В некоторых случаях ее утверждению способствовало распространение ислама, иудаизма, христианства, но чаще всего она не заёмная, а местная. Свидетельство и подтверждение этому – множество имен у этого бога, даваемых разными племенами: Адудва (бауле), Алуруа (ашанти), Амма (догон), Атана (тура), Веле-хакаба (вагусу), Вулу (мано), Вульбари (крачи), Гейи (бете), Гено или Дундари (фульбе), Дебвену (бобовуле), Ио (бамбара), Кулотиоло (сенуфо), Леза (ила, мамба), Калунга, Мулунгу.

В большинстве случаев этот всевышний, сотворивший мир, не удостоивается культа, молений, восхвалений. Считается, что он слишком велик и далек от насущных нужд людей. Разумнее обращаться с просьбами к более близким и активным божествам.

Чаще всего об этом великом боге предпочитают не рассуждать, «мудрствуя лукаво», ибо речь идет о том, что несравненно превышает способности человека. Иногда даже его не считают творцом, потому что о

начале мироздания нельзя сказать ничего определенного.

Если и существовал создатель мира, то он давным-давно удалился от всяких дел и не участвует в управлении землей и небом. Правда, в одном случае бог Са выступает и как творец, и как повелитель подземного мира (тоже своеобразная форма ухода от дел текущих).

Еще одна особенность высшего бога: неопределенность пола или двуполость, как у Нана-Булуку (эве, фон). И в этом тоже усматривается немалая мудрость, ибо откуда бы знать людям половую принадлежность верховного существа, тем более что оно – как первое и наивысшее – должно совмещать в себе самые разнообразные признаки.

В общем, великий бог далек, вездесущ или скрытен, вершит лишь немногими всемирными делами, которые не под силу понять человеку. Возможно, он милостив и добр, но до людей ему нет дела. А вот дьявольские духи злы, а потому их-то и следует умиловать.

Подобные представления о боге настолько глубоки, что советский ученый-африканист В. Б. Иорданский высказал мнение, будто исследователи «превратили крестьянина-африканца в изощренного философа – роль, которая тому совершенно чужда». Но почему же – чужда? Ведь подлинный мыслитель вовсе не обязательно должен получить высшее, а то и первичное школьное образование. А представления о богах людей далекого прошлого, которые умели размышлять самостоятельно, были близки к правде природы – и внешней (мироздания, земного окружающего мира), и внутренней природе человека. Кстати, и сам Иорданский в своей интересной книге «Хаос и гармония» раскрыл глубокие философские подтексты верований африканцев.

Надо признать, что представления большинства африканских племен о Всевышнем исполнены глубокого смысла и в то же время – простоты, естественности. Возможно, что это относится вообще к воззрениям на богов людей примитивной культуры, сознание которых не искажено теми идеями, которые привносятся в результате формирования классового общества, основанного на принципах господства-подчинения и стремлении отдельных групп к неограниченной власти.

Бог действующий

Так условно можно назвать божество, которому поклонялись как сущности активной, от которой зависит судьба людей, текущий ход дел. Богу-творцу отводилось место достаточно неопределенное – где-то высоко в небесах или, чаще, повсюду и нигде конкретно, причем он мог принять любую форму и реже всего – человеческий облик.

В этом отношении деятельный бог более определен и чаще всего связан с природными стихиями.

Например, у масаев Нгаи (Энгаи) – одновременно и небесное божество дождя, грома и молнии, и бог войны, от расположения которого зависит удача во время сражений, набегов. Масаи верили, что он одобряет их грабительские походы и захват у соседних племен скота и другой добычи. Ему молились перед набегам, что, по-видимому, придавало им уверенности в правомерности разбоя.

Как олицетворение природной стихии Энгаи выступал под разными расцветками. В виде Нарока (Черного) он олицетворял добро и ассоциировался с ясным небом, дальними раскатами грома и небольшими благодатными дождями. А Энгаи-Наньокье (Красный) был гневным и опасным, приносил с собой страшную грозу с молнией и громом. Порой они представлялись двумя братьями. Согласно другим версиям братьев три

или даже четыре, из которых добрым всегда является черный, грозным – красный (кроме них – белый и серый).

У племени ашанти (Гана) как бог-творец почитался Ньяме. Одним из его символов был трудолюбивый паук. Завершив свои земные дела, он удалился на небо. Его супруга Асаое Афуга осталась богиней земли и плодородия. Ньяме послал своего сына Тано (Тандо) на землю для того, чтобы вершить дела людей. Бога Тано связывали с рекой Агьентоа и считали покровителем племени. Ему молились перед военными походами. Однако, после того как англичане покорили ашанти, престиж этого бога упал.

У племени шона, живущего в междуречье Лимпопо и Замбези, деятельный бог Мвари является одновременно и громовиком и первопредком. Он может милостиво даровать дождь или покарать жестокой засухой. В то же время с его именем связывают и различные проделки, имеющие целью поучать людей.

Согласно представлениям племени фон, творец мира Маву-Лиза, существо неопределенного облика, двуполое, породило несколько богов, которые стали повелевать природными стихиями, но главными из них были первенцы-близнецы Да Зоджи и Ньохве Анану (ставшая его женой). Именно им было предоставлено право повелевать всеми земными делами, населить землю людьми и управлять ими.

В то же время существует грозный бог-громовержец Хевиозо, от расположения которого во многом зависит благосостояние людей: он посылает жару и сушь, ливень и бурю, но также дарует дождь, обеспечивая плодородие полей. Ему помогают его дети.

У племени шиллук верховное небесное божество Джуок, создавшее небо и землю, а из глины – людей, стал повелителем духов и дождя (в виде небесного быка). Однако его «представителем» на земле считался божественный предок, культурный герой Ньиканг.

В общем, деятельный бог может принимать различные формы, хотя чаще всего он фигурирует в образе громовника и человека, первопредка, продолжающего влиять на земные дела. И тот, и другой образы вполне оправданы. В первом случае речь идет о явлении, от которого зависит благополучие племени, но на которое человек не способен оказать влияние.

Почитание первопредка – характерная черта первобытных религий. Оно сопряжено с уважением к традициям и способствует стабильности общества (хотя и тормозит его технический и социальный прогресс). В этом смысле предки действительно остаются среди живущих и оказывают влияние на них.

Великий плут

Почитание богов и смиренное следование велениям предков превращает человека в угодливое безынициативное создание с душой раба. Такими представляли колонизаторы людей «первобытной культуры», утверждая тем самым закономерность своего господства над ними.

О том, что такое мнение не соответствует действительности, свидетельствует, в частности, существование в мифах и сказках едва ли не всех племен обожествленного образа насмешника, плута, озорника, который потешается над обычаями и традициями, высмеивает глупых.

«Среди обитателей африканского пантеона, – писал В. Б. Иорданский, – есть один, занимающий особое положение в окружении демиурга. Это плутоватое божество, проделки которого сеют смуту среди людей, – вечный нарушитель гармонии, которую общество стремится сохранить в отношениях с мифическим миром, в отношениях между

людьми. Оно – создатель беспорядка в мире, к упорядочению которого направлены все усилия общественного сознания».

Хотелось бы только уточнить. Говоря об «окружении демиурга», исследователь преувеличил степень организованности пантеона африканских богов. Тем более, слишком часто демиург отрешается от земных дел. Например, в сказке племени эве вознесение демиурга Маву на небеса объясняется так. Некогда небо было очень низким, и одна женщина, мешая большой ложкой кашу, постоянно задевала за него. Рассердившись, она плеснула горячей кашей в небо и попала в лицо Маву. Тогда он, не стерпев оскорбления, решил навсегда покинуть мир людей, поднялся высоко-высоко и небо вознес за собой.

В этой истории очевидна ирония по отношению к верховному божеству. Женщине оказалось по силам отправить его высоко в небо. Кстати, расплескавшейся кашей вполне мог служить Млечный Путь.

Сказка племени ламба раскрывает секрет власти колдунов и вождей. Хитрый заяц тайно посадил на большое дерево своего брата, а сам предложил зверям спросить того, кто царствует в небе, кому быть вождем на земле. Слон, лев, носорог поочередно вопрошали небеса – без ответа. А на вопрос зайца раздалось свыше: «Тебе, почтенный заяц, быть вождем на земле!» Так и стал заяц вождем.

Как видим, еще в древности «дикие племена» ясно понимали суть «демократических выборов». Здесь звучит насмешка не только над доверчивым звериным народом, но и над верховным божеством, роль которого может исполнять заяц, взобравшийся на дерево.

Коренным африканцам, как, впрочем, всем людям, близким к природе, был присущ здравый смысл в полной мере и, вдобавок, с элементами скептицизма и иронии. По свидетельству французского африканиста Б. Оля, некоторые мифы утверждают, «что мир – это несовершенное и даже неудавшееся творение; его создала некая неясная воля, своенравный гений, которому захотелось преодолеть свою скуку или, если хотите, монотонность хаотической инерции, и он просто позволил себе немного позабавиться, не заботясь о последствиях».

Как видим, в подобных случаях элементы озорства, игры, непродуманного развлечения предполагаются в самом творце мироздания. Но чаще всего в народных сказаниях присутствует персонаж, который, по словам советской африканистки Е. С. Котляр, «олицетворяет стихию юмора, находчивости, неистощимой изобретательности; он одурачивает всех, кто попадает на его пути, на хитрость отвечает еще более изощренной хитростью».

Так, в сказке племени ашанти животные заспорили, кто из них самый старший и заслуживает наибольшего поклонения. Они придумывали небылицы о своем происхождении (при этом подчеркивались характерные черты каждого зверя). Последним говорил паук Ананси: «Когда я родился, еще ничего не было. Мне даже негде было похоронить своего умершего отца. Пришлось его похоронить в своей голове». Всем пришлось согласиться, что он самый старший.

Легенда эта остроумна и в то же время исполнена здорового скептицизма в отношении любых версий о происхождении мира, которые неизбежно умозрительны (о чем следовало бы помнить и современным космологам).

В мифах бушменов главный персонаж – кузнечик-богомол Цгаан, или Цагн, Цгааген. Он поистине многолик: демиург, прародитель, бывший тотем, но еще и плут и озорник. Его семья состоит из животных разных видов (вне генетических аксиом), и некогда все они были людьми. А сами бушмены ранее были антилопами, а всемогущий Цгаанг превратил их в людей.

У ашанти сходный персонаж мифов – паук Ананси, с которым связывают сотворение мира. И эта способность людей увидеть в малом великое, в пауке или кузнечике – творца мироздания есть проявление того философского мировоззрения, в котором отказывают племенам примитивной культуры некоторые образованные исследователи.

Мифы племени шона превозносят Мвари как верховного бога и первопредка, а также подателя дождя. Но и он не гнушается озорных проделок. Когда один человек отказался дать Мвари одеяло, тот сказал, что не уйдет из хижины. Тогда глупый человек сжег свою хижину, чтобы избавиться от гостя, но услышал его голос с дерева. Человек срубил дерево, но голос Мвари раздался из хозяйского быка. Человек убил быка и стал жарить мясо, но тут шкура, мясо и кости быка вознеслись на небо и голос Мвари произнес смеясь: «Я получил больше, чем одеяло».

...Озорное божество, порой вносящее хаос даже в среду богов, нарушающее законы природы и установления людей, обладающее не только умом, но и остроумием, находчивостью, а то и проявляющее плутовство, издевку, скептицизм – разве это не обязательная часть нашего человеческого мира? Без него жизнь, наверное, была бы более упорядочена и строга, но и скучна до невозможности.

Угарит, Финикия

Три-четыре тысячелетия назад на восточном побережье Средиземного моря существовал ряд процветающих городов, разбогатевших главным образом благодаря торговле (они находились на перекрестке сухопутных и морских путей), а также высокому культурному уровню населения. Земли эти называли Ханаанскими. Города Библ, Тир, Сидон вошли в историю, а из государств этого региона наиболее прославилась Финикия. Именно отсюда, как гласит легенда, Зевс похитил и доставил на Крит царевну Европу.

В 30-е годы XX века археологи обнаружили остатки города Угарита, столицы небольшого царства, географически расположенного на северной окраине финикийских земель, а хронологически предшествовавшего эпохе расцвета Финикии. Лингвисты расшифровали глиняные таблички с текстами угаритов – на аморейском языке, родственном арабскому и древнееврейскому. Выяснилось, что угаритская письменность была буквенно-звуковой (принцип алфавита, а не иероглифов), по-видимому, первой в мире такого типа (около XIV в. до н. э.). Правда, отмечались только согласные буквы.

Не удивительно, что мифы и легенды Угарита во многом похожи на финикийские, а имена соответствующих богов созвучны. Однако на этот пантеон оказали существенное влияние религиозные представления египтян, ассирийцев, хеттов. Дело в том, что города-государства Восточного Средиземноморья не только конкурировали, но и враждовали между собой, а потому становились легкой (а порой трудной) добычей более крупных держав. Помимо этого, синтезу культур способствовала активная торговля с разными странами.

Некоторые угаритско-финикийские боги (например, Адонис) вошли в греческую мифологию. Вообще, в Восточном Средиземноморье цивилизация распространялась, описывая огромный полукруг против часовой стрелки: Египет – Ханаан – Хеттия – Иония – Греция – Рим; приблизительно в центре этого «циклона культуры» находится Крит, откуда родом был не только Зевс, но и великий путешественник Одиссей.

В историю финикийцы вошли прежде всего как искусные мореходы. Однако еще русский востоковед Б. А. Тураев обратил внимание на то, что в мифах этого народа (добавим: угаритов тоже) отсутствуют могущественные боги моря, покровители мореплавания или морской

торговли. «Финикийские и вообще хананейские божества вышли из пустыни», – справедливо заключил Тураев.

Как известно, в мифах отражается не только духовный мир, но и обыденная жизнь народа. Исходя из этого, можно предположить, что наиболее искусными мореходами тех времен (три-четыре тысячелетия назад) были критяне, которым не был чужд и пиратский промысел.

С библейских времен стало нарицательным имя Молоха – свирепого и кровожадного бога, которому приносились обильные человеческие жертвы, преимущественно дети. Однако теперь исследователи полагают, что это было не божество, а название обряда принесения человеческих жертв, которые позже были запрещены.

Другой символический образ, упомянутый в Ветхом Завете, – Золотой телец, – тоже, по-видимому, имеет финикийское происхождение. Там верховного бога нередко изображали в виде позолоченного быка, связывая с поклонением золоту, богатству.

Илу (Ил, Элим)

Так называли в Угарите, а затем Финикии Бога богов, Творца творений, верховное божество. К сожалению, более или менее завершённые мифы о том, каким образом он создал мироздание, отсутствуют. Не исключено, что это происходило так, как описано в Библии – божественным Словом.

«Илу связан скорее с космосом, со всей вселенной, чем с какой-либо конкретной страной, – пишет Ю. Б. Циркин в книге «Мифы Финикии и Угарита». – В качестве такового он охраняет мировой порядок и в случае необходимости восстанавливает гармонию мира – и природного, и человеческого. В своём жилище Илу возглавляет собрание богов, устраивает для них пиры... Илу – высшая инстанция, и его решения могут быть изменены только им самим. Он – воплощение мудрости и милости».

Местопребывание Илу указано в мифе неопределенно: на горе «у устья Реки, у истоков Океанов обоих». При всей абстрактности такой мифической географии, она предельно приземлена и отражает те ограниченные знания об окружающем мире, где всего лишь два океана, которые были известны жителям Угарита и финикийцам. Последние действительно бывали не только в районах Средиземного моря и Персидского залива, но и выходили в Атлантический и Индийский океаны, хотя, конечно же, не имели ясного представления о них и плавали лишь вдоль побережий.

Таким образом, можно сказать, что Илу находился в центре мироздания, известного жителям Угарита. Кроме того, этот высший бог считался владыкой времени, «царем годов». Символом его является священный бык как олицетворение мощи и плодородия, плодovitости.

Принято считать, что этот бог представлен могучим старцем с седой бородой, давно отошедшим от мирских дел и мало вмешивающимся в установленный мировой порядок. Однако, как и все боги, он для верующих не оставался постоянным на все века. Как отметил А. И. Немировский, образ Илу, созданный мифами, сформировавшимися в начале II тысячелетия до н. э., не всегда соответствует представлениям о нем верующих, живших во время записи мифов. Так, в одном из гимнов в честь Илу он предстает в образе могучего воина:

Восстань, Илу,
Отмети, Илу,
С копьем, Илу,
С дротиком. Илу,
С упряжкой, Илу,
С погibelью, Илу,
С пожаром, Илу,
С горением, Илу,
Ради Угарита —
Живее на помощь».

Жена (по другой версии, дочь) Илу – Асират была владычицей моря и звалась Великая Асират Морская, олицетворяя морскую стихию и покровительствуя рыбакам. Она выступала и как прародительница богов и людей, хотя некоторые божества и не считались ее потомками, например

высокочтимый Балу.

С позиций единства земной природы связь гор и вообще суши с морями и океанами представляется совершенно естественной и плодотворной, что вполне оправдывает супружескую связь Илу и Асират. Но для народа, жившего на побережье, единение и взаимодействие суши и моря были привычны не столько в глобальном, сколько в локальном аспекте.

Самое удивительное, что имя этого давно почившего (вместе с почитавшими его людьми) бога продолжает звучать и в наши дни и перейдет в будущее. Дело в том, что оно присутствует как окончание в таких именах, как Миха-ил, Гаври-ил, Дани-ил, Саму-ил, Рафа-ил. Они вошли в Тору и Библию, распространившись не только в иудейском, но и в христианском мире.

Есть мнение, что в Угарите почитался таинственный «Бог отцовский», имя которого или забылось, или сохранялось в строжайшей тайне. Возможно, он был первоначальным богом-Творцом, отцом Илу. Вопрос остается неясным.

Некоторая неопределенность и, можно сказать, всеохватность Илу, его положение над людьми и богами способствовали тому, что со временем он все более отстранялся от других божеств, деяния которых были подобны человеческим, возвышаясь над ними как Бог богов или просто Бог. В Ветхом Завете это уже один и единственный Бог – Элохим.

Однако ни в Угарите, ни в Финикии так и не осуществился переход к единобожию. «Боги Угарита, – подчеркивает А. И. Немировский, – мыслятся в образах людей, но неизмеримо более могущественных и бессмертных. Они пируют, любят, ненавидят, видят сны, постоянно воюют друг с другом, проявляют коварство и жестокость». В этом отношении Илу отличается тем, что он не столь деятелен, находясь, как говорится, «над схваткой», а потому он менее очеловечен и в наибольшей степени абстрактен.

Балу (Баал, Ваал)

Имя его в переводе означает Хозяин, Владыка, и нередко дополнялось: «Силач», «Могучий», а также «Громовник» (Балу-Хаддад) или, по названию горы, расположенной недалеко от Угарита, Балу-Цапану (ныне Цафон, 1770 м над уровнем моря – наиболее высокая гора в данном районе).

Отцом Балу называется Даган (Дагон), брат Илу, который был, по видимому, богом изобилия, подателем пищи, покровителем земледелия (или) рыболовства. Балу сохранил некоторые функции бога плодородия, хотя почитался прежде всего как «Скачущий на облаке», бог дождя, грозы, бури, грома и молнии. Он был покровителем земледелия и мореплавания, для которых, конечно же, очень большое значение имеет состояние атмосферы – дожди, ветры, бури.

Вместе с тем Балу – воин в масштабах не только земных, но и вселенских: он вышел на бой с чудовищным семиголовым змеем-драконом Лотаном (прообраз библейского Левиафана?). Это деяние, судя по всему, имело космогоническое значение и определяло победу сил добра над силами зла, тем более что на стороне змея выступил бог смерти Муту, которому удалось ранить копьем Валу. К сожалению, столь важный миф известен только в незначительных фрагментах.

Серьезный конфликт произошел между Балу и Иамму, богом рек и морей. К последнему верховный бог Илу испытывал приязнь, а потому приказал покровителю ремесла Котару-ва-Хасису возвести для своего любимца дворец. Возгордившийся Иамму потребовал, чтобы ему сдался и подчинился Балу. Это требование поддержал сам Илу!

Но гордый и могучий Балу восстал против такого решения (не означает ли это, что в Угарите на смену старшему поколению богов – или прежней царствующей династии – пришли новые боги и те, кто им поклонялись). Вооружившись дубиной, он выступил против Иамму, но был повержен.

Однако искусный Кстару-ва-Хасису пришел на помощь Силачу Балу, оказавшемуся слабее противника, изготовив две палицы, которые сами колотили врага. С их помощью, точнее, благодаря их самостоятельным ударам, Иамму был повержен. Так Балу победил (можно сказать, благодаря

автоматическому оружию, а не личным качествам) и был провозглашен царем.

Но этого ему было мало. Нужен был и дворец, достойный царя. Построить его Балу то ли не умел, то ли не имел права. Такие дворцы имели дети Илу и Асират (представители царствующей династии богов). Не рассчитывая на снисхождение Илу, от которого зависело разрешение на возведение дворца, Балу обратился за помощью к сестре и жене Анат, богине любви, войны и охоты. Ей пришлось отвлечься от своего занятия (она помогала угаритам сражаться против людей востока, разила врагов и прикрепляла отрубленные руки к своему поясу, а головы закидывала за спину). Анат явилась к Илу и, угрожая расправой, заставила старого бога согласиться на постройку дворца Балу...

Всю эту историю не следует толковать как расцвеченный фантазией рассказ о соперничестве двух родов, претендующих на власть и богатство. Как сказано далее, имея дворец, Балу может установить определенное время дождей и разливов рек; он возвысит свой голос в облаках, будет обладать всей полнотой власти. А дворец его будет из кедра и лазурита, серебра и золота. Такое жилище выстроил искусный Котару-ва-Хасису. Надежный и красивый дворец символизирует упорядоченность владений Балу, четкий распорядок, которому должны подчиняться сезоны дождей, что чрезвычайно важно для земледелия.

Однако есть еще один могущественный бог – Муту (Мот), владыка подземного мира, царства мертвых. Он посылает Балу приказание явиться на его пир. Напуганный Балу приходит к богу смерти... О дальнейших событиях сведений нет. Возможно, свидание со смертью (здесь это бог-мужчина) может ожидать даже бога. На время смерти Балу землю поражает засуха. По настоянию жены Илу назначает преемником Балу своего сына Астара, но тот не способен властвовать над стихией.

Вновь на первый план выходит прекрасная и смертоносная Анат. Она вступает в бой с Муту и побеждает его (любовь побеждает смерть!). Воскресший Балу опять воцаряется на троне. Но и смерть бессмертна: на седьмой год вновь является Муту и вступает в бой с Балу. На земле снова наступает засуха. Но богиня Солнца Шапаш не позволяет смерти одержать окончательную победу. (В мифе, пожалуй, отражается наступление засушливых периодов приблизительно каждые семь лет.)

...Исследователи полагают, что «Владыка Скачущий на облаке» (Баал-Зебул) позднее был низведен до «Владыки Мух» (Баал-Зебуба), а в Библии представлен повелителем демонов Вельзевулом. Таковы были последствия борьбы с многобожием. Хотя, как известно, Иисус Христос говорил, что

изгоняет бесов силою Вельзевула.

Анат (Анату)

По своему положению первенство среди богинь Угарита (Финикии) должна занимать Асират, супруга верховного бога Илу. Но она явно отходит на второй план перед Анат – несравненно более активной и яркой богиней, наделенной не только красотой, но и силой, мужеством. Она верна в любви и дружбе, вспыльчива, беспощадна к врагам. Это богиня любви, войны и охоты.

Анат – возлюбленная, жена и, по-видимому, сестра Балу, а также его соратница. Ее гнева боятся не только люди, но и боги. Покровительствуя угаритам и финикиянам, она в сражениях бестрепетно разрубает на куски их врагов.

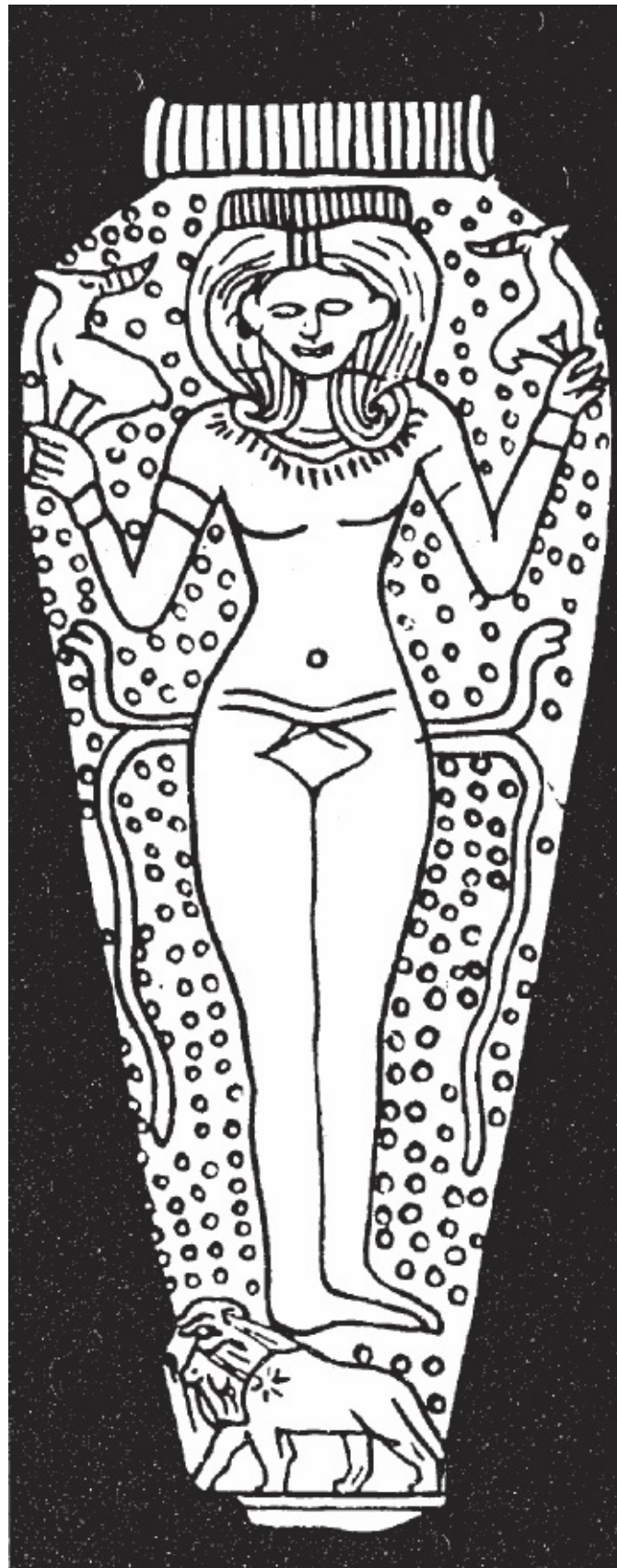
Когда Анат узнаёт, что бог смерти Муту (Мот) поглотил (убил) Балу, она —

...хватает бога Мота,
Мечом его рассекает,
Веялом его развеивает,
Пламенем его обжигает,
На жерновах его мелет,
Сеет его в поле.

Создается впечатление, что речь идет о колосьях, которые срезает Анат, а затем обрабатывает зерно. В общем, она выполняет как будто мирную женскую работу, а не расправляется с противником. Как это понимать: как развернутое сравнение расправы с врагом и сельскохозяйственной работы? Или это аллегория, призванная раскрыть подтекст смерти (временной) бога, дарующего жизнь? Ведь миф об умирающем и воскресающем боге повествует о возрождении жизни. Возможно, Анат выступает тут как богиня плодородия или жрица, совершающая ритуальные действия, способствующие будущему богатому урожаю...

В любом случае Анат остается смелой воительницей, рискнувшей ради любимого вступить в бой с самой смертью (и добиться победы, хотя и не окончательной, что в принципе невозможно, ибо жизнь и смерть неразлучны). Она, как естественно для богини любви, борется за жизнь и

способствует ее возрождению.

Странным образом в ней соседствуют жестокость и чуткость к поэзии. Когда Балу требуется ее помощь, он посылает к ней гонцов с просьбой явиться в его горную обитель, где она сможет услышать «слово дерева и шепот камня, звук, идущий к земле с неба и от бездны – к звездам». При встрече они умылись росой небес, умастились маслом земли, сели пировать, и только после этого галантный (или осмотрительный) Балу попросил ее получить у Илу разрешение на строительство дворца.

Когда Анат явилась с этой просьбой перед лицом всевышнего бога, он ответил ей отказом. Она вспылила и крикнула ему, что набросится на него и зальет кровью его голову и седую бороду. Илу испугался (или притворился напуганным) и уступил своей дочери (о том, кто ее мать, сведений нет). Эта странная сцена показывает, что в Угарите женщины пользовались немалыми правами, а конфликты поколений бывали нередко.

Помимо Анат в Угарите была еще одна богиня любви, красоты, плодородия – Астарта, олицетворение планеты Венера (она соответствует ассиро-вавилонской Иштар). В ней воплотился другой лик любви: не бурная страсть, доходящая до исступления, как у Анат, а чувство ровное, спокойное, хотя и сильное, способствующее семейной жизни и продолжению рода. Нередко Анат и Астарта воспринимались как единое божество.

Греция, Рим

Боги Древней Греции и Рима (как преемники древнегреческой культуры) превратились со временем в символические образы, которые широко использовались в поэзии, живописи, философии едва ли не всех европейских народов. Несмотря на господство христианской религии, эти языческие боги продолжали существовать в сознании людей, хотя и во многом утратив свою мистическую сущность.

Характеризуя древнейшую, «доклассическую» мифологию, крупный специалист (специалистка) по древнегреческой литературе А. А. Тахо-Годи отметила феномен слияния архаического человека с природным миром, «ощущение себя, как и вообще всего животного мира, частью природы, порождением одной и той же матери – материи». По этой причине, считает она, для древнейшей мифологии характерны смешанные сочетания: человека с конем (кентавр), змеей (Ехидна), львом (Сфинкс), морским чудовищем (Тифон), быком (Минотавр).

Ощущение единства с окружающей природой определило легкость превращений людей в растения, животных, камни, ручьи, реки, озера. В то же время древнегреческие боги порой сохраняют признаки тотемов: так, Зевс нередко отождествляется с быком. Но едва ли не главный признак архаических верований – представления о бесчисленных мелких духах природы, присутствующих в лесах и рощах, ручьях и родниках, в пещерах и ущельях, у отдельных деревьев и скал (нимфы, наяды, дриады, сатиры). Духи природных стихий, как предполагалось, были преимущественно враждебны человеку («демоны глухонемые» – по образному выражению Федора Тютчева).

Преодоление пассивного сопротивления «дикой» природы породило многочисленные предания, мифы о героях. Среди них особо выделяется Геракл (Геркулес). Затем произошло разделение мифических героев на две группы. Более древние, давшие людям огонь, научившие искусствам, земледелию, ремеслам (Прометей, Аполлон, Деметра, Гефест), были отнесены к бессмертным богам. Деяния других, более поздних героев (Дедала, Орфея, Тесея, Одиссея) уже можно отнести к рубрике «жизнь замечательных людей».

Мудр миф о Фаэтоне, сыне бога Солнца Гелиоса и смертной женщины. Он осмелился занять место отца в солнечной колеснице. Небесные кони, однако, почуяли неуверенность руки смертного человека и понесли

сияющую колесницу. Когда она приближалась к земле, вспыхивали леса и дома, обрушивалась на людей, растения, животных губительная засуха. Удалялась солнечная колесница – начинались страшные холода. Ударом молнии Зевс сразил Фэтона...

Миф предостерегал: не следует человеку своевольно вмешиваться в ход природных процессов, подчиненных высшим законам, божественным силам. Забвение этой истины приводило прежде и приводит сейчас народы и страны к экологическим кризисам.

Согласно мифам, изначально существовал Хаос (разверзшаяся бездна). Можно предположить, что это отражает хаотичные, неорганизованные в определенном порядке представления людей об окружающем мире. С освоением производящего хозяйства, созданием культурных ландшафтов, городов, искусственной (техногенной) среды, человек стал по-новому относиться к духам природы. Вот что писал об этом философ А. Ф. Лосев:

«Теперь и только теперь природа получает у греков то умиротворение и ту поэтизацию, которыми они прославились на все последующие века вплоть до настоящего времени. Нимфы рек и озер, так называемые океаниды, или нимфы морей, так называемые nereиды, а также нимфы гор, лесов, полей и т. д. раньше представляли собой дикие и ужасные страшилища, от которых человек не знал, куда и деться. Но теперь значительно возросла его мощь и власть над природой... Нимфы, рассыпанные по всей природе, получили теперь красивый, милый вид...

Всем теперь правит Зевс, и все стихийные силы оказались в его руках. Раньше он сам был и ужасным громом, и ослепительной молнией... Теперь же гром и молния стали не больше как атрибуты Зевса, и от разумной воли Зевса стало зависеть, как и для каких целей пользоваться ему своими громами...

Фемида раньше тоже ничем не отличалась от Земли и была страшным законом ее стихийных и беспорядочных действий. Теперь она – богиня справедливости, богиня прекрасного человеческого правопорядка... Детями Зевса и Фемиды являются Оры – веселые, прелестные, благодетельные, вечно танцующие богини времен года и государственного распорядка, справедливейшим образом посылающие с неба атмосферные осадки... Даже мойры, эти страшные и неведомые богини рока и судьбы, управляющие раньше всем Мирозданием и бывшие только одним из аспектов все той же богини-Матери, даже эти мойры трактуются теперь как дочери Зевса и ведут блаженную жизнь на светлом, веселом и красивом Олимпе».

Если прежде боги нисходили с небес к людям, то теперь герои смело

бросали вызов богам. Лидийский царь Тантал, похитив с неба нектар и амброзию, раздавал божественную пищу людям. Певец Фамирид вступает в музыкальное состязание с музами. Мастерство Дедала позволяет его сыну подняться к Солнцу. Ниоба, дочь Тантала, считает себя красивее Лето (Латоны), матери Аполлона и Артемиды. Диомед вступает в рукопашный бой с Аресом и Афродитой. И вот уже могучий Геракл взваливает себе на плечи свод небесный!

Однако мнимое освобождение от власти природы сопровождалось все более властным порабощением социальной средой, правилами и ритуалами, государственными структурами. Зевс хотя и управляет миром, привнося порядок в первозданный хаос (непознанные еще законы природы), но и его своеволию почти нет предела, о чем свидетельствуют его многочисленные сексуальные похождения. А с VI века до н. э., когда стала развиваться греческая (ионийская) натурфилософия, боги вообще отрешились от высоких идей, и начали вести жизнь, подозрительно похожую на человеческую.

Греческим мифологическим персонажам повезло в том смысле, что им в древности были посвящены поэтические труды Гесиода, Гомера. Эти и некоторые последующие мыслители постарались навести порядок в систему разрозненных преданий. Сложившаяся мифология (именно – «логия», означающая познание) оказалась настолько законченной, что ее переняли римляне. При этом греческие божества приобретали новые имена, но в общем существенно не отличались от своих прообразов. По этой причине мы не станем их выделять особо.

Зевс (Юпитер)

Интересна предыстория этого верховного бога. Он вовсе не существовал с начала времен, а сам захватил высшую власть.

По одному из вариантов греческих мифов творения, первоначально из первозданного Хаоса возникла Гея-Земля. Она породила сына Урана, владыку неба. От их брака родились чудовищные создания: сторукие гиганты, одноглазые великаны-киклопы (циклопы). Дети восстали против власти отца, и он низверг их в глубочайший Тартар.

Мать-Земля породила титанов и убедила их напасть на отца и лишиться его мужской силы (оскопить). Переворот удался, и младший из семи титанов Крон оскопил Урана серпом, став верховным богом. Титаны освободили из Тартара гигантов, однако коварный Крон, воспользовавшись своей властью, вновь заточил гигантов, а с ними и титанов в Тартар. Женился Крон на своей сестре Рее. Согласно предсказанию умирающего Урана, свергнуть Крона суждено было одному из его детей. Поэтому Крон ежегодно проглатывал каждого рождавшегося своего ребенка: Рея решила сохранить своего третьего сына – Зевса, спрятав его на острове Крит в колыбельке, подвешенной к ветке дерева (поэтому Крон не мог его найти ни на земле, ни на море, ни в небесах). Возмужав, Зевс сумел стать виночерпием у Крона, напоил его допьяна, после чего отец-злодей изрыгнул всех своих детей, которые остались целыми и невредимыми. Они выступили под водительством Зевса против Крона, которого защищали титаны во главе с Атлантом. Сражение длилось десять лет. Зевс сумел освободить гигантов и заполучить мощнейшее оружие – молнию. Ею он поразил Крона. Козлоногий Пан издал дикий вопль, который привел в ужас титанов (отсюда пошло слово «паника»). Победенных титанов изгнали на край света, определив наказание Атланту: держать на своих плечах небосвод.

Есть предположение, что в предании о поедании Крона своих детей сохранились сведения о жертвоприношениях, возможно, сопровождавшихся ритуальным людоедством. Согласно философской версии, Крон – это олицетворенное время (Хронос), которое осуществляет круговорот жизни и смерти, рождений и гибели.

После победы над отцом, три брата разделили власть: Зевс стал владыкой неба, Посейдон – моря-океана, Аид (Гадес) – подземного царства мертвых. Последний порой именовался Плутоном (Богачом), потому что в его владениях поистине изобилие душ (мертвых) и богатств (потаенных). Однако его никак не назовешь счастливым, ибо даже свою жену он вынужден был похитить (Персефону, дочь Зевса и Деметры), а потомства у него быть не может. Так как не было культа Аида, нередко Зевса называли Хтонием (Подземным), считая его властителем не только жизни, но и смерти. Но в его образе все-таки преобладало животворное начало.

Поселился Зевс на горе Олимп, но не мог предаваться олимпийскому спокойствию: как видим, власть даже среди богов добывалась силой и злодейством. Вот и Зевс мог быть свергнутым. Он женился на дочери Океана Метиде («метис» – мысль), но вынужден был проглотить ее (опять – живоглотство!), потому что узнал, что она может родить сына более

могучего, чем отец, и дочь – мудрейшую из богов. И хотя от сына он таким путем избавился, мудрая Афина все-таки родилась из его головы.

Второй супругой Зевса стала богиня справедливости Фемида (в Риме это две богини: Эквигас – справедливости и Юстиция – правосудия), и с этих пор в управлении мира утвердились порядок, законность. Третья и главная жена Зевса – Гера, старшая дочь Кроноса и Реи. У любвеобильного Зевса было множество детей не только от богинь, но и от земных женщин. От океаниды Эвриномы у него родился бог рек Асопа и обаятельные жизнерадостные хариты (в Риме – грации). Богиня памяти Мнемосина родила Зевсу девять муз. В эллинистическую эпоху они стали покровительницами искусств и наук: Клио – истории, Урания – астрономии, Полигимния – религиозных гимнов, Каллиопа – эпической поэзии, знаний, Мельпомена – трагедии, Эрато – лирической поэзии, Эвтерпа – лирической песни, Терпсихора – танца, Талия – комедии.

Так мир, который творил Зевс, постепенно превращался в царство закона, порядка, наук, искусств. Впрочем, в этом мире далеко не все прекрасно и упорядочено. Сам Зевс своими поступками, неумным темпераментом и плодовитостью вносил в него немало беспорядка, возбуждал конфликты (прежде всего – семейные, вызванные ревностью Геры).

Греков, судя по всему, не очень беспокоили любовные похождения Зевса. Его восхваляли как гаранта всеобщего порядка. Вот как обращался к нему Гомер:

Зевс, меж богов величайший и лучший, к тебе моя песня!
Громкораскатный, владыка державный, судья-воздаятель,
Любишь вести ты беседы с Фемидой, согбенно сидящей.
Милостив будь, громкозвучный Кронид, – многославный,
великий!

В Древнем Риме Юпитер, аналогично греческому Зевсу, был отцом богов и людей, всесильным владыкой. Он стал верховным богом Римской империи, символом государственной власти. Падение Римской империи стало и ниспровержением Юпитера.

Гея

В обширном пантеоне «очеловеченных» древнегреческих богов лишь Гея сохранила достаточно прочную связь с природой. Словно в награду за это ее имя осталось звучать в комплексе наук о Земле – географических (описательных) и геологических (аналитических).

Как писал Гесиод в «Теогонии»:

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный...
...Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтоб прочным жилищем служил для богов всеблаженных.

Логически из этого текста следует нечто нелепое: из Хаоса образовалась сначала Земля, а затем небосвод. С точки зрения последующей истории богов, Небо-Уран потерял свою силу, тогда как небосвод остался... Впрочем, мифы обычно далеки от логической завершенности, отражая – в данном случае – более поэтические образы, чем натурфилософские категории.

Мать-Земля (Гея) представлялась древним грекам единственно надежной опорой в Мироздании, порождающем жизнь во всех проявлениях

и в то же время хранящей извечную мудрость природы. Она давала верные советы Рее, Зевсу.

Гея считалась прародительницей всех богов, гигантов, титанов. Согласно Гесиоду, от брака с первозданным Тартаром (владыкой нижней бездны) она родила чудовищного Тифона, человека-дракона, а также, по одному из мифов, женщину-змею Ехидну. Вообще среди порождений Геи много чудовищ, которых можно считать олицетворенными земными стихиями. Несмотря на это Гея входила в число наиболее чтимых божеств, ибо вне ее не мыслились жизни ни людей, ни богов.

Наиболее интересна для нас идея связи Геи-Земли с велениями судьбы, а также представление о ней как хранительнице древнейшей мудрости. То, что в мифах было заявлено давным-давно, в науке стало осознаваться лишь в последние столетия, когда выяснилось, что горные породы, минералы, ископаемые остатки хранят колоссальное количество информации о прошлом нашей планеты.

Геологические науки в значительной степени являются историческими; они восстанавливают историю жизни на нашей планете. Кстати, на ней рождались удивительные существа, порой чудовищные «драконы» (динозавры, например). Можно предположить, что это имели в виду мыслители далекой древности, придумывая различных необыкновенных тварей.

Земная природа – главная учительница человечества. До сих пор эта идея не вошла еще в сознание современных людей, упоенных своим техническим могуществом. Им кажется, будто человек постигает природу «из себя» благодаря лишь собственным интеллектуальным способностям. Однако приходится задумываться и о том, откуда у людей эти способности? И после размышлений неизбежно приходишь к выводу: они порождены в конечном счете земной природой, областью жизни (биосферой). Она же является и нашей мудрой «подсказчицей». Только надо понимать ее язык, сознать ее советы.

От того, сможет ли человечество воспользоваться мудростью Геи для изменения своих взаимоотношений с окружающей природой, заходящих в безнадежный тупик, зависит будущее культуры и рода человеческого.

Посейдон (Нептун)

Как мы уже говорили, он входил в триумвират богов, победителей отца-Крона и разделивших между собой мир. Посейдону достались морские владения. Однако в более древних мифах, до нас не дошедших, он, как предполагается, был божеством влажной плодородной земли (почвы), его называли «колебателем земли». В древности землетрясения связывали с взаимодействием моря с землей. Не потому ли Посейдон со временем превратился в бога морей? Ведь небо и земля оказались во владении Зевса.

Ситуация с Посейдоном осложнена тем, что у древних греков было по меньшей мере три морских божества: Понт, порожденный Геей (возможно, древнейший повелитель морей), его сын Нерей, а также титан Океан, сын

Урана и Геи. В борьбе олимпийских богов с титанами Океан встал на сторону Зевса. Однако более древней была, судя по всему, связь Океана с природными водами. Согласно представлениям древних о строении мироздания, сушу омывает, подобно могучей реке, всемирный Океан, куда приходят и откуда берут начало все реки, ручьи, моря, родники.

Таким образом Океан остался особой природной стихией, природным телом, тогда как Посейдон стал «человекоподобным» богом, как и другие олимпийцы. Подобно морской стихии, Посейдон обладает вспыльчивым характером, буйным нравом, стремится захватить и части суши. Он даже участвует в мятеже против господства Зевса и частенько враждует с Афиной, претендуя на ее земли. В этой вражде богов можно усмотреть символическое отражение войн между островитянами, покровителем которых считался Посейдон, и жителями полуострова Пелопоннес, считавшими своей покровительницей Афины. При этом нередко мореплаватели были самыми настоящими пиратами (что, естественно, не делало чести их покровителю).

Согласно преданию, заявляя о своих притязаниях на материковую Грецию, Посейдон ударил трезубцем по афинскому Акрополю. От его удара забил родник с морской водой. (Этот эпизод можно расшифровать так: во время землетрясения действительно по трещинам могла выйти на поверхность подземная солоноватая вода.) Афина ответила мудро: она посадила возле этого источника маслину, утвердив этим свою власть над сушей. Взмешенный Посейдон захотел сразиться с ней, но Зевс повелел решить спор миром: решением богов. Все боги встали на сторону Посейдона, а богини, которых оказалось на одну больше, чем богов, поддержали Афины, решив спор в ее пользу.

Посейдон хвалился тем, что создал коня, изобрел уздечку и учредил скачки. Действительно, он считался покровителем конных состязаний. Правда, скаковые кони появились в Греции сравнительно поздно; они были доставлены сюда из Малой Азии или из Закавказья. Но так как доставили их на материк и прилегающие острова на судах, то в этом, можно считать, и проявилось участие Посейдона. Кстати, на одной из картин Ивана Айвазовского изображен выезд Посейдона на конях-волах с белопенными гривами.

В Риме Нептун поначалу был богом земных вод. Со временем в связи с развитием мореплавания он превратился в аналога Посейдона, обрел и его трезубец, и его власть над морями-океанами. Когда Рим стал великой морской державой, образ славного Нептуна оставил в тени Посейдона.

Гера (Юнона)

Среди древнегреческих богинь ей принадлежит первенство. Вот как воспел ее Гомер:

Золототронную славлю я Геру, рожденную Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогремящего Зевса родную сестру и супругу
Славную. Все на великом Олимпе блаженные боги
Благоговейно ее наравне почитают с Кронидом.

Он же называл ее «волоокой». Некоторые исследователи видят в этом отзвук древнего почитания ее как богини-коровы, покровительницы Микен. (Вспоминается образ Небесной коровы у древних египтян.) Учтем, что и Зевс при случае принимал образ быка, и в таком виде похитил дочь финикийского царя Европу, доставив ее на Крит.

Образ Геры воспевается прежде всего как хранительницы семейного очага, покровительницы законных браков. Она уже в юности умела примирять супругов. После того как Геру вместе с другими проглоченными детьми изрыгнул Кронос, мать Рея спрятала ее на краю света у Океана и Тефиды. Гера сумела прекратить их постоянные ссоры.

Увидев Геру, Зевс был покорен ее красотой и возвел ее на олимпийский трон. Она стала третьей и последней законной супругой верховного бога.

Но если она умела улаживать чужие семейные неурядицы, то со своими собственными справиться не могла. Ее гордый нрав возмущали постоянные измены супруга. Не имея возможности воздействовать на него, она мстила его любовницам и детям. Например, она задумала погубить ребенка Геракла, сына Зевса и смертной женщины Алкмены, напустив на него двух змей (чудо-младенец их задушил).

Для некоторых героев Гера является покровительницей. Так она помогает предводителю аргонатов Ясону. В Троянской войне она выступает на стороне ахейцев. Впрочем, выбор ее продиктован ревностью: троянец Парис в споре трех богинь – Геры, Афины и Афродиты – отдал предпочтение последней как самой прекрасной.

Гера отличается злопамятством, а также хитроумием. Ей удается обмануть самого Зевса. Для того чтобы ахейцы победили троянцев, которым симпатизировал Зевс, она с помощью волшебного пояса Афродиты обольстила и усыпила его. По мнению А. А. Тахо-Годи: «Эта знаменитая любовная сцена Геры и Зевса на одной из вершин Иды (Гаргар) среди благоухающих цветов и трав есть несомненный аналог древнего крито-микенского «священного брака» Геры и Зевса, который торжественно справлялся в городах Греции, напоминая о величии матриархального женского божества».

Трудно сказать, был ли культ Геры проявлением былого матриархата, однако он очень ясно показывал положение женщины в греческом обществе. Не претендуя на верховную политическую или военную власть, греческая женщина играла важную роль в семье, а также в общественной жизни, обладая немалой свободой. Между прочим, в отместку Зевсу Гера без его участия родила Гефеста (в мифе зачатие произошло чудесным образом).

В Риме аналогом Геры была Юнона, которая сначала считалась покровительницей каждой женщины: если у каждого мужчины был свой личный Гений, то у каждой женщины – своя Юнона. В Римской империи Юнона стала царицей богов.

Гефест (Вулкан)

У этого бога огня и кузнечного ремесла странная история. По словам греческого писателя II века до н. э. Аполлодора: «Гера, миновав супружеское ложе, родила Гефеста; но, согласно Гомеру, и этого она родила от Зевса. Последний низверг его с небесных высот за то, что он помог связанной Гере, которую Зевс подвесил на высотах Олимпа. Причиной наказания было то, что Гера ниспослала бурю на флот Геракла, когда он после взятия Трои возвращался домой. Гефеста же, упавшего на остров Лемнос и покалечившего себе ноги, спасла Фетида».

Вообще, Гефеста, согласно разным мифам, сбрасывали с небесных высот по меньшей мере три раза. Вроде бы сначала это сделала Гера, когда он родился уродливым, со слабыми кривыми ножками. Тогда-то его и подобрала дочь Океана Фетида и вырастила в гроте на острове. Там он занялся кузнечным делом и достиг высокого мастерства. Он выковал замечательный золотой трон и послал его Гере. Увидев подарок, она обрадовалась и села на этот трон. Но он оказался с секретом, и она попала как в капкан, не имея возможности двигаться. Боги поспешили к ней на помощь, но тщетно: никто не мог разгадать секрета. Пришлось вызывать Гефеста, и он освободил мать. За эту шутку она, согласно одной версии, вновь сбросила его на землю. Наконец, как мы знаем, это же сделал и Зевс за то, что Гефест на этот раз снял с Геры путы, наложенные им.

Что означают такие падения и подъемы, сказать трудно. Возможно, культ Гефеста испытывал расцветы и упадки в связи с развитием кузнечного ремесла и вулканической активностью на островах. Тем более что в далекой древности он мог быть богом природной стихии – огнедышащих гор (названных по имени его римского аналога – Вулкана). В периоды затишья вулканической активности о Гефесте, по-видимому, забывали.

На примере истории Гефеста убеждаешься, насколько далеки от природы греческие мифы о жизни и деянии богов, относящиеся к классическому периоду (Гесиод, Гомер, Аполлодор). Если бог может свалиться с неба, да еще повредить себе ноги, то это уже какой-то странный бог, да и небеса с землей тоже вызывают удивление. Кстати, Олимп не очень высокая гора, на нее нетрудно взобраться. Так что древние греки – точнее, поэты – своеобразно совмещали земной реальный мир с мифическим, божественным.

Если Гефест в младенчестве учился кузнечному ремеслу, то кто его обучил? Если он божество огнедышащих гор, то разве они не существовали еще до его рождения? Если – по Аполлодору – Гефест охромел после того, как его сбросил Зевс, то это событие произошло сравнительно поздно, после Троянской войны, а до этого, следовательно, Гефест не был хромым?

Над подобными вопросами творцы мифов даже не задумывались. В этом отношении мифы напоминают сновидения: они не критичны. Или как

грубовато, но точно говаривали на Руси: не любо – не слушай, а врать не мешай. Более странно другое: почему-то древнегреческая мифология всегда пользовалась популярностью, даже тогда, когда от той цивилизации, которой она соответствовала, остались только руины и отдельные памятники культуры.

Создается впечатление, что в образе Гефеста слились – последовательно – три (по меньшей мере) ипостаси: божество огнедышащих гор, покровитель кузнечного ремесла (как наследник подземной «кузницы богов») и хитроумный мастер-ремесленник, умеющий изготавливать причудливые замки, украшения, капканы, а также оружие. Поэтому его в некоторых мифах соединяют брачными узами с богиней мудрости Афиной. Он же – вслед за Прометеем – становится культурным героем. Как сказано в одном из древнегреческих гимнов:

Муза, Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
Вместе с Афиною он светлоокой славным ремеслам
Смертных людей на земле обучил. Словно дикие звери,
В прежнее время они обитали в горах, по пещерам.
Ныне ж без многих трудов, обученные всяким искусствам
Мастером славным Гефестом, в течение целого года
Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.
Милостив будь, о Гефест! Подай добродетель и счастье!

Согласно мифу, он создал себе механических помощниц, а потому может считаться провозвестником робототехники и вообще современного технического века (хитроумная техника взяла на себя человеческие заботы). Стала ли жизнь человеческая от этого счастливей? Вряд ли.

Еще более двадцати восьми веков назад Гесиод с тревогой писал о том, что после золотого, серебряного, медного и бронзового веков настал железный:

Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться.
Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,
И от несчастий...

Создав себе огромное количество механических металлических помощников, человек, сам того не сознавая, стал постепенно превращаться в их слугу, в зависимое от них существо. Ныне на технику люди тратят в десятки раз больше материалов, энергии, знаний, чем на удовлетворение своих непосредственных нужд. Мастерство хитроумного Гефеста оказалось роковым даром, серьезным испытанием для людей: на что они потратят свое умение? Они в конечном счете использовали его для «покорения» природы, изъятия у нее максимума естественных богатств для удовлетворения своих постоянно растущих материальных потребностей (хотя пользуется ими главным образом ничтожная часть человечества).

Однако о Гефесте и его даре люди давно забыли. Наиболее часто поминают его римского аналога – Вулкана, который стал именем нарицательным, обозначая огнедышащие, грязевые горы и сопки, а теперь еще и созданные напорными подземными водами, вырвавшимися на поверхность (гидровулканы). Обширная область наук о Земле называется вулканологией. Благодаря космическим исследованиям выяснилось, что вулканы существуют не только на Земле, но и на некоторых других планетах, а крупнейшие из них – Олимпия (21 км) и Арсия (27 км) – находятся на Марсе. Владения Гефеста-Вулкана оказались даже в космическом пространстве.

Афина (Минерва)

Она считалась не только богиней мудрости, но и воинственной покровительницей справедливой войны. Ее рождение, согласно сравнительно поздним мифам, необычайно.

Первой супругой Зевса была Метида, дочь Океана и Тефиды. Однако было тайное пророчество, что его сын от Метиды будет могущественнее его и займет трон верховного бога. Чтобы воспрепятствовать этому, Зевс проглотил свою беременную супругу.

(Отметим, что пророчество, тем самым, не сбылось, а значит, предсказаниям судьбы не следует слепо верить; нежелательные события, даже если они на первый взгляд предопределены, можно отвести; хотя способ Зевса в данном случае вряд ли может служить примером.)

«Метида» переводится как «Размышление». Не удивительно, что у Зевса, ее поглотившего (предавшегося размышлениям?), страшно разболелась голова. Не выдержав мучений, он попросил Гефеста расчесть

ему голову топором. Гефест произвел эту достаточно грубую «черепно-мозговую» операцию. А из головы Зевса вышла в полном военном облачении величественная и ясноглазая Афина. Напомним, что операции по трепанации черепа проводились задолго до железного века, каменными орудиями, и это не мифический, а археологический факт.)

По мудрости Афина превосходит Зевса, уступая ему в силе. Этот образ демонстрирует, подобно образу Геры, высокое уважение к женщине не только прекрасной, но и мудрой. При этом она не хитроумна, подобно Одиссею, не изобретательна, как Гефест, а именно умна в высоком смысле; в поздней античности ее считали олицетворением Мирового Разума.

«На древнее зооморфическое прошлое богини, – писал А. Ф. Лосев, – указывают ее атрибуты – змея и сова. Гомер называет Афину «совоокой», орфический гимн – «пестровидной змеей»... В храме Афины в Афинах, по сообщению Геродота, обитала огромная змея – страж акрополя, посвященная богине».

Предполагается, что Афина была древним божеством и, возможно, почиталась на Крите. Со временем ее стали чествовать как покровительницу городов и городских укреплений. Другое ее имя – Паллада («Потрясательница копья»), а еще одно – Полиада («Защитница полиса»). Всего у нее было около полусотни эпитетов. Одно из них – «горгоноубийца» (на ее щите – изображение убитой Персеем с ее помощью горгоны Медузы). По одной из версий, Палладой ее прозвали после того, как она в сражении с гигантами убила одного из них – Палланта – и, содрав с него кожу, оделась в нее. (Станный и страшноватый обычай; можно вспомнить, что жрецы в Древней Мексике тоже практиковали подобный ритуал; это свидетельствует, конечно, не о культурных связях двух цивилизаций, а о сходстве духовного мира и склонностей людей.)

Афину чтили, помимо всего прочего, как покровительницу многих ремесел, искусств, знаний. Она благоволила и помогала многим прославленным мифическим героям: Гераклу, Одиссею, Ахиллу, Персею, аргонавтам.

В Риме богиню мудрости и покровительницу искусств и ремесел звали Минервой. Ее чтили очень высоко, а во времена Римской империи считали богиней победы.

Гермес (Меркурий)

Среди гомеровских гимнов обширный посвящен этому богу новых вестей, покровителю путников, торговли и богатства, проводнику душ в царство мертвых. Вот фрагменты этого гимна:

Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
Благостный вестник богов, над Аркадией многовечной
И над Килленою царствует он...
...Сонма великих богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
В пору, как сон многосладкий владел белолокотной Герой.
Втайне равно от богов и людей заключен был союз их.
Время пришло – и свершилось решение великого Зевса:
Сын родился у богини, – ловкач изворотливый, дока,
Хитрый пролаз, быкокрад, сновидений вожатый, разбойник,
В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
Много преславных деяний явить меж богов предстояло...
...Как через грудь человека, которого злые заботы
Мучают, быстрые мысли несутся одна за другою,
Как за миганием глаза другое мигание приходит,
Так у Гермеса за словом немедленно делалось дело.

Поясним: Майя – дочь Атланта и Плейоны, дочери Океана. Для римлян Майя была еще и богиней земного плодородия; ей приносили жертвы и ее чествовали 1 мая. Майю с сестрами Зевс вознес на небо, превратив в созвездие Плеяд. Аркадия – центральная область Пелопоннеса, где было развито скотоводство. Киллена – горный хребет в Пелопоннесе.

Ну а что касается «преславных деяний» Гермеса, то начал он с того, что, еще будучи грудным младенцем, покинув колыбель, отправился на поиски приключений. Однажды он залюбовался прекрасным стадом коров Аполлона и решил украсть их. Чтобы вора не нашли по следам коров, он к их копытам привязал «шлепанцы» из дубовой коры. Хватившись коров, Аполлон не смог их разыскать и объявил о награде тому, кто отыщет вора. Сатиры увидели две коровьих шкуры, растянутые у входа в пещеру, где в

колыбели покоился лукавый Гермес. Явился Аполлон и потребовал вернуть ему стадо, но Майя возмутилась таким наветом на грудного младенца.

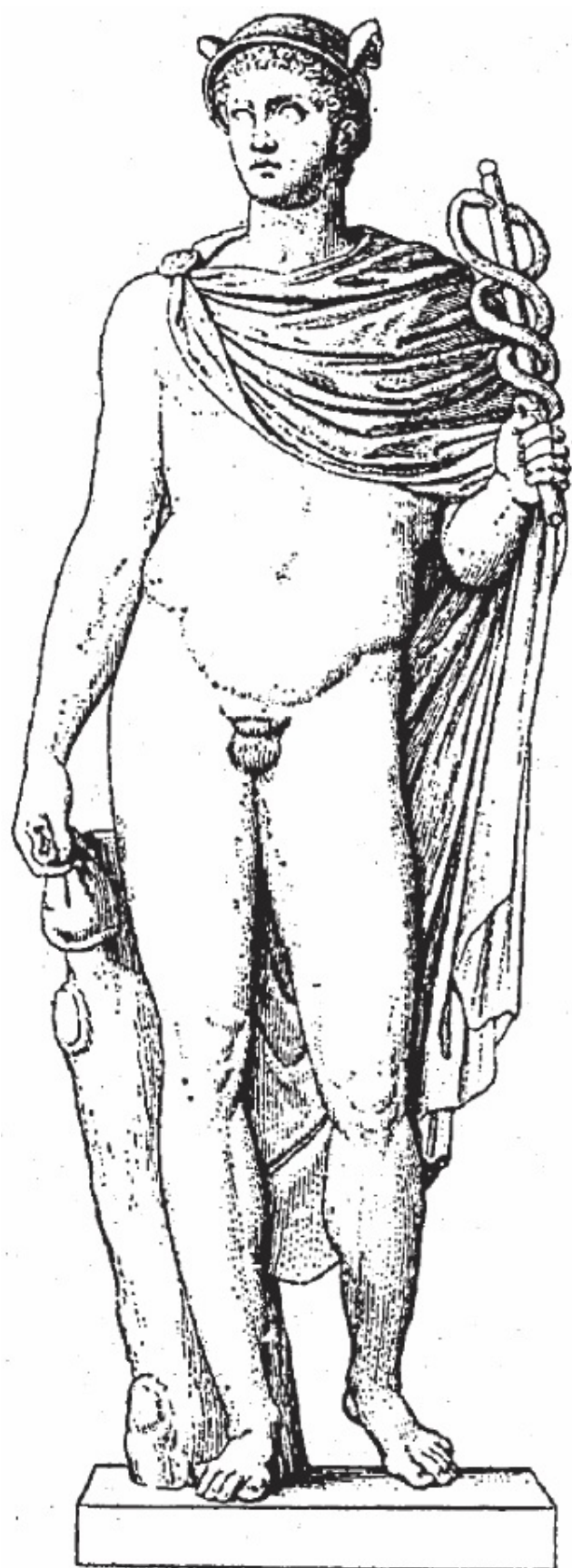
В конце концов Гермес вынужден был признаться в краже. Но Аполлон так и не получил свое стадо. Гермес очаровал его игрой на лире, которую сам изобрел и смастерил. В обмен на этот инструмент Гермес получил коров Аполлона. А пока они возвращались к пещере хитроумного младенца, тот смастерил пастушью свирель. Ее напев так понравился Аполлону, что он предложил за этот инструмент свой золотой жезл. На том и порешили.

Когда Зевс узнал об этой истории, то долго смеялся и сделал Гермеса своим глашатаем и составителем торговых договоров, с условием, что юный бог будет говорить правду и соблюдать права собственности. Гермес обещал не лгать, хотя и не обещал говорить всю правду. Своим глашатаем сделал его и Аид (Гадес), владыка царства мертвых.

От Зевса Гермес получил жезл-кадуцей с белыми лентами, знак вестника богов, широкополую шляпу от дождя и солнца, крылатые золотые сандалии, переносившие Гермеса со скоростью ветра.

Проказы Гермеса заходили достаточно далеко. Однажды он украл у Зевса скипетр, а у Посейдона трезубец. Даже у свирепого бога войны Ареса он сумел похитить меч, а у Аполлона – стрелы. Но это все было сделано в шутку, на потеху богам.

Гермес одинаково вхож как в царство живых, так и в царство мертвых. Золотой его жезл обладает магической силой. Этим жезлом может бог усыплять и пробуждать людей (переход в сон – словно в мир иной). По его воле сон может стать вещим. Тем более что он был обучен искусству гаданий, да и сам изобрел игру в кости и способ гаданий по ним.

Гермес необычайно талантлив. Он помог богиням судьбы составить алфавит, изобрел музыку, астрономию, музыкальные инструменты, а также искусство гимнастики и кулачного боя.

На закате античности, когда расцвели суеверия, пользовались популярностью астрология и оккультные (тайные) науки, возник образ Гермеса Трисмегиста («Триждывеликого»); именем его совершали тайные обряды, вызывали духов, по-видимому, в связи с близостью Гермеса к «иномиру» мертвых, а также в память о его магических способностях.

В конце Средневековья (в эпоху Возрождения) вновь обрели популярность оккультные науки и образ Гермеса Трисмегиста; он вдохновлял алхимиков, мечтавших сотворить философский камень и синтезировать драгоценные металлы.

В Древнем Риме аналог Гермеса – Меркурий был богом торговли и прибыли; он считался сыном бога неба. Показательно, что с давних пор покровителем торговли в Европе считался бог, не отличавшийся честностью и правдивостью, а накопление богатства находилось в ведении посредника между миром живых и миром мертвых.

Афродита (Венера)

Богиня любви, как свидетельствует ее имя (Рожденная из пены), появилась обнаженной из морской пены; в раковине она добралась до берега. Правда, высказывались и другие версии ее рождения. Уточнялось, что пена была не простая, а возникшая в результате того, что Крон, оскотив Урана, забросил его гениталии в море.

Ее появление в Греции со стороны моря – одно из свидетельств того, что эта богиня заморского происхождения. У нее есть другое имя – Киприда, указывающее на то, что ее высоко чтили на этом острове.

Согласно мифам, она относится к числу древнейших богов. Во всяком случае она старше Зевса и олимпийцев. Появление Афродиты привнесло в древний довольно мрачный мир любовь и красоту. По одной из поздних версий, она – дочь Зевса и океаниды Дионы, однако в таком случае придется признать, что до этого на земле не было подлинной любви, а только, как теперь говорят, секс.

Хотя она вышла на сушу, по мифам, на островах Кифера и Кипр, образ ее заимствован, как считают специалисты, у ближневосточных племен (финикийская Астарта и более древние богини: египетская Исида и ассирийская Иштар). Однако подобные заимствования мало что объясняют по сути дела. Ведь и прекрасную Европу Зевс вывез из Малой Азии, но это еще не означает, будто европейская культура заимствована оттуда. С развитием цивилизации греки стали преклоняться перед женской красотой и боготворить любовь; это и было той «пенной», из которой возник образ прекрасной любвеобильной богини.

2,6 тысячелетия назад греческий лирик Мимнерм (родившийся, кстати сказать, в Малой Азии) писал:

Без золотой Афродиты какая нам жизнь или радость?
Я бы хотел умереть, раз перестанут манить
Тайные встречи меня, и объятья, и страстное ложе.

А через пятьсот лет, уже в Риме, поэт-философ Тит Лукреций Кар свою поэму «О природе вещей» начал с прославления Венеры (Афродиты), ибо любовь вдохновляет людей:

Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада,
О благая Венера! Под небом скользящих созвездий
Жизнью ты наполняешь и все судоносное море
И плодородные земли; тобою все сущие твари
Жить начинают и свет, родившиеся, солнечный видят.
...Всюду внедряя любовь упоительно-сладкую в сердце,
Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье.
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не родится.
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.
Будь же пособницей мне при создании этой поэмы...

Считается, что в ее власти умирять диких зверей и что она всегда окружена цветами, словно весной. Она игрива, кокетлива, легкомысленна. Муж ее, самый уродливый из богов, зато искусный мастер Гефест, постоянно занят в своей кузнице. Это позволяет Афродите одарить своей любовью некоторых богов и людей. Она обладала волшебным поясом, который делал каждого влюбленным в его хозяйку.

Наиболее долгая связь была у нее со вспыльчивым, буйным, драчливым и нередко пьяным богом войны Аресом. Они встречались так долго, что у них было трое детей.

Гефест, узнав об изменах жены, смастерил тонкую и прочную металлическую сеть, которую незаметно прикрепил к подножью кровати, опустив с потолка. После этого он, простившись с женой, отбыл на остров Лемнос в свою кузницу. Афродита, призвав Ареса, возлегла с ним на ложе любви. Предаваясь страсти, они поздно заметили, что попали в прочную сеть Гефеста. Так они и лежали обнаженные, когда изобретательный муж вернулся, взяв в свидетели своего супружеского бесчестия богов. Они вынуждены были – не без интереса к прелестям Афродиты –

констатировать прелюбодеяние. Аполлон подтолкнул Гермеса и заметил с усмешкой: «Мне кажется, ты бы и сам не прочь оказаться на месте Ареса». Гермес не возражал, и оба рассмеялись.

Однако дело приняло нешуточный оборот. Гефест потребовал от приемного отца Афродиты, Зевса, возврата всех богатых свадебных даров. Однако Зевс рассердился и заявил, что Гефест сглупил, выставив напоказ неверность жены. И хотя семейный конфликт был улажен, у Афродиты появились новые страстные поклонники: Гермес и Посейдон. От первого у нее родился Гермафродит, в которого влюбилась нимфа Салмакида и, не добившись взаимности, упростила богов слить ее с прекрасным юношей; так появилось первое двуполое существо. От Посейдона же у Афродиты, по некоторым сведениям, было двое детей.

Вот слова А. А. Тахо-Годи: «Богиня сохраняет милый нрав даже в самые неприятные минуты, например, когда она застигнута мужем и другими богами на любовном свидании с Аресом. Кокетство не покидает Афродиту и тогда, когда, раненная Диомедом, она плачет, уткнувшись в колени своей милой матери Дионы. Поистине, как говорит Гера, богиня Афродита покоряет людей и богов силой любви и влекущей прелестью».

Любовные приключения Афродиты многочисленны, и детей у нее немало. Возможно, многие из них были «присочинены» сравнительно поздно, для того чтобы умалить авторитет этой богини. Дело в том, что ее почитали прежде всего на островах и в Малой Азии; не случайно в Троянской войне она вместе с Аполлоном, Аресом, Артемидой выступает против ахейцев на стороне троянцев.

Есть предположение, что сеть, в которую она угодила с Аресом, была в более древних мифах ее атрибутом как богини, связанной с морем. Ее позор, в таком случае, был своеобразной мстью греков, снижением величия ее образа. Как отметил А. Ф. Лосев, Афродита считалась даже богиней гетер, сама именовалась гетерой и блудницей. Столь унижительное положение великий философ Платон определил «Афродите Пандемос» (Всенародной), доступной каждому, отличая «Афродиту Уранию» (Небесную), доступную немногим; именно она возвышает душу влюбленных, вдохновляет поэтов и мыслителей.

В римской мифологии Венера была сначала богиней садов и плодов. В связи с почитанием героя Энея, сына Анхиса и Афродиты, качества последней перешли к Венере. Ее культ достиг апогея около двух тысячелетий назад, когда ее считали богиней удачи и победы такие знаменитые римляне, как Сулла, Помпей и Цезарь. С распространением в Римской империи восточных культов, Венеру стали отождествлять с

богинями Исидой, Астартой. Мифологический круг замкнулся.

Арес (Марс)

Считается, что этот бог негреческого происхождения и позаимствован у фракийцев; не случайно он в Троянской войне находится в лагере противников ахейцев. Если Афина символизировала войну справедливую, защищающую свой дом, полис, родину, то Арес был упоен войной, кровопролитием, яростными сражениями. Сестра его Эрида, богиня раздора, сопровождала его и старалась любыми средствами разжечь вражду между народами и государствами.

Ареса олимпийцы не любили за буйный нрав, злость, задиристость. Любили его только Эрида, Аид (Гадес), для которого он и поставлял многочисленные души погибших в войнах, а также Афродита. В этой любви можно усмотреть древнее сравнение любовников со сражающимися, исполненными яростных чувств, напрягающими силы, словно в смертельном поединке, и, наконец, торжествующими победу и последующую истому. К тому же любовная страсть нередко доводит людей до убийства – возлюбленных или соперников.

Несмотря на изумительное искусство Ареса в военном деле, его дважды побеждала в поединках Афина Паллада (на чьей стороне справедливость, тот обладает дополнительной силой). И если фракийцы, как всякие варвары, не прочь были воевать по разным поводам, а чаще — ради захвата добычи, то афиняне избегали по мере возможности войн, что и отражал нрав Афины Паллады. Вот что писал об Аресе английский литератор и мифолог Роберт Грейвс: «Арес не всегда одерживал верх... Однажды гигантские сыновья Алооя (внуки Посейдона. — Р. Б.) полонили его и целых тринадцать месяцев держали в бронзовом сосуде, откуда его полумертвого вызволил Гермес. В другом случае Геракл заставил его в страхе бежать на Олимп... Его призвали в суд в качестве ответчика: боги обвинили его в преднамеренном убийстве сына Посейдона Галлирофия.

Арес просил оправдать его на том основании, что спасал свою дочь. Поскольку кроме Ареса свидетелей происшедшего не оказалось, суд оправдал его. Это было первое решение суда, вынесенное по делу об убийстве, а холм, на котором слушалось дело, стал известен под названием Ареопаг, которое сохранилось за ним и по сей день».

За страсть к войнам Аресу довелось и пострадать. Во время Троянской войны бесстрашный Диомед осмелился противостоять Афродите и ранил ее, а когда на него набросился сам Арес, Диомед сумел нанести рану самому богу войны, отчего тот завопил так, как будто десять тысяч воинов разом вскричали в гневе и ярости. Арес обратился за помощью к Зевсу, но он не захотел прийти ему на помощь.

Правда, у этого поражения Ареса есть веское основание: удар копьем, который нанес ему Диомед, направляла сама Афина Паллада.

Его характеристики, можно сказать, не внушают почтения: «беснующийся», «огромный», «быстрый», «вредоносный», «сильный», «вероломный», «запятнанный кровью», «губитель людей», «разрушитель городов». Если бы он не был сыном Зевса, то провалиться бы ему в Тартар. Впрочем, по некоторым источникам, Гера породила его без участия мужа.

По одной из версий, от его любовной связи с Афродитой родился Эрот (Эрос), божество любви. Но это выглядит нелепым (ведь вымысел может быть и легким, милым и оправданным, и совершенно нелепым): любовь, безусловно, должна была появиться на свет в начале времен, а не в пору олимпийских богов. Более разумным представляется набор других детей Ареса и Афродиты: Деймос («Страх»), Фобос («Ужас»), Гармония. По видимому, сыновья пошли в отца, а дочь – в мать.

По мнению советского ученого Д. С. Раевского, образ Ареса как бога войны мог иметь скифское происхождение: Геродот писал о «скифском Аресе», символом которого был меч.

Римский аналог Ареса – Марс – был поначалу богом урожая, полей и лесов, весны (имя его носит месяц март). Его считали отцом Ромула и Рема, основателей города Рима. По мере роста военного могущества Римской империи, захватывающей все больше стран и подчиняющей своей власти все новые народы, Марс превращался в сурового бога войны, спутником которого был Павор («Ужас»).

Надо иметь в виду, что Римская империя вела преимущественно войны захватнические, а потому и Марс как их покровитель был очень кстати. Таким образом он со временем превратился в символ войны. «Красную планету» нарекли Марсом, правда, два его спутника получили греческие имена – Фобос и Деймос. Так как еще одной «спутницы» у этой планеты не

оказалось, то Гармония осталась вне этой троицы.

Аполлон

С давних пор этот бог считается покровителем искусства, символом служения музам. Под другим именем – Феб – он выступает как солнечное божество, отождествляется с Гелиосом (Солнцем) и его сиянием. В стихотворении Пушкина Аполлон олицетворяет поэтическое вдохновение:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...

...

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта вострепнется,
Как пробудившийся орел...

Правда, на это Писарев язвительно заметил: мол, поэту, выходит, дозволено совершать подлости, унижаться, угождать сильным мира сего, предаваться порокам, пока он не востребован к «священной жертве» Аполлоном. Как будто периодическое служение данному богу оправдывает пороки или даже преступления.

Однако следует заметить, что и в мифологии образ Аполлона вовсе не так светел и прекрасен, как принято считать. Одно из признанных олицетворений красоты – Аполлон Бельведерский – изображает юношу с луком в руках, смотрящего вслед выпущенной смертоносной стреле. Статуя Праксителя изображает Аполлона Савроктон, убивающего ящерицу. А на картине Рубенса Аполлон сдирает кожу с несчастного Марсия!

Аполлона по справедливости изображают то в лавровом венке и с кифарой (лирой) в руках, то с луком и стрелами. В нем соединились образы природных явлений (лучи Солнца, которые несут свет и тепло, пробуждают и поддерживают жизнь, но также способны иссушить почву и растения, вызвать пожары) с чертами, присущими людям. Более того, судя по его имени, которое по происхождению не является греческим, он соединил в себе какие-то архаические, «доантичные» черты, отражая переходный период от примитивной цивилизации к более высокой, изощренной прежде

всего в искусствах.

Не случайно, по-видимому, местом рождения Аполлона греки считают остров Делос, расположенный между полуостровами Пелопоннес и Малая Азия. Не исключена связь образа Аполлона с древней цивилизацией острова Крит, тем более что этот бог был сыном Зевса (пришедшего с Крита) и богини Лето. По словам греческого автора II века до н. э. Аполлодора:

«Богиню Лето, сошедшуюся с Зевсом, Гера преследовала по всей земле, пока та, придя на остров Делос, не родила вначале Артемиду, а с помощью Артемиды она затем родила Аполлона.

Артемиде, занявшись охотой, оставалась девой, Аполлон же, научившись искусству прорицания у Пана, сына Зевса и Рибрис, прибыл в Дельфы, где тогда давала предсказания богиня Фемида. Так как охранявший вход в прорицалище дракон Пифон не давал ему проникнуть к расщелине, он убил его и овладел оракулом. Некоторое время спустя он убил и Тития, который был сыном Зевса и дочери Олхомена Элары. Последнюю Зевс, после того как сошелся с ней, скрыл под землей, опасаясь Геры, а выношенного ею в чреве огромного сына Тития вывел из-под земли на свет. Титий же, прибыв в Пифо и увидев богиню Лето, охваченный страстью, стал тянуть ее к себе. Богиня позвала на помощь детей, и те расстреляли его из лука...

Аполлон убил и Марсия, сына Олимпа. Марсий, найдя свирель, которую бросила Афина вследствие того, что игра на ней искажала ее лицо, отважился состязаться с Аполлоном в мусическом искусстве. После того как они договорились, что победитель сможет сделать с побежденным все, что захочет, началось состязание. Аполлон стал играть на перевернутой кифаре, после чего потребовал, чтобы Марсий сделал то же. Когда же тот не смог этого сделать, Аполлон, признанный победителем, подвесил Марсия на высокой сосне и убил, содрав с него кожу».

Убийство Аполлоном Пифона логично толковать как победу солнечного света над темными силами, архаичными поверьями и колдовскими обрядами. Тем более что Аполлон, согласно мифу, основал на месте древнего прорицалища храм – Дельфийский – и учредил Пифейские игры, уступавшие по размаху только Олимпийским.

Аполлон Пифий (такое было дано ему прозвище) почитался как оракул и покровитель предсказателей, вследствие чего он имел многочисленные святилища в Греции и Малой Азии. Можно предположить, что Аполлон Пифий олицетворял переход от пророчеств шаманского типа, основанных на измененном состоянии сознания, на трансе или наркотическом

опьянении, к продуманным предсказаниям, основанным главным образом на знании и интуиции.

Труднее понять, чем вызвано столь варварское, неоправданно жестокое отношение Аполлона к Марсию: состязание в музицировании оборачивается истязанием!

Осмыслить это помогает отчасти другой миф, согласно которому Аполлон одержал победу прежде всего потому, что он не только играл на музыкальном струнном инструменте, но и пел при этом. Он добавил к мелодии слова, определенный смысл, в отличие от лишь эмоционального исполнения Марсия.

Учтем и то, что Марсий принадлежал к сонму архаичных богов (смерть его оплакивали нимфы, сатиры, силены и наяды). По мнению А. Ф. Лосева: «В мифе о состязании Аполлона и Марсия отразился начальный этап борьбы божественных антагонистов Аполлона и Диониса». Тем более что Дионис являлся прежде всего богом плодородия растительности и виноделия, был покровителем земледельцев, тогда как Аполлон выступал как покровитель родовой аристократии.

Таким образом, победа Аполлона в социальном плане демонстрирует силу окрепшей аристократии, установившей свою власть над земледельцами; в общем, горожане возобладали над сельскими кителями, крестьянами. В искусстве это отразилось как вытеснение изначального народного (этнографического) «любительского» искусства более сложными и четко организованными видами «профессионального» пения, музицирования, стихосложения.

Аполлон Мусагет назывался так, ибо покровительствовал музам, которые, в свою очередь, олицетворяли обособившиеся области духовной деятельности. Вот как охарактеризовал их римский поэт Магний Авзоний (IV в.):

Клио прежних времен дела вещает потомству,
Мельпомена трагический вопль исторгает печали,
Радует Талия шуткой, веселым словцом и беседой,
Сладкую песню поет с тростниковой флейтой Эвтерпа,
Терпсихора кифарой влечет, бурей чувств владея,
С плектром в руке Эрато чарует и словом, и жестом,
Песни времен героических в книге хранит Каллиопа,
Звезды небес изучает Урания, неба вращенье,
Жестами все выражая. Полигимния славит героев.

Несколько странно, что покровитель муз, божество гармонии был в то же время охранником посевов и стад. Возможно, и в этом проявились его архаичные черты, отражающие те времена, когда представители воинской знати, а не сами пастухи и земледельцы, стали охранять определенные территории от нападения врагов. Правда, младенец Гермес исхитрился украсть его собственное стадо, но Аполлону в конце концов удалось вернуть угнанных коров.

Как писала А. А. Тахо-Годи: «Мощная Фигура светлого солнечного бога, стреловержца, карающего чудовищ, Мусагета («Водителя Муз»), вдохновенного певца, мудрого прорицателя и врачевателя, покровителя пастухов, строителя городов и основателя законодательств, никак не могла окончательно вытеснить оборотня-волка, истребителя пастушечьих стад, фитоморфного демона, мрачного убийцу людей, насылателя смертельных болезней, разрушителя городов».

Выходит, этому богу не чуждо ничто человеческое. Справедливости ради надо сказать, что его злодеяния не беспричинны. Так, он насыляет мор на войска, осадившие Трою, потому что покровительствует ее защитникам (так проявляется его негреческое происхождение). В этом случае его стрелы девять дней поражают лагерь ахейцев, неся чуму.

Наиболее страшное деяние Аполлона – убийство (вместе со своей сестрой Артемидой) всех детей Ниобы: семь юношей и семь девушек (в мифах число их колеблется от шести до десяти). Но и в этом случае он вступился за честь своей матери, над которой насмеялась Ниоба.

Судя по всему, богиня Лето и Ниоба, подобно Аполлону, негреческого происхождения. На Крите был город, названный именем Лето, а в Ликий (Малая Азия) – посвященный ей храм. Она почиталась как олицетворение нежной, безропотной матери, которую прославили ее двое божественных детей – сын и дочь. В отличие от нее Ниоба была многодетной, однако ее сыновья и дочери ничем не прославились. Соперничество между ними носит, можно сказать, социально-философский характер – что предпочтительней и достойней: иметь много детей заурядных или немного – выдающихся.

Аполлон способен не только насылать болезни, но и излечивать людей. Его сын Асклепий, которого обучал в детстве мудрый кентавр Хирон, стал богом врачевания. Об этом сообщает Аполлодор, невольно показывая Асклепия как искусного земного врача, который, «накопив в этом занятии большой опыт... не только спасал от смерти, но и воскрешал уже умерших». Для этого он использовал полученную от Афины кровь Горгоны.

«Зевс испугался, – продолжает Аполлодор, – как бы люди не стали спасать друг друга, позаимствовав у этого врачевателя его искусство, и поразил его своим перуном. Разгневанный этим Аполлон перебил всех киклопов, выковавших Зевсу перун. За это Зевс намеревался свергнуть его в Тартар, но, уступая просьбам богини Лето, приказал Аполлону прослужить год у смертного человека». Пришлось проштрафившемуся богу испытать на себе все тяготы человеческой жизни, став пастухом.

Это была не единственная распря между Зевсом и Аполлоном. Последний принимал участие в заговоре на Олимпе, вместе с Посейдоном пытаясь низвергнуть отца с трона. За это Зевс повелел им служить в человеческом облике у троянского царя. Существует предание о соперничестве Аполлона с Зевсом: сын решил победить отца в искусстве, в котором не имел себе равных. Он пустил стрелу, однако Зевс быстрее ее пронесся на то же расстояние. Мораль сей притчи: не тягайся с сильнейшим.

Важен сам факт претензий Аполлона. Значит, не все спокойно на Олимпе, и боги не пребывают в вечном блаженстве. Одни из них становятся могущественней, власть других слабеет. «Следует вспомнить при этом, – писала Тахо-Годи, – ряд пророчеств Геи о наступлении конца Зевсова могущества. Да и вообще регулярная смена поколений богов неизбежна, иначе остановится мифологическая история, отражающая реальные социально-исторические сдвиги родового общества».

Впрочем, мифологическая история богов Древней Греции и Рима действительно остановилась. Изменения общественного бытия и сознания привели к полной замене религиозных представлений: настала эпоха христианства. Но боги Греции и Рима не ушли в небытие. И причиной тому было прежде всего, можно сказать, искусство Аполлона.

Дело в том, что в одном Аполлон безусловно превзошел Зевса – в стремлении к прекрасному и светлому во всем – в науках, философии, искусствах. Культура Древней Греции, пронизанная религиозными идеями и образами, легла в основу европейской культуры вообще.

В результате боги античности, лишившись своей религиозной сути, стали служить людям в качестве художественных образов. Греческое искусство, по словам Гегеля, «впервые после тысячелетий брожения духа обрело красоту внешнего облика и светлую жизнерадостную ясность содержания, сразившие временную гармонию человека с природой и его политическим миром».

Многие исследователи склонны считать отрицательные черты Аполлона наследием архаичных времен, в частности матриархата. «На

стадии олимпийской или героической мифологии, – писал А. Ф. Лосев, – в этом мрачном божестве, с его властью над жизнью и смертью, выделяется определенное устойчивое начало, из которого вырастает сильная гармоническая личность великого бога эпохи патриархата. Он помогает людям, учит их мудрости и искусствам, строит им города, охраняет от врагов...»

Правда, следовало бы учесть, что строительным делом его вынуждает заняться Зевс в наказание, а учит он своих сыновей Асклепия и Орфея. И его легендарные атрибуты – лира и лавровый венок, ставшие символами высших достижений в лирике (лира) и в соревнованиях, в творчестве – связаны с эпизодами, которые вряд ли украшают и возвышают образ Аполлона. Соревнование в музицировании – со зверским убийством Марсия. А любовь Аполлона к лавру вызвана его страстью к прекрасной нимфе Дафне. Пораженный стрелой бога любви Эроса, Аполлон захотел овладеть Дафной, которая пыталась убежать от него (кстати сказать, его отвергла и прорицательница Кассандра, а были неверны Коронида, мать Асклепия, и Марпесса). Когда она поняла, что ей не удастся ускользнуть от его объятий, она превратилась в лавровое дерево, из ветвей которого и свил Аполлон венок.

Надо заметить, что и в любви к Дафне и страсти к прекрасному юноше Гиакинфу (Гиацинту) Аполлон не вполне честными способами постарался избавиться от соперников. Таким образом из века в век переходили мифы не только о прекрасных, но и о жестоких или коварных деяниях Аполлона. Если бы его отрицательные качества были «пережитками старины», то вряд ли о них стали бы вспоминать представители более молодых поколений сказителей, поэтов, писателей.

Учтем и то, что в давние времена многие из тех, что мы считаем страшными преступлениями, не считались таковыми. И то, что за оскорбление матери Аполлона несчастная Ниоба заплатила жизнями своих детей, могло не вызывать возмущения представителей эллинской цивилизации. Но самое главное, что образ Аполлона с его противоречивыми чертами получается очень жизненным, и не столько божественным, сколько человеческим; не схемой, идеей, олицетворением определенных стихий или человеческих качеств, социальных функций, а живой, страстной личностью.

Артемида (Диана)

Сестра-близнец Аполлона, подобно ему, носила лук и стрелы, беспощадно разила своих врагов, могла насылать чуму на людей, но умела и лечить их. Дочь Зевса и Лето родилась на острове Делосе (в мифе он изначально назван плавучим, именуясь Астерия, что наводит на мысль, не был ли он судном?). Она была целомудренной богиней-девой дикой природы и охоты. Ее культовыми животными являлись олень и медведь, а свиту составляли нимфы. Если ее брат отождествлялся с Солнцем, то она – с Луной, Селеной.

Артемида покровительствовала всем животным, сосущим молоко (отголосок запрета убивать детенышей млекопитающих), а также младенцев и рожениц. Однако любовь к животным и детям не мешала ей охотиться на оленей и расстрелять из лука дочерей Ниобы (сыновей расстрелял Аполлон) за то, что она осмелилась надерзить богине Лето. Как помощница при родах она выступила, едва появившись на свет: помогла матери родить своего брата.

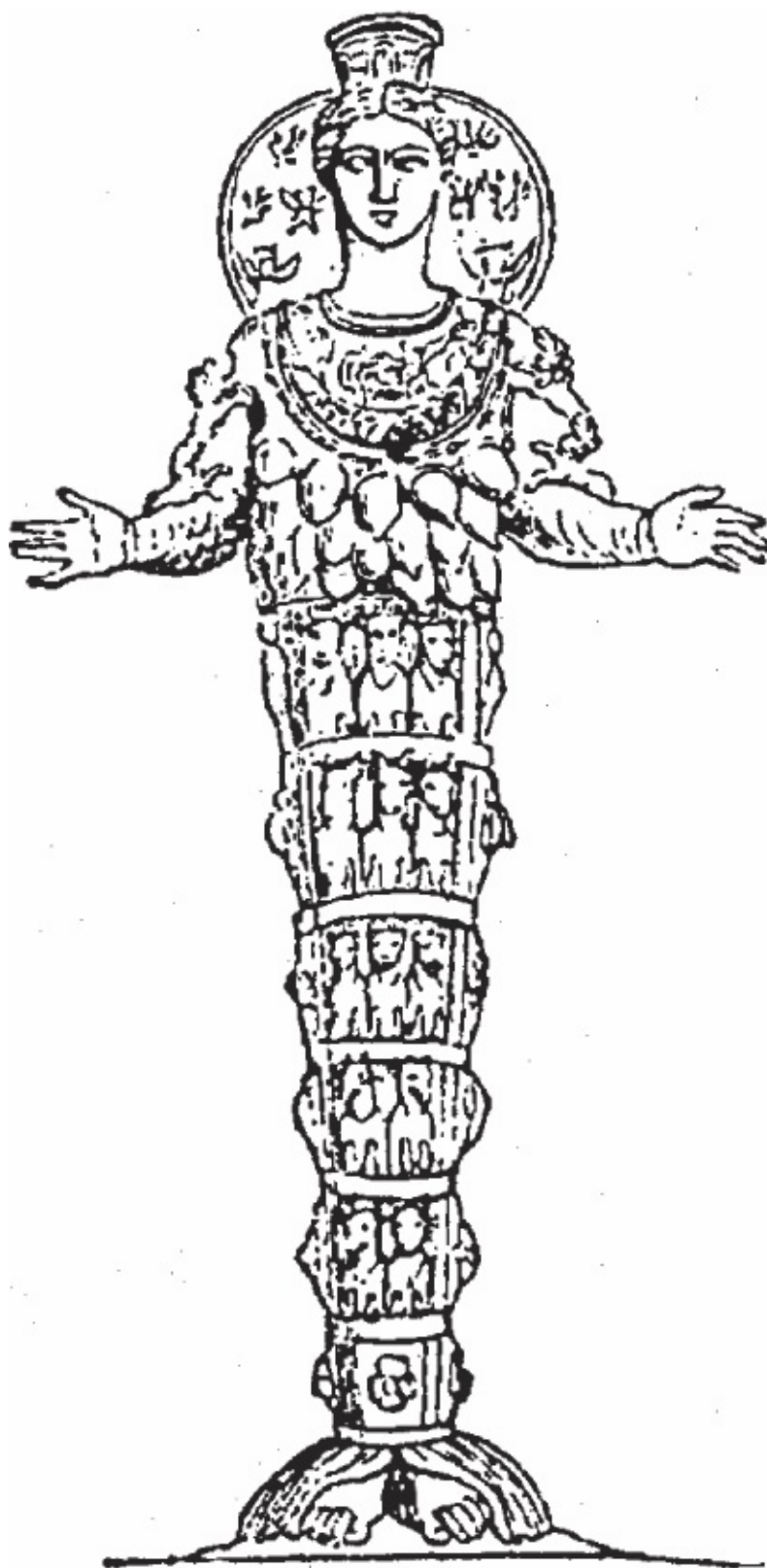
Как повествует миф, когда трехлетней девочкой она сидела на коленях у Зевса, тот спросил, какие бы подарки она хотела получить. Она ответила: «Обещай дать мне вечную девственность, столько же имен, сколько у моего брата Аполлона, лук и стрелы, как у него, обязанность приносить свет, шафрановую до колен охотничью тунику с красной каймой, шестьдесят юных нимф-океанид, всех одного возраста, в качестве моей почетной свиты, двадцать речных нимф из Амниса на Крите, чтобы ухаживали за моими сандалиями и кормили моих охотничьих собак, когда я не занята охотой, а также все горы в мире; а еще выбери мне город, какой пожелаешь, – мне и одного будет достаточно, поскольку большую часть времени я собираюсь проводить в горах. К сожалению, роженицы будут часто обращаться ко мне с мольбами, поскольку мать моя Лето выносила и произвела меня на свет без боли, и богини судьбы сделали меня покровительницей родов».

Зевс, улыбаясь, обещал исполнить все ее пожелания, а еще вдобавок обещал тридцать городов на материке и островах, назначив ее хранительницей дорог и бухт. После этого Артемида покинула отца и отправилась сначала на гору Левка на Крите, а затем – к океану, где отобрала девятилетних нимф.

В хороводе своих спутниц она выше и прекрасней всех. Но нрав у нее

суров. Когда Зевс соблазнил нимфу Каллисто из ее свиты, Артемида вскоре заметила, что та ждет ребенка. Разгневавшись, она превратила нимфу в медведицу и натравила на нее свору собак. Зевс предотвратил расправу, вознес нимфу на небо и превратив ее в созвездие Большой Медведицы.

Однажды юный охотник Актеон увидел обнаженную богиню, купавшуюся в ручье. Об этом он рассказал своим спутникам и был жестоко наказан богиней: она превратила Актеона в оленя, и его растерзали собственные собаки.

В другой раз гнев ее обрушился на царя города Калидона (в Южной

Этолии) Ойнея, который считался основателем виноделия. Собрав обильный урожай, Синей принес жертвы богам, забыв возблагодарить Артемиду. Оскорбленная, она наслала на Калидон свирепого гигантского вепря, который опустошал поля и сады, убивал людей, скот. Земля оставалась незасеянной. «Тогда Ойней, – сообщает Аполлодор, – пригласил принять участие в охоте на вепря всех самых отважных воителей Эллады, оповестив при этом, что тот, кто убьет вепря, получит в качестве трофея его шкуру». Аполлодор перечислил всех – более двадцати – участников Калидонской охоты. Среди них была одна женщина: Аталанта из Аркадии.

Некоторые охотники стали говорить, что непристойно им выходить против вепря вместе с ней. Но руководитель охоты сын Ойнея Мелеагр, равнодушный к Аталанте, настоял на том, чтобы она пошла вместе со всеми. Когда обложили вепря, тот растерзал двух охотников. Вдобавок один из них, промахнувшись, поразил дротиком другого.

Аталанта первой ранила вепря, поразив его стрелой в спину. Добил зверя Мелеагр. Ему преподнесли шкуру, а он передал ее Аталанте. Сыновья царя Тестия, участвовавшие в охоте, отобрали у нее шкуру, за что были убиты Мелеагром (говорили, что его истинным отцом был сам бог войны Арес). Однако убитые приходились братьями Алтее, матери Мелеагра, и она путем колдовства способствовала гибели своего сына, а затем наложила на себя руки... Короче говоря, Артемиде сумела отомстить Ойнею и его семье и за непринесенную жертву, и за Калидонскую охоту.

Артемиде убила великана Ориона, которого его отец Посейдон одарил способностью ходить по морю (не был ли этот Орион моряком?). В него влюбилась богиня утренней зари Эос и перенесла его на остров Делос. «Орион же, как говорят некоторые, – пишет Аполлодор, – погиб, когда приглашал Артемиду состязаться с ним в метании диска, но, по сведениям других, Орион был застрелен Артемидой из лука, когда пытался совершить насилие над Опидой, одной из дев, прибывших от гиперборейцев».

В общем, подобно своему брату, Артемиде сурова, порой жестока, но справедлива (по крайней мере, так считали эллины). По словам А. А. Тахо-Годи: «Артемиде – враг любого нарушения прав и устоев олимпийцев. Благодаря ее хитрости погибли братья-великаны Алоады, пытавшиеся нарушить мировой порядок. Дерзкий и необузданный Титий был убит стрелами Артемиды и Аполлона».

Однако с давних пор с Артемидой связан прежде всего образ юной богини охоты, владычицы лесов и гор. Вот что говорит о ней Гомер:

Песня моя к златострельной и любящей шум Артемиде,

Деве достойной, оленей гоняющей, стрелолюбивой,
Одноутробной сестре златолирного Феба-владыки.
Тешась охотой, она на вершинах, открытых для ветра,
И на тенистых отрогах свой лук всезлатой натягает,
Стрелы в зверей посылая стениящие. В страхе трепещут
Главы высокие гор. Густотенистые чащи лесные
Стонут ужасно от рева зверей. Содрогаются суша
И многорыбное море. Она же с бестрепетным сердцем
Племя зверей избивает, туда и сюда обращаясь.
После того, как натешится сердцем охотница-дева,
Лук свой красиво согнутый она наконец ослабляет
И направляется к дому великому милого брата
Феба, царя дальновержца, в богатой округе дельфийской.

Странным образом в этой богине соединяются черты целомудрия, любви к детенышам и детям, к материнству, с жестокостью, страстью к охоте и даже убийству детей, причем только для того, чтобы наказать их мать.

Из всего этого можно заключить, что Артемида олицетворяет главным образом дикую природу, совершенно равнодушную к гибели отдельных существ. Она сохраняет черты богини древнейшей, доантичной, и возможно даже – двух или трех богинь. Полагают, что на Крите она была владычицей зверей. В Аттике жрицы Артемиды для ритуальных танцев надевали медвежьи шкуры и назывались медведицами. А в Малой Азии ее чтили как богиню плодородия и материнства: на знаменитой скульптуре в Эфесском храме она показана многогрудой.

В римской мифологии Артемиде соответствует Диана-охотница. Она получила название Тривия («Тридорожная»), чем подчеркивалось, что она является путеводительницей на небе, на земле и под землей; ее изображение помещали на перекрестках.

В провинциях Рима именем Дианы назывались местные богини – хозяйки лесов, покровительницы материнства, хранительницы плодородия растительного и животного мира, а также лунное божество.

Дионис (Бахус, Вакх)

Он известен прежде всего как бог виноградарства и виноделия, а также растительности и плодоносных сил земли. По своему происхождению он – «пришелец» из Малой Азии. Его путь в Грецию, куда он попал сравнительно поздно, проходил через Крит и острова Эгейского моря. Имя Диониса встречается на критских табличках, датируемых XIV веком до н. э. Считается, что в материковой Греции культ Диониса укоренился через шесть-семь столетий.

Согласно древнейшей мифологии Крита, Дионис выступает как Загрей («Великий Охотник») – сын Зевса и богини Персефоны, которая была дочерью Зевса и богини Деметры, супругой Аида. Впрочем, в древнейших мифах Зевс нередко считается владыкой подземного царства мертвых. С Персефой он соединяется в образе змея.

Ревнивая Гера послала титанов, чтобы убить Диониса Загрея. Он питался скрываться или напугать титанов, принимая облик зверей, но в конце концов они его растерзали. Куски его тела они сварили. Из его крови, пролитой на землю, выросло гранатовое дерево. Однако супруга Кроноса и бабка Диониса Рея соединила куски его тела и вдохнула в них жизнь...

По-видимому, этот эпизод свидетельствует о некогда совершавшихся

человеческих жертвоприношениях. Кроме того он, является одним из вариантов распространенных у разных народов мифов об умирающем и воскресающем боге, который символизирует вечный круговорот жизни и смерти, постоянное возрождение плодородных сил земной природы.

А вот что рассказал о происхождении Диониса Аполлодор:

«Влюбившись в Семелу, Зевс тайно от Геры разделил с ней ложе. Когда Зевс пообещал ей, что сделает все, о чем только она его ни попросит, Семела, введенная в обман Герой, попросила прийти к ней в том же самом виде, в каком он пришел свататься к Гере. Не имея возможности уже отказать Семеле, Зевс пришел в ее брачный чертог на колеснице с молниями и громами и метнул перун. Семела, от страха упав замертво, родила шестимесячное дитя, а Зевс извлек дитя из огня и зашил его в свое бедро... В положенное время Зевс родил Диониса, распустив швы на своем бедре, и отдал дитя Гермесу. Последний отнес ребенка к Ино и Афаманту, попросив их, чтобы они воспитали дитя, как девочку».

Но Гера не оставила свои козни, поразив супругов, воспитывавших Диониса, безумием. Зевс превратил Диониса в козленка и отнес его к нимфам в Нисе (Малая Азия). В этих краях юный Дионис нашел виноградную лозу. Однако Гера и его лишила рассудка, и он стал бродить по землям Египта и Сирии, побывал в Индии. Оттуда он вернулся в Фивы (Нижний Египет). На своем пути он вызывал у женщин приступы вакхического неистовства, порой переходящего в безумие. Это наводит на мысль, что Дионис приносил с собой не только виноградную лозу, но и обучал виноделию, после чего начинались пьяные вакханалии. Почему среди женщин? По-видимому, именно они в ту пору занимались изготовлением крепких напитков.

Сохранилась легенда о пребывании Диониса в плену у тирренских пиратов. «Желая переправиться с острова Икарии на остров Наксос, – сообщает Аполлодор, – Дионис нанял триеру, принадлежавшую тирренским пиратам. Они приняли его на борт, но проплыли мимо Наксоса и взяли курс на Азию, желая продать его там в рабство. Но Дионис превратил мачты и весла в змей, наполнив корабль ветвями плюща (или виноградными лозами) и пением флейт. Пираты, охваченные безумием, попрыгали в море и превратились в дельфинов. Так люди признали в Дионисе бога и стали его почитать. Дионис же направился в Аид и вывел оттуда свою мать... Вместе с ней он поднялся на небо».

Случай с пиратами показывает, что уже в ту пору морские разбойники злоупотребляли хмельными напитками и могли опьянеть до того, что им стали мерещиться змеи, цепкие ветви плюща и звуки флейт.

Во время своих странствий Дионис в безумии совершил немало злодеяний (по-видимому, находясь в пьяном состоянии), но бабка Рея подвергла его очищению от всех убийств. Однако и после этого он продолжал устраивать вакханалии, во время которых женщины, впадая в экстаз, иногда совершали даже убийства. Тех, кто отказывался участвовать в этих оргиях, он карал безумием.

Некоторые цари пытались препятствовать победоносному шествию Диониса с его вечно пьяной свитой. Но в конце концов им приходилось признавать свое поражение и восславлять Диониса как бога.

«Основным ключом к мистической истории Диониса, – по мнению английского исследователя и писателя Роберта Грейвса, – является распространение культа лозы в Европе, Азии и Северной Африке. Вино было изобретено не греками: похоже, оно первоначально ввозилось в сосудах из Крита. Дикий виноград рос вдоль южного побережья Черного моря, откуда он, как культурное растение, постепенно достиг горы Ниса в Лидии и тем же путем, через Палестину, – Крита. В Индию он пришел через Персию в эпоху бронзы и по «янтарному пути» достиг Британских островов. Винные оргии в Малой Азии и Палестине – праздник кущей первоначально был не чем иным, как вакханалией, – характеризовались теми же экстатическими танцами, что и пивные оргии во Фракии и Фригии. Триумф Диониса заключался в том, что вино повсеместно вытеснило другие, опьяняющие напитки...»

Создается впечатление, что авторы мифов описывают не столько пьяные оргии, сколько наркотические галлюцинации. Но вино их вызвать не может, тем более – в массовом масштабе. Напрашиваются три объяснения: либо авторы преданий впадали в чрезмерное преувеличение, либо в вино добавлялось какое-то наркотическое зелье (что более вероятно), либо в те далекие века люди были чрезмерно восприимчивы к алкоголю. Учтем, что наркотические препараты, напитки были известны в Персии, Индии (хаома, сома) и других восточных странах.

«Вобрав в себя оргиазм природы, – писала А. А. Тахо-Годи, – Дионис дает возможность человеку, ограниченному установлениями традициями, законами, выразить кроющийся в каждом избыток сил, приобщиться к бесконечной божественной стихии, почувствовать неизмеримость свободы от любых уз, ощутить собственную мощь».

Такой панегирик дионисийским оргиям не совсем оправдан. Ведь пьянство и наркомания тоже вызывают у человека ощущение избытка сил, освобождения от любых уз. В этом трудно усмотреть приобщение к божественной стихии, скорее – к демонической, сугубо эмоциональной,

истеричной, необузданной стихии, приобщающей человека скорее к зверям, чем к богам. Впрочем, если считать Диониса великим богом (а он вошел в дюжину олимпийских богов), то и божественные влияния могут быть не только иррациональными, но и просто граничить с безумием.

«В шествии Дионисия, – по словам А. Ф. Лосева, – носившем экстатический характер, участвовали вакханки, сатиры, менады... с тирсами (жезлами), увитыми плющом. Опоясанные змеями, они все сокрушали на своем пути, охваченные священным безумием. С воплями «Вакх», «Эвое» они славили Диониса-Бромия («бурного», «шумного»), били в тимпаны, упиваясь кровью растерзанных диких зверей, высекая из земли своими тирсами мед и молоко, вырывая с корнем деревья и увлекая за собой толпы женщин и мужчин».

Как видим, все это мало напоминает восхождение к божественным вершинам духа. Это более похоже на нисхождение к первобытному состоянию, пробуждение разнузданных низменных инстинктов и подавление разума. Но и в этом, конечно же, проявляется естественная природа человека. Опьяняющий Дионис раскрывал и проявлял то, что в обыденной жизни люди сдерживают под влиянием культуры и правил поведения.

В Риме Диониса называли Вакхом, или Бахусом. И когда Пушкин в «Вакхической песне» воздавал должное вину и юным девам, он выступал как приверженец Диониса (между прочим, одним из символов этого бога был фаллос). Но следом поэт восклицает: «Да здравствуют музы, да здравствует разум», восхищаясь «солнцем бессмертным ума»; а это уже восхваление Аполлона Феба, светлого начала в человеке.

Пан (Фавн, Сильван)

О нем в Гомеровском гимне сказано так:

С нимфами светлыми он – козлоногий, двурогий, шумливый —
Бродит по горным дубравам, под темною сенью деревьев.
Нимфы с верхушек скалистых обрывов его призывают, Пана они
призывают с курчавою, грязною шерстью, Бога веселого
пастбищ. В удел ему отданы скалы, Снежные горные главы,
тропинки кремнистых утесов... Часто мелькает он там, на
сверкающих, белых вершинах, Часто, охотясь, по склонам
проносится, с дикого зверя Острых очей не спуская. Как только
же вечер наступит, Кончив охоту, берет он свирель, одиноко
садится И начинает так сладко играть, что тягаться и птичка С
ним не могла бы, когда она в чаще, призывно тоскуя, В пору
обильной цветами весны заливается песней. Звонкоголосые к
богу собираются горные нимфы, Пляшут, вблизи родника
темноводного быстрого пляску, И далеко по вершинам
разносится горное эхо.

Это божество лесов и полей, диких животных и стад, охотников и пастухов. Однако уже в его облике, соединяющем черты человека и животного, видится отражение архаичных воззрений на обожествленную живую природу. Вряд ли случайно слово «пан» по-гречески означает «всё».

Согласно Аполлодору, Пан, научивший Аполлона искусству прорицания, был сыном Зевса и нимфы Гибрис. Такая родословная более пристала этому богу, чем ряд других, которые ему приписывались: сын Гермеса и Дриопы, Гермеса и нимфы Ойнои или даже жены Одиссея Пенелопы, которую Гермес соблазнил в образе барана (странный облик для любовника); есть даже и скабрёзная версия, будто его отцами были все сразу поклонники Пенелопы, ожидавшей возвращения мужа. Но это, безусловно, более поздние придумки.

Судя по облику Пана и его древности как мифологического героя более логичной представляется версия о том, что матерью Пана была божественная коза Амалфея, вскормившая своим молоком ребенка-Зевса, который скрывался на Крите. В таком случае Пан оказывается столь же древним божеством, что и сам Зевс. Это же утверждает еще одна версия происхождения Пана: как сына Крона и Реи.

Согласно более позднему мифу, Пан родился козлоногим, мохнатым, с козлиной бородой и рогами. Мать пришла в ужас от его облика и убежала от младенца. Однако счастливый отец – Гермес – взял младенца и отнес его на Олимп, где младенец позабавил богов... Впрочем, все это выглядит фантастичным даже для мифа, ибо по всем признакам Пан значительно древнее, чем большинство олимпийцев.

Сам по себе Пан добродушен и ленив, не прочь при случае соблазнить нимф и похвалялся, что сочетался со всеми менадами из свиты Диониса, которые в опьянении и экстазе не обращали внимания на его облик, а может быть, даже козлоподобный Пан представлялся им прекрасным Аполлоном.

Однажды он попытался овладеть целомудренной нимфой Сирингой (имя ее переводится как «Свирель»). Но она предпочла превратиться в тростинку. Пан вырезал из тростинок первую в мире свирель (позже по ее образцу Гермес смастерил свирель, выдав ее за собственное изобретение и продал Аполлону).

Кормилица муз Эвфема родила ему сына Кротоса, превратившегося в созвездие Стрельца. От нимфы Эхо была у него дочь Иинга, обернувшаяся птицей вертишейкой (как известно, эта нимфа из-за неразделенной любви к Нарциссу превратилась в эхо).

Самое любимое время Пана – послеобеденное, когда он предается отдыху. Если его потревожить в это время, он может испустить дикий крик из глубины пещеры или грота, наводящий на животных и людей ужас (так и называют: панический страх, паника). Любимым местом его пребывания считалась Аркадия, где он опекал стада и пасеки, помогал охотникам выслеживать добычу. Правда, если они возвращались с охоты ни с чем, то могли в сердцах отхлестать изображение Пана (очевидный отголосок первобытной веры в охотничью магию и идолов).

Пан осмелился вступить в музыкальное соревнование с Аполлоном. Слушатели отдали предпочтение кифаристу Аполлону, и лишь царь Мидас, судивший поединок, провозгласил победителем Пана, за что обиженный Мусагет наградил его ослиными ушами.

Как сообщил Плутарх, кормчий Тамус, плывший в Италию мимо острова Паксы, услышал глас свыше: «Тамус, великий Пан умер!»

Это выражение стало крылатым, и смерть великого бога Пана стали толковать как закат античной цивилизации. Плутарх, который был жрецом в Дельфах во второй половине I века н. э., понял это выражение так. Однако в действительности культ этого бога в те времена вовсе не исчез, а просуществовал еще несколько столетий.

Данное обстоятельство делает правдоподобным предположение Р. Грейвса (если это его догадка), что провозглашено было нечто иное: «Таммуз всевеликий [пан-мегас] умер!»

Действительно, Таммуз у многих народов Ближнего Востока, в Аккадии почитался как умирающий и воскресающий бог плодородия. Поэтому вполне могли с острова раздаваться голоса хора или голос жреца,

возвещающие об очередной смерти Таммуза. В противном случае сообщение Плутарха следует считать легендой с философским или, если угодно, экологическим подтекстом – мол, погибла дикая природа, преобразованная людьми.

«Раннее христианство, – по свидетельству А. Ф. Лосева, – причислило Пана к бесовскому миру, именуя его «бесом полуденным», соблазняющим и пугающим людей. В римской мифологии Пану соответствуют Фавн (покровитель стад) и Сильван (покровитель лесов)».

Вполне возможно, что за дикий крик Пана люди принимали ужасающий грохот горных обвалов. Во всем остальном этот бог, любящий леса и поляны, уединение, легконогих нимф и игру на флейте, вызывает симпатию. К счастью для нас, он, – как покровитель лесов – сохраняется по сию пору и, пожалуй, переживет еще не одно поколение землян, в том случае, если они не исхитрятся погубить остатки дикой (относительно) природы Земли.

Деметра (Церера)

Она была богиней земледелия и плодородия и относилась к числу древнейших божеств. Ее родители – владыка времени и космоса Кронос и его супруга Рея, дочь Урана и Геи, богини Земли.

То же относится и к дочери Деметры от брата Зевса – Персефоне. Ее увидел и полюбил Аид, владыка царства мертвых. С разрешения Зевса он похитил Персефону, когда та в сопровождении подруг собирала цветы на лугу.

Узнав об этом Деметра погрузилась в печаль, и на земле наступила великая засуха, грозившая погубить людей. Зевс отправил к Аиду Гермеса с приказанием вернуть Персефону (или Кору – таково ее другое имя). В конце концов было решено, что две трети года Персефона будет проводить у матери в царстве света, а одну треть – в темном подземном царстве мертвых. Этот ежегодный цикл соответствует периодам расцвета растительности и ее зимнего угасания.

В общем, вся эта история относится к циклу мифов разных народов об умирающем и воскресающем боге. Таким было фантастическое объяснение природной закономерности, связывающей периодические явления в мире растений и плодородие полей с космическими и земными процессами.

Гомеровский гимн «К Деметре» знакомит с земными странствиями богини в поисках дочери. В этом рассказе она предстает доброй пожилой женщиной. Последующие эпизоды выглядят как волшебные сказки о чудесных превращениях. Она пришла в расположенный недалеко от Афин город Элевсин, где ее радушно приняли в своем доме царь Колей и его супруга Метанира, предложив стать кормилицей их новорожденного сына Демофонта. (Между прочим, у этого царя, как и у многих других его «коллег» в те времена, дети пасли семейный скот; такими были первые ростки греческой демократии.)

Хромая дочь царя Ямба пыталась утешить Деметру веселыми непристойными стихами (ямбами), а старая няня угостила ее ячменным отваром, сдобренным мятой. Но вот старший сын Келея осмелился сделать неузнанной богине замечание, и она, гневно посмотрев на него, превратила дерзкого юношу в ящерицу.

Деметра стала воспитательницей царского сына Демофонта, а в награду за гостеприимство его родителей решила наделить царевича бессмертием. Для того чтобы лишить его смертной плоти, она прибегла к магии, натирая мальчика амброзией и опаливая в огне. Метанира случайно вошла в это время в помещение, прервав обряд. Чары исчезли, и Демофонт сгорел в пламени очага.

Велико было горе родителей, потерявших двух сыновей. Но у них еще оставалось трое мальчиков, из которых Триптолему суждено было получить от Деметры великолепные подарки: золотую колесницу, запряженную крылатыми драконами, а также зерна пшеницы, которыми он под ее покровительством стал засеивать землю.

По одной из версий, Триптолем рассказал Деметре, что, когда он пас отцовское стадо вместе с двумя братьями (из них один был свинопасом), внезапно разверзлась земля, да так, что свиньи полетели в пропасть, раздался тяжелый конский топот и пронеслась колесница, запряженная черными конями. Возница держал одной рукой кричавшую девушку. Колесница исчезла в провале, и юноша понял, что перед ним промчался сам Аид.

Узнав, что Персефона попала в царство мертвых, откуда нет возврата,

Деметра в печали продолжила странствия по земле, где деревья перестали плодоносить, а поля опустели. Люди могли все погибнуть, и это встревожило Зевса. Ведь тогда некому будет приносить жертвы богам, что омрачит их беззаботное существование. К Деметре отправилась целая группа богов с дарами, но она отказалась вернуться на Олимп и поклялась, что земля останется бесплодной до тех пор, пока не вернется к ней Персефона.

Зевсу пришлось отправить Гермеса к Аиду с просьбой-приказанием вернуть Персефону. Деметре доставили послание Зевса: «Ты получишь свою дочь назад, если она не попробовала пищи мертвых».

Но предусмотрительный Аид уже угостил Персефону зернами граната, произраставшего в его царстве. Это было залогом ее пребывания здесь, а также и супружества. (Есть версия, что в райском саду Адам и Ева вкусили плод граната, а не яблоко.) Вот и пришлось принимать компромиссное решение: Персефона с той поры треть года оставалась в своем подземном царстве.

Менее известен и более древен другой миф, также символизирующий смену времен года и повествующий об умирающем и воскрешающем божестве. История эта произошла на Крите во время свадьбы основателя Фив царя Кадма с дочерью Ареса Гармонией. Разгоряченные выпитым хмельным нектаром Деметра и титан Иасион, сын Зевса и плеяды Электры, почувствовали неодолимую тягу друг к другу. Они незаметно покинули дом и предались любовным утехам на трижды вспаханном поле.

Их уход заметил Зевс. Когда они вернулись, он по их поведению и пятнам земли на руках и ногах догадался, что произошло между ними. В гневе Зевс поразил Иасиона перуном. Деметра стала оплакивать своего возлюбленного, и в результате оскудели поля и сады. Боги вынуждены были упросить Аида ежегодно отпускать Иасиона из своего царства на солнечный свет к радости Деметры и пышному цветению растений.

От Иасиона родился у Деметры сын Плутос, бог богатства, изобилия. Его имя стало нарицательным в понятии «плутократия» (власть богатых), которое в наибольшей степени относится к капиталистическим странам. Образ этого божества запечатлен в комедии Аристофана «Плутос» в виде слепого старца, распределяющего богатства без разбора, несправедливо. Исцеленный Асклепием, он решает навести порядок в распределении материальных благ. И тогда к разбогатевшим и переставшим работать беднякам начинают наниматься на работу обнищавшие боги. Но в этом перевернутом мире тоже не остается места для справедливости.

Несмотря на то что Деметра почиталась как богиня плодородия,

супругом она так и не обзавелась, а детей имела всего двоих (Персефону и Плутона). В любви ей тоже не благоволила судьба. Помимо недолгой связи с Зевсом и Иасионом, она подверглась насилию со стороны Посейдона. Когда Деметра отправилась на поиски Персефоны, то поначалу обернулась кобылицей, и Посейдон, превратившись в жеребца, овладел ею.

Характер у Деметры добрый и приветливый, но только не с теми, кто ее оскорбляет. Она сурово наказала сына фессалийского царя Триопа – Эрисихтона. Он с товарищами вошел в священную рощу Деметры, и стали они рубить деревья, чтобы соорудить новое помещение для пиршеств. Приняв образ жрицы, Деметра явилась к ним, прося удалиться. Вместо ответа царский сынок замахнулся на нее топором. И тут богиня явилась во всем великолепии, прогнала их прочь, а Эрисихтона наказала неутолим голодом. Он стал жадно поглощать пищу, и чем больше ел, тем голодней становился. Став уличным попрошайкой, он поглощал ненасытно даже отбросы, пока не сожрал самого себя.

Как видим, есть все основания отнести этот миф к числу «экологических», показывающих, к каким печальным или трагическим последствиям приводит беспощадное уничтожение растительности в заповедных лесах. Но, как известно, человечество в своей неутолимой жажде материальных благ постоянно истребляло леса. Теперь, как считают специалисты, это стало одной из главных причин увеличения содержания углекислого газа в атмосфере и вызванного этим глобального потепления климата.

Культовые имена Деметры подчеркивают ее связь с плодородием полей: Карпофора («Дарительница плодов»), Хлоя («Посев», «Зелень»), Сито («Хлеб», «Мука»), Фесмофора («Устроительница»). В таком случае Персефону, принадлежащую отчасти подземному царству, можно считать олицетворением плодородной почвы.

В Риме с Деметрой была отождествлена богиня Церера, а с Персефой – Прозерпина или Либера. Однако такое слияние произошло сравнительно поздно, приблизительно в III веке до н. э. До этого много веков Церера была высокочтимой итальянской богиней плодородных сил земли, материнства и брака, покровительницей сельских общин. Вместе с тем она считалась богиней подземного мира (связь с почвой?) и, как это ни странно, могла насылать на людей безумие. Возможно, это связано с тем, что некоторые растения обладают наркотическими свойствами.

Цереру почитали прежде всего сельские жители, землепашцы, «простой люд». В период борьбы патрициев и плебеев ее почитали как главу плебейской триады богов (Церера, Либера и Либера). Из них Либера

был божеством плодородия и виноградарства, отождествлявшимся с Вакхом-Дионисом, а Либера – его женской параллелью или воплощением Прозерпины-Персефоны. Эта триада противопоставлялась патрицианской: Юпитер, Юнона, Минерва.

Как видно на этом примере, даже богам пришлось принимать участие в социальных и политических конфликтах. Можно сказать – ничто человеческое им не чуждо. Тем более что со временем обычно терялась или затушевывалась связь богов с природными стихиями. Менялся мир под воздействием деятельности человека, все более опосредованными становились связи людей с естественной природой, все более значительную роль в обществе стали играть социально-политические проблемы.

Эрот (Купидон, Амур)

Этот бог любви («эрос» – любовь) обычно изображается резвым, шаловливым мальчуганом, вооруженным луком и стрелами. Раны, причиняемые им, не смертельны, но могут быть болезненными, мучительными, хотя нередко вызывают сладостное чувство или блаженство утоленной страсти.

Эрота древние греки считали богом не рожденным, а извечным в одном ряду с Хаосом, Геей и Тартаром. Он олицетворял могущественную силу, влекущую одно живое существо к другому, дарующую наслаждение, без которого не могут существовать и совокупляться, порождая все новые особи, ни боги, ни люди, ни животные. Эрот – это великая сила притяжения двух полов, сила всемирного тяготения любви.

Но существовал и другой вариант его происхождения, более поздний. Согласно этой версии, Эрот – сын Афродиты и Гермеса или Ареса, а то и самого Зевса. Были и другие предположения о родителях Эрота. Поэты при этом сходились в одном: бог любви всегда остается ребенком и посылает свои золотые разящие стрелы своевольно, не считаясь с доводами рассудка.

Гесиод писал:

И, между всеми богами прекраснейший, – Эрос.
Сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает.

Философы не ограничивали область владычества Эрота богами, людьми и животными. Древнегреческий мыслитель Эмпедокл полагал, что в природе поочередно одерживает верх то Любовь, то Вражда, причем первая сводит все в единство, побеждая Вражду. Тем самым Эрот становится олицетворением космических сил единения, устремленности к слиянию. Благодаря ему не прерывается ткань жизни и сохраняется единство мироздания.

Однако в античных текстах Эрот нередко выступает как сила, пробуждающая примитивную «животную» страсть. По словам Платона, Эрот «всегда беден и вопреки распространенному мнению совсем не красив и не нежен, а груб, неопрятен, необут и бездомен; он валяется на голой земле под открытым небом, у дверей, на улице...» Впрочем, далее

следует оговорка: оказывается, Эрот тянется к прекрасному и совершенному, храбр и силен; он мудрец и невежа, богач и бедняк.

По свидетельству Диогена Лаэртского, стоики утверждали: «Вожделение – это неразумное стремление... Любовь – это вождение, не подобающее достойным людям, ведь это намерение сблизиться с кем-то из-за бросающейся в глаза красоты». А Эпикур отчетливо разделил: «Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении... но мы разумеем свободу от телесных страданий и душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения мальчиками и женщинами... рождают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора... и изгоняющее [лживые] мнения, которые производят в душе величайшее смятение».

В таком случае Эрот предстает как сила слепая, бездумная и отчасти безумная, способная ввергнуть человека в бездну разврата, тревог и страданий. Правда, Платон выказал редкое для более поздних философов доверие к мудрости природы: «Соитие мужчины и женщины... дело божественное, ибо зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном». Он проницательно отметил многоликость Эрота: «Мы просто берем одну какую-то разновидность любви и, закрепляя за ней название общего понятия, именуем любовью». И соединял могущество Эрота с божественным вдохновением творчества: «Все, что вызывает переход из небытия в бытие, – творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством...»

Платон отделял Эрота небесного от пошлого. Последний обуревают людей ничтожных, которые «любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души... заботясь только о том, чтобы добиться своего, и не задумываясь, прекрасно ли это». Эрот небесной Афродиты соединялся Платоном с любовью мужчин к юношам; в ней он видал подлинное постоянство, торжество силы и ума, высоких идеалов, духовное единство. Хотя не меньше примеров благородных, возвышенных, самоотверженных отношений между любящими женщинами и мужчинами.

Низменный Эрот доступен всякому здоровому организму (и не обязательно только человеку). Возвышенный – осеняет избранных, как вдохновение, экстаз. Любовь материальная воплощается в слиянии двух тел, совокуплении, после которого она пропадает. Любовь возвышенная не ограничивается этим, вызывая целое соцветие эмоций, сохраняющихся постоянно, изменчивых и разнообразных. Возвышенный Эрот подводит человека к евангельской заповеди: «Возлюби ближнего как самого себя» (или еще сильнее!).

...В Древнем Риме Эрот (Купидон) получил имя Амур («Любовь») и стал особенно популярен. Апулей создал легенду, в которой рассказано о стремлении человеческой души в образе Психеи («психе» – душа) обрести Любовь. «С помощью Зефира, – пишет А. Ф. Лосев, пересказывая легенду, – Амур получил в жены царскую дочь Психею. Однако Психея нарушила запрет никогда не видеть лица своего загадочного супруга.

Ночью, сгорая от любопытства, она зажигает светильник и восхищенно смотрит на юного бога, не замечая горячей капли масла, упавшей на нежную кожу Амура. Амур исчезает, и Психея должна вернуть его себе, пройдя множество испытаний. Преодолев их и даже спустившись в аид за живой водой, Психея после мучительных страданий вновь обретает Амура, который просит у Зевса разрешения на брак с возлюбленной и примиряется с Афродитой, злобно преследовавшей Психею».

Какой потаенный смысл этой истории? Можно предположить, что она повествует о «слепоте» первоначального любовного влечения, вызванного неосознанными эмоциями. Попытка рассудка понять суть любви приводит к тому, что она исчезает. Возникают мучительные сомнения, переживания, конфликты: так чувства мстят рассудку за вторжение в их царство. Но истинная любовь преодолевает эти препятствия и торжествует – уже навсегда.

Чуть более двух тысячелетий назад римский поэт Публий Овидий Назон так описал триумф Амура:

О, почему мне постель такую кажется жесткой,
И покрывало мое плохо лежит на софе?
И почему столь долгую ночь провел я бессонно,
И, беспокойно вертясь, тело устало, болит?
Я бы почувствовал, думаю, будь я терзаем Амуром,
Или подкрался хитрец, скрытым искусством вредит?
Да, это так. Уже в сердце сидят тонкоострые стрелы;
Душу мою покорив, лютый терзает Амур...
Да, признаю, Купидон, я твоей стал новой добычей,
Я побежден и себя власти твоей предаю.
Битва совсем не нужна. Милосердия, мира прошу я.
Нечем хвалиться тебе; я, безоружный, разбит...
Свежий улов твой – я, получивши недавнюю рану,
В пленной душе понесу груз непривычных оков.
Ум здоровый сзади с руками в цепях поведут за тобою,
Стыд, да и все, что вредить станет могучей Любви...
Спутники будут твои Безумие, Ласки и Страсти;
Будут упорно толпой все за тобою ходить.
Этим-то войском людей и богов постоянно смиряешь,
Этой поддержки лишась, станешь бессилен и наг...

Амура (Купидона, Эроса) воспевали поэты во все времена; о нем рассуждали философы. Оказалось, что у этого божества не одно и не два, а множество обликов, хотя высокий Эрос, как всякая вершина, доступен далеко не каждому: надо быть достойным его.

Однако за последние десятилетия с торжеством технической цивилизации многоликий Эрот уступает место примитивному механическому сексу, удовлетворяющему только половое влечение. Стало популярным выражение «заниматься любовью», а не любить. Приходится говорить о триумфе не Амура, а низменного Эроса, соединенного не с Психеей, а с удовлетворением физиологической потребности. Так современное общество потребления расправляется с древнейшим божеством, одухотворяющим жизнь природы.

Янус

Имя это стало нарицательным. Нередко оно служит синонимом двуличия, лицемерия. Так и говорят: «Он – как двуликий Янус».

Однако у римлян Янус был одним из самых древних и наиболее почитаемых богов, олицетворявшим начало и конец, вход и выход, прошлое и будущее, вечный круговорот. Первоначально он был, по-видимому, божеством дверей (от слова «януа», означающего «двери», «ворота»). Хотя не исключено, что таковым его стали считать позже, и он стал покровителем дверей и ворот не сразу, а прежде всего был богом любого начала; по этой причине ему посвящался первый месяц в году, он покровительствовал появлению младенца на свет, а при обращении к богам его имя называлось первым.

В то же время Янус почитался как первый царь Лация – местности в центре Апеннинского полуострова. Считалось, что он принял у себя Сатурна (древнейшего римского бога, владыку царства мертвых), поделил с ним власть и научил людей возделывать землю, выращивать овощи, строить корабли.

Изображался Янус (не царь, но божество) с двумя лицами, обращенными в разные стороны, с 365 пальцами (по числу дней в году) и с ключами, потому что его еще называли «отпирающим» и «запирающим». Согласно античным авторам, второй царь Древнего Рима Нума Помпилий возвел в честь Януса на форуме двойную арку, крытую бронзой и опиравшуюся на колонны. Она запиралась специальными воротами, которые были закрыты в годы мира и открывались во время войны.

Янус считался также богом договоров, именем которого скреплялись союзы. Возможно, так повелось с тех далеких времен, когда Янус олицетворял мировой порядок, единство прошлого и будущего (в вечном настоящем?), возникновение космоса из первозданного Хаоса. В этом своем облике он выступает как творец мироздания, как начало всех начал.

Очень показательна и поучительна судьба бога Януса в римском обществе. Первоначально его образ имел глубокий религиозно-философский смысл. Его появление символизировало начало отсчета времени, различия прошлого и будущего. Так в океане вечности возникает движение, направленный упорядоченный поток, позволяющий мирозданию развиваться. Все это определяло величие образа Януса.

Однако со временем у римлян появлялись все новые и новые боги. Это привело к переизбытку высших духовных покровителей – не только по роду и племени, месту жительства или профессии, но и на самые разные случаи жизни. Особые духи покровительствовали крику новорожденного, первым членораздельным словам, первым шагам (причем одна богиня помогала выводить его из дома, а другая – вводить).

Множество богов охраняло дом, начиная с порога, створок двери, дверных петель, порога, крыши... В этом сонме Янус потерялся, превратился в покровителя дверей и утратил свою философскую сущность. В конце концов его имя стало нарицательным, соединившись с примитивным двуличием.

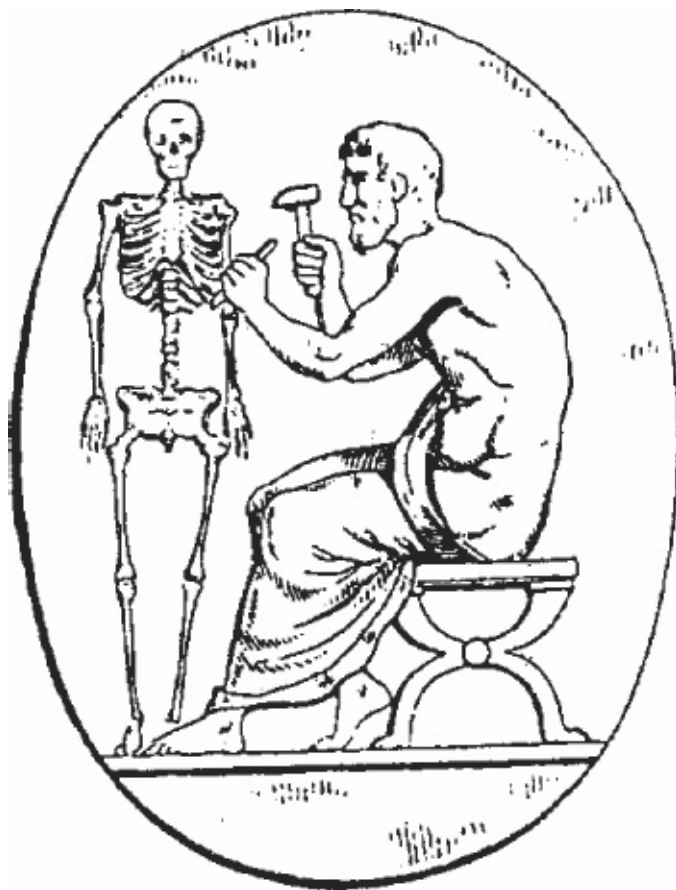
Подобное упрощение древних представлений достаточно характерно для истории не только религии, но и человеческой мысли вообще. Массовому сознанию чужды глубокие идеи и многоплановые образы.

Прометей

Он, строго говоря, не был богом и не относился к сонму богов, восседающих на Олимпе... потому что был старше их, а потому дерзал порой соперничать с самим Зевсом. О нем следует сказать особо, потому что он стал одной из центральных фигур греческой мифологии, а также античной духовной культуры.

Прометей считался сыном океаниды Клемены и титана Иапета (отцом которого был Уран, а матерью – Гея). Таким образом он приходился двоюродным братом Зевсу.

Имя Прометей означает «Предвидящий» («Знающий наперед»). У титана были братья: Атлант, Менетий и Эпиметей («Мыслящий после», крепкий задним умом). Благодаря своей проницательности, которой наделила его Гея, он знал, что в борьбе с титанами суждено победить богам, а потому не принял участия в титаномахии. Поэтому в отличие от своих братьев он остался среди богов. По одной из версий, именно он рассек топором голову Зевса и тем самым способствовал появлению на свет Афины, олицетворяющей Мудрость. Она, в свою очередь, наделила его обширными знаниями.

Как повествует Овидий: «Прометей, размочив землю водой, вылепил из нее человека по образу богов, и тогда как у всех зверей голова вечно клонится к земле, человек может свободно поднимать свою голову к небесному своду и смотреть на звезды». Тем самым Прометей способствовал проявлению божественного в людях.

Правда, эти его творения оставались безжизненными до тех пор, пока Афина не наделила их душой. Так как душа в античные времена представлялась в виде бабочки, то на барельефах и рисунках обычно изображался Прометей в виде скульптора, лепящего людей (или даже конструктора, создающего сначала скелет и внутренние органы), тогда как Афина наделяла эти творения душами-бабочками.

Надо отметить, что в греческой мифологии происхождение людей толкуется по-разному, например, из праха титанов, испепеленных Зевсом, и крови Диониса. Кроме того, прародителем людей считался Девкалион, сын Прометея, который уцелел во время всемирного потопа, ниспосланного Зевсом для уничтожения рода человеческого эпохи медного века. Прометей подсказал Девкалиону способ спасения: построить ковчег для себя и девы Пирры. Они возродили человечество, бросая через головы «кости

праматери Геи» – камни, превращавшиеся в людей.

Наиболее глубоко и полно раскрыл миф о Прометее греческий драматург Эсхил (524–456 гг. до н. э.) в трагедии «Прометей прикованный». Вот что говорит титан о начале правления Зевса:

Как только он воссел на отчий трон,
Сейчас же начал и почет и власть
Распределять меж новыми богами,
А о несчастных смертных позабыл.
И даже больше: уничтожить вздумал
Весь род людской и новый насадить.
И не восстал никто за бедных смертных,
А я дерзнул: освободил людей...

Боги, обрета власть над миром, ведут себя не лучше земных правителей. Один лишь титан Прометей пожалел обреченных людей. Возможно, потому, что он ближе богов к матери-Земле и в то же время не восседает на олимпийских высотах. Кроме того, он обладает чувством жалости, сострадания.

Создается впечатление, что боги, а прежде всего их предводитель Зевс, сознательно не стали наделять людей теми знаниями и умениями, которыми владели сами. Человеку суждено было либо пресмыкаться и пребывать во тьме невежества, либо сгинуть без следа как никчемным убогим творениям. По словам Прометея:

Раньше люди
Смотрели и не видели и, слыша,
Не слышали, в каких-то грезах сонных
Влачили жизнь; не знали древоделья,
Не строили домов из кирпича,
Ютились в глубине пещер подземных,
Бессолнечных, подобно муравьям.
Они тогда еще не различали
Примет зимы, весны – поры цветов —
И лета плодоносного; без мысли
Свершали все...

Действительно, это похоже на бытие первобытных людей с одним существенным уточнением: они в ту пору уже давно владели огнем, еще со времен примитивных предшественников человека разумного. И конечно же, знания свои они приобретали постепенно, а не сразу, благодаря дарам Прометея, который говорил:

...я дал им
И творческую память, мать Муз,
И первый я поработил ярму
Животных диких; облегчая людям
Тяжелый груз телесный, я запряг
В повозки лошадей, узде послушных...

Короче говоря, «все искусства у людей от Прометея». Но в то же время он не одарил людей возможностью предвидеть свою судьбу. Хотя он и научил людей искусству гаданий, это не стало способом заглянуть в будущее, а лишь обретением «слепых надежд». Тем самым люди остаются всегда деятельными, надеясь на счастливое будущее даже в самых безнадежных ситуациях. Как видим, Прометей был предусмотрительным, сумев ограничить знания людей только прошлым и настоящим.

Однако Прометей переоценил свои возможности, попытавшись обмануть самого Зевса. Хитроумный титан решил показать людям, каким образом следует приносить жертвы богам, оставляя лучшие части жертвенных животных себе. Убив быка, он отделил кости и жир от мяса, которое спрятал в содранную бычью шкуру. Сложив большой грудой кости и требуху, он сверху прикрыл их жиром, предложив Зевсу сделать выбор. Зевс разгадал хитрость Прометея, однако остановил свой выбор на грудке костей, прикрытых жиром, дабы раскрыть обман и наказать титана.

Так все и произошло. И на этот раз Прометей был уличен в действии, наносящем ущерб всемогущему Зевсу. А если учесть, что Прометей вопреки его запрету похитил для людей огонь, то за столь серьезные преступления последовала жестокая кара. По приказанию Зевса Гефест приковал Прометея к скале в горах Кавказа.

Но Прометей обладал знанием будущего: Гея поведала ему том, когда и каким образом прекратится владычество над миром Зевса и что произойдет после этого. В обмен на эту тайну Зевс предложил Прометею свободу. Но гордый титан остался непреклонным. Разгневанный владыка богов приговорил его к страшной казни: ежедневно к прикованному титану

должен был прилетать орел и выклевывать печень, которая за ночь вырастала вновь для того, чтобы днем быть опять и опять растерзанной орлом.

А люди с той поры успешно пользовались дарами Прометея, прежде всего – божественным огнем. И жертвоприношения с той поры можно было совершать без большого ущерба для себя и без обиды для богов, ибо сам Зевс выбрал груды костей, покрытую жиром. В конце концов богам оставалось довольствоваться дымом жертвенных костров и светильников с жиром.

Возникает вопрос: почему же умевший предвидеть будущее Прометей пал жертвой своего сострадания людям? Почему он не захотел (или не смог?) избежать наказания? В трагедии Эсхила Прометей ответил так:

Ведь раньше я и сам
Предвидел все грядущее, и нет
Нежданных бедствий для меня. Я должен
Свою судьбу переносить легко:
Нельзя преодолеть Необходимость.
Но тяжко и молчать и говорить
Об участи моей. Ведь я, злосчастный,
Страдаю за благодеянья смертным.

В ответ на утешения и советы Прометей говорит:

Легко тому, кто не изведал горя,
Давать советы и увещевать
Несчастливого. Но я ведь знал все это.
Сознательно, не буду отрицать,
Я согрешил и, смертным помогая,
Готовил казнь для самого себя.

Значит, Прометей принес себя в жертву ради людей. Это был поистине героический поступок титана, совершенно не свойственный богам. И эта была та религиозная идея, которая перешла от античности в эпоху христианства.

Поступок Прометея в то же время был протестом, бунтом против владычества самодовольных богов, упивающихся своей властью и

предающихся блаженству, не заботясь о судьбах людей. Он восклицает:

Вы думаете, новые цари,
Что вечно вам блаженствовать в твердынях?
Но разве я не видел, как с Олимпа
Упали два тирана? И увижу,
Как третий, ныне правящий, падет —
Падением позорнейшим и скорым.

Недаром образ Прометея всегда вдохновлял революционеров! Ну а как же с тайной Прометея, которую он так и не выдал Зевсу? Что ж, теперь мы можем о ней догадаться.

Зевсу действительно суждено было пасть, а на его троне, с той поры, как Греция стала провинцией Римской империи, воцарился Юпитер. Но и его возвышение оказалось временным. Через несколько столетий он вместе с сонмом богов Древней Греции и Рима был низведен до положения мифологического персонажа.

Настала эра христианства.

Древняя Германия, Скандинавия, Исландия

В истории Европы последних полутора тысячелетий германские племена, наряду со славянскими, играли важную роль. Но если славяне были преимущественно сельскими жителями, земледельцами и скотоводами, горняками и ремесленниками, охотниками и рыболовами, то германцы отличались воинственностью и агрессивностью, что отражено в их мифологии.

Такое разделение, безусловно, очень, схематично, но оно подтверждается уже тем, что германцы за несколько столетий распространились на Запад и Север Европы, не столько потеснив, сколько истребив местные племена.

Поселившиеся в Скандинавии германцы проявили себя как отважные мореходы-викинги. Они открыли Гренландию и побывали первыми из европейцев в Новом Свете (их с полным основанием следует считать первооткрывателями Америки). Англосаксы завоевали Британские острова. Викинги победоносно прошли вдоль западного побережья Европы, проникнув в Средиземноморье, проложив в Восточной Европе путь «из варяг в греки».

При всех этих воинских успехах германские племена в культурном отношении оставались варварами. Их мало интересовали проблемы осмысления мира и духовного мира человека. Это были прежде всего завоеватели. Единой религиозной системы, подобной греческой или римской, они не выработали.

Мифы, предания, а также исторические хроники Скандинавии составили так называемые Старшую Эдду и Младшую Эдду. В них немало противоречий, неясностей, более поздних вставок и следов литературной обработки или даже подделок. В то же время Эдда сохраняет целый ряд древних сказаний, относящихся, по-видимому, к временам индоевропейского единства (около четырех тысячелетий назад).

Французский исследователь мифологии Ж. Дюмезиль выделил три главных признака германских религий. Прежде всего он подчеркивает воинственность, подчиненность потребностям и морали войны. Делая при этом оговорку: «Северные германцы не разделяли презрения к крестьянским занятиям, но и у них война с ее доблестью и техническими

приемами оказала глубокое влияние на верховную функцию» (мистически-религиозную).

В этой связи «религия в целом, если судить по скандинавскому варианту, носит беспокойный, трагический, пессимистический характер... В более общем виде скандинавские боги и, вероятно, также боги континентальных германцев очень близки в нравственном отношении окружающему их кипящему человечеству!»

Наконец, третье отличие: «История мира направлена к обрыву, к разрушению, за которым следует возрождение, и боги, два поколения богов (до и после кризиса), контрастируют друг с другом: с одной стороны, борьба против антибогов – великанов и чудовищ, но при этом незначительность характеров, слабость идеалов; с другой стороны, космический мир, чистота, добродетель».

О трех главных богах шведов первым поведал без малого тысячу лет назад Адам Бременский:

«Благороднейшее это племя имеет храм, называемый Убсола, расположенный недалеко от города Сиктоны. В этом храме, который весь разукрашен золотом, народ поклоняется статуям трех богов, так что самый могущественный из них, Тор, имеет место в середине триклиния; Водан и Фрикко сидят по ту и другую сторону от него. Отличительные черты каждого из них: Тор, говорят, владычествует в воздухе и правит громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем. Второй, Водан, что значит «ярость», он ведет войны и вселяет в людей храбрость перед лицом врагов. Третий, Фрикко, дарует смертным мир и сладострастие, его идол снабжен поэтому огромным детородным членом. Водана же изображают они в доспехах, как мы Марса, Тор со скипетром кажется похожим на Юпитера...

Если угрожают чума и голод, совершают возлияния Тору, если война – Водану, если должны справляться свадьбы – Фрикко».

Правда, в этом описании допущен ряд неточностей и ошибок. Существует старинное изображение этой тройки богов, где Один (Водан) восседает в центре на троне, Тор держит в руке молот, а Фрейр (Фрикко), не выставляющий напоказ своего сокровенного органа, держит в одной руке рог, а в другой ветвь.

Не исключено, впрочем, что у разных германских племен представления о верховных божествах могли существенно различаться. Тем более что, по мнению ряда исследователей, мифы Эдды – произведения сравнительно поздние, из которых далеко не всегда удастся выделить древнее ядро.

Характер и устремления германцев, обитавших в Центральной Европе, в наиболее общей форме выражает такая легенда. Когда одно из германских племен поселилось в горной долине, горный дух обратился к ним: «Чего вы желаете, золото или железо?» Они ответили: «Дай нам железо, а золото мы добудем!»

Понятно, что у таких племен должны преобладать сказания героические, воспевающие деяния воинов. И бог Тор со своим громыхающим искрометным молотом не просто повелитель молнии и грома, не мирный громовник и уж тем более не владыка небес, а прежде всего воин, сражающийся с великанами и чудовищами; молот в его руках – грозное оружие, а не инструмент кузнеца.

Однако в Эдде, как мы уже говорили, отражены воззрения преимущественно оседлых, мирных скандинавов и исландцев. Для них весь мир делился на три основные части: Мидгард (внутренний двор, внутри ограды; обиталище людей), Утгард (внешний мир, за оградой), Асгард (обитель богов).

Вот что сказано в Младшей Эдде: «Она [земля] снаружи округлая, а кругом нее лежит глубокий океан. По берегам океана они [боги] отвели земли великанам, а весь мир в глубине суши оградили стеною для защиты от великанов. Для этой стены они взяли веки великана Имира и назвали крепость Мидгард».

Следовательно, боги сосуществуют с людьми в обустроенном мире, который отделен от другого, опасного и зловредного мира дикой природы, где обитают великаны и чудища. Казалось бы, при таких воззрениях на мироздание человек не станет без острой необходимости покидать пределы обжитого Мидгарда. Тем не менее скандинавы-викинги смело отправлялись на своих стремительных драках в открытое море, осваивали новые земли, не страшась Неведомого.

Чем объяснить такую отвагу? Если бы у этих людей была вера в страшилищ за пределами Мидгарда, они вряд ли рискнули бы уходить к неведомым землям. Судя по сагам, они это делали без тени сомнений и опасений, не давая воли фантазии. Можно предположить, что мифы о мироздании или не были популярными, или отражали мировоззрение сравнительно поздней эпохи.

Сотворение мира скандинавы, судя по Старшей Эдде, представляли себе как освоение человеком окружающей природы, хотя и выраженное в фантастической форме. Правда, имеется одно явное несоответствие: с одной стороны, повествуется о великане Имире, жившим изначально, с другой – о первозданной бездне, а может быть, и Хаосе. Один с братьями,

дети бога Бора, из тела Имира создали мир; ограду Мидгарда – из его ресниц. Пророчица говорит:

Я знаю века исполинов древнейших,
Чей род моих предков на свет произвел;
Знаю девять миров я под Деревом вечным,
Чьи корни покоятся в недрах земных.
В начальное древнее время жил Имир.
Земли тогда не было; не было неба;
Ни морского песку, ни холодной волны;
Трава не росла: всюду бездна зияла.
От Бора рожденные подняли почву,
И вместе устроили Мидгард прекрасный;
Грел с полудня луч солнца соленые камни, —
И травой зеленой земля поросла.

Тогда наступило нечто подобное золотому веку, и первые боги (асы) трудились, как люди; земля, на которой они обитали и которую возделывали, называлась Идавалльр (долина или равнина постоянной деятельности):

Поселились асы в полях Идавалльра.
Воздвигли чертоги, святилища светлые.
Горны растопляли и плавили золото,
Мастерили уборы, ковали орудия.
Во дворах веселились, играли в тавлен;
Водилось всегда у них золота вдоволь...

Интересно здесь упоминание игры (по-скандинавски «тефлдо»). Это было нечто подобное шашкам или шахматам, которые были популярны в Скандинавии (в них играли даже во время плаваний, для чего в доске делали специальные отверстия).

Однако золотой век закончился. Были созданы карлы, а затем люди. Начались войны. При этом конечная победа остается за богами. Но – до поры. Потому что настанет время, когда на свободу вырвется гигантский свирепейший волк и появится величайший корабль Нагльфар, на котором умершие явятся на бой с богами. Он движется с севера, тогда как с юга

наступает огненная стихия. А из моря встает чудовищный Змей, разверзнув пасть от земли до небес —

Змей побеждает хранителя Мидгарда;
Скоро селенья людей опустеют!
Тор в час кончины вспять отступить
Должен на девять шагов пред чудовищем.
Солнце черно; земли канули в море,
Звезды срываются вниз с вышины.
Пар всюду пышет, и Жизни Питатель,
Лижет все небо жгучий огонь.

Всемирная катастрофа завершается, прежние люди и боги гибнут. Но жизнь не кончается:

Знаю я, вижу, как снова возникнет,
Вновь зеленея, из моря земля.
Бьют водопады; орлы за добычей
Станут к водам на лету припадать.
Жить будут асы в полях Идавалльра,
Часто в речах вспоминать им случится
Мидгарда Змея, и судьбы минувшие,
И стародавние Одина руны.
В новых дворах своих асы под травами
Доски найдут золотые, чудесные,
В древние дни для игры им служившие...
Станут хлеба вырастать без посевов.
Горе забудется; Бальдр возвратится.

Бальдр — юный бог, сын Одина (олицетворение весны и вообще возрождения жизни). Он погибает из-за происков злокозненного Локи. Остается неясным, какие боги сохраняются, хотя очевидно, что людей уже не будет на обновленной земле, и тогда вновь наступит золотой век.

Картина гибели мира в этом изложении напоминает катастрофическое извержение вулкана на северном острове, где существуют ледники (например, в Исландии). К тому же рассказывается о гибели мира людей и их богов — Мидгарда. Станным образом этот сюжет напоминает о

современном глобальном потеплении климата, который характеризуется прежде всего резкими климатическими контрастами, таянием континентальных ледников и в перспективе – повышением уровня Мирового океана... А уж если фантазировать дальше, то встает образ огненного пекла атомной войны и последующего глобального похолодания.

Впрочем, нет никаких оснований верить в предсказания провидицы. К тому же оно предполагает обновление живой природы после крушения царства людей и их богов.

Однако вернемся к пантеону скандинаво-германских божеств. Их принято разделять на высших и низших. К высшим относятся асы и ваны, а к низшим – великаны (ётуны, турсы) и карлики (альвы, цверги, эльфы, валькирии).

Среди асов первенство принадлежит Одину, который к тому же является отцом большинства высших богов. Всего обычно упоминается 12 асов. Они более всего напоминают людей, а не силы природы; бывают однорукими, слепыми, одноглазыми (покалеченными). В некоторых случаях определенную связь с природным явлением установить можно (Тор как громовник), но и тогда это больше напоминает поэтическое сравнение грохота и искр от ударов молота с молнией и громом.

Мы не станем перечислять всех богов, даже верховных, с их богинями. Тем более что функции их подчас весьма неопределенны. Даже одного из наиболее почитаемых асов Тюра (Тиу) исследователи сопоставляют то с Зевсом, то с Марсом, хотя в отличие от них Тюр лишился одной руки, откусанной чудовищным волком Фенриром, и вдобавок выступает хранителем воинских правил, судьей в поединках.

Другой видный ас – Хеймдалль – характеризуется различно: «светлейший», «златорогий», «предвидящий будущее, подобно ванам», «страж богов» (с обостренным зрением и слухом). Когда наступает конец мира – Рагнарёк, он трубит в свой громогласный рог Гьяллархорн, призывая богов на последнюю битву. В Старшей Эдде люди названы детьми Хеймдалля. В то же время исследователи считают его или небесным, или солнечным богом, или олицетворением радуги, а то и сравнивают с архангелом Михаилом.

В отличие от асов, обитающих в Асгарде, который сосуществует с обителью людей Мидгардом, ваны находятся первоначально где-то на границе между асами и великанами ётунами. Ваны являются божествами плодородия; они обладают пророческим даром. Войной между асами и ванами ознаменовался конец золотого века.

Как повествует легенда, от ванов к асам явилась злая колдунья Хейд

(ее звали еще Гульвейг, что означает «сила золота»). Асы пронзили ее копьями и трижды сжигали, но она возрождалась вновь. И тогда Один бросил копье в сторону ванов, начав войну. Она завершилась перемирием и обменом заложниками. В частности, к вanam перешел Ньёрд и его сын Фрейр.

Эта битва богов более всего напоминает столкновение представителей воинственных охотников и скотоводов с земледельцами, рыболовами (Ньёрд был божеством морской стихии, покровителем рыбаков, охотников на морского зверя, моряков). После сражений племена с разным укладом хозяйства стали взаимодействовать, обмениваться товарами. А распри, судя по всему, начались из-за того, что воинственные асы позарились на чужое добро и не могли побороть свою тягу к богатству.

Если перейти к обобщению, то асы олицетворяют «покорителей природы», а ваны, в отличие от них, умеют использовать блага природы предусмотрительно, не нарушая ее извечных законов ради обогащения. Но как в том, так и в другом случае речь идет об измененной, окультуренной природе. Тогда как необузданные природные стихии представляются в образах великанов и карликов.

Ётуны или турсы существовали прежде богов, что вполне естественно для природных стихий и первозданной природы вообще. Однако они олицетворяют не только великие силы природы, но и ее не менее великую мудрость. Один из великанов – Мимир – является хранителем источника мудрости.

Надо отметить, что с развитием цивилизации люди постепенно стали отдаляться от природы не только материально, но и духовно, стали уповать преимущественно на хитроумную технику, запамятав, что сокровенная мудрость заключена именно в окружающем мире, и только отсюда человек может черпать свои изначальные знания, совершать открытия, а не довольствоваться одной лишь комбинаторикой, соединением на разные лады уже известных истин. В этом отношении нам есть чему поучиться у древних народов, считавших природу источником мудрости.

В то же время в мифах скандинаво-германцев ётуны предстают как демонические силы, противостоящие богам, олицетворяющие «дикую» природу, которая противостоит человеку. Одновременно они могут быть представителями враждебных племен, которые стремятся при случае похитить у асов их жен или выкрасть бесценные атрибуты богов: молот Тора, молодильные яблоки богини Идуин. Однако помимо ужасных старух-великанш попадаются и красивые дочери великанов, которых берут в жены некоторые асы.

Среди низших богов особое место занимают гномы – подземные или лесные жители, обладающие немалыми знаниями и умениями, колдуны и волшебники. Порой они выступают в роли горных духов, хранителей подземных сокровищ, или как искусные ремесленники, кузнецы. Среди гномов выделяют альвов, светлых духов, приближающихся к ванам и обитающих на земле, и цвергов, «черных гномов», которые первоначально были червями в теле первичного великана Имира. После того как из него был создан видимый нами мир, они стали обитать под землей. Если на них падал солнечный луч, они превращались в камень. Они изготавливают драгоценные украшения и оружие для асов. Карлики Фьялар и Галар сварили из пчелиного меда и крови мудрого человечка Квасира, сделанного из слюны богов, пьянящий напиток, называемый Мёдом поэзии (нечто подобное хмельному медовому квасу), дарующий мудрость и поэтическое вдохновение.

Четыре цверга, превратившиеся в камни, поддерживают по четырем углам небосвод. Их именами названы четыре части света: Нордри («Северный»), Судри («Южный»), Аустри («Восточный») и Вестри («Западный»), что соответствует норду, зюйду, осту и весту.

Среди низших божеств, а вернее, духов природы, выделяются эльфы, обитающие повсюду – среди цветов и деревьев, в лугах и лесах. Наряды их сотканы из паутины. Эльфы беззаботны и любят водить хороводы в лунном свете, хотя способны причинить вред тем, кто нарушает их покой, рубит священные рощи, уничтожает цветы.

Наконец, низшими женскими божествами являются дисы, которые разделяются на норн и валькирий.

Норны – помогают при родах и определяют судьбы людей при рождении. Из них наиболее известные: Урд («Судьба»), Верданди («Становление») и Скульд («Долг»), которые ухаживают за корнями мирового дерева Иггдрасиль и, следовательно, служат залогом единства, развития и надежности мироздания.

В отличие от них валькирии – девы войны, подчиненные Одину. Они появляются над полем сражения как вестницы неизбежных смертей. Слово «валькирия» означает – «выбирающая убитых».

Валькирии – богини воинской судьбы. Из павших в бою воинов они отбирают храбрых, погибших смертью героев, и уносят их души в небесную Вальхаллу («Чертог убитых»). Здесь они проводят время в постоянных пирах и праздниках, и валькирии прислуживают им.

А трусливых воинов ожидает промозглое подземное царство мертвых – Хель (Нифльхель). Там они будут прозябать до того, как начнется

Рагнарёк, последняя битва перед очередным концом мира. И тогда корабль мертвецов доставит их к месту сражения.

Однако навстречу им выйдут светлые отважные воины из Вальхаллы. И конечно же, им суждено остаться победителями.

Один (Водан, Вотан)

Так зовут верховного бога, царя асов в скандинавской мифологии (у континентальных германцев – соответственно Водан, или Вотан). Имя его в переводе означает «одаренный», «одержимый», ибо власть его основана не только или даже не столько на силе, сколько на великой мудрости, магических способностях. Кроме того, он является отцом многих асов, а также первым царем и великим завоевателем.

Один – покровитель воинов, точнее – воинской аристократии, царских правящих домов. «Эта социальная задача, – отметил Ж. Дюмезиль, – блестящая, но ограниченная, имела результатом то, что в топонимике его имя встречается гораздо реже, чем, например, имена Ньёрда или Фрейра, привычные для большего числа людей, ближе привязанных к земле...»

Интересно в этой связи обратить внимание на то, что упомянутые Ньёрд и Фрейр первоначально не относились к числу «божественной аристократии» – асов, а были ванами. В социальном аспекте Один выступает как предводитель дружины, утративший непосредственные связи с основной массой народа, занятого мирным трудом. Названия рекам, озерам, холмам и горам дает народ, вспоминая при этом тех богов, которые покровительствуют мирным занятиям, обеспечивают плодородие растений и плодovitость животных.

Один не только царь, но и маг. Он несет архаичные черты тех времен, когда предводитель воинов был в то же время главным жрецом и князем (царем). Один одарен способностью к перевоплощению, переходу в экстаз, подобный шаманскому трансу. «Рассказывают как правду, – повествует Младшая Эдда, – что когда Один и с ним дии пришли в Северные Страны, то они стали обучать людей тем искусствам, которыми люди с тех пор владеют. Один был самым прославленным из всех, и от него люди научились всем искусствам, ибо он владел всеми, хотя и не всем учил...

Когда он сидел со своими друзьями, он был так прекрасен и великолепен с виду, что у всех веселился дух. Но в бою он казался своим недругам ужасным. И все потому, что он владел искусством менять свое обличье, как хотел. Он также владел искусством говорить так красива и гладко, что всем, кто его слушал, его слова казались правдой. В его речи все было так же складно, как в том, что теперь называется поэзией. Он и его жрецы называются мастерами песен, потому что от них пошло это искусство в Северных Странах. Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, а его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты и были сильными, как медведи или быки. Такие воины назывались берсерками...»

Из данного фрагмента следует, что Один и его люди (боги) не были местными, а пришли в Северные земли, по-видимому, с юго-востока (косвенные указания на это имеются в Эдде). Превращения Одина заставляют вспомнить камлания шаманов, связанные с приемом наркотического зелья, переходом в измененное состояние сознания. Этот же транс испытывают во время сражений воины Одина, которые тоже вполне могли использовать приготовленный им наркотический препарат или опьяняющий напиток.

Один мог менять свое обличье. Тогда тело его лежало, как будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей и в одно мгновение переносился в далекие страны по своим делам или делам других людей...» Подобные субъективные ощущения и фантазии вполне возможны. Но он, оказывается, способен повелевать стихиями:

«Он мог также словом потушить огонь, или утишить море, или повернуть ветер в любую сторону, если хотел; и у него был корабль... на котором он переплывал через большие моря и который можно было свернуть, как платок. Он брал с собой голову Мимира, и она рассказывала

ему многие вести из других миров, а иногда он вызывал мертвецов из-под земли или сидел над повешенными. Поэтому его называли владыкой мертвецов или владыкой повешенных».

Судя по этому, Один вершил суд над людьми и подобно земному владыке приговаривал к смертной казни.

Одину служили два вещих ворона – Хугин («Думающий») и Муниин («Помнящий»). На рассвете он посылает их облететь весь мир, и к завтраку они возвращаются. От них он узнает все, что творится на свете. Иными словами, Один способен мыслить и обладает хорошей памятью.

Владел он также колдовством, благодаря которому мог узнавать судьбы людей, предвидеть будущее, причинять людям болезни, несчастья или смерть, отнимать у одних ум и силу, передавая другим. «Одину было известно о всех кладах, спрятанных в земле, и он знал заклинания, от которых открывались земля, скалы, камни и курганы, и он словом отнимал силу у тех, кто там жил, входил и брал, что хотел».

И все-таки Один прежде всего бог войны и воинской доблести, который дарует победу или поражение и которому подчинены валькирии, витающие над полем сражения и возносящие павших отважных воинов в небесный дворец пиров и развлечений. Он же начал первую в мире войну, метнув свое волшебное копье в сторону ванов.

Один из странных магических обрядов Одина – принесение в жертву себе самого себя. Он говорит:

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же...
Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена, их поднял —
и с дерева рухнул...
Девять песен узнал я...

Благодаря этой добровольной жертве, его посетило вдохновение. Он

стал одержим на этот раз не экстазом битвы, а поэтическим вдохновением.

При всех своих замечательных качествах Один вовсе не является благородным рыцарем. Он может быть хитрым и коварным, способен зло насмехаться над могучим и простодушным Тором. Соревнуясь в мудрости с умнейшим великаном Вафтрудниром (ставка – жизнь проигравшего), Один побеждает не столько благодаря обширным знаниям – в этом они равны, – сколько из-за хитрости: предлагает повторить то, что он прошептал на ухо погибшему сыну Бальдру.

Однако Один не всемогущ. В последнем сражении богов Рагнарёк ему суждено погибнуть в пасти гигантского волка Фенрира, которого, в свою очередь, убивает сын Одина Видар. Тем самым еще раз подчеркивается брэнное, человеческое в образе смертного бога.

«В «Деяниях датчан» Самсона Грамматика (начало XIII в.), – пишет Е. М. Мелетинский, – Один и другие боги предстают древнейшими королями. От Водана ведут свой род англосаксонские короли. Датский королевский род... ведет свое происхождение от Скъёльда – сына Одина... Один стоит у начала легендарного королевского рода Вёльсунгов, к которому принадлежит и Сигурд – знаменитый герой общегерманского эпоса». Впрочем, Сигурд (Зигфрид) подчас называет себя безродным, не знающим ни отца, ни матери, выступая сам как первый культурный герой.

То что Один воплощает в себе черты князя, предводителя дружины, царя и одновременно жреца – это бесспорно. Но из этого еще не следует, будто в нем присутствуют черты какого-то исторического лица. Миф – это особый мир, связи которого с исторической реальностью не так просты и прямолинейны.

Тор (Донар)

Имя этого бога переводится как «громовник». По этой причине средневековые авторы часто отождествляли его с Юпитером – верховным небесным божеством, повелевающим молниями и громами. Сравнивали Тора и с Геркулесом, совершающим многочисленные подвиги. Однако трудно усомниться в том, что этот древнегерманский бог самобытен и не имеет прямых аналогов с персонажами римской или греческой мифологии.

Тор принадлежит к асам и считается сыном Одина. Его называют богом грозы, грома, бури и плодородия. Но это – явное упрощение. Можно согласиться с мнением Ж. Дюмезиля: «Этот бог дает полям плодородие только как счастливое следствие своих поединков с некоторыми великанами. Кроме того, он совершает еще много подвигов – в постоянной борьбе богов со своими соперниками, не имеющей никакого отношения ни к дождю, ни к грозе. Тор – это прежде всего сильный и одинокий воин (Тацит называет его Геркулесом), он почти всегда в походе на врага, но достаточно произнести его имя, чтобы он возник там, где нуждаются в его защите».

Главное оружие Тора, его атрибут – громадный молот, которым он разит врагов.

Некоторые подвиги Тора действительно заставляют вспомнить Геркулеса. В Старшей Эдде («Песнь о Хюмире») рассказано, как Тор, придя к ётуну Хюмиру за волшебным котлом, съел целиком двух быков перед сном. Утром он отправился в лес, чтобы добыть приманку для лова на обед морских чудовищ. Ему повстречался черный бык, и Тор оторвал ему голову. На что Хюмир не без юмора заметил:

Еще хуже, когда ты на промысел ходишь,
Чем когда за едою ты в доме сидишь.

Впрочем, сам ётун тоже сумел отличиться: на оба крючка своей удочки он поймал сразу двух китов. Однако Тора привлекала несравненно более значительная добыча: чудовищный морской змей Ёрмунганд, опоясывающий обитаемую землю (Мидгард).

Клюнул змей на бычью голову, и Тор, приподняв его из воды, принялся колотить молотом по голове исполина. И тотчас:

Заревели чудовища, горы отгрянули,
Вся земля всколебалась и дрогнула, древняя...

Тогда ётун рассек леску, и змей упал в море. Сразиться Тору с Ёрмунгандом суждено в последней битве богов, когда Тор убьет чудовище, но и сам умрет от нанесенных им ядовитых ран.

У Тора есть жена Сив – богиня с золотыми волосами. Их сын – Модри («Смелый»). Есть у Тора и другой сын, рожденный великаншей Ярнсаксой – Магни («Сильный»). В свою очередь, у Сив есть сын, отцом которого Тор не является.

На пиру богов, когда злокозненный Локи обличает каждого из них в недостойных поступках, Сив поднесла Локи меду в хрустальном сосуде за то, что ее одну он не опорочил. На это Локи, испив кубок, ответил:

Я тебя не бранил, оттого что скромна ты
И всегда ты чуждалась мужей;
Но один мне известен, с которым когда-то
Долг нарушила брачный и ты.

Под грохот гор на пир явился Тор и, грозно подняв свой молот, пригрозил убить Локи, если тот не замолчит. (Есть версия, что любовником Сив был именно Локи, так что гнев Тора вдвойне оправдан.) Однако есть силы, которым вынуждены подчиняться даже боги – это предначертания судьбы. О них знает хитроумный Локи и, возможно, не догадывается простодушный Тор. На угрозу Тора Локи отвечает ехидно:

Настанет твой час и отступишь пред Волком ты,
Что Властителя битв истребит.

Действительно, в последней битве богов перед чудовищным волком, проглотившим Одина, отступит даже отважный Тор. Но вместо того, чтобы согласиться с Локи, обиженный Громовник вновь стал потрясать молотом и сказал, что прибьет обидчика, а тело его забросит далеко на восток, где никто его не отыщет. А тот ответил:

Напрасно ты стал вспоминать о востоке:
Не к чести себе отличился ты там!
Сидел Громовник чуть живой в рукавице —
Сам с перепугу не помнил, кто он.

Да, был и такой эпизод в жизни Тора. Вместе с Локи он отправился однажды на восток. Они оказались в дремучем лесу и в сумерках, встретив какое-то здание, решили там заночевать. Но в полночь они в страхе проснулись от землетрясения, колебавшего строение. Тор с молотом встал у входа, поджидая невидимого врага, который продолжал равномерно грохотать, словно топая на одном месте. Только утром Тор отважился выйти из укрытия. Он увидел невдалеке гороподобного великана, который храпел во сне так, что дрожала земля. Укрытие, в котором находились боги, оказалось рукавицей исполина.

При напоминании об этом эпизоде Тор приходит в ярость и, потрясая своим молотом, грозит разможжить оскорбителя и раздробить все его кости. Но, можно сказать, что громы, которые обрушивает Громовник на Локи, не причиняют ему никакого вреда и не пугают его. Он припоминает тот случай, когда Тора посрамил проникательный ётун Скримир, который привел Громовника в волшебный замок. Здесь Тору было предложено выполнить нетрудные, на первый взгляд, задания: осушить рог меду,

побороть старуху. Однако оказывается, что богу приходится осушать море и побороть старость. Естественно, что такое не под силу даже самому могучему из асов.

Тору не удалось даже открыть походную сумку Скримира, куда они вместе положили запас пищи, потому что ётун опоясал ее железными обручами, да вдобавок заколдовал. И снова Тор приходит в ярость, потрясает молотом Мьёлльниром, но ничего не может поделаться с обидчиком, тем более что тот говорит правду.

Если по своей мощи, воинской отваге Тор, по-видимому, превосходит Одина, то явно уступает ему в уме, хитрости и проницательности, к тому же не обладая магическими способностями и не умея противодействовать волшебству. Его знаменитый боевой молот был, как предполагают исследователи, первоначально каменным, а железное оружие изготовили ему гномы-кузнецы цверги.

Однажды утром проснувшись, Тор не обнаружил своего молота. Всполошились все асы: ведь Тор был их надежным защитником. Выяснилось, что молот похитил исполин-ётун (турс Трюм, Тримр), чтобы обменять его на прекрасную Фрею, которую он захотел взять в жены. Узнав об этом, прямодушный Тор отправился к Фрее и предложил ей выйти замуж за Трюма (без своего молота Тор не рисковал вступить в бой с исполином).

После того как богиня категорически отвергла это предложение, на совете богов и богинь (как видим, у асов женщины имели в этом отношении равные права с мужчинами) было решено отправить к ётуну Тора в убранстве невесты и со многими украшениями. Тор оскорбился:

Бабою будут звать меня боги,
Если в женское платье я наряжусь!

Однако ему пришлось покориться. В наряде невесты, под покрывалом и в сопровождении Локи, переодетого служанкой, он является к Трюму. На вечернем пиру к удивлению турсов «невеста» съела целого быка, восемь лососей, все сласти, которые были припасены для женщин, запив это тремя бочками медовухи. Изумленный Трюм только и вымолвил:

Кто в жизни видел столь прожорливых жен?
Не видел я век, чтоб невеста так ела,
И меду так много умела бы выпить!

Ловкий Локи выручил Тора, пояснив, что невеста не ела восемь ночей – так страстно она стремилась к жениху. Тогда Трюм захотел поцеловать невесту, но, раздвинув покров, отпрянул в страхе, увидев ее (его) грозно горящие очи. Но и тут мнимая служанка нашлась: это, мол, оттого, что невеста восемь ночей не смыкала глаз, дожидаясь свадьбы.

Явилась на торжество престарелая сестра Трюма и потребовала от невесты драгоценностей в качестве свадебного дара. Тогда и Трюм повелел принести молот-Мьёлльнир в качестве ответного подарка. Как только грозное оружие оказалось в руках Тора, он сбросил покров невесты и стал крушить всех ётунов, сидевших за столом, начиная с Трюма и кончая его старухой сестрой:

Смерть вместо золота старой досталась,
Вместо подарка – удар молотка.

Так эпически спокойно завершается история о том, как добыл Громовник свой похищенный молот. В мифе отсутствуют нравоучения и нет даже намека на упрек в адрес бога, перебившего безоружных и доверчивых исполинов, не оставив без удара и старуху. Таковы были нравы богов и, конечно, людей того далекого времени.

Правда, некоторые мифологи постарались истолковать эту историю как аллгорию: северный великан (зима) лишает небесного бога грома и молнии (зимой гроз не бывает), которые весной удаётся забрать обратно, и тогда вновь начинают грохотать небеса. Но даже если и есть в мифе такой подтекст, он явно не является главным и определяющим; иначе возникла бы короткая сказка-притча, а не развернутый рассказ с множеством ярких и занимательных деталей и своеобразным юмором.

Столь же характерен диалог Тора с перевозчиком: они переговариваются через пролив. Ладя с перевозчиком находится на противоположном от Тора берегу. На просьбы Тора приплыть и перевезти его через пролив перевозчик, назвавшийся Харбордом (или Гарбардром; это был Один, изменивший свой облик) отвечает насмешками и обидными для бога замечаниями.

Тор, стремясь унижить перевозчика, похваляется своими воинскими подвигами. В ответ Харборд перечисляет свои любовные победы: он умел удовлетворить и тех дев, которые сами приходили к нему, и тех, кого

приходилось соблазнять хитростью или, как иных колдуний, искусными заклинаниями; сманивал он умело и жен от мужей.

Не замечая иронии, простодушный Тор отвечает, что он тем временем истреблял на востоке жен исполинов, чтобы не множилось племя турсов, от которых страдают и боги, и люди. В ответ на оскорбительное замечание перевозчика Тор приходит в ярость и грозит убить обидчика. Но гнев его быстро проходит: он хотя и вспыльчив, но легко успокаивается и не помнит зла.

Конечно, в этой перебранке победителем остается неузнанный Один. Тем более что он так пояснил свою мудрость:

Тем речам я от старых людей научился,
Что в молчаньи живут под холмами отчизны.

Выходит, пока Тор совершал подвиги, сражался, ходил в дальние походы, Один не только забавлялся с женщинами, но и беседовал с мудрыми старцами. Здесь он уже выступает как представитель рода человеческого, да и Тор тоже. Это подчеркивается его первой тирадой, обращенной к перевозчику:

Переправь меня! Дам я еды тебе на день.
Пищу самую лучшую в сумке несу я.
Сам я плотно наелся с утра на дорогу:
Ел овсянку и сельди, и сыт на весь день.

Однако и Тор не так прост, как может показаться. Когда мудрый цверг Альвис («Всезнай») приходит свататься к его дочери Труд, Тор не решается ему явно отказать и идет на хитрость. Он делает вид, что хочет испытать знания цверга, задавая ему всю ночь множество вопросов, пока на рассвете луч солнца не падает на Всезная, превратив его в камень (так случается со всеми «черными альвами», гномами-цвергами).

Образ простака Тора, как видим, не прост. И этим он больше всего напоминает человека, а не олицетворение природной стихии, воинской доблести и подобных понятий, явлений, качеств.

Фрейр

В переводе с древнеисландского его имя означает «господин». Что подразумевается под этим, понять трудно. Ясно, что не Господь, ибо понятие всевышнего появилось лишь с распространением христианства. Не похож Фрейр и на князя или царя. Он даже не принадлежит к асам, которых можно условно считать царской фамилией и знатью, ибо большинство из них связано кровными узами с Одином.

В Младшей Эдде о Фрейре сказано так: «Ему подвластны дожди и солнечный свет, а значит, и плоды земные, и его хорошо молить об урожае и о мире. От него зависит и достаток людей». Выходит, он господин в смысле – хозяин, благодетель.

Фрейр по сути своей не отличается воинственностью, как и все ваны. Он сын Ньёрда, который олицетворяет морскую стихию и ветер. Его жилище называется Ноатун («Корабельный двор») и находится на границе

неба, моря и скал. Он богат и покровительствует мореплаванию, рыболовству, охоте на морского зверя. После войны между асами и ванами он остается в стане первых.

По-видимому, Фрейр унаследовал от Ньёрда богатство и может одаривать им людей. Как древнее божество плодородия он порой изображался с подчеркнуто крупном фаллосом, что свидетельствует о проявлениях соответствующего культа. Но это не означает разнузданной сексуальности или похотливости, а просто символизирует плодovitость.

Когда на пиру богов Локи злоречивый срамит всех подряд, Ньёрд ему гордо заявляет:

Сын бессмертный мне дан, всеми в мире любимый,
Среди асов он первый теперь.

Желая посрамить отца, Локи находит такой довод:

Ньёрд, умерь свою гордость! Скрывать не намерен
Я того, что мне слышать пришлось:
Прижил с кровной сестрой ты храброго сына, —
Ты гордиться не должен бы им!

Из этого упрека следует, что у ванов не были запрещены кровнородственные связи, тогда как асы в этом отношении достигли прогрессивного этапа, запретив инцест, кровосмешение. Однако асы прекрасно понимали, что дело вовсе не в родителях Фрейра, а в нем самом. Один из богов, благородный Тюр, ответил Локи резонно:

Фрейр лучший из всех среди славных героев
В чертогах могучих богов;
Никогда не обидел он девы иль женщины,
Связанных он избавляет от уз.

Выходит, что Фрейр еще и божество свободы; но не разнузданной вседозволенности, распущенности, а освобождения от сковывающих человека пут, оков. И в этом смысле он – благодетель, а потому и считается лучшим.

Правда, трудно сказать, считали так древние германцы-язычники, или

это более поздняя вставка, обязанная своим появлением распространению христианства: ведь исландские (скандинаво-германские) мифы были записаны сравнительно поздно, после XI века. Или, быть может, хвалу Фрейру возносили представители германских племен, занимавшиеся сельским хозяйством, мирным трудом, на котором и основана жизнь общества.

Странно только, что среди атрибутов Фрейра отсутствуют растения, а имеется меч, которым сам бог предпочитает не пользоваться. Но когда он, попав к асам в знак примирения после войны с ванами, получает отказ от богини Герд, этим мечом, творя заклинания, начинает размахивать его слуга Скирнир («Сияющий») и добивается свадьбы. В этом эпизоде, возможно, Фрейр выступает как солнечное божество, которое своими лучами-мечами заворачивает землю (если ее олицетворяет Герд) и возбуждает в ней животворные силы. Хотя, как мы уже могли убедиться, германские боги очень мало напоминают символы, за которыми скрыты природные стихии или объекты. Они прежде всего и преимущественно личности.

Фрейру тоже приходится порой сражаться с ётунами. Одного из них, не имея меча, он убил оленьим рогом. Связь с миром животных у Фрейра проявляется и в том, что у него есть волшебный вепрь Гуллинбурсти («Золотая щетина»), на котором бог примчался на похороны Бальдра. Обладает он и чудесным кораблем, вмещающим любое количество воинов, всегда овеваемым попутным ветром; его можно свернуть, подобно платку.

И этот корабль, и вепря ему изготовили гномы-кузнецы цверги. Следовательно, они благоволят Фрейру и, кроме того, способны создавать нечто подобное движущимся автоматам, средствам передвижения. Хотелось бы считать стремительного вепря Гуллинбурсти фантастическим предтечей мотоцикла.

В «Саге об Инглингах» упоминается легендарный шведский король Ингви-Фрейр, предок королевского рода, при котором в стране были богатые урожаи. Его похоронили в холме (кургане), откуда три года выходили золото, серебро и железо. Можно предположить, что некогда действительно раскопали древний курган, где было погребение царя с богатыми украшениями. Не исключено также, что действительно существовал король (конунг) Фрейр, имя которого стало легендарным.

Развивая эту идею, Е. М. Мелетинский писал: «Датский конунг Фроди имел мельницу Гротти, которая молола (намалывала? – Р. Б.) все, что пожелает ее владелец. Фроди приобрел в Швеции... двух сильных рабынь... и они мололи ему золото, мир и счастье. Но так как он не давал

им отдыха, то рабыни намололи войско против Фроди. Явился морской конунг по имени Мюссинг и убил Фроди. Для Мюссинга рабыни мололи соль на корабле, пока корабль не затонул, а море не стало соленым» (потому что мельница продолжала действовать).

Трудно в данном случае провести четкую грань между мифом, повествующим о временах именно мифических, и волшебной сказкой, призванной потешить слушателей или дать жфантастическое объяснение проблеме солености морской воды. Хотя кто знает, из каких элементов складывались и постоянно дополнялись мифы древних народов, которые доходят до нас в пересказах, а то и в литературной обработке.

Фрейя и Фригг

Образы богинь в германской мифологии занимают второстепенное место и не отличаются яркими характеристиками. Это не проявление презрительного отношения к женщинам, а связано прежде всего с тем, что они не участвуют в сражениях и поединках, оставаясь дома как хранительницы домашнего очага. Богини присутствуют на совещаниях асов, к ним порой обращаются за советом боги.

Наиболее часто упоминаются в Эдде имена двух богинь – Фрейи и Фригг (Фрии). Созвучие имен, по-видимому, свидетельствует об их близости или даже идентичности. Фригг была женой Одина и считалась богиней любви, брака, семейного очага, деторождения. В то же время Фрейя была женой Ода (предположительно – одной из ипостасей Одина) и считалась богиней любви, плодородия, красоты.

Таким образом, порой эти два образа соединяются, но чаще все-таки они упоминаются порознь. Когда на пиру богов Локи начинает злословить, то и Фрейя и Фригг пытаются его образумить, утихомирить. Но слышат в ответ обвинения в распутстве:

Фригг, замолчи! Ты Фьёргюна дочка
И распутна ты с давних пор.
Вадрир твой муж, но звала Ве и Вили
Ты обоих в объятья себе.

Тут Вадрир – Один, а по поводу Ве и Вили мнения исследователей расходятся: одни считают их братьями Одина, а другие – его ипостасями. Правда, сама Фригг не опровергает Локи, но только сетует на то, что нет среди пирующих ее сына Бальдра, который вступился бы за ее честь. Ссылка выглядит двусмысленно: ведь на пиру присутствует ее супруг Один; почему она не считает возможным обратиться к нему, чтобы опровергнуть клевету Локи? Не потому ли, что обвинение справедливо?

Фрейя укоряет Локи за то, что тот осмелился напомнить о своем участии в убийстве Бальдра, также не уличая его в клевете на Фригг. И тогда Локи обращается к ней:

Фрейя, молчи! Я насквозь тебя вижу.
За тобою немало грехов:
Ни единого нет среди асов и альфов,
Кто б любовником не был тебе.

Только теперь возмущенная Фрейя воскликнула: «Лжив твой язык». (Без сомнения, в данном случае Локи по меньшей мере сильно преувеличил.) Тогда он обзывает ее колдуньей недоброй и добавляет, что как-то раз ее застали на постели у брата (Фрейра). Правда, остается неясным, была ли при этом кровосмесительная половая связь. Но, безусловно, складывается впечатление, что у древних германцев нравы были достаточно вольные.

Подводит итог обвинениям Локи в адрес женщин пожилой рассудительный Ньёрд, отец Фрейи и Фрея:

Не большая беда, если женщина вздумает
С возлюбленным ложе делить.

Однако Фрейи пришлось однажды вовсе не по любви отдаваться четверем Брисингам-цвергам за то, что они изготовили для нее чудесное ожерелье Брисингамен. Оно служит амулетом, помогающим при родах (иногда так называют пояс Фрейи).

Красота Фрейи привлекает обитателей всех четырех божественных миров: асов, ванов, ётунов и цвергов. Ради того, чтобы жениться на ней,

ётун Трюм совершает дерзкий и опасный поступок: похищает молот Тора. С помощью волшебного наряда из перьев, которым владела Фрейя, Локи пронесся по воздуху и достиг страны великанов, где и узнал о сватовстве Трюма.

Тор пришел к Фрейе и предложил ей надеть брачный покров и отправиться в край исполинов-ётунов.

Вспыхнула Фрейя, вскипела гневом:
Весь город богов всколебался кругом,
На груди у нее ожерелье порвалось.
«Заслужу я названий распутнейшей в свете,
Если в край исполинов отправлюсь с тобой!»

Оказывается, насильно выдать ее замуж не могут даже боги (женщины у германских племен обладали немалыми правами, да еще слыли колдуньями, так что перечить им было опасно). Пришлось самому Тору надеть женское платье, притвориться невестой и украсить шею ожерельем Брисингамен.

Связь Фрейи с колдовством подчеркнута тем, что она является на похороны Бальдра в повозке, запряженной кошками. Но все-таки главное в ней другое. В Младшей Эдде сказано о Фрейе: «Ей очень по душе любовные песни. И хорошо призывать ее на помощь в любви». Тем не менее там же дана Фрейе не слишком лестная характеристика: «Ты к Оду стремилась, желаньем томясь, и другие к тебе под подол забирались; ты по ночам, распутная, бегаешь, как Хейдрун [коза] с козлами бегать умеет». Но чего только не прощают люди прекрасной богине красоты!

Бальдр

Как многие положительные герои в мифологии и литературе, Бальдр лишен яркой индивидуальности и противоречивых черт характера, которые подвигают бога или человека на неожиданные поступки.

В Младшей Эдде сказано: «Второй сын Одина – это Бальдр. О нем можно сказать только доброе. Он лучше всех, и его все прославляют. Так он прекрасен лицом и так светел, что исходит от него сияние». Правда, там же говорится, будто он не только самый сладкоречивый и благородный, но также самый мудрый из асов. Последнее приходится считать сильным преувеличением, ибо мудрейший из асов все-таки Один.

Бальдр фактически не проявляет себя в активных действиях. Просто, он очень хороший и добрый, его любят родители и другие асы, потому что он никому не делает зла. Единственно, кого он раздражает – это непомерно активного, язвительного и зловредного Локи.

С некоторых пор юному Бальдру начинают сниться зловещие сны – предвестники беды. Узнав об этом, боги решают оградить его от возможных опасностей. От каких? Тайны грядущего неведомы даже асам. Один вынужден отправиться в царство мертвых – Хель, чтобы узнать от провидицы судьбу сына. (Мысль интересная: то, до чего не способны догадаться живущие, хранят умершие или, точнее, самые одаренные из них.)

Пробудив пророчицу-вельву от вечного сна, Один узнает от нее, что Бальдру суждено умереть от руки слепого бога Хёда. И тогда богиня Фригг решила преодолеть судьбу и взяла клятву с огня и воды, камней и металлов, деревьев и животных – со всех существ и вещей – в том, что они не причинят никакого вреда ее сыну. Забыла она только о ветвях омелы, обитающей на деревьях.

Бальдр стал неуязвимым для стрел, и боги временами забавлялись стрельбой по нему. В этом принимал участие и слепой Хёд. Ему-то и подсунул злокозненный Локи ветку омелы вместо дротика. Так из-за ничтожной ветки погиб светлый юный бог. Его тело боги переносят на берег моря, кладут в огромную ладью и сжигают. Его жена Нанна умирает с горя, и ее тоже кладут в погребальный костер вместе с конем Бальдра.

(Отметим, что такой обычай погребения знатных лиц был распространен среди викингов и славян, причем если жена не умирала с горя, а такое вряд ли случалось часто, ей все равно приходилось сопровождать мужа в последний путь вознесения к небесам в языках пламени.)

За смерть Бальдра мстит Вали, сын Одина от богини Ринд. Хотя ему всего лишь один день от роду (можно предположить, что день богов не тот, что у людей), он убивает невольного убийцу Хёда, который уподобился слепому року. С этого начинается гибель богов, и она принимает страшный размах в последней битве с устремленными на них темными свирепыми силами. Тогда будет свергнут Один со своего престола и погибнет в пасти чудовищного волка.

Но все это еще не означает конца света. Возродится природа, воскреснет Бальдр и помирится с восставшим из мертвых слепым Хёдом... Хотя, как знать, не был ли оптимистичный финал добавлен более поздним

автором для того, чтобы успокоить слушателей, смягчить грозную трагичную картину гибели богов?

Некоторые исследователи предлагают другой, тоже оптимистический вариант. Согласно их версии, Бальдр – это образ умирающего и воскресающего бога, столь характерный для многих религий. Он олицетворяет весеннее возрождение природы после того, как она была погружена в зимний мертвящий сон слепой природной стихией.

Однако надо заметить, что подобные символические сочинения не характерны для германских мифов. Природные стихии там представлены разве что в образах исполинов; некоторые из них можно отождествлять с ледниками или вулканами. Даже Мировое Дерево не пребывает в покое или вечном цветении:

Люди не знают, как Ясень великий
Много выносит невзгод:
Сверху гложет олень, увядает полдерева,
Корни ест Ниддхогр дракон.

В комментарии к этой строфе переводчик Старшей Эдды С. Свириденко писал: «Ни в одной космогонии не рисуется так ярко, как в германской, представление о вечных разрушительных процессах, которым подвержен мир. Все существующее носит в себе начала распада: к этому мотиву германские мифы возвращаются с трагической настойчивостью, очень характерною для неумолимой прозорливости германского мировоззрения, столь рано успевшего расстаться с наивною верою в нескончаемое существование земли». Смертны люди, смертны цивилизации, смертно человечество... Почему бы не верить в неизбежную гибель богов?

Браги

Имя этого бога не часто встречается в исследованиях, посвященных германской мифологии. Вот что сказано о нем в Мифологическом словаре (М.,1991):

«БРАГИ («поэт», «лучший», «главный»; также сравним русское «брага»), в скандинавской мифологии бог-скальд, муж богини Идунн. Имя Браги, возможно, указывает на связь со священным опьяняющим напитком».

Однако прежде всего обратим внимание на сам факт того, что Браги причислен к числу высших богов, асов, несмотря на то что он не совершает никаких славных подвигов и не является идеализированным героем подобно Бальдру.

Чаще всего упоминается Браги в том разделе Старшей Эдды, где повествуется о злоречии Локи на пиру богов. Нежданное появление Локи все боги и богини встречают молчанием. Лишь Браги осмеливается напомнить Локи, что его никто не звал и он – нежеланный гость. Один все-таки предоставляет место за столом Локи, и тот пьет во здравие всех присутствующих, кроме Браги.

Показательно, что Браги и не думает обижаться на него, а больше всего опасается того, что своими высказываниями Локи будет сеять распри среди богов. И готов даже отдать за то, чтобы это предотвратить, все ценное, что у него есть. Язвительный Локи восклицает:

Отколь у тебя будут кони и кольца?
Битвы добыча не для тебя!
Из всех здесь пирующих асов и альфов
Ты, Браги, всех менее храбр:
От боя ты живо бежишь.

Из этих слов следует прежде всего то, что свои богатства боги добывали в боях и последующих грабежах. Этим еще раз подчеркивается принадлежность асов к разряду воинов или даже предводителей дружин. Тем более странно, что среди них полноправным асом считается Браги.

На словесный выпад Локи Браги отвечает: это ложь! Учтем, что едва ли не он один из всех богов и богинь так ясно и резко отмечает

оскорбительные обвинения Локи. Возможно, Локи действительно оклеветал Браги, пользуясь тем, что тот не может вступить с ним в схватку, находясь в гостях, на пиру.

Жена Браги Идунн, которую Локи обвинил в том, что она чаще всех богинь жаждет объятий мужских, не сочла нужным возражать, стараясь прекратить ссору:

Оскорблять не желала я Локи словами
В доме у Эгира здесь;
Браги смирить, возбужденного брагою,
Я хотела, что б бою не быть.

Кстати, обижать Идунн было небезопасно: в ее ведении находились волшебные яблоки, благодаря которым богам удавалось сохранять вечную молодость. Тот же Локи в обмен на свою свободу хитростью отдал ётуну Тьяцци Идунн с ее «молодильными» яблоками. Вскоре боги почувствовали утрату: они начали стареть. Схватив Локи, они пригрозили ему смертью, если не вернет Идунн (что он и сделал).

Есть предположение, что некогда существовал миф о священном «бодрящем» напитке (браге?), возвращающем молодость (от него, как известно, взрослые порой впадают даже в детство, словно разучившись ходить и связно говорить). Одним из компонентов браги могли быть яблоки, а изготавливала пьянящий напиток жена Браги, потому-то и стали считать такие яблоки молодильными, а напиток получил имя ее мужа. Такое предположение вполне правдоподобно.

Но, безусловно, не это обстоятельство стало основанием для того, чтобы Браги причислили к клану славных асов. Главное то, что Браги был скальдом. Так назывались поэты-певцы у викингов, древних скандинавов. Норманны, «северные мужчины», были не только отважными воинами и мореходами. Они изобрели своеобразную письменность, а также передавали из уст в уста в стихах и прозе рассказы, поэмы, легенды о деяниях богов и героях, о любви и коварстве, преступлениях и подвигах. Именно благодаря этим талантливым вдохновенным людям были созданы песни Эдды.

Один из ётунов поинтересовался у Браги, откуда взялось искусство, называемое поэзией? И тогда Браги рассказал о том, как возник так называемый «Мёд поэзии». После войны асов и ванов боги смешали слюну в чане и слепили мудрого человечка Квасира. (Между прочим, у многих первобытных народов таким образом делали закваску.) Карлики-цверги убили Квасира, кровь его смешали с пчелиным воском, и таким образом создали «мёд поэзии». Однако все три чана с медом карлики вынуждены были отдать семье убитой ими четы великанов.

Чтобы добыть «мёд поэзии», Одину пришлось совершить целый ряд убийств (с помощью колдовства), превратиться в змею, пролезть через отверстие в скале к тайнику, где хранился «мёд поэзии», осушить все три сосуда и, обернувшись орлом, возвратиться в Асгард. Здесь он изрыгнул весь выпитый волшебный напиток в чашу.

Так получили «мёд поэзии» боги и те люди, которые умеют слагать стихи. А из всех богов только сам Один и Браги одержимы духом

поэтического творчества.

Складывается впечатление, что в истории о «мёде поэзии» зашифрован способ изготовления (начиная с квашения) хмельного напитка, который для крепости выдерживают определенное время в закрытом сосуде. Возможно, в него добавляли для усиления наркотического действия какое-то зелье, связанное с теми компонентами, которые символически представлены образами змеи и орла. Но все это, конечно же, предположение, не более того.

Так или иначе, «мёд поэзии», а также бог-скальд Браги в мифах древних германцев связаны с опьяняющей брагой, возбуждающей и вдохновляющей рассказчика или певца. Сладость и завораживающее рассудок волшебство поэзии пленяло, как видим мы, не только утонченных эстетов, но и древних суровых воинов, отважных викингов. Потому и включили они Браги в свой круг, оказывая ему почтение. А сами поэты уже в те времена пьянели не только от творческого экстаза, но и от хмельного напитка, который называли «мёдом поэзии».

Локи

В Эдде имя этого аса упоминается не на много реже, чем имя Одина. Однако исследователи не зарегистрировали следов культа Локи у древних германцев, и даже неясно, как среди асов оказался этот сын великана Фарбаути. Известно только, что он был связан с Одином обрядом кровного братства, но почему, при каких обстоятельствах это произошло, остается тайной. (В процессе этого обряда надлежало надрезать себе руки, смешать кровь, налить в рог с медом или пивом, который осушали пополам; скрепленное таким образом братство считалось более крепким, чем семейные узы.)

Локи – фигура противоречивая, многоплановая. Попытки некоторых ученых определить его принадлежность к какой-либо стихии или какому-то человеческому качеству трудно назвать убедительными. «Что такое Локи? – писал М. И. Стеблин-Каменский. – Бог огня, или воды, или смерти, или растительности и т. п. (как его раньше толковали), или он (его последнее толкование) – ум без чувства ответственности? Решение подобных мнимых загадок до сих пор считается задачей науки».

Действительно, этот сложный образ представляет собой личность, а не символ. Учитывая его склонность строить всяческие козни, враждовать с богами и насмехаться над ними, есть основание считать его воплощением зла, темным пятном в светлом Асгарде. Тем более что именно Локи явился подлинным убийцей прекрасного и добродетельного Бальдра, подсунув слепому Хёду вместо дротика ветку омелы – единственное на свете оружие, способное убить Бальдра. Более того, тот же Локи помешал богам вернуть Бальдра из царства мертвых.

И все-таки сопоставлять Локи с силами зла, в виде некоего скандинавского (исландского) воплощения падшего ангела, Люцифера, было бы явным упрощением. Прежде всего, древние германцы были достаточно далеки от христианских нравственных категорий и стремления резко разграничивать добро и зло. Абсолютные моральные критерии были им чужды, как всякие абстракции вообще. У них даже повелитель богов Один не совершенен. На пиру богов Локи бросает ему в лицо:

Один, молчи! Ты часто нечестно
Жребий решаешь в сраженьях мужей.
Не раз ты дарил не тому, кому надо, —
Трусу победу дарил.

Один не опровергает этих слов, и в ответ обличает Локи по принципу «сам ты – нехороший»:

Если и правда, что трусу не раз я
В битве победу дарил, —
То ты восемь зим был во мраке подземном;
Там, как служанка, доил ты коров;
Даже детей ты родил тогда,
В женском обличи являясь.

Можно только изумиться способностям Локи: он ухитрился жить в царстве мертвых, да еще превратиться в женщину (а не просто исполнять ее роль) и рожать детей. Это вряд ли более позорно для мужчины, чем исполнять женские обязанности, как было с Одином, который, по словам Локи, некогда «колдовал, словно ведьма... В женском обличи являясь».

Таким образом, каждый из богов (если не считать Бальдра) – не без греха, что и подчеркивает Локи на пиру, обличая каждого из присутствующих, включая женщин. Впрочем, и понятие греха у древних германцев если не отсутствует вовсе, то является относительным, естественно присущим не только людям, но и богам.

И еще одна особенность их мировоззрения: вера в судьбу. То, что Один дарует порой победу не лучшему воину, свидетельствует о том, что его могущество не безгранично и он вынужден отступить перед предначертаниями судьбы. Верховному богу даже суждено погибнуть в конце мира богов, и проглотит его чудовищный волк Фенрир, отец которого именно Локи, а мать – исполинка Ангрбода. У этой четы родились еще владычица царства мертвых Хель и мировой змей Ёрмунгард.

Если эти дети Локи унаследовали какие-то его качества, то образ этого бога обретает особое величие. Превратившись в кобылу, он ухитрился соблазнить жеребца, помогавшего великану строить Асгард, родив чудесного восьминогого коня для Одина. Кстати, этот поступок Локи был, можно сказать, жертвенным во благо богов. Дело в том, что великан обещал полностью выстроить Асгард (город асов) за кратчайший срок – полтора года (как видим, сами асы то ли не умели, то ли не желали заниматься строительством). В награду он запросил Солнце, Луну и прекрасную Фрейю. Боги вынуждены были согласиться. И тогда хитроумный Локи сумел отвлечь от работы жеребца великана, что ему и удалось, в результате чего Асгард остался незавершенным в назначенный срок, что и спасло

Солнце, Луну и Фрейю.

Локи часто сопровождает богов в их странствиях и приключениях, он легко превращается в разных существ и без зазрений совести творит злые дела, хотя едва ли не менее часто совершает благие поступки или исправляет причиненные им ранее неприятности, нанесенный ущерб. О некоторых его делах мы упоминали раньше при характеристике других богов. Упомянем еще, что ему приписывают изобретение сети, с помощью которой он выловил карлика Андвари, плававшего в облике щуки. Карлика заставили отдать его золото; среди сокровищ было кольцо, на которое карлик наложил проклятье. С той поры это золото приносило несчастье всем своим владельцам (эта тема была обыграна в легенде о кладе Нибелунгов).

Итак, нет никаких оснований считать Локи злым духом. Он скорее воплощение бурной деятельности, хитрости, изворотливости, проницательности (он знает многое из того, что неизвестно асам), изобретательности, аморальности и в то же время совестливости. Последнее утверждение может показаться странным, если учесть ряд бессовестных поступков Локи (он срезал золотые волосы у супруги Тора Сив; украл, обернувшись блохой, волшебное ожерелье Фрейи; отдал Идунн во власть великана Тьяцци, едва не оставив богов без омолаживающих яблок; ради собственного спасения заманил к великанам Тора, безоружного, без молота и Пояса Силы. Тем не менее он иногда выручает асов из беды, помогает вернуть молот Тора, возвращает Идунн, заставляет кузнецов-цвергов изготовить из чистого золота новые волосы для Сив. Но главное не это. Локи имеет не только наглость, но и смелость обличать богов.

В повествовании о перебранке Локи с богами (Старшая Эдда) выясняется, что они слишком часто ведут себя предосудительно или даже позорно. Только Локи осмеливается сказать им об этом в глаза. К сожалению, делает он это не из чистых побуждений, а напившись браги и злословя. Тем не менее упреки и обвинения его по большей части справедливы.

На пиру богов Локи убивает одного из слуг хозяина, которого похвалили гости. Возмущенные боги прогнали Локи в лес, однако он возвращается и выясняет, что боги славят собственные дела, хвалятся отвагой и победами. Из чувства противоречия (и справедливости?) Локи снова садится за стол, чтобы досадить гостям, напомнить им об их не славных делах и «желчью приправить их праздничный мёд» (ведь не только люди стараются забывать о своих постыдных поступках). Одна из

богинь замечает:

Давно мы все знаем, что Локи насмешник,
Ругатель и враг всех богов.

Насмешник и ругатель – да, но враг далеко не всегда, нередко бывает и другом. Обличая других, Локи честно признается, что по его вине погиб Бальдр (и говорит это его матери), что он соблазнял чужих жен. Порой он напоминает пьяного, у которого что на уме, то и на языке. Пожалуй, он хуже всех богов или, во всяком случае, желает казаться таким из чувства противоречия и протеста против их самовосхвалений.

Локи не боится наказания за свои обличения, злоязычие и саморазоблачения. Он доверяется судьбе и знает, что ему уготована страшная казнь. Вот как завершается песнь «Перебранка Локи»:

«Локи скрылся, приняв облик лосося, в водопаде Франангр. Там боги изловили его. Он был связан при помощи кишок его сына Нарни (убитого богами); а его сын Вали превращен был в волка. Скади взяла ядовитую змею и прикрепила ее над головою Локи, так что яд (из змеиной пасти) падал ему на лицо. Сигин, жена Локи, села возле него и подставляла чашу под падавший яд. Когда чаша наполнялась, она выливала ее содержимое, и яд в это время падал на Локи. Тогда он бился так сильно, что горы дрожали. И это было названо землетрясением».

Оставим в стороне наивное предположение о причинах землетрясений (вряд ли его принимали всерьез). Но можно ли утверждать, что в образе Локи наказано зло, а добродетель восторжествовала? Нет, конечно. Боги просто избавлены на некоторый срок от напоминаний, пробуждающих угрызения совести, только и всего. Трудно согласиться и с мнением Е. М. Мелетинского о том, что «Локи... комически-демоническая фигура, отрицательный вариант культурного героя (положительный – Один) и мифологический плут-трикстер с отчетливой хтонически-шаманской окраской...» И хотя у Локи присутствуют черты паука (антропоморфного, мифологического), все-таки он нередко фигура не столько комическая, сколько трагическая, и далеко не всегда демоническая и отрицательная (так же как Один – вовсе не положительный герой).

Локи не противопоставляется богам, а дополняет их, полнее раскрывает их качества – достоинства и недостатки.

Благодаря Браги мы имеем песни о деяниях богов. Благодаря Локи знаем многое о богах из того, что они сами бы не рассказали, о чем подчас

и сами забывали или старались не вспоминать. Без Локи боги были бы более безликими, а их мир – более серым, однообразным и скучным.

Русь

Сведения по мифологии Древней Руси, или, точнее говоря, восточного славянства, очень скудны. Когда наш великий энциклопедист М. В. Ломоносов попытался привести эти сведения в единую систему, то вынужден был с огорчением отметить: «Мы бы имели много басней, как греки, если бы науки в идолопоклонстве у славян были».

Действительно, до принятия христианства тысячу лет назад на Руси практически отсутствовала письменность, а интерес других народов к русским мифам был минимален. Но ведь и у германских народов положение было немногим лучше, однако они все-таки сумели воссоздать многие свои мифы уже во времена принятия христианства. В Древней Руси таких собирателей и хранителей «языческих» сказаний и верований не нашлось.

Центрами письменной культуры на Руси были почти исключительно монастыри, да и летописцы были из монахов. Православная церковь старалась искоренять языческие суеверия, упоминая об их сути редко и только критически. Имена и деяния великих дохристианских богов были вытравлены из сознания народа. Правда, этим не были поколеблены всерьез суеверия: разнообразные предрассудки сохранялись и множились, а из прежних богов сохранялись в народной памяти только самые скверные и нечистые, связанные с опасными духами природы или ночными страхами: кикиморы, ведьмы, черти, водяные, лешие, русалки, домовые...

Остается открытым вопрос: а были ли у разных славянских племен – пусть даже исторически, географически и культурно родственных, как восточные славяне – общие боги. На примере других народов можно предположить, что таковых не было.

Из богов, которых есть некоторые основания считать общими для восточных славян, обычно называют двух: Перуна и Велеса (Волоса). Первый наиболее почитался знатью, князьями и дружинниками, а второй – простым людом, занятым преимущественно сельским хозяйством, охотой, собирательством, рыболовством.

Славянские племена, обитавшее в Южной и Юго-Восточной Прибалтике, веками контактировали с германскими племенами и принимали участие в походах викингов. Тем не менее германская мифология и славянская различны и практически не имеют между собой ничего общего. Объяснение этому феномену требовало бы обстоятельного

исследования. Но для наших целей и без претензий на обладание истиной хотелось бы сослаться на выдающегося немецкого мыслителя Иоганна Ротфрида Гердера. В «Идеях к философии истории человечества» он писал, что германцы отличаются «ростом и телесной силой, предприимчивостью, смелостью и выносливостью на войне, героическим духом, способностью подчиняться приказу, следовать за вождями, куда бы они ни повели, и разделять покоренные земли между собой как добычу... Начиная с Черного моря и по всей Европе немцы наводили ужас...»

Согласимся, что история Германии XIX и первой половины XX века подтвердила правильность такой, пусть и слишком обобщенной, схематичной характеристики.

Как верно отметил Гердер, «славянские народы занимают на земле больше места, чем в истории... Несмотря на совершенные ими подвиги, славяне никогда не были народом воинственным, искателями приключений, как немцы... Повсюду славяне оседали на землях, оставленных другими народами, – торговцы, земледельцы и пастухи, они обрабатывали землю и пользовались ею; ...их спокойное бесшумное существование было благодатным для земель, на которых они селились. Они любили земледелие, любили разводить скот и выращивать хлеб, знали многие домашние ремесла и повсюду открывали полезную торговлю изделиями своей страны...»

Пусть кому-то покажется такая характеристика слишком лестной, сильно преувеличивающей достоинства славян и пренебрегающей их недостатками. Но Гердер упомянул и об отрицательных чертах славян, которые, по его мнению, сильно пострадали не только от ордынского нашествия, но и от германцев: «Не удивительно ли, если бы после стольких столетий порабощения эта нация, до крайности ожесточенная против своих христианских господ и грабителей, не переменила свой мягкий характер на коварную и жестокую леность раба?.. Несчастье этого народа заключалось в том, что при своей любви к покою и домашнему усердию он не мог установить долговечного военного строя, хотя у него и не было недостатка в мужестве в минуты бурного сопротивления».

Даже в славные времена Киевской Руси восточнославянские племена не обрели единства, и это обстоятельство препятствовало созданию общего пантеона богов. Судя по «Повести временных лет» серьезную попытку выделить главных славянских богов (по-видимому, с политическими целями укрепления духовного единства народа) предпринял в 980 году князь Владимир:

«И начал княжить Владимир в Киеве один, и поставил кумиры на

холме вне двора теремного. Перуна деревянного, а голову его серебряную, а ус золотой, и Хорса Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь и приносил им жертвы, называя их богами...»

Судя по всему, эта попытка создать нечто подобное государственной религиозной системы потерпела полный провал, главной причиной которого было отсутствие в народе общепринятой классификации главных божеств; у каждого племени, а то и у каждого рода были на этот счет свои соображения и традиционные верования. Не потому ли Владимир всего лишь через 8 лет счел необходимым ввести на Руси христианство?

Но если Единый Бог заменил на Руси многих богов, то всяческая нечисть продолжала (отчасти и продолжает) существовать. Без малого через 550 лет после принятия христианства новгородский архиепископ Макарий писал Ивану IV Грозному, что идолопоклонство сохраняется во многих русских местах: «Суть же скверные мольбища их: лес и камни и реки и болота, источники и горы и холмы, солнце и месяц и звезды и озера... всей твари поклоняются яко богу и чтут и жертву приносят кровную бесам – волов и овец и всякий скот и птицу...»

Исследователям начиная с XVIII века приходилось восстанавливать восточнославянскую мифологию по отрывочным пересказам, критическим замечаниям христианских авторов и сохранившимся в народе преданиям, большинство из которых носило отпечаток христианских верований, порой очень искаженных. Вот почему до сих пор так и не удалось выработать сколько-нибудь обоснованных и общепринятых представлений даже о том, каких богов чтили восточные славяне как великих и главных. Также затруднительно восстановить космогонические представления, бытовавшие на Руси до принятия христианства.

В фольклорном сборнике «Стихи о Голубиной книге» о происхождении мироздания рассказано в стиле древнего мифа, но с явным влиянием Библии: «Наш белый свет взялся от Бога, красно солнце – с лица Божьего, свет луна – с груди его, белые зори – из очей Божьих, ясны звезды – с одежд его, буйны ветры – от Духа Святого, мир Божий – от Адама, крепкие кости взяты из камня, тело наше – из сырой земли».

В целом такое миротворение заставляет вспомнить скандинавский миф о сотворении мира из тела исполина вселенского – Имира, а также индийскую версию о первосуществе Пуруше. Не обязательно предполагать, что сходство этих трех космогонических мифов свидетельствует о едином древнейшем первоисточнике времен индоевропейского единства. Вполне возможно, что представители разных племен, жившие в разные века, независимо приходили к сходным идеям, как это бывает и в истории

философии, науки, техники.

Нетрудно заметить, что в приведенном выше фрагменте отголоски христианства явно вторичны и подчас даже кощунственны, еретичны. Здесь Бог творит мир не Словом, а вполне материалистично, приземленно; Дух Святой трактуется как дыхание или дуновение воздуха... Но каким был первоначальный русский миф о создании мира, да и был ли он вообще – остается только догадываться.

Известны апокрифы и легенды, где в творении земной тверди и человека принимают участие Бог и Сатана как представители светлых и темных сил, но действуют они сообща, хотя и при господстве Бога. Изначально, согласно этим версиям, вода и земля оставались едиными, нераздельными или же все пространство было покрыто чем-то подобным всемирному океану.

Ходили-ходили Бог и Сатана по воде, утомились, захотели отдохнуть, а нигде места сухого нет. Бог приказал Сатане нырнуть и достать со дна моря земли во имя Господа. Но Сатана, нырнув, захватил землю во имя собственное, и дважды так и не смог ничего достать. Только на третий раз, исполнив все так, как повелел Бог, он вытащил землю.

В некоторых вариантах подобной легенды действует не Сатана, а морская птица (сходные мифы бытовали в Сибири, а также у индейцев Северной Америки).

В сотворении человека тоже, согласно дуалистическим поверьям, принимали участие Бог и Сатана. Подобные представления находили массу сторонников потому, что доходчиво объясняли существование в природе мест гиблых или опасных, а в человеке – пороков и болезней.

Очень характерно, что исследователям так и не удалось выяснить, какими были взаимоотношения между божествами древних славян, принимали или нет эти божества участие в сотворении и благоустройстве мира, каким предполагалось их происхождение, каким образом взаимодействовали между собой разные поколения богов... Увы, слишком многое в русской мифологии приходится предполагать и домысливать.

Нередко славянских богов разделяют на высших и низших. К первым относятся, например, Перун, Сварог, Дажьбог, а ко вторым – Чур, Ярило. Однако правильнее было бы говорить о богах преимущественно народных, а не низких, которые дополняются или замещаются богами «господскими», которым поклонялись прежде всего высшие слои общества и которые во многом связаны с появлением князей со своими «дружинами хоробрыми».

О народных богах сохранились лишь смутные предания, косвенные сведения. Вот что писал С. А. Токарев об одном из таких богов – Чуре

(Щуре):

«Очень вероятно, что это был почитаемый предок-родоначальник. Культ его прямо не засвидетельствован, но сохранились убедительные следы его в славянских языках. Восклицания «Чур!», «Чур меня!», «Чур, это мое!» означали, видимо, заклинание, призывание Чура на помощь... Глагол «чураться» – держаться в стороне, то есть как бы ограждаться Чуром. И слово «чересчур» явно происходит от понятия о Чуре, как бы охраняющем какие-то рубежи, границы родовой земли, вероятно. Что Чур-Щур был именно предок – видно из слова «пращур», прапредок. Быть может, изображения Чура делались из дерева, на что намекает русское слово «чурка» – обрубок дерева».

Другое древнее славянское божество – Ярила (Ярило) связано с культом плодородия и сексуальной мощи. По Владимиру Далю, от Ярилы «ярится земля и все живое». Ему посвящались весьма разнузданные весенние игрища и празднества.

В одной из старинных песен-заклинаний прославляется это божество:

«Волочился Ярила по всему свету, полю жито родил, людям детей плодил. А где он ногою, там жито копною, а куда он взглянет, там колос зацветает». На этого божка намекает и не вполне пристойная, на первый взгляд, загадка, имеющая в виду помело: «Выбежал Ярилко из-за печного столба, начал бабу ярить, только палка стучит». Считается, что со временем некоторые функции Ярилы перешли к Перуну, несмотря на воинственность последнего. Такое объединение олицетворял у балтийских славян бог войны и плодородия Яровит.

Предполагается, что некогда существовала пара богов (по принципу близнецных божеств у разных народов): Белобог и Чернобог. С первым связывали добро, пользу, нечто хорошее, удачу, а со вторым – напротив, беду, несчастье. У белорусов известен мифологический персонаж Белуна – податель достатка, богатства. Однако до сих пор остается спорным вопрос о том, существовал ли в действительности культ Белобога и Чернобога.

Более очевидно, что в далекой древности особо почитались три природные стихии: огонь, вода, земля (античные философы, а затем и средневековые алхимики добавляли к ним еще воздух, считая эту четверку основой мироздания). Огонь выступал в двух ипостасях. Прежде всего, как животворная сила, связанная с солнечным теплом и светом, дарующая жизнь, очищающая от скверны. А образ опасного, вредоносного огня олицетворял многоглавый огнедышащий Змей-Горыныч, у которого взамен одной отсеченной головы тотчас вырастает другая.

Землю славяне любовно называли матушкой, почитали ее. Родимую

землицу брали с собой в дальние путешествия, а клятва землей считалась самой верной и нередко сопровождалась обрядом поедания земли. Поклонение земле как матери рода человеческого – проявление не только поэтического (о котором превосходно писал А. Н. Афанасьев в работе «Поэтические воззрения славян на природу»), но и философского осмысления окружающего мира. Вспомним, как один из наиболее ярких философов эпохи Возрождения Джордано Бруно называл себя сыном матери-земли и отца-солнца.

В мифологии славян проявилась общая закономерность: образы первых, наиболее загадочных и во многом забытых богов непосредственно связаны с почитанием предков и природных стихий. По мере изменения окружающей природы под влиянием преобразующей деятельности человека, на первый план начинают выходить образы и проблемы, определяемые социальным укладом, особенностями человеческой личности и отношений между людьми.

...Все это остается в далеком прошлом. Казалось бы, какое нам дело до подобных древностей, да еще не материальных, а духовных? Кто-то уверен, что как представитель современной технической цивилизации он находится на вершине интеллектуального развития человечества и может с презрением и досадой посматривать на своих отдаленнейших предков.

Однако с крушением и расчленением СССР в новой России возродились самые застарелые, примитивные, убогие, нелепые суеверия прошлого, дополненные наукоподобными предрассудками астрологии и прочих разновидностей оккультизма. Колдуны, шаманы, ведьмы, знахари и знахарки, изгоняющие бесов, заклинатели – вот кто пользуются теперь популярностью. Это не высокий и светлый Бог христианства, не великие боги язычества, а исчадия тьмы и невежества.

Род

Имя это повторяется на Руси постоянно из века в век и составляет корень множества слов: родина, народ, родня, родство, родить, родник, урожай, природа...

Казалось бы, бог с таким именем также должен почитаться долгие века. Ведь с ним связана та земля, где мы родились (родина), та общность людей, частью которой мы являемся (народ), и даже окружающий нас мир, который находится при Роде. Тем не менее известный исследователь Б. А. Рыбаков имел все основания написать: «Самым загадочным и наименее изученным из всех славянских божеств является Род – божество, известное только восточным славянам и не уцелевшее в этнографическом материале».

Некоторые ученые вовсе не считают, что был такой бог. Другие полагают, что этот культ носил частный характер (типа семейного божества) и не имел большого значения. Третьи убеждены, что речь идет о великом боге, вместе с которым почитались и Рожаницы. Кстати сказать, второй и третий варианты не противоречат один другому: во многих религиях великие боги были одновременно и семейными.

Надо уточнить: Род известен не только восточным, но отчасти южным и западным славянам. По мнению О. Н. Трубачева, «рассматриваемое слово восходит к праславянскому «орд», которое не связано с индо-иранскими, греческими и другими формами». Исходя из этого можно предположить, что бог Род был не заимствованным со стороны, а коренным, исконно славянским.

По словам А. Н. Афанасьева, Роду и Рожаницам придавалась «плодотворящая, возрождающая к жизни сила», а с культом их «соединялась вера в судьбу или предопределение» (недаром же до сих пор сетуют: так мне – или ему – на роду написано). Он задавался вопросом: «Если Рожаницы заведывали судьбою отдельных людей, то в связи с этим значением Рожаниц не олицетворял ли собою Род – общего понятия о судьбе (фатум) как о могучей силе, все производящей и всем правящей в мире?» Увы, на этот вопрос до сих пор нет убедительного ответа.

Обобщив сведения об этом боге, Б. А. Рыбаков сделал вывод:

«Род – творец Вселенной.

Род вдвухает жизнь в людей.

Род – бог неба и дождя.

Род связан с земной водой (родники, родища).

Род связан с огнем.

Род связан с подземным пеклом (родство огненное).

Род связан с красным цветом (рдяный, родрый).

Род связан с шаровой молнией (родна)».

Не все из этих функций Рода убедительно доказаны, а некоторые сомнительны. Рода пытаются сопоставлять с некоторыми другими богами (Осирисом, Рудрой, Ваалом (Балу), Саваофом), но эти аналогии представляются искусственными уже потому, что мы слишком мало знаем об этом божестве. Возможно, наиболее правдоподобна его связь с индийским Рудрой, но и она во многом умозрительна.

Можно только предположить, что святое почитание родины, природы и народа, характерное для русских с давних пор, определяется тем, что некогда великим, наиболее почитаемым богом у них был таинственный Род.

Перун

Громовержец, повелитель грома и молнии, небесный бог, власть которого простирается и на землю – таков Перун.

Византийский историк VI века Прокопий Кессарийский писал, имея в виду славянский пантеон: «Считают, что один из богов – создатель молнии —...есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких животных». Ссылаясь на это свидетельство, Е. Е. Левкиевская сделала вывод, что «культы отдельных, не связанных между собой богов к этому времени начали складываться в общеславянскую религиозную систему, центром ее становится Перун».

Правда, не исключено, что Прокопий знал лишь об одном славянском племени или о немногих, да к тому же хотел показать, что даже у язычников существует нечто подобное единобожию, поставив на роль «единого владыки всего» небесное божество в соответствии с

христианским канонem. Самое главное, что у византийского автора были определенные основания выделить, скажем так, одного из великих богов древних славян.

Если Род был божеством родным, близким, связывающим воедино разные поколения и народ, а также окружающую природную среду, то Перун пребывал высоко в небесах. Оттуда он то благосклонно смотрел на дела людей, то в гневе громогласно гремел и грозил молниями. Хотя порой считалось, что удар молнии – не божья кара, а божья благодать, дарованная избранным.

Считалось, что Перун мечет на землю громовые стрелы. Действительно, в земле или в речных наносах встречались гладкие заостренные на одном конце камни, подобные наконечникам стрел. Объяснить их происхождение удалось много позже, когда оформились геологические науки. Оказалось, что большинство «громовых стрел» Перуна – это окаменевшие ростры беспозвоночных животных белемнитов, обитавших в давно исчезнувших морях.

Принято считать, что Перун был богом воинственных князей знати, дружинников. Но скорее всего он стал таковым со временем, по мере того, как крепла княжеская власть и все определеннее отдалялась от народа. На такую мысль наводит одно немаловажное обстоятельство: мы не знаем мифов о военных подвигах, сражениях и победах (или поражениях) Перуна. Он остается фигурой статичной, символической и более приближенной к природным стихиям, чем к социальным проблемам.

Вспомним скандинавского Тора или Одина, Зевса и тому подобных богов других народов. Они ведут себя действительно как цари или князья, могучие воины, активно участвуют в жизни богов и людей. О Перуне этого сказать нельзя. Будь он долгое время богом-покровителем дружинников и их предводителей, о нем наверняка было бы сложено немало мифов, отражающих образ не только грозного, но и воинственного победоносного божества.

Правда, известны легенды, в которых Перун проявляет активность, но опять-таки как олицетворение природной стихии: он повергает сатану, бьет чертей, более напоминая Илью-пророка, которого стали с ним отождествлять, соединяя традиционное язычество с нововведенным христианством.

Из летописей известно, что идолы Перуна устанавливали князья, но это не исключает того, что их ставили и поклонялись им, например, земледельцы. Даже вполне логично предположить, что крестьяне должны были поклоняться верховному небесному божеству, насылающему дожди и

грозы, от которого зависит урожай.

Но об этом летописи умалчивают, потому что их авторы повествовали прежде всего о делах княжеских и военных. Согласно Лаврентьевской летописи, в 907 году русские, договариваясь с византийцами, «клялись оружием своим и Перуном богом своим». Из этого с одинаковым основанием можно заключить, что Перун был либо верховным божеством всех русских, либо только покровителем дружинников и князей. Первая версия, пожалуй, более вероятна.

В Новгороде незадолго до крещения Руси дядя князя Владимира Киевского Добрыня установил в специальном святилище идол Перуна. Однако вскоре по повелению Владимира идола в Киеве, Новгороде и в других местах были низвергнуты. Активное участие в этом принимали дружинники. Говорят, когда идол Перуна плыл по Волхову, кто-то сказал: «Досыта ел и пил, а ныне плыви прочь!» Стало быть, жертвы Перуну приносили разные люди; был он почитаемым богом в народе, а не только у знати. Ведь и Владимир Красное Солнышко, и Добрыня стали легендарными героями, об их деяниях слагались песни, а вот Перуну на этот счет не повезло. В народной памяти он не был воителем, оставаясь прежде всего воплощением природной стихии. Почему? Потому что мифология, помимо всего прочего, отражает важные черты национального характера данного народа.

Велес (Волос)

В летописи его называют «скотием богом». Имя его тоже указывает на это. Одновременно он был покровителем достатка, богатства, которое традиционно связывалось с количеством скота. Как отметил Б. А. Рыбаков, вплоть до Средневековья на Руси слово «скот» означало и домашних животных, и имущество; «скотолюбие» было синонимом корыстолюбия, «скотником» называли финансового чиновника, посредника между посадником и старостой, а «скотницей» – казну.

Может показаться странным, что когда киевский князь Владимир пожелал идеологически объединить своих подданных, он приказал водрузить в столице идолы Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Макоши, но по какой-то причине не включил в тот ряд Велеса. Чем можно объяснить такую «забывчивость»? Неужели к этому времени (980 г.) он стал занимать второстепенное место в славянском пантеоне?

В 907 году, по свидетельству летописца, в Византии русские «кляшаси оружием своим и Перуном богом своим и Волосом скотием богом». То же

повторилось в 971 году: «Да имеем клятву от бога, в него же веруем и от Перуна и от Волоса скотия бога». Безусловно, за несколько лет общественное сознание в ту эпоху не могло столь резко измениться, чтобы оказался забытым бог, который до этого стоял рядом с самим Перуном.

Представляется вполне правдоподобным объяснение, предложенное Рыбаковым: «Единственный допустимый вывод о различии между Перуном и Волосом по этим выпискам из договоров с греками тот, что в составе русских посольств 907 и 971 гг. были как дружинники, клявшиеся грозным Перуном, как и купцы, дававшие клятву своему богу богатства Волосу. Ни о каком противопоставлении двух богов нет и речи».

Так-то оно так, но почему-то упомянуты два бога, а не один, тем более что князь Владимир не считал нужным воздать должное Велесу, хотя и выделил менее значимых божеств. По-видимому, в те времена уже обозначился существенный отрыв княжеского двора, дружинников (среди которых было много наемников-варягов, чьи покровители и оказались, пожалуй, среди идолов, установленных на вершине холма) от прочего люда, включая купцов. В народе почитали главным образом Велеса; его идол стоял в нижней части Киева, и уже этим своим положением в определенной степени противопоставлялся воинственному Перуну и его «дружинным» богам.

Подобное географическое разделение двух богов отражало еще одно их различие: Перун царствовал вверху, в небесах, тогда как Велес оставался божеством сугубо земным и даже отчасти подземным: ведь ему в жертву приносили животных при погребальном обряде. В мифологии балтийских племен Вело превратился в бога царства мертвых.

Литовское божество Велняс тоже может называться «скотием» и даже изображалось с рогами и копытами. Но в отличие от Велеса, Велняс представлен существом вредным, похищающим стада у Перкунаса, который вынужден отбивать их у него. Тут все вроде бы перевернуто, поставлено с ног на голову. Возникает вопрос: откуда могли появиться у воинственного Перкунаса (Перуна) стада? По-видимому, они были захвачены в качестве добычи или присвоены, когда этот бог стал главенствовать как князь. Вот и приходится Велнясу (Велесу) угонять отобранные стада обратно, за что его и наказывает верховный властитель.

Не исключено, что в придании Велесу черт «отрицательного героя», противопоставленного сиятельному небесному Перуну, сыграло свою роль христианство. В Евангелии Христу противостоит Велиар – демон небытия и разрушения (литовцы называли Велняса еще и Велинасом). Однако у восточных славян такое сопоставление не пользовалось популярностью, и

Велес оставался в народных верованиях покровителем скота, а значит, символом благополучия, зажиточной жизни, достатка.

Интересна и плодотворна гипотеза, связывающая культ Велеса-Волоса с почитанием лесного мохнатого великана медведя. Будем иметь в виду, что «медведь» – не подлинное имя зверя, а его характеристика как «мёд ведающего»; называли его еще и «хозяином», а также, по-видимому, «волосом» (волохатым, косматым), связывая с его мохнатой шкурой представление о звериной силе и власти над животными.

«Намечается следующая эволюция образа Волоса, – пишет Б. А. Рыбаков, – первоначально, в охотничьем неолитическом обществе (когда культ медведя уже частично оттеснил лосих-рожаниц), Волос мог быть хозяином леса, божеством охотничьей добычи, выступавшим в медвежьем обличье. Возможно, что само имя его было лишь нарицательным иносказанием, вызванным табу на подлинное имя...»

Действительно, обожеествленного медведя первобытные охотники не называли по имени, чтобы не потревожить его, а предпочитали намекать на него, а потому Волос вполне для этого подходил (да и Велес намекает на великого бога леса, если только такую догадку можно принимать всерьез).

«Поскольку скотоводство развилось из охоты, из отлова и выращивания дикого молодняка, то при переходе к скотоводству хозяин леса и повелитель лесного зверя мог быть переосмыслен в покровителя домашнего зверя, стал «скотым богом» в прямом смысле слова», – пишет Рыбаков.

Высказано предположение, что и волхвы, языческие ведуны, и колдуны, тоже изначально воспринимались как «волохатые», волосатые, потому что совершали шаманские ритуалы, надевали медвежью шкуру или маску, как бы оборачиваясь в Волоса. Популярность в народе волхвов могла стать дополнительным стимулом к сохранению культа Волоса-Велеса.

С принятием и распространением христианства созвучие имен языческого бога и святого Власия Севастийского привело к тому, что на местах капищ, где поклонялись Велесу, стали возводиться церкви Св. Власия, которого в соответствии с древней традицией теперь считали покровителем скотоводства.

День этого святого (24 февраля) называли «коровьим» или «воловьим» праздником; скотину поили крещеной водой и кормили хлебом, приговаривая: «Святой Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков».

В «Слове о полку Игореве» сказитель Боян назван внуком Велеса. Возможно, почитался Велес-Волос на Руси как божество, хранящее

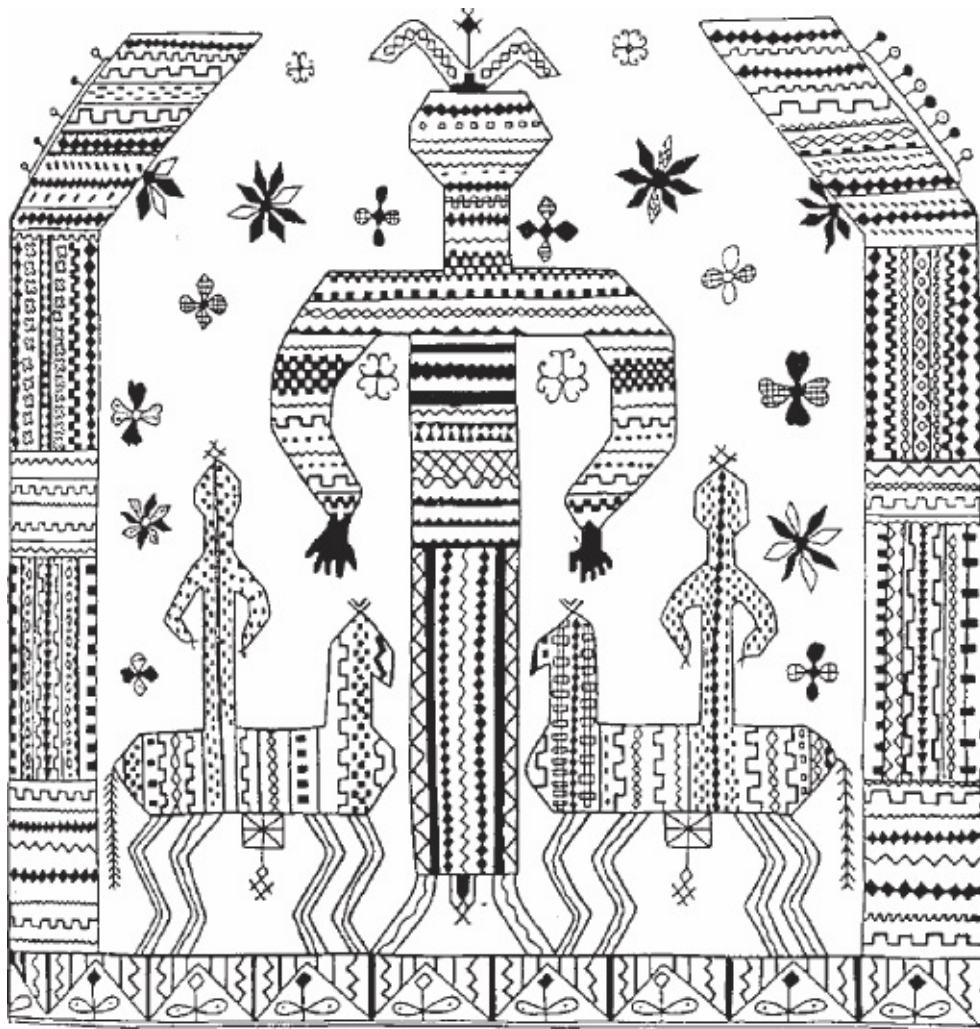
предания далекой древности, покровитель волхвов и ведунов, обладающих не только знаниями, но и поэтическим даром.

Мокошь (Макошь)

Среди высших богов славянского пантеона она была единственной представительницей женского пола. Правда, некоторые исследователи называют целый ряд других богинь: Дивия (Дива), Жива, Подага, Желя, Морена, Купала, Лада, Леля. Однако вызывает споры уже одна возможность их существования вообще и как общеславянских или русских богинь в частности. Во всяком случае нет серьезных оснований относить какое-то из этих женских божеств в разряд великих. А вот идол Макоши, как свидетельствует летопись, приказал поставить в Киеве князь Владимир в ряду наиболее почитаемых божеств.

Охарактеризовать ее нелегко. Посвятив ей основательное исследование, Б. А. Рыбаков начал его так: «Макошь – женское божество, оно является одним из наиболее загадочных и противоречивых. Упоминания этой богини встречаются во многих источниках, но они отрывочны и кратки. Мы даже не можем ответить на вопрос о географическом диапазоне ее культа...» Но в конечном счете раскрыть эту загадку ему так и не удалось. По его мнению: «Все говорит за то, что Макошь (задолго до того, как она стала лишь покровительницей женских работ) была очень важной богиней праславянского пантеона...»

Тут несколько странно звучит пренебрежительное отношение к женским работам, словно им покровительствовать несравненно менее почетно, чем, например, скотоводству или земледелию, не говоря уж об охоте и собирательстве, которое испокон веков считалось женским занятием. Более того, если учесть существование целого ряда богов, покровителей мужских занятий, не выглядит странным введение в их круг хотя бы одного божества, напоминающего о значительной, а порой и решающей роли в общем хозяйстве женского труда.

Мокошь причисляют к общеславянским божествам (имя это встречается не только у восточных, но и у западных и южных славян), а потому истоки этого культа могут уходить в далекую «дославянскую» древность. Название одного из обрядов, связанных с ее культом, называется «мокрида», что наводит на мысль о связи Мокоши с понятием мокроты; кстати, в жертву этой богини в поздние времена бросали в колодец пряжу, кудель.

В Олонецком крае в XIX веке существовало поверье, что «Мокуша» наблюдает за прядущими женщинами, а порой обходит дома, и если пряжа заснула, а веретено ее вертится, то говорят, что за них прядет Мокуша.

Создается впечатление, что в образе этой богини соединились несколько не обязательно связанных между собой представлений: здесь и женские занятия вообще, и конкретно прядение, и сплетающиеся нити судьбы (подобно греческим богиням Мойрам), и олицетворение матери

сырой-земли, и пригляд за земными водами (колодцами). А по мнению Б. А. Рыбакова, «нас должна заинтересовать несомненная близость слов, образующих жребий и имя богини. Учитывая глубокую индоевропейскую древность слова Ма (мать), можно представить себе «Ма-кошь» как наименование «Матери счастливого жребия», богини удачи, судьбы».

Правда, чем больше версий происхождения слов «макошь» и «мокошь», чем неопределеннее пределы «владений» богини, тем труднее она для понимания. Возможно, с ее именем древние славянки связывали нечто очень важное, сокровенное, о чем мы и не догадываемся?

В рукописи XIV века автор сетует: «Мокоши не явно молятся, да... призывая идоломолиц баб, то же творят не токмо худые люди, но и богатых мужей жены». Тут важно то, что идолам Мокоши поклоняются тайно (несмотря на строгий христианский запрет) и не только в глухих углах. Возможно, к покровительству Макоши женщины обращались в самых разных случаях, а не только ради помощи в ведении домашнего хозяйства.

Борьба христианских священников с культом Макоши дала свои результаты. Идолы были повержены, имя пришло в забвение, и уже мало кто помнил о том, что представляет из себя и чему покровительствует Макошь, однако ее место отчасти заняла святая Параскева-Пятница, которую стали считать покровительницей полей и водоемов, колодцев, домашнего хозяйства, а также целительницей.

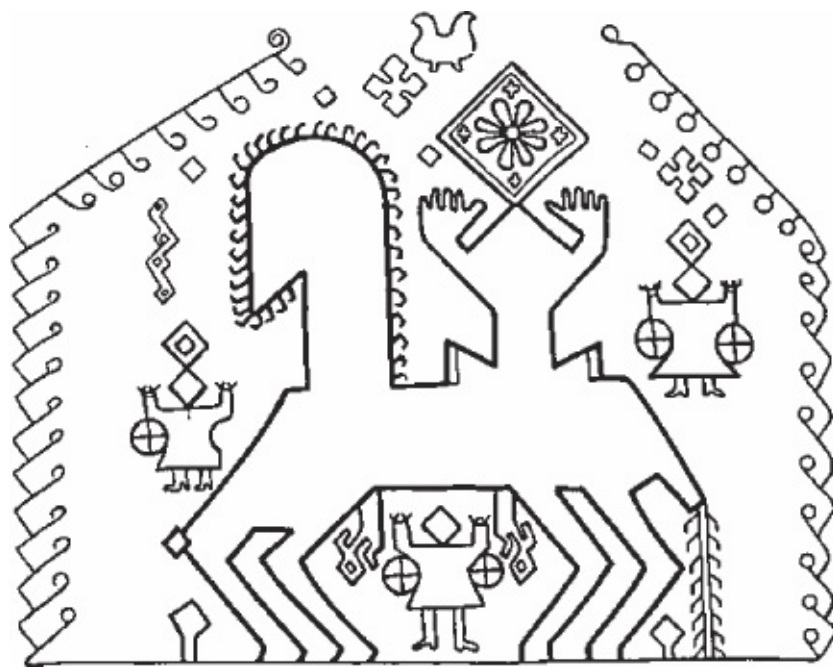
Такова обычная закономерность. Если даже пропадает, забывается имя языческого бога, народ находит ему замену в системе новой религии, даже несмотря на то, что она отвергает многобожие.

Дажьбог

Переводить имя этого бога вроде бы нет никакого смысла: для русского человека оно звучит привычно и понятно, соответствуя часто повторяемому: «Дай Бог!». Но как полагают исследователи, «бог» в имени языческого божества производное от древнеиндийского «бхага», означающего «богатство». Таким образом можно предполагать, что Дажьбог почитался, во всяком случае в далекой древности, как податель богатства.

В «Слове о полку Игореве» дважды говорится о русских как о Дажьбожьих внуках. С каких пор его стали считать прародителем русских? Скорее всего, сравнительно поздно. Ведь и собирательное понятие «русский» достаточно широко распространилось менее двух тысячелетий назад.

С другой стороны, Дажьбог называется сыном Сварога, бога огня. Исходя из этого, логично предположить, что у славян, предков русских (русов-росов), первоначально почитался огненный Сварог. Почему он уступил свое верховное положение сыну? Ответа на этот вопрос исторические источники не дают.

Впрочем, предлагается такая версия: Дажьбог – один из древнейших

славянских богов, олицетворяющий Солнце и Вселенную, сын Перуна и русалки Роси, победитель Велеса и Кощея, супруг Златогорки, Марены, Живы, прародитель русского народа. Так сказано в одном из наиболее спорных текстов, который едва ли не все авторитетные специалисты считают подделкой. Это – «Велесовая книга», фрагменты которой были обнаружены в начале XX века: деревянные дощечки, на которых руническими знаками были выцарапаны буквы, сочетающие глаголицу с византийским алфавитом и скандинавским руническим письмом. Во время Второй мировой войны оригиналы пропали, но остались переводы Ю. П. Миролюбова.

В принципе, нет ничего невероятного в том, что в период искоренения языческой веры были уничтожены ценнейшие документы по русской мифологии (тем более что рукописи на дереве прекрасно горят). Однако нет достоверных сведений даже о существовании древнерусской рунической письменности и не обнаружено ни одного соответствующего памятника или фрагмента, если не считать «Велесовой книги».

Тем не менее есть основания считать, что Дажьбог связан с почитанием славянами Солнца и его победа над Велесом весьма правдоподобна, а упоминание русалки Роси имеет отношение к происхождению русского народа (существуют две реки с одним именем Рось – приток Немана и приток Днепра – пространство между которыми вполне может быть прародиной росов). И все-таки это еще ни в коей мере не доказывает подлинность «Велесовой книги», автор которой, кем бы он ни был, основательно знал русскую мифологию.

Ипатьевская летопись упоминает о боге «именем Солнце, его же нарицают Дажьбог. Солнце же царь... еже есть Дажьбог». С именем этого божества связывали блага, которые дарованы людям свыше – солнечные свет и тепло.

(Другое солярное божество – Хорс – бытовало на Руси как иноземное, его называли «жидовином», хотя его происхождение было, по-видимому, не хазарским, а иранским и означало оно «сияющее Солнце»; почиталось дружинниками князя Владимира.)

Сварог

Так именовался бог огня, огненной стихии. Поклоняясь земному воплощению огня, называли его Сварожичем; ему молились, приносили жертвы.

В Ипатьевской летописи (начало XII в.) сказано: «...Сего ради прозваша и бог Сварог... и по семь царствова сын его именем Солнце, его же наричают Дажьбог... Солнце цар сын Сварогов...»

Принято считать, что Сварог олицетворяет дух огня вообще, тогда как небесное воплощение огня представляется в образе Дажьбога. Но и тут не все так просто. Можно вспомнить, что в индийской мифологии Сварга – это светлый рай небесный (или просто небо). Так что в этой связи отцом Солнца могли считать светлый небосвод – Сваргу – и его мифического хранителя Сварожича.

В древнерусских текстах встречается сопоставление Сварога с греческим богом-кузнецом Гефестом. Но по обоснованному мнению Б. А. Рыбакова: «Сварог – несомненно небесное божество и более всеобъемлющее, чем греческий Гефест...» В другом месте он уточняет: «Огонь связывает кузнецов со Сварогом, но сам Сварог не кузнец; при нем только упали небесные клещи, необходимые кузнецам. Сварог скорее божественный культурный герой, открывший людям железо и учредивший семейные порядки».

Как считает этот ученый, можно установить мифологическую периодизацию истории славян, где после первобытной эпохи наступает «эра Сварога», когда началась обработка металла и была установлена моногамная семья. Последующая «эра Дажьбога», согласно этой гипотезе, знаменовала установление государственности, царской власти.

Все это, безусловно, не только интересно, но и правдоподобно. К сожалению, слишком мало фактического материала, чтобы принять такую версию безоговорочно.

В связи с почитанием славянами небесных стихий, следует упомянуть еще одно божество – Стрибога. О нем известно совсем немного. Идол его был установлен в Киеве князем Владимиром, но это еще не означает, будто этот бог был общеславянским или почитался всеми русскими. Некоторые авторы считают его одним из главных славянских богов, хотя в подтверждение этого не приводится убедительных свидетельств. Известно, что в «Слове о полку Игореве» ветры названы Стрибожьими внуками, а несут они дары необычные: стрелы, а веют со стороны моря.

В некоторых древнерусских текстах Стрибог упоминается совместно с Дажьбогом, что позволяет считать его тоже подателем благ, богатств. Но при чем тогда тут стрелоносные ветры? И почему эти ветры – внуки Стрибога, а не дети? А если у него был сын – отец ветров, то почему о нем

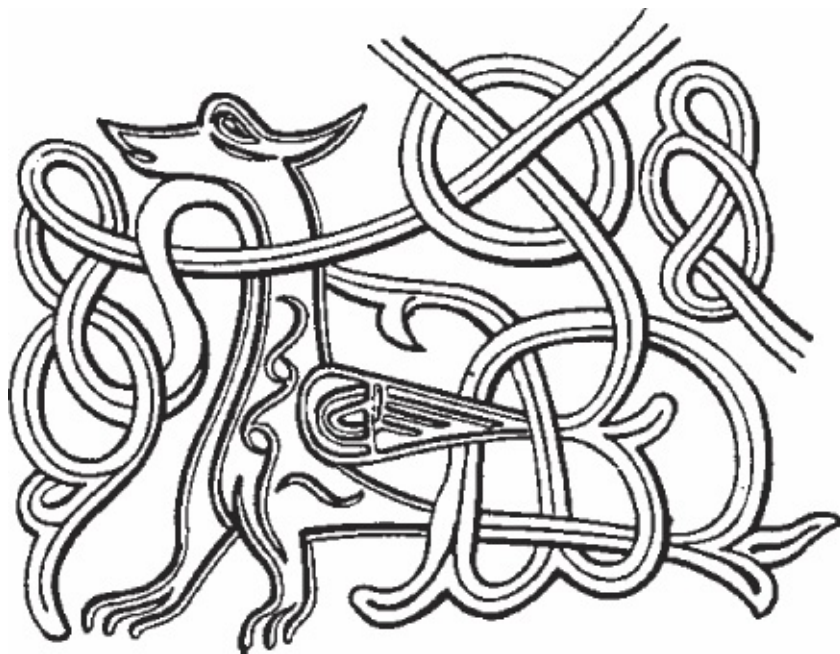
нигде ничего не сказано?..

Остается только разделить мнение Б. А. Рыбакова: «Стрибог остается в значительной мере неразъясненным».

Семаргл (Симаргл)

Несмотря на то что и этому божеству был установлен в Киеве идол в числе «великолепной семерки» (Перун, Стрибог, Дажьбог, Хорс, Симаргл, Макошь), до сих пор не совсем ясно, имело оно облик человека или собаки.

Согласно фундаментальному «Мифологическому словарю» (М., 1991), наиболее вероятно, что его имя восходит к названию «Семиглав», которое иногда давалось богу войны балтийских славян Руевиту. Но тогда непонятно, почему летописец упомянул не имя божества, а прозвище, «причем вряд ли широко распространенное, да еще в каком-то странном для русского слуха буквосочетании «Симаргл».

Более убедительной представляется гипотеза, предложенная иранисткой К. В. Тревел, сопоставившей Семаргла с крылатым божеством авестийского пантеона – Сэнмурвом. Именно ему, согласно иранскому преданию, светлый бог поручил заботу о небесном «дереве всех семян». Сэнмурв был наделен зубами, когтями и крыльями, а потому считается, что именно его изображали в древности как крылатого пса – охранителя посевов от диких животных, да и от домашнего скота тоже.

Предполагается, что как покровитель растительности и плодородия Симаргл был заимствован восточными славянами у скифов-пахарей (так их

называл Геродот), если только они сами не были представителями этих земледельческих племен.

Впрочем, и в этом случае окончательного решения проблема бога Симаргла не имеет, как это приходится говорить по поводу большинства языческих богов восточных славян.

Бог. Единобожие

До сих пор мы вели речь о богах, которым поклонялись те или иные племена и народы. Эти верования относятся к очень разнообразной, чрезвычайно пестрой категории, получившей название политеизм (многобожие). Отличительная черта этих богов – тесная связь с традициями и культурами определенных племен и народов, а также с природой тех мест, где они обитали или продолжают жить.

Однако существует единство человечества как совокупности всех людей в пространстве-времени, имеющих телесное и духовное сходство и обитающих в пределах одной планеты, а точнее – биосферы, области жизни. Это обстоятельство привело со временем к тому, что в конце концов огромную популярность и авторитет приобрел монотеизм (единобожие). К нему относятся две наиболее распространенные религии: христианство и ислам, а также предшествующий им иудаизм.

Вместо многочисленных божеств появился единый Бог.

В зависимости от религиозной системы, у Него три имени: Троица, или просто Бог (христианство), Аллах (ислам), Яхве (иудаизм). Он объемлет все сущее, сотворил мироздание и установил его законы, невидим и всемогущ... Число определений можно значительно увеличить, и все они предполагают наивысшие качества. Во всей своей полноте Бога не в силах постичь ограниченный человеческий разум, с Ним устанавливается духовная связь, в Него надо прежде всего верить, исполняя Его заветы.

На этом можно было бы завершить общую характеристику единобожия. Добавив, что существует еще религия (верование) в небытие Бога – атеизм, со своими канонами и разновидностями. А пантеизм (всебожие) предполагает единство Бога и природы, снимая тем самым противоречия между материей и сознанием.

Строго говоря, в монотеизме так или иначе сохраняются если не отдельные черты, то отзвуки предшествовавшего политеизма. Безуспешная попытка установить абсолютное единобожие была предпринята в XIV веке до н. э. египетским фараоном Аменхотепом IV Эхнатом (имя, означающее «угодный Атону»), признававшим высшим и единственным богом Солнце. Однако это нововведение продержалось недолго.

С I тысячелетия до н. э., когда началось объединение израильских племен и создание на этой основе государства, получил признание один из местных богов – Яхве. Правда, он не был ни всеобщим, а сначала и

единственным. Он явно благоволил сынам Израиля и даже, как сказано в Торе, задержал Солнце на небе, продлив день для того, чтобы израильтяне завершили полное истребление побежденных врагов хананеев (жителей Ханаана).

Автор той части Ветхого Завета, где рассказано о завоеваниях Иисуса Навина, утверждает, что благословение на убийство всех иноплеменников

от младенцев до стариков дано: «Чтобы не было им помилования, но чтобы истреблены были так, как повелел Господь Моисею». Во Второй книге Царств говорится, что избранник Божий царь Давид вывел всех жителей завоеванного города аммонитов Равв «и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами аммонитскими».

Завоевав Палестину и перейдя к оседлому образу жизни, еврейские племена основали сильное государство. Бог Яхве превратился в главенствующего, а затем и единственного Творца и Мироправителя. Предполагается, что это произошло в конце VII века до н. э. Затем Иудейское царство завоевали вавилоняне, уведя часть жителей в плен. В VI веке до н. э. их освободил персидский царь Кир, Иерусалимский храм был восстановлен, началось религиозное возрождение. Иудеи уверовали, что Яхве спас их – богоизбранный народ. Были окончательно оформлены каноны иудаизма и вера в единственного верховного Творца. Он передал народу израильскому через пророка Моисея завет, соблюдая который человек удостоивается Божьей милости. Если же человек не соблюдает завет, то он и даже его потомки наказываются («Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода»). Заповеди даны свыше и не подлежат обсуждению. Это – Закон.

Имя Яхве – то самое, которое запрещено произносить всуе. Более того, оно было признано священным и тайным, непризносимым. Вместо него стали употреблять – Господь, а также Всевышний.

Иудаизм остался как религия «богоизбранного народа», но не как всеобщая, объединяющая всех людей. Однако его священная книга Тора легла в основу Библии, точнее, ее Ветхого Завета, первых пяти книг (Пятикнижие). Фундаментом Нового Завета явилось учение Иисуса Христа, воплощенное не только в Его слова, но и в саму жизнь.

Соединение Старого и Нового Завета с позиций логики привело к противоречию: Господь Творец вместе с Иисусом Христом на первый взгляд представляются богами двух книг, двух эпох, одного народа и всех народов (ибо Иисус учил не разделять единоверцев по национальному признаку). В подобном разделении усматривается отчасти и противопоставление. Да и сам Иисус не советовал вливать вино новое в мехи старые.

Самое замечательное в учении Христа не столько слова, поучения как таковые, сколько образ жизни, поступки, просветленность ума и чувств Учителя, его смерть во имя истины и любви к людям. Он проповедовал непротивление злу насилием, однако не терпел лицемеров, изгонял

торгашей из храма, гневно клеймил лжепророков: «По плодам их узнаете их». Один из важных заветов Христа: «Во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Он учил не собирать сокровищ материальных, а вбирать в себя богатства духовные, высшие: «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Царство Божие – царство света и добра – в душе человеческой: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?».

Казалось бы, на смену старому богу приходит новый, как это не раз было в истории разных религий. Но тогда бы ушел в прошлое и огромный предшествовавший культурный пласт. В то же время иудаизм не принимал Христа как Бога. Новая религия – христианство – преодолела подобные противоречия, признав Христа земным воплощением, одной ипостасью Святой Троицы: Бога-Отца (Творца), Бога-Сына (Иисуса Христа) и Духа Святого. Или, как пишет С. С. Аверинцев: «Всё от Отца (ибо наделено от него бытием), через Сына (ибо устроено через его оформляющую энергию смысла) и в Духе (ибо получает от него жизненную целостность).

Лишь в облике Иисуса Христа Бог воплотился как зримый, явленный, а все остальные попытки представить его в образе человеческом – лишь художественные фантазии и аллегории. (Хотя согласно Библии Бог сотворил человека по своему образу и подобию, это можно понимать с позиций не материальной, а духовной общности, схожести.) В гениальной «Троице» Андрея Рублева показаны три ангела, явление Аврааму; они не воплощают Троицу как ее подобия, но свидетельствуют о Троице.

Из великих мировых религий наиболее молодая – ислам. Ее создатель Мухаммед (Мухаммад, Магомет) был достоверно известным историческим лицом (ок. 570–632 гг.). Он признан пророком. Его высказывания собраны в Коране – священной книге мусульман. Само учение называется исламом («послушание»). В основе его – абсолютное единобожие (Троицу ислам не признает): «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его». У Аллаха 99 имен (Милостивый, Милосердный, Прощающий, Сочувствующий, Великодушный, Любящий, Мудрый...). Помимо него существуют ангелы, а также джины, слуги шайтана (сатаны).

Согласно исламу, Аллах послал на землю *наби* (вестников) и *расуль* (пророков, авторов боговдохновенных откровений). Муса (Моисей) дал людям Таурат (Тору, Закон, Пятикнижие), Дауд (Давид) – Забур (Псалтирь), Иса ибн Марйам (Иисус, сын Марии) – Инджиль (Евангелие). Пророк Мухаммед лишен тех сверхчеловеческих качеств, которые присущи Иисусу, в исламе чтимому как пророк.

На этих самых общих характеристиках трех разновидностей

единобожия можно было бы остановиться. Некоторые мыслители, тем более – религиозные, сторонники единого Бога считают переход к единобожию важнейшей и завершающей стадией религиозного развития. Хотя само по себе понятие «прогресс» плохо сочетается с любой религией, основанной прежде всего на вере в авторитет, в высшие силы, в непогрешимые истины и традиции.

Сказались древние традиции и на единобожии. Богу, как известно, противостоит дьявол (шайтан). Эту злую силу принято считать подчиненной (хотя сатанисты считают ее наиболее реальной и действенной). Как бы к этому ни относиться, такая фигура имеет определенную самостоятельность. В распоряжении Бога имеются светлые силы, сущности: ангелы, архангелы, серафимы. А добрым духам противостоят злые, темные, нечистые: черти, демоны, ведьмы...

Не секрет, что верующие в единого Бога поклоняются, молятся отдельным святым, апостолам, Божьей Матери, конкретно Иисусу Христу, а не только Троице. Ангелы и демоны признаны и в исламе. Иными словами, некоторые элементы политеизма присутствуют даже в тех религиозных системах, которые категорически отвергают многобожие. И это по-человечески понятно: в противном случае Бог превращается в предельно абстрактное умозрительное понятие, далекое от реальной жизни.

Можно ли говорить о едином Боге всего человечества? Нет, конечно. Даже у сторонников единобожия нет на этот счет общепринятого мнения. Чем тверже и категоричней каждая из них доказывает, утверждает, провозглашает свою собственную правоту, тем очевидней тот факт, что если в Море присутствует Бог, понимают его люди каждый на свой лад.

Да, именно – каждый. Это относится даже к единоверцам. Любой человек вырабатывает свой личный взгляд на Мир и свое место в нем. Формально он может принадлежать к определенной конфессии, выполнять соответствующие обряды, вливаться в толпу единоверцев, поклоняться определенным святыням. Но в любом случае у каждого из нас свои мысли и устремления, свои идеалы и чувства, свои поступки и своя собственная жизнь. Именно она в конечном счете показывает, во что человек верит, к чему устремлены его сокровенные помыслы, каким богам или какому Богу он поклоняется.

По делам человека узнается его вера.

Царство Божие внутри нас.

А есть ли это царство вне нас? Должно быть. Ведь мы, каждый из нас, и я, и ты, читатель, и все человечество – крохотные частицы этого мира, его

конкретные воплощения.

Человек – микрокосм.

Краткий мифологический словарь

АГНИ* в ведийской и индуистской мифологии бог огня.

АДИТИ, в древнеиндийской мифологии женское божество, а также мать богов, называемых Адити. Связана со светом и воздушным пространством.

Адити, в древнеиндийской мифологии группа богов – сыновей богини АДИТИ. Обычно их семь: Митра, Арьяман, Бхага, ВАРУНА, Дакша, Анша.

АЗАЗЕЛЬ, демоническое существо в иудаизме.

АИД, Гадес, бог владыка царства мертвых, а также само царство.

АЙШМА, в древнеиранской мифологии один из верховных дэвов, воплощение грабежа, разнузданности, набегов кочевников, которым подвергались оседлые иранцы.

АКА МАНА, один из дэвов, олицетворяющих греховные мысли и побуждения, антагонист ВОХУ МАНА.

АЛЛАХ: 1) в древнеарабской мифологии верховное божество, почитавшееся как бог-предок и демиург, бог неба и дождя; 2) в мусульманской мифологии единый бог, который считается идентичным богу иудеев и христиан.

АЛЬВИС, в скандинавской мифологии мудрый цверг (карлик).

АЛЬВЫ, в скандинавской мифологии низшие природные духи (возможно, первоначально и души мертвых), имевшие отношение к плодородию.

АМАЛФЕЯ, в греческой мифологии нимфа, по другой версии, коза, вскормившая своим молоком младенца Зевса на Крите.

АМАТЭРАСУ, у японцев богиня Солнца и прародительница императоров, глава пантеона синтоистских богов.

АМАЦУМАРА, в японской мифологии божество кузнецов.

АМЕРТАТ, в иранской мифологии благой дух, входящий в Амеша Спента. Дух растительности.

АМЕША СПЕНТА, семь божеств, ближайшее окружение АХУРА МАЗДЫ. Олицетворяют его благие качества: Спента-Майнью («дух святости»), творческая ипостась Ахура Мазды; ВОХУ МАНА («благая мысль»); Аша Вахишта («истина») Хшатра Вайрья («власть»); Армайти («благочестие»); Аурват («целостность»); Амертат («бессмертие»).

АМОН, в египетской мифологии бог солнца. В XVI–XIV веках до н. э.

отождествляется с богом Ра. Амон-Ра почитается как «царь всех богов», бог-творец, создавший все сущее.

АМУР, в римской мифологии божество любви. Соответствует греческому ЭРОТУ.

АМФИТРИТА, в греческой мифологии одна из nereид, дочь Нерея, богиня моря, супруга ПОСЕЙДОНА.

АНАНСИ, мифологический персонаж у западноафриканских народов. Часто имеет обличье паука. В мифах народа ашанти – одна из ипостасей бога неба Ньяме.

АНАТ, в угарито-финикийской мифологии богиня любви, охоты и войны, сестра и супруга верховного бога Балу.

АН, Ану в шумеро-аккадской мифологии одно из центральных божеств, бог неба, «отец богов» – его постоянный титул.

АНГРБОДА, в скандинавской мифологии великанша, родившая от бога Локи трех чудовищ: волка Фенрира, змея Ёрмунганда и хозяйку царства мертвых – Хель.

АНГРО-МАЙНЬЮ, АНХРА-МАНЬЮ, в иранской мифологии глава сил зла, тьмы и смерти, противник АХУРА-МАЗДЫ.

АНДВАРИ, в скандинавской мифологии карлик, обладатель рокового золота.

АНУБИС (греч.), Инпу (егип.), в египетской мифологии бог – покровитель умерших и погребальных церемоний; почитался в образе лежащего шакала черного цвета или дикой собаки.

АНУННАКИ, в шумеро-аккадской мифологии группа родственных между собой земных, подземных и отчасти небесных божеств. Их число – по разным текстам – от 7 до 600. Сотворены богом АНОМ.

АНШАР И КИШАР, в аккадской мифологии первобог, отец и мать бога неба.

АНА (Ану). В Ассирии Аншар был отождествлен с главным богом Ашшуром.

АПАС, персонифицированные космические воды в ведийской мифологии Древней Индии.

АПИС, в египетской мифологии бог плодородия в облике быка.

АПОЛЛОН, в греческой мифологии сын ЗЕВСА и Лето, брат АРТЕМИДЫ, олимпийский бог, сочетающий в своем образе как мрачные, так и светлые качества. В период классики – бог солнца, музыки, искусств.

АПОП, в египетской мифологии огромный змей, олицетворяющий мрак и зло, извечный враг бога солнца Ра.

АПСУ, шумеро-аккадское божество мирового океана и подземных

пресных вод.

АРДВИСУРА АНАХИТА, в иранской мифологии богиня вод земных и небесных, могучая и беспорочная.

АРДЖУНА, герой древнеиндийского эпоса «Махабхарата», сын бога ИНДРЫ. Идеальный воин, мужественный, благородный и великодушный.

АРЕС, в греческой мифологии бог войны ради войны, коварный, буйный, аморальный.

АРМАЙТИ, Спента Армайти, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента, добрый дух, покровительница земли. Иногда сестра либо жена АХУРА МАЗДЫ.

АРТА, в иранской мифологии олицетворение огня, правды.

АРТЕМИДА, в греческой мифологии богиня охоты, дочь ЗЕВСА и Лето, сестра-близнец АПОЛЛОНА. Владычица лесов и гор, целомудренная покровительница животных, а также младенцев и рожениц.

АРУРУ, в аккадской мифологии богиня-мать, создающая из глины великана Энкиду и людей, определявшая их судьбы.

АРЬЯМАН, в ведийской мифологии божество из Адитьев, сын богини Адити. Благосклонный, доброжелательный, щедрый.

АСИРАТ, угаритская богиня моря, покровительница рыбаков, супруга либо дочь верховного божества ИЛУ. Иногда выступала как прародительница богов и людей.

АСКЛЕПИЙ, в греческой мифологии бог-исцелитель. Сын АПОЛЛОНА и нимфы Корониды, воспитанник мудрого кентавра Хирона, который и научил его врачеванию.

АСТАРТА, в западносемитской мифологии (Финикия, Угарит) – всемогущественная богиня любви и плодородия. Соответствует Иштар в ассириовавилонских мифах, Сохмет в Древнем Египте.

АСУРЫ, в ведийской и индуистской мифологии: 1) класс небесных персонажей, обладающих колдовской силой майя, в позднеиндийской литературе – высший класс демонов, противостоящий богам; 2) в буддийской мифологии также ведут ожесточенные бои с богами и всегда терпят поражение.

АСЫ, в скандинавской мифологии основная группа богов, возглавляемая ОДИНОМ, отцом большинства богов. Противостоят ванам, небольшой группе богов плодородия, великанам (ётунам), карликам (цвергам) и низшим женским божествам – валькириям, дисам, норнам. Живут в Асгарде, небесном селении. Из них главные боги Один, ТОР, Ньёрд, ЛОКИ, БРАГИ и богини ФРИГГ и ФРЕЙЯ, Сив, Идунн.

АТАЛАНТА, в греческой мифологии быстроногая и меткая охотница,

участница охоты на свирепого вепря, насланного на Калидон богиней АРТЕМИДОЙ, чьей ипостасью ее часто и считают.

АТЛАНТ, в греческой мифологии один из семи сыновей-титанов владыки неба Урана.

АТМАН, в религиозно-мифологической системе индуизма всеобщее духовное начало, вселенский дух, присутствующий в каждом живом организме, а у человека определяющий самосознание, «я» (или вселенское «Я»).

АТОН, в египетской мифологии бог-«солнечный диск», жизнетворец, не имеющий человеческого обличья.

АТУМ, в египетской мифологии один из древнейших богов, одна из ипостасей светила – «вечернее солнце», возникший из первобытного хаоса Нуна «сам из себя», создатель богов-близнецов воздуха – Шу и влаги – Тефнут.

АУРВАТ, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента, дух, воплощающий телесное здоровье. Покровитель вод. Упоминается в паре с Амертат.

АФИНА, в греческой мифологии богиня мудрости и справедливой войны. Дочь ЗЕВСА и Метиды. Одна из главнейших фигур на Олимпе, равна Зевсу и иногда даже превосходит его.

АФРОДИТА, в греческой мифологии богиня любви и красоты, появившаяся из воздушной морской пены вблизи Кипра, дочь ЗЕВСА и Дионы. По более ранним версиям, она старше Зевса и обладает мощной, пронизывающей весь мир силой любви (ей неподвластны только АФИНА, АРТЕМИДА и Гестия). По своему восточному происхождению близка с финикийской Астартой, вавилоно-ассирийской Истар, египетской ИСИДОЙ.

АХУРА МАЗДА, ОРМАЗД, в иранской мифологии верховное божество. Буквальное значение – «господь мудрый». Видимым его проявлением, «телом», назван огонь, небесные воды именуются его женами. Творит мир усилием или посредством мысли. Почитался также как олицетворение небесной звездной (ночной) тверди. Сотворил все бытие, облек предшествующие духовные формы плотью, заранее предначертал все мысли, слова и деяния. Человек должен избрать благие мысли, слова и дела (их воплощает триада Ахура Мазда, Ама Вахишта, ВОХУ МАНА) и тем самым усилить лагерь добра в его противоборстве с силами зла, возглавляемыми АНХРО-МАНЬЮ. Ахуры, в иранской мифологии класс божественных существ, боровшихся за упорядочение космоса и человеческого общества, против хаоса, тьмы, зла. В индийских Ведах

асуры; в германо-скандинавской мифологии – асы. Их младшие братья – дэвы, благие в древнеиндийской мифологии и злые в иранской. Ахуры в «Авесте» АХУРА МАЗДА, МИТРА.

АША ВАХИШТА, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента. Входит в триаду верховных божеств вместе с АХУРА МАЗДОЙ и ВОХУ МАНА. Дух огня, идеального распорядка в мире, общине и семье, «праведность». Ему противостоит божество лжи – Друг (Друдж).

АШШУР, в аккадской мифологии центральное божество ассирийского пантеона. Первоначально – бог-покровитель города Ашшура. Со временем сливается с шумерским ЭНЛИЛЕМ в единый образ – Бел («владыка»), затем с ассирийским Аншаром, позднее заменяет вавилонского бога творца МАРДУКА.

БАЛУ, БААЛ, ВААЛ (греч.), в Угарите и Финикии наибольшим распространением пользовался культ Балу – бога бури, грома и молний, дождя и плодородия. Главный враг Балу – бог смерти и подземного царства Муту, а также бог морской стихии Иамму.

БАЛЬДР, в скандинавской мифологии юный бог из асов, любимый сын ОДИНА и ФРИГГ. Он прекрасен, светел, благостен. Его смерть служит как бы предвестием гибели богов и всего мира. В обновленном мире Бальдру суждено воскреснуть.

БАУ, в шумерской и аккадской мифологии богиня города Лагаш, божество плодородия.

БАХУС, латинская форма имени Вакх (одного из имен ДИОНИСА).

БЕЛ, в аккадской мифологии обозначение некоторых богов, прежде всего ЭНЛИЛЯ. Позднее в единый образ владыки Бел сливаются Энлиль и МАРДУК, в Ассирии – Энлиль и Ашшур.

БЕЛОБОГ, в западнославянской мифологии гипотетическое божество удачи и счастья, противопоставленное Чернобогу. В разных частях славянских территорий отмечены урочища с названиям типа «белый бог».

БЕРЕГИНИ, в восточнославянской мифологии женские существа, связанные с культом МОКОШИ.

БИГАНЬ, в китайской народной мифологии гражданский бог богатства в отличие от военного бога богатства ГУАНЬ-ДИ.

«БОГ ДЕЙСТВУЮЩИЙ», собирательное название для множества божеств различных народов Африки.

«БОГ-ТВОРЕЦ», собирательное имя для всевышнего бога у народов Африки.

БРАГИ, в скандинавской мифологии бог-скальд, поэт, певец и сказитель, муж богини Идунн. Имя связано со священным опьяняющим

напитком – «мёдом поэзии».

БРАХМА, в индуистской мифологии высшее божество, творец мира, открывающий триаду верховных богов – *Тримурти*. Брахма как создатель вселенной противостоит **ВИШНУ**, который ее сохраняет, и **ШИВЕ**, ее разрушителю. Часто в эпосе Брахму отождествляют с **ПРАДЖАПАТИ**.

БРАХМАН, в индуизме высшая реальность, определяющая единство мира, не подверженное изменениям; первооснова бытия. Как и *атман* недоступен словесному описанию и тождествен с ним. Это кардинальное положение индуизма.

БУДДА, в буддийской мифологии: 1) человек, достигший наивысшего предела духовного развития; 2) антропоморфный символ, воплощающий в себе идеал духовного развития. Первоначально так обозначали, по-видимому, только **Шакьямуни** (**Сиддхартху Гаутаму**, жившего в VI–V веках до н. э.), основателя буддизма, последнего земного будду.

БХАГА, в древнеиндийской мифологии божество класса *Адितьев*, воплощение счастья, господин богатства.

БХРИГУ, в индуистской мифологии один из семи великих мудрецов *риши*, которые передали небесный огонь людям и были его хранителями. Родился от **ПРАДЖАПАТИ** и был воспитан **ВАРУНОЙ**.

БЯНЬ ХЭ, в китайской народной мифологии бог – покровитель ювелиров.

БЯН ЦЯО, в китайской мифологии один из богов-покровителей врачевания, сподвижник **ХУАН-ДИ**, помогавший ему в распознавании целебных свойств растений.

ВАЙЮ, в иранской мифологии божество ветра.

ВАЛЬКИРИИ, в скандинавской мифологии воинственные девы, подчиненные **ОДИНУ** и участвующие в распределении побед и смертей. Павших в бою храбрых воинов они уносят на небо.

ВАНЫ, группа богов плодородия в скандинавской мифологии. Обладали силой колдовства и пророческим даром.

ВАРУНА, в древнеиндийской мифологии бог небесных вод, охранитель истины и справедливости, главный из *адитьев*; наряду с **ИНДРОЙ** величайший из богов ведийского пантеона.

ВАСИШТХА, в индуистской мифологии один из семи божественных мудрецов – *риши*, сын **БРАХМЫ**.

ВАЮ, бог ветра в индуистской мифологии, жизненное дыхание – прана. Он и сам возник из дыхания **ПУРУШИ**.

ВЕЛЕС, в древнерусских источниках выступает как покровитель домашних животных и бог богатства.

«ВЕЛИКИЙ БОГ ОХОТЫ», едва ли не первое великое божество, воплощающее в себе человеческие и звериные качества, зверо-человек – людозверь.

«ВЕЛИКИЙ ПЛУТ», собирательное имя многих богов у народов Африки.

ВЕНЕРА, в римской мифологии богиня садов; ее имя первоначально употреблялось как синоним плодов. Позднее была отождествлена как АФРОДИТА.

ВИВАСВАТ, в древнеиндийской мифологии солнечное божество, олицетворяющее свет на небе и на земле, родоначальник людей, последний сын АДИТИ; даровал людям огонь. Отец перволюдей ЯМЫ и Ями, брата и сестры близнецов.

ВИРАДЖ, в древнеиндийской мифологии олицетворение женского творческого начала, родилась от ПУРУШИ.

ВИРАКОЧА, в мифологии индейцев кечуа демиург, первопредок, праотец всех людей. Полное имя – Илья-Кон-Тикси-Виракоча («солнце-вулканический огонь-вода-земля»).

ВИЧАМА, у индейцев побережья Перу сын бога ПАЧАКА-МАКА, «держателя вселенной», и смертной женщины. Убит отцом, но воскрешен богом-солнцем.

ВИШНУ, один из высших богов индуистской мифологии, составляющий вместе с БРАХМОЙ и ШИВОЙ божественную триаду – тримурти. Универсальное божество, совершает подвиги на благо угнетенных, помогает и богам. Способен принимать разные облики, наиболее полное воплощение – Кришна, Рама.

ВОДАН, Вотан, германский бог; ему соответствует ОДИН скандинавской мифологии.

ВОХУ МАНА, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента входит в верховную божественную триаду с АХУРА МАЗДОЙ и Аша Вахиштой. Дух – покровитель скота и общины оседлых скотоводов. Противоборствует ему зломысленный Ака Мана.

ВРИТРА, в древнеиндийской мифологии демон, противник ИНДРЫ, преградивший течение рек; олицетворение косного, хаотического начала, препятствующего жизни.

ВУЛКАН, в римской мифологии бог разрушительного и очистительного пламени. Соответствует греческому ГЕФЕСТУ, но связь его с кузнечным делом в Риме не прослеживается.

ГАНЕША, в индуистской мифологии бог мудрости и устранитель препятствий, сын ШИВЫ, слогоголовый, с красным или желтым

туловищем.

ГАРУДА, в индуистской мифологии царь птиц, ездовое животное ВИШНУ.

ГЕБ, в египетской мифологии бог земли. Сын богини влаги Тефнут и бога воздуха Шу, брат и супруг богини неба НУТ; его дети ОСИРИС, СЕТ, ИСИДА, Тефтида. Добрый бог – охраняет живых и умерших от живущих в земле змей, на нем растут все необходимые людям растения, из него выходит вода (Нил).

ГЕЛИОС, в греческой мифологии бог солнца, сын титанов Гипериона и Фейи, брат Селены, богини луны, и Эос, богини зари. Древнейшее доолимпийское божество, своей стихийной силой дарующее жизнь и наказывающее слепотой преступников. В поздней античности отождествлялся с олимпийцем АПОЛЛОНОМ.

ГЕНИЙ, в римской мифологии первоначально божество – прародитель рода, затем бог мужской силы, олицетворение внутренних сил и способностей. Считалось, что каждый мужчина имеет своего Гения.

ГЕРА, в греческой мифологии сестра и супруга ЗЕВСА, верховная олимпийская богиня. Хранительница семейного очага, покровительница законных браков.

ГЕРМЕС, в греческой мифологии вестник богов, покровитель путников, проводник душ умерших, а также хитроумный и ловкий покровитель плутовства.

ГЕФЕСТ, в греческой мифологии бог огня и кузнечного дела. Олимпийское божество малоазийского происхождения, вместившее черты огненной стихии. Сын ЗЕВСА и ГЕРЫ, его супруга прекрасная АФРОДИТА. В римской мифологии ему соответствует Вулкан.

ГЕШТИНАННА, в шумерской мифологии богиня песен и виноградной лозы, сестра Думузи, мужа богини ИНАННЫ.

ГЕЯ, в греческой мифологии мать-земля. Древнейшее доолимпийское божество, родилась вслед за Хаосом, одна из четырех первосущностей: Хаос, Земля, Тартар, ЭРОС. Прародительница всех богов, гигантов, титанов.

ГИАКИНФ, Гиацинт, древнее растительное божество умирающей и воскресающей природы, догреческого происхождения. Любимец АПОЛЛОНА.

ГИБИЛ (шумер.), Гирра (аккад.), в шумерской и аккадской мифологии бог огня.

ГИБРИС, в греческой мифологии нимфа, родившая от ЗЕВСА ПАНА, олицетворение наглости и бесстыдства.

ГИЛЬГАМЕШ, шумерский и аккадский мифоэпический герой, потомок солнечного бога Уту.

ГОР, Хор, в египетской мифологии божество воздушного океана. Почитался в виде сокола, человека с головой сокола, крылатого солнца. Сын ОСИРИСА и ИСИДЫ, брат СЕТА.

ГО ЦЗЫЙ, в китайской мифологии один из богов счастья.

ГУАНЬ-ДИ, в китайской народной мифологии и в позднем официальном культе бог войны и воинской доблести, покровитель воинов, сражающихся за правое дело, а также богатства.

ГУНГУН, в древнекитайской мифологии божество воды.

ГУНЬ, в древнекитайской мифологии герой, боровшийся с потопом девять лет.

ДАГОН (финик.), Даган (угарит., аккад.), бог изобилия, покровитель земледелия, податель пищи, сын неба и земли, брат ИЛУ.

ДАЖЬБОГ, в восточнославянской мифологии божество солнца и огня. Сын ПЕРУНА и русалки Роси.

ДАКША, в древнеиндийской мифологии божество класса адитьев. Самой примечательной чертой его является то, что он рожден от богини АДИТИ и он же ее родил. Его отождествляют с творцом ПРАДЖАПАТИ.

ДАМГАЛЬНУНА (шумер.), Дамкина (аккад.), мать-прародительница, супруга бога ЭНКИ, мать бога МАРДУКА.

ДЕВА, в древнеиндийской мифологии класс богов; обычно говорят о 33 богах (хотя в текстах есть упоминания и о 333, 3306 и более), распределяемых по трем космическим сферам: небесные – Дьяус, ВАРУНА, МИТРА и другие адитьи, ВИШНУ; воздушные – ИНДРА, РУДРА и др., земные – АГНИ, СОМА, Притхиви и др. Свое особое значение дева, боги, получают в рамках противопоставления асурам, небесным персонажам, обладающим колдовской силой майя.

ДЕВИ, в индуистской мифологии богиня, жена бога ШИВЫ. Относится к культу богини-матери.

ДЕВКАЛИОН, в греческой мифологии прародитель людей, сын ПРОМЕТЕЯ.

ДЕМЕТРА, богиня земледелия и плодородия. Древнейшее греческое божество, дочь Кроноса, владыки времени и космоса, и Реи, дочери Урана и ГЕИ. В римской мифологии ей соответствует Церера.

ДИАНА, в римской мифологии богиня-охотница, покровительница материнства, хранительница растительного и животного мира, лунное божество. Была отождествлена с АРТЕМИДОЙ и Гекатой, богиней мрака, чародейства, получив имя «Тривия» – «богиня трех дорог» как знак

тройной власти Дианы: на небе, земле и под землей.

ДИВ, в восточнославянской мифологии демонический персонаж.

ДИ-КУ, герой древнекитайской мифологии. Небесный правитель в облике существа с головой птицы и с туловищем обезьяны; знаток астрономии. Считался правнуком ХУАН-ДИ.

ДИОНИС, Вакх, в греческой мифологии бог плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства, виноделия. Божество восточного происхождения и сравнительно поздно утвердившееся в Греции. Постоянно противопоставлялся АПОЛЛОНУ – как прежде всего божеству родовой аристократии.

ДИ-ЦЗЮНЬ, в древнекитайской мифологии небесный правитель. Первая жена Сихэ родила 10 сыновей-солнц, вторая – Чан-си – 12 дочерей-лун, а многочисленным потомкам Ди-Цзюня приписывается изобретение различных предметов и основание различных стран.

ДОНАР, в германской мифологии бог-громовник. Соответствует скандинавскому ТОРУ.

ДРУГ, Друдж, в иранской мифологии один из дэвов. Создан АНХРО-МАНЬЮ на погибель «праведности миров».

ДУМУЗИ, в шумеро-аккадской мифологии супруг – возлюбленный богини любви и плодородия ИНАННЫ, умирающий и воскресающий бог, вынужденный полгода проводить в подземном мире.

ДУРГА, в индуистской мифологии одна из грозных ипостасей супруги ШИВЫ, десятирукая богиня-воительница.

ДХАРМА, в древнеиндийской мифологии сначала божественный мудрец, затем бог справедливости, воплощающий понятие «дхармы» – закона, морального правопорядка, добродетели.

ДЫЙ, в восточнославянской мифологии имя бога. (Можно сравнить с древнеиндийским понятием Дьяус, греческим «диос».)

ДЬЯУС, в древнеиндийской мифологии бог неба. Его упоминают вместе с Притхиви, землей. Они образуют супружескую пару и рассматриваются как два мира, источники жизненной силы, всезнающие и благие.

ДЭВЫ, в иранской мифологии злые духи, противостоящие благим духам – ахурам. (Сравним: в древнеиндийской мифологии дева – божества и асуры – демоны.) Они порождение «злой мысли, лжи» и служат АНХРА-МАНЬЮ.

ЁРМУНГАНД, в скандинавской мифологии мировой змей, одно из трех чудовищ, порожденных великаншей Ангрбодой от ЛОКИ. Живет в мировом океане, окружающем землю. В последней битве перед гибелью

мира Тор поражает змея, но сам умирает от его яда.

ЁТУНЫ, турсы, в скандинавской мифологии великаны, древние исполины, предшествовавшие богам и людям по времени. Это Имир и его потомки.

ЗЕВС, Дий, в греческой мифологии верховное божество, отец богов и людей, глава олимпийской семьи богов. Исконно греческое божество; его имя индоевропейского происхождения и означает «светлое небо». Сын Кроноса и Реи. В римской мифологии ему соответствует Юпитер.

ЗЕРВАН, Зурван, в иранской мифологии бог времени и судьбы. Мыслился как Бесконечное время, существующее изначально, когда мир пребывал в состоянии зародыша.

И, Хоу-и, в древнекитайской мифологии сын верховного божества Ди-Цзюня, посланный на землю для избавления людей от стихийных бедствий и очищения земли от чудовищ, «божественный стрелок».

ИАСИОН, в греческой мифологии сын ЗЕВСА, возлюбленный ДИМЕТРЫ. Древнее критское божество земледелия.

ИДЗАНАКИ и ИДЗАНАМИ, в японской мифологии боги, последние из пяти поколений богов, являющихся парами. Они – первые божества – «первый мужчина» и «первая женщина» – имеющие человеческий облик и способные рождать других богов.

ИДУНН, в скандинавской мифологии богиня, обладательница золотых «молодильных» яблок, благодаря которым боги сохраняют вечную молодость. Жена бога-скальда БРАГИ.

ИИСУС ХРИСТОС, в христианской религиозно-мифологической системе богочеловек, вмещающий в единстве своей личности всю полноту божественной природы – как бог-сын (второе лицо троицы), «не имеющий начала дней» и всю конкретность конечной человеческой природы – как иудей, выступивший с проповедью в Галилее и распятый около 30 года н. э. на кресте. Добровольно приняв страдания и смерть, Иисус Христос как бы выкупил собою людей из плена и рабства у сил зла, которым они предали себя в акте «грехопадения». Поэтому другое имя Иисуса – Спаситель.

ИЛУ, Ил, Элим, в Угарите и Финикии верховный бог, демиург и первопредок.

ИМИР, в скандинавской мифологии первое человекоподобное (двуполое) существо, великан, из тела которого создан мир (сходные образы индийский ПУРУША, китайский ПАНЬГУ).

ИНАННА, в шумерской мифологии богиня плодородия, плотской любви и распри. В Аккаде ей соответствовала Иштар.

ИНАРИ, в японской мифологии божество земледелия и пищи, бог

«пяти злаков», «рисовый человек».

ИНДРА, в древнеиндийской мифологии бог грома и молнии, глава богов. Он мужествен, воинствен, победоносен. Участвует во многих сражениях против демонов или против чуждых ариям племен. Сражается с демоном Вритрой за солнце и побеждает.

ИНКАРРИ, в мифологии индейцев кечуа демиург. Родился от солнца и смертной женщины. Создал всё, что есть на земле.

ИНТИ, в мифологии кечуа солнечное божество, тройственное в едином диске-лике, под тремя именами: Апу Инти («солнце»), Чури Инти («сын-солнце») и Уаке Инти («брат-солнце»). Верховный инка считался сыном солнца.

ИСИГАМИ, в японской мифологии класс божеств камня. Круглые камни считались у японцевместилищем души, камни причудливой формы, каменные копья, ножи – воплощением бога.

ИСИДА, в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности, семейной верности, богиня мореплавания. Сестра ОСИРИСА, мать ГОРА.

ИСИКОРИДОМЭ, в японской мифологии богиня – «литейщица».

ИСТАР, Иштар, в аккадской мифологии центральное женское божество, соответствует шумерской ИНАННЕ.

ИЦАМНА, в мифологии майя одно из главных божеств, повелитель неба, древнее олицетворение мироздания, затем вулканических извержений, землетрясений, дождей, росы. Почитался в разных обликах: дракон, старик.

ИШ-ЧЕЛЬ, в мифах майя богиня луны, покровительница ткачества, медицинских знаний и деторождения; считалась супругом ИЦАМНЫ. В жертву ей приносили красивых девушек.

ИАММУ, в угарито-финикийской мифологии властелин водной стихии, бог моря.

ИИМА, Иама, в иранской мифологии первопредок человечества, культурный герой, создатель благ цивилизации, владыка мира в эпоху тысячелетнего золотого века.

КАГУЦУТИ, в японской мифологии бог огня, сын ИДЗАНАКИ и ИДЗАНАМИ.

КАЛИ, в индуистской мифологии одна из ипостасей Деви, жены ШИВЫ, олицетворение грозного, аспекта его божественной энергии шакти. Четырехрукая Кали – потребительница демонов. Ее культ восходит к неарийским истокам, особо распространен в Бенгалии.

КАМА, в древнеиндийской мифологии бог любви, сын прекрасной

богини Лакшми (античные параллели ЭРОТ, АМУР).

КАССАНДРА, в греческой мифологии дочь царя Приама, пророчица. АПОЛЛОН, домогавшийся ее любви, за то, что она не ответила ему взаимностью, сделал так, что ее предсказаниям перестали верить.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ, у индейцев Центральной Америки одно из главных божеств, бог-творец мира, создатель человека и культуры, владыка стихий, бог утренней звезды, близнецов. Почитался в образе «оперенной змеи» или в виде бородатого человека в маске с огромными губами.

КИБЕЛА, в греческой мифологии богиня фригийского происхождения, близкая по своим функциям богине Рее, титаниде, дочери Урана и ГЕИ.

КОЯАМАМА, в мифах кечуя божество моря.

КРИШНА, в индуистской мифологии восьмое воплощение аватара, бога ВИШНУ. Цвет тела Кришны – темно-лиловый или темно-синий сравнивается с цветом дождевой тучи, несущей освобождение от смертоносной жары. Хотя он защитник, но неподвластен человеческим нормам, ему присущи и недобрые чувства.

КРОНОС, Крон, в греческой мифологии один из титанов, сын Урана и ГЕИ. Отец ЗЕВСА. Народная этимология сблизилась имя Кроноса с наименованием времени – Хроносом. В римской мифологии известен как Сатурн, символ неумолимого времени.

КУКУЛЬКАН, в мифах майя божество ветра, податель дождей, бог планеты Венера, утренней звезды. Изображался в виде змея, оперенного перьями самой красивой птицы Америки кецала, с человеческой головой. У тольтеков сливался с образом КЕЦАЛЬКОАТЛЯ.

КУПИДОН, в римской мифологии божество любви, сильной страсти. Соответствует римскому же АМУРУ и греческому ЭРОТУ.

ЛАКШМИ, в индийской мифологии богиня счастья, богатства и красоты. Другое ее имя Шри (богиня плодородия и изобилия до того, как два образа слились). По одной из версий, Лакшми возникла в самом начале творения, всплыв из первозданных вод на цветке лотоса. Она супруга ВИШНУ, а вместе они воплощают основные начала и стихии бытия.

ЛАХАМА, в шумерской мифологии демоны водной стихии, созданные богом ЭНКИ. В аккадском эпосе Лахму и Лахаму – чудовища-божества, дети первозданной стихии – Апсу и Тиамат.

ЛЕТО, в греческой мифологии дочь титанов Коя и Фебы, родившая от ЗЕВСА АПОЛЛОНА и АРТЕМИДУ. Божество догреческого происхождения, прославлялась как мать и жена.

ЛИБЕР, в римской мифологии древний бог плодородия и оплодотворяющей силы, затем виноградарства. Его отождествляли с

Вакхом, ДИОНИСОМ.

ЛОКИ, в скандинавской мифологии бог из асов, изобретательный и находчивый насмешник над богами, хитрец; отрицательный вариант культурного героя (положительный – ОДИН), с которым Локи заключил кровное братство.

ЛУН, в китайской мифологии фантастическое существо, дракон, олицетворение земли-воды-неба. Воплощение светлой, мужской силы «ян»; доброе существо, его появление рассматривается как благоприятный знак.

ЛУН-ВАН, в китайской мифологии хозяин водной стихии, глава драконов – лун.

ЛЮ ХАЙ, в китайской мифологии бог монет, входящий в свиту бога богатства ЦАЙ-ШЭНЬ.

МААТ, в египетской мифологии богиня истины и порядка. Считалась женой бога мудрости ТОТА, иногда – ПТАХА. Большую роль играла в загробном суде ОСИРИСА.

МАЙЯ, в ведической мифологии способность к перевоплощению, свойственная сверхъестественным персонажам; иллюзия обман. Позднее Майя – божественная женщина небесного происхождения, иногда отождествляемая с Дургой, одной из ипостасей супруги ШИВЫ.

МАНУ, в древнеиндийской мифологии первопредок, прародитель людей. Сын солнечного божества Вивасвата и брат ЯМЫ. После потопа Ману остался на земле один.

МАРДУК, центральное божество вавилонского пантеона, бог-покровитель Вавилона. Со временем стал вбирать черты шумерских богов ЭНКИ, АНА и ЭНЛИЛЯ, а в аккадском эпосе становится богом, во всем превосходящим поколения других божеств.

МАРС, один из древнейших богов Италии и Рима, входил в триаду богов, первоначально возглавлявших римский пантеон (Юпитер, Марс и Квисин). Считался божеством плодородия и растительности, и богом дикой природы, и богом войны. Ему был посвящен март – первый месяц древнего календаря, когда совершался обряд изгнания зимы («старого Марса»). В могущественной Римской империи – суровый бог войны.

МАРСИЙ, в греческой мифологии сатир, родом из Фригии. Древнее божество круга Кибелы, вытесненное АПОЛЛОНОМ.

МАРТАНДА, в древнеиндийской мифологии один из сыновей АДITI, солнечное божество; его рождения и умирания связаны с восходом и заходом светила.

МАТЬ-ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА, первая великая богиня у большинства древних племен.

МАХАДЕВИ, в индуистской мифологии великая богиня, жена бога **ШИВЫ**. Почитание ее восходит к культу богини-матери. В своей благой ипостаси она известна под именами Парвати, Ума («светлая»), Гаури («белая»), Джаганмата («мать мира»), Анапурна («богатая пропитанием»), в грозной – как Дурга, Кали («черная»), Чанди («гневная») и некоторые другие.

МЕРКУРИЙ, в римской мифологии бог торговли, отождествлявшийся с **ГЕРМЕСОМ**. Как бог прибыли и обогащения обычно изображался с кошельком и часто объединялся с Фортуной, нося титул «счастливый».

МЕРТ, в египетской мифологии богиня музыки и пения.

МЕТИДА, Метис, в греческой мифологии океанида, дочь Океана и Тефиды, мудрая богиня, первая супруга **ЗЕВСА**.

МИМИР, в скандинавской мифологии великан, таинственный хозяин источника мудрости, находящегося у корней мирового дерева. В источнике хранится глаз **ОДИНА**, который он отдал за мудрость.

МИН, в египетской мифологии бог плодородия, «производитель урожаев». Фаллическое божество. С Мином отождествлялся повелитель вод Себек.

МИНЕРВА, в римской мифологии богиня – покровительница ремёсел и искусств. Позже была отождествлена с Афиной, что сообщило ей черты богини мудрости, войны и городов.

МИТРА, древнеиранский мифологический персонаж, связанный с идеей договора, а также выступающий как бог солнца.

МИТРА, в ведийской мифологии бог, связанный с договором, людьми, солнцем. Сын богини **АДИТИ**. Он бог дружбы и милосердия к людям, он также господин истины, карает за грехи.

МНЕМОЗИНА, в греческой мифологии богиня памяти, дочь Урана и **ГЕИ**, титанида. Родила от **ЗЕВСА** муз – девять дочерей.

МОЙРЫ, в греческой мифологии богини судьбы, повинуются только **ЗЕВСУ**.

МОКОШЬ, в восточнославянской мифологии единственное женское божество древнерусского пантеона, чей идол в Киеве стоял на вершине холма рядом с кумирами **ПЕРУНА** и других божеств. Покровительница, женщин и женских работ, домашнего очага, целительница. Близка греческим мойрам, прядущим нити судьбы.

МОЛЕХ, Молох, божество (или сам ритуал) в Древней Палестине, Финикии и Карфагене, которому приносились человеческие жертвы верховным богам.

МУЛУНГУ, Мурунгу, Мунгу, первопредок и громовник в мифах банту

язычных народов Восточной Африки.

МУММУ, в аккадской мифологии советник божества-прародителя Апсу. ЭНКИ, убив Мумму, берет себе его ауру – «лучи сияния» и присваивает тем самым его сущность и имя.

МУТ, в египетской мифологии богиня неба, жена АМОНА-РА и мать Хонсу, бога луны, «мать матерей».

МУТУ, Мот, в угаритских мифах бог смерти и подземного царства мертвых, воплощение хаоса, насылающий засуху и бесплодие; главный противник БАЛУ.

НАБУ, в аккадской мифологии бог писцового искусства и мудрости, покровитель писцов. К рангу высших божеств причисляется и как писец таблиц судеб.

НАГУАЛЬ, в мифах ацтеков дух-двойник, покровитель новорожденного. Обычно его представляли в виде какого-либо животного. Следы на песке, рассыпанном у хижины ребенка, указывали утром на то или иное животное.

НАММУ, в шумерской мифологии богиня-прародительница, «мать, создавшая небо и землю», «мать, давшая жизнь всем богам». Возможно, олицетворение мировых подземных вод.

НАННА, Наннар, в шумеро-аккадской мифологии лунное божество, «тот, чей подъем сияние». Первенец ЭНЛИЛЯ и Нинлиль, рожденный в подземном царстве. Солнечный бог Уту – его сын.

НАРАЯНА, в древнеиндийской мифологии мировой дух, идентичный ПУРУШЕ. В ведийских гимнах еще не встречается, возможно, был неарийским божеством.

НАУНЕТ, в египетской мифологии богиня, олицетворяющая небо, по которому солнце плавает ночью. Рождена супругом НУНОМ, первозданным водным хаосом.

НЕПРИ, Непери, в египетской мифологии бог зерна. Изображался толстым человеком, тело которого разрисовано или увито колосьями. Был связан с загробным культом: олицетворяя семя, которое, будучи посеянным, всходит, он помогает умершему возродиться. Считался также богом пива, необходимым при ритуальных возлияниях.

НЕПТУН, один из древнейших римских богов. Всегда был связан с водой, морем и отправлявшимися в морские странствия. Отождествлялся с ПОСЕЙДОНОМ.

НЕРГАЛ, в шумеро-аккадской мифологии бог – владыка подземного царства, супруг богини этого царства Эрешкигаль.

НЕРЕЙ, в греческой мифологии божество моря, «морской старец».

Сын ГЕИ и Понта, отец nereид. Ненавидит ложь и дает добрые советы, обладает даром прорицания.

НЕФЕРТУМ, в египетской мифологии бог растительности. Изображался юношей в головном уборе из цветка лотоса – символа рождения и процветания.

НЕФТИС, Нефтида (греч.), в египетской мифологии младшая из детей Геба и НУТ. Считалась женой СЕТА. Выступает вместе с ИСИДОЙ в мистериях ОСИРИСА.

НЕХЕБТ, в египетской мифологии богиня царской власти.

НИМФЫ, в греческой мифологии божества природы, ее живительных и плодоносных сил.

НИНГИРСУ, в шумеро-аккадской мифологии бог сначала города Гирсу, затем Лагаша. Сын ЭНЛИЛЯ. Он «владыка земледелия», «верховный пахарь Энлиля»; следит за порядком на полях и каналах, победитель демонов и чудовищ.

НИНГИШЗИДА, в шумерской мифологии внук владычицы подземного царства Эрешкигаль, сторож злых демонов.

НИНЛИЛЬ, в шумеро-аккадской мифологии супруга ЭНЛИЛЯ. Возможно, первоначально – одна из ипостасей богини-матери. Милостивая богиня, смягчающая нрав своего грозного супруга.

НИНМАХ, в шумеро-аккадской мифологии богиня-мать. Выступает как создательница людей.

НИНХУРСАГ, в шумеро-аккадской мифологии встречается уже в ранних списках богов. Ее постоянные эпитеты «мать всех богов». Она обладает чудодейственными знаниями и ритуалами и способствует появлению божеств. Вместе с богом ЭНКИ они выступают как божества плодородия.

НУН, в египетской мифологии олицетворение первозданного водного хаоса, изначальное космическое божество. Нун и его жена Наунет (олицетворение неба, по которому солнце плавает ночью) – первая пара богов, от которых произошли все боги.

НУТ, в египетской мифологии богиня неба, «мать звезд» и солнца – РА. Она ежедневно их проглатывает и рождает снова. Олицетворяет высокое небо, космос.

НЬЁРД, в скандинавской мифологии олицетворение ветра и морской стихии, а также плодородия. Отец ФРЕЙРА и ФРЕЙИ.

НЬЯМЕ, Оньяме, у народа ашанти бог неба. Его супруга – богиня земли Асасе Афуа.

НЮЙВА, в древнекитайской мифологии венское божество, дух дождя

с телом змеи и человеческой головой, символ «инь». Создательница людей из глины.

ОДИН, в скандинавской мифологии верховный бог, соответствующий Водану (Вотану) у континентальных германцев. Он глава пантеона богов, первый и главный ас, бог неба и покровитель воинских союзов, а также бог-колдун.

ОКЕАН, в греческой мифологии божество одноименной реки, омывающей землю. Титан, сын Урана и ГЕИ, брат и супруг Тефиды, с которой он породил три тысячи дочерей – океанид и три тысячи сыновей – речных потоков.

О-КУНИНУСИ, в японской мифологии земное божество, считается потомком бога СУСАНОО в шестом поколении. Добрый гуманный бог, всегда добивающийся успеха.

ОМЕТЕКУТЛИ, в мифологии ацтеков владыка мира. Его главное воплощение – первопредки людей Тонакатекутли («владыка нашего существования») и его жена Тонакасиуатль.

ОМЕТЕОТЛЬ, один из великих древних и загадочных богов нагуа (ацтеков). Он и мать, и отец богов; он – везде.

ОРК, Оркус, в римской мифологии божество смерти, а также сам царство мертвых. Соответствует греческому Аиду.

ОРЫ, в греческой мифологии божества времен года и государственного распорядка.

ОСИРИС, в египетской мифологии бог производительных сил природы и плодородия, умирающий и воскресающий бог, а также бог мертвых и царь загробного мира и верховный судья в нем. Старший сын бога земли Геба и богини неба НУТ, брат и муж ИСИДЫ, отец ГОРА.

О-ЯМАЦУМИ, в японской мифологии небесное горное божество, рожденное ИДЗАНАКИ и ИДЗАНАМИ. Управляет всеми земными горными божествами, например вулканическими.

ПАН, в греческой мифологии божество стад, лесов и полей, охотников и пастухов. Сын ЗЕВСА и нимфы Гибрис. В римской мифологии ему соответствовали два божества – Фавн (покровитель стад) и Сильван (демон лесов).

ПАНЬГУ, в древнекитайской мифологии первопредок, первый человек на земле. С ним связывается происхождение явлений природы.

ПАНЬГУАНЬ, в китайской народной мифологии божество, ведающее судьбами людей. Он преуспевает как в гражданских, так и в военных делах. На народных картинах его рисовали с обнаженным большим животом – символом полного довольства, а изображения вешали на створках дверей,

защищая дом от напасти.

ПАРАШУРАМА, в индийской мифологии шестая аватара (воплощение) бога ВИШНУ – «Рама с топором», миссия которого состояла в избавлении брахманов от владычества касты воинов – кшатриев.

ПАРВАТИ, в индуистской мифологии одна из ипостасей Деви, жены ШИВЫ.

ПАЧАКАМАК, верховный бог индейцев побережья Перу, «держатель вселенной».

ПАЧАМАМА, у индейцев побережья Перу прародительница рода человеческого, супруга ПАЧАКАМАКА.

ПЕРУН, в славянской мифологии бог грозы, небесный бог, власть которого простирается и на землю.

ПЛУТОН, в греческой мифологии одно из имен владыки царства мертвых Аида.

ПЛУТОС, в греческой мифологии бог богатства, сын ДЕМЕТРЫ. Дарует людям обилие запасов и стад. Иногда отождествляли Плутоса и Плутона (так как божество мертвых мыслилось как обладатель несметных подземных богатств).

ПОНТ, в греческой мифологии древнейший повелитель морей, сын богини земли ГЕИ.

ПОСЕЙДОН, в греческой мифологии один из главных олимпийских богов, владыка моря, сын Кроноса и Реи, брат ЗЕВСА и Аида, с которым он поделил господство над миром. В римской мифологии отождествлялся с Нептуном.

ПРАДЖАПАТИ, в древнеиндийской мифологии божество – творец всего сущего. Он возник как золотой зародыш, стал единственным господином творения.

ПРИТХИВИ, в древнеиндийской мифологии древнейшее божество – олицетворенная земля. Прославляется вместе с Дьяусом-небом.

ПРОМЕТЕЙ, в греческой мифологии сын титана Иапета, двоюродный брат ЗЕВСА. Имеет черты доолимпийского божества, покровительствует роду людей, создателем которых он являлся. Обладает могучим даром предвидения (так переводится и его имя).

ПТАХ, Пта, в египетской мифологии демиург, создавший первых восемь богов, мир и всё в нем существующее «языком и сердцем», творец духовного мира.

ПУРУША, в древнеиндийской мифологии первочеловек, из которого возникли элементы космоса, вселенская душа, «Я». Он также вечное, сознающее, но инертное начало, соединяющееся с пракрити, первоначалом,

в результате чего возникает мир, начинается эволюция.

РА, РЭ, в египетской мифологии бог солнца. Ра называют дневным солнцем (Атум – вечернее, Хепри – утреннее). Создатель мира и людей (возникших из его слез), отец богов.

РАМА, в индуистской мифологии седьмая аватара (воплощение) ВИШНУ.

РЕЯ, в греческой мифологии древняя богиня, титанида, дочь Урана и ГЕИ, супруга Кроноса, родившая ЗЕВСА, ПОСЕЙДОНА, АИДА, ДЕМЕТРУ, ГЕРУ.

РОД, древнерусское мифологическое божество, воплощающее единство. Упоминается вслед за главными богами вместе с женскими персонажами – рожаницами, покровительницами женщин, новорожденных, которым эти божества определяют долю, судьбу.

РУДРА, в древнеиндийской мифологии божество, персонифицирующее грозу, ярость, гнев. С ним связывают понятие жизненной силы, хотя он связан со смертью, но может ее и предотвращать.

САВИТАР, в индийской мифологии солнечное божество; управляет миром, приводит в порядок землю и укрепляет небо, дает свет, распределяет счастье и богатство людям.

САРАМАМА, в мифологии кечуа женское божество, покровительница кукурузы.

САРАСВАТИ, в древнеиндийской мифологии река (главная для ариев) и ее богиня. Она благодатна, полноводна, ее поток величием превосходит все другие воды. Она также богиня священной сечи, мудрости, изобретательница санскрита и алфавита деванагари.

САТУРН, один из древнейших римских богов, научивший людей земледелию и цивилизованной жизни. Отождествлялся с греческим Кроносом. СВАРОГ, в славянской мифологии бог огня. Особо тесные связи соединяли его с ДАЖЬБОГОМ, названным его сыном.

СЕБЕК, в египетской мифологии бог воды и разлива Нила.

СЕЛЕНА, в греческой мифологии олицетворение луны, дочь титана Гипериона, сестра бога солнца Гелиоса и богини зари Эос. В римской мифологии ей соответствует Диана.

СЕМАРГЛ, в восточнославянской мифологии покровитель растительности и плодородия.

СЕТ, Сетх, в египетской мифологии бог «чужих стран» – пустыни, олицетворение этого начала, один из четырех детей бога неба Геба и богини неба Нут (ОСИРИС, ИСИДА, СЕТ и Нефтида – она же супруга Сета), предводитель чудовищ, врагов РА, убийца ОСИРИСА.

СЕХМЕТ, богиня войны и палящего солнца, дочь РА, его грозное Око. Жена ПТАХА, мать Нефертума. Отождествлялась с Хатор.

СИБ, в скандинавской мифологии богиня, обладающая чудесными золотыми волосами (символ плодородия), жена ТОРА.

СИ-ВАНМУ, в древнекитайской мифологии женское божество, хозяйка Запада, обладательница снадобья бессмертия.

СИЛЬВАН, в римской мифологии первоначально бог лесов и дикой природы; отождествлялся с ПАНОМ.

СИНТЕОТЛЬ, в мифах ацтеков божество молодой кукурузы, сын ТЛАСОЛЬТЕОТЛЬ.

СИХЭ, в древнекитайской мифологии мать и одновременно возница солнц. Супруга ДИ-ЦЗЮНЯ, бога-первопредка.

СКАНДА, в древнеиндийской мифологии воинственный бог, сын ШИВЫ, шестиголовый, с двенадцатью руками и ногами возглавляет войнство богов в сражении с асурами, демонами.

СОМА, в древнеиндийской мифологии божественный напиток и божество этого напитка, а позже и луны.

СПЕНТА-МАЙНЬЮ, в иранской мифологии одно из божеств Амеша Спента. Он создает благую часть мира, а его брат-близнец АНГРО-МАЙНЬЮ – злую. Считается также духом-творцом, вдохновлявшим Заратуштру. Функционально близок ветхозаветному Духу Святому.

СРАОША, в иранской мифологии дух религиозного послушания и порядка. Благовестник, посланец АХУРА МАЗДЫ.

СТРИБОГ, в восточнославянской мифологии божество ветра.

СУД, в славянской мифологии существо, управляющее судьбой, суденица – женская параллель.

СУРА, в древнеиндийской мифологии: 1) олицетворение хмельного напитка – Сура-деви или Варуни, жена или дочь ВАРУНЫ. Вышла из океана и была принята богами, но была отвергнута сыновьями, которые с тех пор стали называться асурами («не принимающими суру»); 2) эпитет богов, начиная с «Упанишад», сура – а-с («бог» – «не-бог»).

СУРЬЯ, в древнеиндийской мифологии: 1) солнечное божество, всевидящее око богов, особенно глаз МИТРЫ и ВАРУНЫ, иногда АГНИ. Отец Сурьи – Дьяус, мать – АДИТИ. 2) Сурья – дочь солнечного божества Сурьи или Саритара, бога света.

СУСАНОО, в японской мифологии божество, рожденное ИДЗАНАКИ из капель воды, омывших его нос по возвращении из царства мертвых. Он олицетворяет бурю и водную стихию, бурю и ветер, иногда плодородие. Брат и супруг АМАТЭРАСУ.

СЯНЬ, в китайской мифологии разряд святых, людей и небожителей.

ТАРТАР, в греческой мифологии первоначально означал понятие пространства, находящегося в самой глубине космоса, ниже аида; в нем залегают корни земли и моря, все концы и начала. Этой великой бездны страшатся даже боги. Позднее был олицетворен как один из четырех первоэлементов, наряду с Хаосом, ГЕЕЙ и ЭРОСОМ.

ТВАШТАР, в древнеиндийской мифологии бог-демиург, творец всех существ и форм, «прекраснорукий». Выковал для ИНДРЫ палицу-ваджру и колесницу; для напитка сомы – чудесную чашу – луну.

ТЕСКАТЛИПОКА, одно из трех главных божеств у идейцев Центральной Америки, вобравшее в себя черты многих древнейших богов; главный бог нагуа и майя. Его братья – КЕЦАЛЬКОАТЛЬ, УИЦИЛОПОЧТЛИ и Шипе-Тотека. Он считался как благодетельным, так и зловредным божеством: он был богом – творцом мира и его разрушителем, всезнающим и вездесущим, беспощадным, полным неожиданностей. Самой древней ипостасью Тескатлипоки был чернолицый бог пещер, землетрясений, вулканов.

ТЕФНУТ, в египетской мифологии богиня влаги. Ее земное воплощение – львица. Тефнут и ее муж Шу, бог воздуха, – первая пара богов-близнецов, порожденных РА. Их дети – Геб (земля) и НУТ (небо).

ТИАМАТ, в аккадской мифологии воплощение первозданного хаоса. Вместе со своим супругом Апсу (мировым подземным океаном пресных вод) создает первых богов-чудовищ Лахму и Лахаму.

ТИТАНЫ, в греческой мифологии боги первого поколения, рожденные землей ГЕЕЙ и небом Ураном.

ТИФОН, в греческой мифологии чудовищный сын ГЕИ и Тартара: у него сотня драконых голов, тело человека, вместо ног извивающиеся кольца змеи.

ТЛАЛОК, в мифах ацтеков бог дождя и грома, повелитель всех съедобных растений, майя этого бога называли Чак.

ТЛАСОЛЬТЕОТЛЬ, одно из древнейших божеств Центральной Америки. В мифах ацтеков богиня земли, плодородия, покровительница съедобных растений и «пожирательница нечистот», а также владычица ночи. Считается матерью Синтеотля, бога молодой кукурузы.

ТОР, Донар, в германо-скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия, богатырь, защищающий богов и людей от великанов и чудовищ. Донара сравнивают с римским Геркулесом.

ТОТ, в египетской мифологии бог мудрости, счёта и письма. Его женой считалась богиня истины и порядка МААТ. Тоту приписывалось

создание всей интеллектуальной жизни Египта.

ТРИМУРТИ, в индуистской мифологии божественная триада **БРАХМЫ**, **ВИШНУ** и **ШИВЫ**.

ТРОИЦА, в христианских представлениях бог, сущность которого едина, но бытие – есть личностное отношение трех ипостасей: Отца – безначального Первоначала, Сына Логоса (абсолютного Смысла, воплотившегося в Иисусе Христе) и Духа Святого – «животворящего» начала.

ТЪЯЦЦИ, в скандинавской мифологии великан, отец Скади, похититель Идунн и ее золотых яблок.

ТЯНЬ-ДИ, в китайской поздней мифологии верховное божество, глава богов и духов. По существу является синонимом **ШАН-ДИ**.

УИЦИЛОПОЧТЛИ, в мифах ацтеков верховное божество. Вбирает множество качеств разных богов – голубого неба, молодого солнца, войны и охоты; культовый бог привилегированных воинов-«орлов». Ему приносились кровавые человеческие жертвы.

УМУЛЬ, в шумерском эпосе первый младенец, сотворенный богом **ЭНКИ** из глины.

УРАН, в греческой мифологии божество, олицетворяющее небо, супруг **ГЕИ**, принадлежащий к первому поколению богов.

УТУ, **Шамаш**, в шумеро-аккадской мифологии солнечный бог, сын бога луны **Нанны**, брат **ИНАННЫ** (**Иштар**). Божество всевидящего света, судья, хранитель справедливости и истины. Ночью путешествует по подземному миру, принося мертвецам свет, питье, еду. Уту – личный бог-хранитель эпических героев первой династии Урука.

УШАС, в древнеиндийской мифологии божество утренней зари.

ФАВН, в римской мифологии бог полей, лесов, пастбищ, животных.

ФАРО, в мифологии народа бамбара божество воды, громовник, демиург. Первоначально выступал духом реки Нигер.

ФЕМИДА, в греческой мифологии богиня правосудия, дочь **Урана** и **ГЕИ**, титанида, вторая законная супруга **ЗЕВСА**. По одной из версий, мать **ПРОМЕТЕЯ**.

ФЛОРА, в римской мифологии богиня цветения колосьев, цветов, садов.

ФОРТУНА, в римской мифологии богиня счастья, случая и удачи.

ФРЕЙР, в скандинавской мифологии бог, олицетворяющий растительность, урожай, богатство и мир. Сын **Ньёрда**, божества морской стихии, и брат **ФРЕЙИ**.

ФРЕЙЯ, в скандинавской мифологии богиня плодородия, любви и

красоты, считается дочерью бога морской стихии Ньёрда и сестрой ФРЕЙРА.

ФРИГГ, Фрия, в германо-скандинавской мифологии богиня, жена ОДИНА (Водана). Близка по характеристике ФРЕЙЕ; мать БАЛЬДРА.

ФУСИ, в древнекитайской мифологии первопредок и культурный герой. Он воплощает мужское начало, символ «ян». Изобрел иероглифическую письменность (вместо узелковой), научил людей рыболовству и охоте. НЮЙВА, женское начало, его сестра и, возможно, супруга.

ФЭНХУАН, в древнекитайской мифологии чудесная царь-птица, божество ветра и солнца, посланец Тянь-ди.

ХАНУМАН, в индуистской мифологии божественная обезьяна, сын бога ветра Ваю. Способен летать, менять свой облик и размеры. Читится как наставник в науках и покровитель деревенской жизни.

ХАОМА, в иранской мифологии обожествленный галлюциногенный напиток, божество, олицетворяющее этот напиток, и растение, из которого он изготавливался. Характеризуется как прекраснейшее из всего материального мира.

ХАПИ, в египетской мифологии бог Нила, податель влаги и урожая. Космическое божество. Его отец – первобытный океан НУН.

ХАТОР, Хатхор, в египетской мифологии богиня неба, жена Гора. Отождествлялась с НУТ, Сехмет. Почиталась и как богиня любви, веселья, музыки. У греков сопоставлялась с АФРОДИТОЙ.

ХЕЛЬ, в скандинавской мифологии царство мертвых и хозяйка этого царства – одно из трех чудовищ, порожденных великаншей Ангрбодой от бога ЛОКИ.

ХЕПРИ, один из древнейших богов в египетской мифологии. Во многих текстах его называют утренним, восходящим солнцем (в отличие от РА – дневного и Атума – вечернего). Как и другие солнечные божества, имел функции демиурга, но был подчинен Атуму. Воплощался в образе навозного жука, священного скарабея.

ХНУМ, в египетской мифологии бог плодородия.

ХОНСУ, в египетской мифологии бог луны, сын АМОНА и НУТ. Имел также функции бога времени и счета.

ХОРС, древнерусское божество, почитавшееся в Киеве наряду с другими богами; его идол стоял на холме, здесь же приносились ему жертвы. Связывался с солнечным культом и особо почитался дружинниками князя Владимира.

ХУАН-ДИ, в китайской мифологии олицетворение магических сил

земли, один из пяти богов, правителей сторон света, божество центра, фактически верховное небесное божество.

ХУРАКАН, в мифах индейцев киче и майя владыка грозы, ветров и ураганов.

ХЭ-ХЭ, в китайской мифологии бессмертные гении – «согласие и единение» – божества из свиты бога монет Лю Хая.

ЦАЙ-ШЭНЬ, в китайской мифологии первоначально бог богатства, а затем целая группа божеств под таким именем (гражданские и военные).

ЦЕРЕРА, древнейшая италийская и римская богиня производительных сил земли, произрастания и созревания злаков, богиня материнства и брака. Позднее сближается с **ДЕМЕТРОЙ**.

ЦУКУЁМИ, в японской мифологии божество, связанное с лунным календарем или «луной, видимой ночью». Рождено **ИДЗАНАКИ**.

ЧАК, в мифах майя бог дождя и молнии. Первоначально был богом рубки деревьев, очищения участка леса для поля (отсюда его имя – «топор»).

ЧЕРНОБОГ, в балтийско-славянской мифологии злой бог, приносящий несчастье.

ЧЖИ-НЮЙ, в древнекитайской мифологии дочь или внучка небесного правителя Тянь-ди, «небесная ткачиха»: из облаков ткала небесную парчу, создавая также ночной небосвод со звездами. Она покровительница влюбленных и прорицательница.

ЧЖУЖУН, в поздней китайской мифологии повелитель демонов, божество огня.

ШАКТИ, в индуистской мифологии творческая энергия божества, персонифицированная в его супруге. Шакти – супруга **ШИВЫ**, воплощение женской верности, а также сексуальной, плодотворящей страсти.

ШАН-ДИ, в древнекитайской мифологии и народной религии верховное божество.

ШАПАШ, в угарито-финикийской мифологии богиня солнца.

ШИВА, в индуистской мифологии один из верховных богов, входящих вместе с **БРАХМОЙ** и **ВИШНУ** в божественную триаду (триамурти). Истоки его культа уходят в глубокую древность. Он одновременно бог-создатель и бог-разрушитель, регулирующий мировой порядок.

ШИУТЕКУТЛИ, в мифах индейцев Центральной Америки бог огня и вулканов.

ШЭНЬ-НУН, в древнекитайской мифологии «божественный земледелец», с которым связывали начало земледелия, торговли, а также покровитель медицины и целитель.

ЭНКИ, Эйя, одно из главных божеств шумеро-аккадского пантеона; владыка земли, хозяин подземного мирового океана пресных вод, бог мудрости и заклинаний. Он создал первых людей и мировые ценности, хранитель основ цивилизации.

ЭНЛИЛЬ, Элليلь, один из главных богов шумеро-аккадского пантеона. Божество плодородия, жизненных сил и стихий. Занимает второе место после своего отца бога неба АНА. Он сам отец и господин почти всех главных богов.

ЭРЕШКИГАЛЬ, в шумеро-аккадской мифологии богиня – владычица подземного царства. Сестра богини ИНАННЫ.

ЭРИДА, в греческой мифологии богиня раздора, сестра бога войны АРЕСА.

ЭРОТ, Эрос, в греческой мифологии бог любви, олицетворение космических сил единения, устремленности и слияния. Одно из четырех космогонических начал наряду с Хаосом, Тартаром и ГЕЕЙ.

ЭРРА, Ирра, в аккадской мифологии бог войны и чумы.

ЭСКУЛАНУС, в римской мифологии божество медных денег.

ЮЙ, Да Юй, в древнекитайской мифологии культурный герой, впоследствии обожествленный, умиритель потопа, устроитель земель.

ЮНОНА, в римской мифологии богиня брака, материнства, женщин. Считалось, что каждая женщина имеет свою Юнону, как каждый мужчина – своего Гения. Супруга Юпитера, отождествлявшаяся с ГЕРОЙ.

ЮПИТЕР, в римской мифологии бог неба, дневного света, грозы, царь богов, соответствующий греческому ЗЕВСУ.

ЯМА, в древнеиндийской мифологии владыка царства мертвых. Вероятно, вначале Яма мыслился смертным, но добился бессмертия в борьбе с богами.

ЯНУС, в римской мифологии бог входов и выходов, всякого начала, договоров, покровитель младенцев. Почитался в двуликом образе.

ЯНЬ-ДИ, в древнекитайской мифологии бог солнца, пламени, лета, повелитель Юга. Брат ХУАН-ДИ, с которым они поделили пополам Поднебесную.

ЯРИЛА, Ярило, славянский мифологический персонаж, связанный с плодородием, весной, сексуальной силой.

ЯХВЕ, Ягве, в иудаизме произносимое имя бога. Согласно ветхозаветному преданию, было открыто богом Моисею в богоявлении при горе Хорив: «Я есмь сущий».